Валентин Катаев

Алмазный мой венец

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

«Алмазный мой венец» — роман-загадка, именуемый поклонниками мемуаров В. П. Катаева «Алмазный мой кроссворд», вызвал ожесточенные споры с момента первой публикации. Споры не утихают до сих пор.

Это издание включает первый подробный научный комментарий к «роману с ключом».

Авторы комментария пытаются разрешить споры вокруг романа, не ограничиваясь объяснениями «темных» эпизодов. Они тщательно воссоздают литературно-бытовую обстановку 1920-1930-х гг. в СССР и, распутывая хитросплетения романа, привлекают множество архивных, газетных и малоизвестных мемуарных источников.

Комментарий: Олег Лекманов, Мария Рейкина, при участии Леонида Видгофа.

- Валентин Катаев
- comments
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - 19
  - 20
  - 21
  - 22
  - 23
  - 24

- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68

- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78
- ○ 79
- ○ 80
- ○ 81
- ○ 82
- ○ 83
- ○ 84
- ○ 85
- ○ 86
- ○ 87
- ○ 88
- ○ 89
- ○ 90
- ○ 91
- ○ 92
- ○ 93
- ○ 94
- ○ 95
- ○ 96
- ○ 97
- ○ 98
- ○ 99
- ○ 100
- ○ 101
- ○ 102
- ○ 103
- ○ 104
- ○ 105
- ○ 106
- ○ 107
- ○ 108
- ○ 109
- ○ 110
- ○ 111
- ○ 112

- ○ 113
- ○ 114
- ○ 115
- ○ 116
- ○ 117
- ○ 118
- ○ 119
- ○ 120
- ○ 121
- ○ 122
- ○ 123
- ○ 124
- ○ 125
- ○ 126
- ○ 127
- ○ 128
- ○ 129
- ○ 130
- ○ 131
- ○ 132
- ○ 133
- ○ 134
- ○ 135
- ○ 136
- ○ 137
- ○ 138
- ○ 139
- ○ 140
- ○ 141
- ○ 142
- ○ 143
- ○ 144
- ○ 145
- ○ 146
- ○ 147
- ○ 148
- ○ 149
- ○ 150
- ○ 151
- ○ 152
- ○ 153
- ○ 154
- ○ 155
- ○ 156

- ○ 157
- ○ 158
- ○ 159
- ○ 160
- ○ 161
- ○ 162
- ○ 163
- ○ 164
- ○ 165
- ○ 166
- ○ 167
- ○ 168
- ○ 169
- ○ 170
- ○ 171
- ○ 172
- ○ 173
- ○ 174
- ○ 175
- ○ 176
- ○ 177
- ○ 178
- ○ 179
- ○ 180
- ○ 181
- ○ 182
- ○ 183
- ○ 184
- ○ 185
- ○ 186
- ○ 187
- ○ 188
- ○ 189
- ○ 190
- ○ 191
- ○ 192
- ○ 193
- ○ 194
- ○ 195
- ○ 196
- ○ 197
- ○ 198
- ○ 199
- ○ 200

- ○ 201
- ○ 202
- ○ 203
- ○ 204
- ○ 205
- ○ 206
- ○ 207
- ○ 208
- ○ 209
- ○ 210
- ○ 211
- ○ 212
- ○ 213
- ○ 214
- ○ 215
- ○ 216
- ○ 217
- ○ 218
- ○ 219
- ○ 220
- ○ 221
- ○ 222
- ○ 223
- ○ 224
- ○ 225
- ○ 226
- ○ 227
- ○ 228
- ○ 229
- ○ 230
- ○ 231
- ○ 232
- ○ 233
- ○ 234
- ○ 235
- ○ 236
- ○ 237
- ○ 238
- ○ 239
- ○ 240
- ○ 241
- ○ 242
- ○ 243
- ○ 244

- ○ 245
- ○ 246
- ○ 247
- ○ 248
- ○ 249
- ○ 250
- ○ 251
- ○ 252
- ○ 253
- ○ 254
- ○ 255
- ○ 256
- ○ 257
- ○ 258
- ○ 259
- ○ 260
- ○ 261
- ○ 262
- ○ 263
- ○ 264
- ○ 265
- ○ 266
- ○ 267
- ○ 268
- ○ 269
- ○ 270
- ○ 271
- ○ 272
- ○ 273
- ○ 274
- ○ 275
- ○ 276
- ○ 277
- ○ 278
- ○ 279
- ○ 280
- ○ 281
- ○ 282
- ○ 283
- ○ 284
- ○ 285
- ○ 286
- ○ 287
- ○ 288

- ○ 289
- ○ 290
- ○ 291
- ○ 292
- ○ 293
- ○ 294
- ○ 295
- ○ 296
- ○ 297
- ○ 298
- ○ 299
- ○ 300
- ○ 301
- ○ 302
- ○ 303
- ○ 304
- ○ 305
- ○ 306
- ○ 307
- ○ 308
- ○ 309
- ○ 310
- ○ 311
- ○ 312
- ○ 313
- ○ 314
- ○ 315
- ○ 316
- ○ 317
- ○ 318
- ○ 319
- ○ 320
- ○ 321
- ○ 322
- ○ 323
- ○ 324
- ○ 325
- ○ 326
- ○ 327
- ○ 328
- ○ 329
- ○ 330
- ○ 331
- ○ 332

- ○ 333
- ○ 334
- ○ 335
- ○ 336
- ○ 337
- ○ 338
- ○ 339
- ○ 340
- ○ 341
- ○ 342
- ○ 343
- ○ 344
- ○ 345
- ○ 346
- ○ 347
- ○ 348
- ○ 349
- ○ 350
- ○ 351
- ○ 352
- ○ 353
- ○ 354
- ○ 355
- ○ 356
- ○ 357
- ○ 358
- ○ 359
- ○ 360
- ○ 361
- ○ 362
- ○ 363
- ○ 364
- ○ 365
- ○ 366
- ○ 367
- ○ 368
- ○ 369
- ○ 370
- ○ 371
- ○ 372
- ○ 373
- ○ 374
- ○ 375
- ○ 376

- ○ 377
- ○ 378
- ○ 379
- ○ 380
- ○ 381
- ○ 382
- ○ 383
- ○ 384
- ○ 385
- ○ 386
- ○ 387
- ○ 388
- ○ 389
- ○ 390
- ○ 391
- ○ 392
- ○ 393
- ○ 394
- ○ 395
- ○ 396
- ○ 397
- ○ 398
- ○ 399
- ○ 400
- ○ 401
- ○ 402
- ○ 403
- ○ 404
- ○ 405
- ○ 406
- ○ 407
- ○ 408
- ○ 409
- ○ 410
- ○ 411
- ○ 412
- ○ 413
- ○ 414
- ○ 415
- ○ 416
- ○ 417
- ○ 418
- ○ 419
- ○ 420

- ○ 421
- ○ 422
- ○ 423
- ○ 424
- ○ 425
- ○ 426
- ○ 427
- ○ 428
- ○ 429
- ○ 430
- ○ 431
- ○ 432
- ○ 433
- ○ 434
- ○ 435
- ○ 436
- ○ 437
- ○ 438
- ○ 439
- ○ 440
- ○ 441
- ○ 442
- ○ 443
- ○ 444
- ○ 445
- ○ 446
- ○ 447
- ○ 448
- ○ 449
- ○ 450
- ○ 451
- ○ 452
- ○ 453
- ○ 454
- ○ 455
- ○ 456
- ○ 457
- ○ 458
- ○ 459
- ○ 460
- ○ 461
- ○ 462
- ○ 463
- ○ 464

- ○ 465
- ○ 466
- ○ 467
- ○ 468
- ○ 469
- ○ 470
- ○ 471
- ○ 472
- ○ 473
- ○ 474
- ○ 475
- ○ 476
- ○ 477
- ○ 478
- ○ 479
- ○ 480
- ○ 481
- ○ 482
- ○ 483
- ○ 484
- ○ 485
- ○ 486
- ○ 487
- ○ 488
- ○ 489
- ○ 490
- ○ 491
- ○ 492
- ○ 493
- ○ 494
- ○ 495
- ○ 496
- ○ 497
- ○ 498
- ○ 499
- ○ 500
- ○ 501
- ○ 502
- ○ 503
- ○ 504
- ○ 505
- ○ 506
- ○ 507
- ○ 508

- ○ 509
- ○ 510
- ○ 511
- ○ 512
- ○ 513
- ○ 514
- ○ 515
- ○ 516
- ○ 517
- ○ 518
- ○ 519
- ○ 520
- ○ 521
- ○ 522
- ○ 523
- ○ 524
- ○ 525
- ○ 526
- ○ 527
- ○ 528
- ○ 529
- ○ 530
- ○ 531
- ○ 532
- ○ 533
- ○ 534
- ○ 535
- ○ 536
- ○ 537
- ○ 538
- ○ 539
- ○ 540
- ○ 541
- ○ 542
- ○ 543
- ○ 544
- ○ 545
- ○ 546
- ○ 547
- ○ 548
- ○ 549
- ○ 550
- ○ 551
- ○ 552

- ○ 553
- ○ 554
- ○ 555
- ○ 556
- ○ 557
- ○ 558
- ○ 559
- ○ 560
- ○ 561
- ○ 562
- ○ 563
- ○ 564
- ○ 565
- ○ 566
- ○ 567
- ○ 568
- ○ 569
- ○ 570
- ○ 571
- ○ 572
- ○ 573
- ○ 574
- ○ 575
- ○ 576
- ○ 577
- ○ 578
- ○ 579
- ○ 580
- ○ 581
- ○ 582
- ○ 583
- ○ 584
- ○ 585
- ○ 586
- ○ 587
- ○ 588
- ○ 589
- ○ 590
- ○ 591
- ○ 592
- ○ 593
- ○ 594
- ○ 595
- ○ 596

- ○ 597
- ○ 598
- ○ 599
- ○ 600
- ○ 601
- ○ 602
- ○ 603
- ○ 604
- ○ 605
- ○ 606
- ○ 607
- ○ 608
- ○ 609
- ○ 610
- ○ 611
- ○ 612
- ○ 613
- ○ 614
- ○ 615
- ○ 616
- ○ 617
- ○ 618
- ○ 619
- ○ 620
- ○ 621
- ○ 622
- ○ 623
- ○ 624
- ○ 625
- ○ 626
- ○ 627
- ○ 628
- ○ 629
- ○ 630
- ○ 631
- ○ 632
- ○ 633
- ○ 634
- ○ 635
- ○ 636
- ○ 637
- ○ 638
- ○ 639
- ○ 640

- ○ 641
- ○ 642
- ○ 643
- ○ 644
- ○ 645
- ○ 646
- ○ 647
- ○ 648
- ○ 649
- ○ 650
- ○ 651
- ○ 652
- ○ 653
- ○ 654
- ○ 655
- ○ 656
- ○ 657
- ○ 658
- ○ 659
- ○ 660
- ○ 661
- ○ 662
- ○ 663
- ○ 664
- ○ 665
- ○ 666
- ○ 667
- ○ 668
- ○ 669
- ○ 670
- ○ 671
- ○ 672
- ○ 673
- ○ 674
- ○ 675
- ○ 676
- ○ 677
- ○ 678
- ○ 679
- ○ 680
- ○ 681
- ○ 682
- ○ 683
- ○ 684

    - 685
    - 686
    - 687
    - 688
    - 689
    - 690
    - 691
    - 692
    - 693
    - 694
    - 695
    - 696
    - 697
    - 698
    - 699
    - 700
    - 701
    - 702
    - 703
    - 704
    - 705
    - 706
    - 707
- notes
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5
    - 6
    - 7
    - 8
    - 9
    - 10
    - 11
    - 12
    - 13
    - 14
    - 15
    - 16
    - 17
    - 18
    - 19
    - 20

- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64

- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78
- ○ 79
- ○ 80
- ○ 81
- ○ 82
- ○ 83
- ○ 84
- ○ 85
- ○ 86
- ○ 87
- ○ 88
- ○ 89
- ○ 90
- ○ 91
- ○ 92
- ○ 93
- ○ 94
- ○ 95
- ○ 96
- ○ 97
- ○ 98
- ○ 99
- ○ 100
- ○ 101
- ○ 102
- ○ 103
- ○ 104
- ○ 105
- ○ 106
- ○ 107
- ○ 108

- ○ 109
- ○ 110
- ○ 111
- ○ 112
- ○ 113
- ○ 114
- ○ 115
- ○ 116
- ○ 117
- ○ 118
- ○ 119
- ○ 120
- ○ 121
- ○ 122
- ○ 123
- ○ 124
- ○ 125
- ○ 126
- ○ 127
- ○ 128
- ○ 129
- ○ 130
- ○ 131
- ○ 132
- ○ 133
- ○ 134
- ○ 135
- ○ 136
- ○ 137
- ○ 138
- ○ 139
- ○ 140
- ○ 141
- ○ 142
- ○ 143
- ○ 144
- ○ 145
- ○ 146
- ○ 147
- ○ 148
- ○ 149
- ○ 150
- ○ 151
- ○ 152

- ○ 153
- ○ 154
- ○ 155
- ○ 156
- ○ 157
- ○ 158
- ○ 159
- ○ 160
- ○ 161
- ○ 162
- ○ 163
- ○ 164
- ○ 165
- ○ 166
- ○ 167
- ○ 168
- ○ 169
- ○ 170
- ○ 171
- ○ 172
- ○ 173
- ○ 174
- ○ 175
- ○ 176
- ○ 177
- ○ 178
- ○ 179
- ○ 180
- ○ 181
- ○ 182
- ○ 183
- ○ 184
- ○ 185
- ○ 186
- ○ 187
- ○ 188
- ○ 189
- ○ 190
- ○ 191
- ○ 192
- ○ 193
- ○ 194
- ○ 195
- ○ 196

- ○ 197
- ○ 198
- ○ 199
- ○ 200
- ○ 201
- ○ 202
- ○ 203
- ○ 204
- ○ 205
- ○ 206
- ○ 207
- ○ 208
- ○ 209
- ○ 210
- ○ 211
- ○ 212
- ○ 213
- ○ 214
- ○ 215
- ○ 216
- ○ 217
- ○ 218
- ○ 219
- ○ 220
- ○ 221
- ○ 222
- ○ 223
- ○ 224
- ○ 225
- ○ 226
- ○ 227
- ○ 228
- ○ 229
- ○ 230
- ○ 231
- ○ 232
- ○ 233
- ○ 234
- ○ 235
- ○ 236
- ○ 237
- ○ 238
- ○ 239
- ○ 240

- ○ 241
- ○ 242
- ○ 243
- ○ 244
- ○ 245
- ○ 246
- ○ 247
- ○ 248
- ○ 249
- ○ 250
- ○ 251
- ○ 252
- ○ 253
- ○ 254
- ○ 255
- ○ 256
- ○ 257
- ○ 258
- ○ 259
- ○ 260
- ○ 261
- ○ 262
- ○ 263
- ○ 264
- ○ 265
- ○ 266
- ○ 267
- ○ 268
- ○ 269
- ○ 270
- ○ 271
- ○ 272
- ○ 273
- ○ 274
- ○ 275
- ○ 276
- ○ 277
- ○ 278
- ○ 279
- ○ 280
- ○ 281
- ○ 282
- ○ 283
- ○ 284

- ○ 285
- ○ 286
- ○ 287
- ○ 288
- ○ 289
- ○ 290
- ○ 291
- ○ 292
- ○ 293
- ○ 294
- ○ 295
- ○ 296
- ○ 297
- ○ 298
- ○ 299
- ○ 300
- ○ 301
- ○ 302
- ○ 303
- ○ 304
- ○ 305
- ○ 306
- ○ 307
- ○ 308
- ○ 309
- ○ 310
- ○ 311
- ○ 312
- ○ 313
- ○ 314
- ○ 315
- ○ 316
- ○ 317
- ○ 318
- ○ 319
- ○ 320
- ○ 321
- ○ 322
- ○ 323
- ○ 324
- ○ 325
- ○ 326
- ○ 327
- ○ 328

- ○ 329
- ○ 330
- ○ 331
- ○ 332
- ○ 333
- ○ 334
- ○ 335
- ○ 336
- ○ 337
- ○ 338
- ○ 339
- ○ 340
- ○ 341
- ○ 342
- ○ 343
- ○ 344
- ○ 345
- ○ 346
- ○ 347
- ○ 348
- ○ 349
- ○ 350
- ○ 351
- ○ 352
- ○ 353
- ○ 354
- ○ 355
- ○ 356
- ○ 357
- ○ 358
- ○ 359
- ○ 360
- ○ 361
- ○ 362
- ○ 363
- ○ 364
- ○ 365
- ○ 366
- ○ 367
- ○ 368
- ○ 369
- ○ 370
- ○ 371
- ○ 372

- ○ 373
- ○ 374
- ○ 375
- ○ 376
- ○ 377
- ○ 378
- ○ 379
- ○ 380
- ○ 381
- ○ 382
- ○ 383
- ○ 384
- ○ 385
- ○ 386
- ○ 387
- ○ 388
- ○ 389
- ○ 390
- ○ 391
- ○ 392
- ○ 393
- ○ 394
- ○ 395
- ○ 396
- ○ 397
- ○ 398
- ○ 399
- ○ 400
- ○ 401
- ○ 402
- ○ 403
- ○ 404
- ○ 405
- ○ 406
- ○ 407
- ○ 408
- ○ 409
- ○ 410
- ○ 411
- ○ 412
- ○ 413
- ○ 414
- ○ 415
- ○ 416

- ○ 417
- ○ 418
- ○ 419
- ○ 420
- ○ 421
- ○ 422
- ○ 423
- ○ 424
- ○ 425
- ○ 426
- ○ 427
- ○ 428
- ○ 429
- ○ 430
- ○ 431
- ○ 432
- ○ 433
- ○ 434
- ○ 435
- ○ 436
- ○ 437
- ○ 438
- ○ 439
- ○ 440
- ○ 441
- ○ 442
- ○ 443
- ○ 444
- ○ 445
- ○ 446
- ○ 447
- ○ 448
- ○ 449
- ○ 450
- ○ 451
- ○ 452
- ○ 453
- ○ 454
- ○ 455
- ○ 456
- ○ 457
- ○ 458
- ○ 459
- ○ 460

- ○ 461
- ○ 462
- ○ 463
- ○ 464
- ○ 465
- ○ 466
- ○ 467
- ○ 468
- ○ 469
- ○ 470
- ○ 471
- ○ 472
- ○ 473
- ○ 474
- ○ 475
- ○ 476
- ○ 477
- ○ 478
- ○ 479
- ○ 480
- ○ 481
- ○ 482
- ○ 483
- ○ 484
- ○ 485
- ○ 486
- ○ 487
- ○ 488
- ○ 489
- ○ 490
- ○ 491
- ○ 492
- ○ 493
- ○ 494
- ○ 495
- ○ 496
- ○ 497
- ○ 498
- ○ 499
- ○ 500
- ○ 501
- ○ 502
- ○ 503
- ○ 504

- ○ 505
- ○ 506
- ○ 507
- ○ 508
- ○ 509
- ○ 510
- ○ 511
- ○ 512
- ○ 513
- ○ 514
- ○ 515
- ○ 516
- ○ 517
- ○ 518
- ○ 519
- ○ 520
- ○ 521
- ○ 522
- ○ 523
- ○ 524
- ○ 525
- ○ 526
- ○ 527
- ○ 528
- ○ 529
- ○ 530
- ○ 531
- ○ 532
- ○ 533
- ○ 534
- ○ 535
- ○ 536
- ○ 537
- ○ 538
- ○ 539
- ○ 540
- ○ 541
- ○ 542
- ○ 543
- ○ 544
- ○ 545
- ○ 546
- ○ 547
- ○ 548

- ○ 549
- ○ 550
- ○ 551
- ○ 552
- ○ 553
- ○ 554
- ○ 555
- ○ 556
- ○ 557
- ○ 558
- ○ 559
- ○ 560
- ○ 561
- ○ 562
- ○ 563
- ○ 564
- ○ 565
- ○ 566
- ○ 567
- ○ 568
- ○ 569
- ○ 570
- ○ 571
- ○ 572
- ○ 573
- ○ 574
- ○ 575
- ○ 576
- ○ 577
- ○ 578
- ○ 579
- ○ 580
- ○ 581
- ○ 582
- ○ 583
- ○ 584
- ○ 585
- ○ 586
- ○ 587
- ○ 588
- ○ 589
- ○ 590
- ○ 591
- ○ 592

- ○ 593
- ○ 594
- ○ 595
- ○ 596
- ○ 597
- ○ 598
- ○ 599
- ○ 600
- ○ 601
- ○ 602
- ○ 603
- ○ 604
- ○ 605
- ○ 606
- ○ 607
- ○ 608
- ○ 609
- ○ 610
- ○ 611
- ○ 612
- ○ 613
- ○ 614
- ○ 615
- ○ 616
- ○ 617
- ○ 618
- ○ 619
- ○ 620
- ○ 621
- ○ 622
- ○ 623
- ○ 624
- ○ 625
- ○ 626
- ○ 627
- ○ 628
- ○ 629
- ○ 630
- ○ 631
- ○ 632
- ○ 633
- ○ 634
- ○ 635
- ○ 636

- ○ 637
- ○ 638
- ○ 639
- ○ 640
- ○ 641
- ○ 642
- ○ 643
- ○ 644
- ○ 645
- ○ 646
- ○ 647
- ○ 648
- ○ 649
- ○ 650
- ○ 651
- ○ 652
- ○ 653
- ○ 654
- ○ 655
- ○ 656
- ○ 657
- ○ 658
- ○ 659
- ○ 660
- ○ 661
- ○ 662
- ○ 663
- ○ 664
- ○ 665
- ○ 666
- ○ 667
- ○ 668
- ○ 669
- ○ 670
- ○ 671
- ○ 672
- ○ 673
- ○ 674
- ○ 675
- ○ 676
- ○ 677
- ○ 678
- ○ 679
- ○ 680

- ○ 681
- ○ 682
- ○ 683
- ○ 684
- ○ 685
- ○ 686
- ○ 687
- ○ 688
- ○ 689
- ○ 690
- ○ 691
- ○ 692
- ○ 693
- ○ 694
- ○ 695
- ○ 696
- ○ 697
- ○ 698
- ○ 699
- ○ 700
- ○ 701
- ○ 702
- ○ 703
- ○ 704
- ○ 705
- ○ 706
- ○ 707
- ○ 708
- ○ 709
- ○ 710
- ○ 711
- ○ 712
- ○ 713
- ○ 714
- ○ 715
- ○ 716
- ○ 717
- ○ 718
- ○ 719
- ○ 720
- ○ 721
- ○ 722
- ○ 723
- ○ 724

- ○ 725
- ○ 726
- ○ 727
- ○ 728
- ○ 729
- ○ 730
- ○ 731
- ○ 732
- ○ 733
- ○ 734
- ○ 735
- ○ 736
- ○ 737
- ○ 738
- ○ 739
- ○ 740
- ○ 741
- ○ 742
- ○ 743
- ○ 744
- ○ 745
- ○ 746
- ○ 747
- ○ 748
- ○ 749
- ○ 750
- ○ 751
- ○ 752
- ○ 753
- ○ 754
- ○ 755
- ○ 756
- ○ 757
- ○ 758
- ○ 759
- ○ 760
- ○ 761
- ○ 762
- ○ 763
- ○ 764
- ○ 765
- ○ 766
- ○ 767
- ○ 768

- ○ 769
- ○ 770
- ○ 771
- ○ 772
- ○ 773
- ○ 774
- ○ 775
- ○ 776
- ○ 777
- ○ 778
- ○ 779
- ○ 780
- ○ 781
- ○ 782
- ○ 783
- ○ 784
- ○ 785
- ○ 786
- ○ 787
- ○ 788
- ○ 789
- ○ 790
- ○ 791
- ○ 792
- ○ 793
- ○ 794
- ○ 795
- ○ 796
- ○ 797
- ○ 798
- ○ 799
- ○ 800
- ○ 801
- ○ 802
- ○ 803
- ○ 804
- ○ 805
- ○ 806
- ○ 807

Валентин Катаев
Алмазный мой венец{1}

…таким образом, оставив далеко и глубоко внизу февральскую вьюгу, которая лепила мокрым снегом в переднее стекло автомобиля, где с трудом двигались туда и сюда стрелки стеклоочистителя, сгребая мокрый снег, а встречные и попутные машины скользили юзом по окружному шоссе, мы снова отправились в погоню за вечной весной…{2}

В конце концов, зачем мне эта вечная весна? И существует ли она вообще?

Думаю, что мне внушил идею вечной весны (и вечной славы!) один сумасшедший скульптор, с которым я некогда познакомился в закоулках Монпарнаса, куда меня на несколько недель занесла судьба из советской Москвы.

Он был знаменитостью сезона. В Париже всегда осенний сезон ознаменован появлением какого-нибудь гения, о котором все кричат, а потом забывают.

Я сделался свидетелем недолгой славы Брунсвика.{3} Кажется, его звали именно так, хотя не ручаюсь. Память мне изменяет, и я уже начинаю забывать и путать имена.

Его студия, вернее довольно запущенный сарай в глубине небольшого садика, усеянного разбитыми или недоконченными скульптурами, всегда была переполнена посетителями, главным образом приезжими англичанами, голландцами, американцами, падкими на знакомства с парижскими знаменитостями. Они были самыми лучшими покупателями модной живописи и скульптуры. У Брунсвика (или как его там?) не было отбоя от покупателей и заказчиков. Он сразу же разбогател и стал капризничать: отказываться от заказов, разбивать свои творения.

У него в студии всегда топилась чугунная печурка и коленчатой трубой. На круглой конфорке кипел чайник. Он угощал своих посетителей скупо заваренным чаем я солеными английскими бисквитами. При этом он сварливым голосом произносил отрывистые, малопонятные афоризмы об искусстве ваяния. Он поносил Родена и Бурделя, объяснял упадок современной скульптуры тем, что нет достойных сюжетов, а главное, что нет достойного материала. Его не устраивали ни медь, ни бронза, ни чугун, ни тем более банальный мрамор, ни гранит, ни бетон, ни дерево, ни стекло. Может быть, легированная сталь? — да и то вряд ли. Он всегда был недоволен своими шедеврами и разбивал их на куски молотком или

распиливал пилой. Обломки их валялись под ногами среди соломенных деревенских стульев. Это еще более возвышало его в глазах ценителей. «Фигаро» отвела ему две страницы. На него взирали с обожанием, как на пророка.

Я был свидетелем, как он разбил на куски мраморную стилизованную чайку, косо положенную на кусок зеленого стекла, изображающего средиземноморскую волну, специально для него отлитую на стекольном заводе.

Словом, он бушевал.

Он был полиглотом и умел говорить, кажется, на всех языках мира, в том числе па русском и польском, — и на всех ужасно плохо, еле понятно. Но мы с ним понимали друг друга. Он почему-то обратил на меня внимание — может быть, потому, что я был выходцем из загадочного для него мира советской Москвы{4}, — и относился ко мне весьма внимательно и даже дружелюбно. Он уже и тогда казался мне стариком. Вечным стариком-гением. Я рассказывал ему о советской России, о нашем искусстве и о своих друзьях — словом, обо всем том, о чем вы прочтете в моем сочинении, которое я в данный момент начал переписывать набело.

Брунсвик был в восхищении от моих рассказов и однажды воскликнул:

— Я вас вполне понял. Вы, ребята, молодцы. Я больше не хочу делать памятники королям, богачам, героям, вождям и великим гениям. Я хочу ваять малых сих. Вы все — моя тема. Я нашел свою тему! Я предам всех вас вечности. Клянусь, я это сделаю. Мне только надо найти подходящий материал. Если я его найду… О, если я его только найду… тогда вы увидите, что такое настоящая скульптура. Поверьте, что в один из дней вечной весны в парке Монсо{5} среди розовых и белых цветущих каштанов, среди тюльпанов и роз вы наконец увидите свои изваяния, созданные из неслыханного материала… если я его, конечно, найду…

Он похлопал меня по спине своей могучей старческой рукой, и мы оба рассмеялись…

…образ Брунсвика (или как его там) пропал в провалах моей памяти.

И вот теперь, лет через пятьдесят, мы с женой{6} полулежали в креслах с откинутыми спинками, в коридоре между двух рядов двойных, герметически закупоренных иллюминаторов, напоминавших прописное О, которое можно было истолковать как угодно, но мною они читались как заглавные буквы некоторых имен и фамилий.

Пожалуй, один из иллюминаторов я мог бы прочесть даже

как прописное Ю. Ключик. Но мешало отсутствие впереди палочки, без которой Ю уже не Ю, — не ключик{7}, а всего лишь ноль, зеро, знак пустоты, или в данном случае начало бесконечной колодезной пустоты, в глубине которой ничего невозможно было разглядеть, кроме мутного воздуха, туманно обещавшего вечную весну, где монотонно двигалась темная полоска — тень нашего длинного самолета.

Мы незаметно передвигались в среде, которая еще не может считаться небом, но уже и не земля, а нечто среднее, легкое, почти отвлеченное, где незаметно возникают изображения самого отдаленного прошлого, например футбольная площадка, лишенная травяного покрова, где в клубах пыли центрфорвард подал мяч на край, умело подхваченный крайним левым.

Крайний левый перекинул мяч с одной ноги на другую и ринулся вперед — маленький, коренастый, в серой форменной куртке Ришельевской гимназии, без пояса, нос башмаком, волосы, упавшие на лоб, брюки по колено в пыли, потный, вдохновенный, косо летящий, как яхта на крутом повороте.

С поворота он бьет старым, плохо зашнурованным ботинком. Мяч влетает мимо падающего голкипера в ворота.{8} Ворота — два столба с верхней перекладиной, без сетки.

Продолжая по инерции мчаться вперед, маленький ришельевец победоносно смотрит на зрителей и кричит на всю площадку, хлопая в ладоши самому себе:

— Браво, я!

(Вроде Пушкина, закончившего «Бориса Годунова». Ай да Пушкин, ай да сукин сын!{9})

Как сказали бы теперь, «был забит завершающий победный гол» этого рядового гимназического матча, об окончании которого возвестил рефери сигналом принятого в то время трехзвучного судейского свистка.

Впрочем, нельзя сказать, что это был ничем не замечательный матч: в нем принимал участие тощий, золотушного вида ришельевец в пенсне на маленьком носике, будущая мировая знаменитость, центрфорвард сборной команды России, как сказали бы теперь — «нападающий века», «суперстар» мирового футбола, Богемский. Но тогда он был лишь старшеклассником и, надо сказать, прескверным учеником с порочной улыбочкой на малокровном лице.

Его имя до сих пор легенда футбола.{10}

В ту пору я тоже был гимназистом, посещал спортивную площадку и, подобно множеству моих сверстников, сочинял стишки и даже печатал их в местных газетах, разумеется бесплатно.

— Кто забил гол? — спросил я.

И тогда второй раз в жизни услышал имя и фамилию ключика. В первый раз я его, впрочем, не услышал, а увидел под стихами, присланными по почте для альманаха в пользу раненых, который я составлял по поручению редакции одной из газет. Можете себе представить, какую кучу стихотворного хлама обрушили на меня все городские графоманы: до сих пор помню одно стихотворение на военно-патриотическую тему, выведенное писарским почерком с нажимами и росчерками; в нем содержалось следующее бессмертное двустишие:

«Уланский конь скакает в поле по окровавленным телам».

Альманах не вышел ввиду затруднений военного времени, которые уже начали ощущаться.

Стихи же, привлекшие мое внимание, были написаны на канцелярской бумаге, уже вполне устоявшимся почерком: круглые крупные буквы с отчетливыми связками.{11} Они были подписаны полным именем и фамилией, уже и тогда ничем не отличаясь от тех факсимиле, которые мы привыкли теперь видеть под портретом на его посмертных книгах.

Тогда я никак не мог предположить, что маленький серый ришельевец, забивший левой ногой такой прекрасный гол, и автор понравившихся мне стихов — одно и то же лицо.

Мы учились в разных гимназиях. Все гимназисты нашего города за исключением ришельевцев носили форму черного цвета; ришельевцы — серого. Среди нас они слыли аристократами. Хотя их гимназия формально ничем не отличалась от других казенных гимназий и называлась Одесская первая гимназия, все же она была некогда Ришельевским лицеем и славилась тем, что в ее стенах побывали как почетные гости Пушкин, а потом и Гоголь{12}.

Я был в черной куртке, он — в серой.

Я подошел к нему, подбрасывая на тамбурине резиновый мячик{13}. По моим вискам струился пот. Я еще не остыл после проигранной партии.

Я назвал себя. Он назвал себя. Так состоялось наше формальное знакомство. Мы оба были приятно удивлены. Мне было семнадцать, ему пятнадцать. Мне нравились его стихи, хотя они были написаны по моде того времени немножко под Северянина{14}. Теперь одному из нас восемьдесят, а другого вообще уже нет на свете. Он превратился в легенду. Но часть его души навсегда соединилась с моей: нам было суждено стать самыми близкими друзьями — ближе, чем братья, — и долго прожить рядом, развиваясь и мужая в магнитном поле революции, приближение которой тогда еще даже не

предчувствовали, хотя она уже стояла у наших дверей.

Только что я прочел в черновых записях Достоевского: «Что такое время? Время не существует, время есть цифры, время есть отношения бытия к небытию»…

Я знал это уже до того, как прочел у Достоевского. Но каково? Более чем за сто лет до моей догадки о несуществовании времени! Может быть, отсюда моя литературная «раскованность», позволяющая так свободно обращаться с пространством.

Теперь плечом к плечу со своей женой я стоял среди старинного протестантского кладбища, где на небольших аккуратных могильных плитах были изваяны мраморные раскрытые книги — символы не дочитанной до конца книги человеческой жизни, — а вокруг живописно простирались вечнозеленые луга и пригорки чужой, но милой страны, и хотя весна еще не явилась, но ее вечное присутствие в мире было несомненно: всюду из-под земли вылезали новорожденные крокусы и мальчики бегали по откосам, запуская в пустынное, почти уже весеннее небо разноцветные — не совсем такие, как у нас в России, — бумажные змеи с двумя хвостами.

Я знал, что этот европейский ландшафт уже был когда-то создан в воображении маленького ришельевца.

Прижав к себе локоть жены, я наяву наблюдал этот ландшафт глазами, мокрыми от слез.

…Что-то я на склоне лет стал сентиментален…

Время не имеет надо мной власти хотя бы потому, что его не существует, как утверждал «архискверный» Достоевский{15}. Что же касается ассоциативного метода построения моих сочинений, получившего у критиков определение «раскованности», то это лично мое. Впрочем, как знать?

Может быть, ассоциативный метод давным-давно уже открыт кем-нибудь из великих и я не более чем «изобретатель велосипеда».

Глядя на бумажные змеи и на зеленые холмы, я подумал, что ту книгу, которая впоследствии получила название «Ни дня без строчки», ключик однажды в разговоре со мной хотел назвать гораздо лучше и без претензий на затрепанное латинское nulla dies sine linea, использованное древними, а вслед за ними и Золя; он хотел назвать ее «Прощание с жизнью», но не назвал, потому что просто не успел.{16}

Я же, вероятно, назову свою книгу, которую сейчас переписываю набело, «Вечная весна», а вернее всего «Алмазный мой венец», как в той сцене из «Бориса Годунова»{17}, которую Пушкин вычеркнул, и, по-моему, напрасно.

Прелестная сцена: готовясь к решительному свиданию с

самозванцем, Марина советуется со своей горничной Рузей, какие надеть драгоценности.

«Ну что ж? Готово ли? Нельзя ли поспешить?» — «Позвольте, наперед решите выбор трудный: что вы наденете, жемчужную ли нить иль полумесяц изумрудный?» — «Алмазный мой венец». — «Прекрасно! Помните? Его вы надевали, когда изволили вы ездить во дворец. На бале, говорят, как солнце вы блистали. Мужчины ахали, красавицы шептали… В то время, кажется, вас видел в первый раз Хоткевич молодой, что после застрелился. А точно, говорят: на вас кто ни взглянул, тот и влюбился». — «Нельзя ли поскорей»…

Нет, Марине не до воспоминаний, она торопится. Отвергнута жемчужная нить, отвергнут изумрудный полумесяц. Всего не наденешь. Гений должен уметь ограничивать себя, а главное, уметь выбирать. Выбор — это душа поэзии.

Марина уже сделала свой выбор. Я тоже: все лишнее отвергнуто.{18} Оставлен «Алмазный мой венец». Торопясь к фонтану, я его готов надеть на свою плешивую голову.

Марина — это моя душа перед решительным свиданием. Но где этот фонтан? Не в парке же Монсо, куда меня некогда звал сумасшедший скульптор?

Я ошибся, думая, что на острове, омываемом теплым течением Гольфстрим — или, как его называли в старых гимназических учебниках, Гольфштрем, что мне нравится гораздо больше, — весна обычно является на глаза в феврале. Но был год дракона, в мире происходили ужасные события: войны, наводнения, землетрясения, извержения вулканов, авиационные катастрофы, эпидемии гонконгского гриппа, внезапные смерти…

Меня преследовали неудачи.

Баба-яга в докторском халате, сидевшая за письменным столом с тремя телефонами и аппаратом для измерения кровяного давления, даже не потрудилась меня исследовать. Она лишь слегка повернула узкое лицо к моей жене, окинула ее недобрым взглядом и категорически отказалась выдать справку о здоровье, а затем повернулась всем своим костлявым телом, пробормотав сквозь вставные зубы:

— Это не ему, а вам хочется попутешествовать. Лично я не рекомендую.

С этими словами она показала свою тощую спину, села верхом на веник и улетела в окно.

Я был настолько уверен в отличном состоянии своего здоровья, что, услышав роковой приговор врача, запрещавший нам лететь в страну вечной весны, сначала не поверил ушам, а потом едва не потерял сознание: все вокруг меня сделалось как

при наступлении полного солнечного затмения. Если бы не клочок ваты, смоченный нашатырным спиртом, поднесенный к моим ноздрям чьей-то милосердной рукой, то я бы, чего доброго, хлопнулся в обморок.

К счастью, затмение постепенно заканчивалось, и в прояснившейся комнате явилась добрая фея, положила меня на клеенчатую лежанку, велела спустить штаны и как можно крепче поджать колени под живот. Фея была тоже в медицинском халате, но профессорском, более высокого ранга — белоснежно накрахмаленном, из-под которого виднелись оборочки нарядного платья и стройные, элегантно обутые ноги, — чуть было не написал «ножки», что было бы весьма бестактно по отношению к профессору.

Ее лицо было строго-доброжелательно, хотя и вполне беспристрастно. Не оборачиваясь, она повелительным жестом королевы протянула назад руку, в которой вдруг как бы сам собой очутился стерильный пакет с парой полупрозрачных хирургических перчаток. Она вынула одну из них и натянула на правую руку. Продолжая процедуру исследования, она осталась вполне довольной, по-королевски скупо улыбнулась, после чего уже ничто не могло помешать нам лететь…

Деревья мало знакомых мне пород, хотя среди них попадались пирамидальные тополя, как в Полтаве, стояли голые, по-зимнему черные. Судя по крокусам, весна уже была где-то совсем близко, рядом, на подходе. Это несомненно. Но что-то тормозило ее приближение, не давало ей наступить. О, проклятый год дракона! Все вокруг еще дышало мучительно медленно умирающей зимой.

В моем представлении Англия была страной мягкой зимы и ранней, очень-очень ранней, нежной весны. Вероятно, это всего лишь игра воображения.

Но неужели воображение не сильнее метеорологии?

Поэзия — дочь воображения. А может быть, наоборот: воображение — дочь поэзии. Для меня, хотя и не признанного, но все же поэта{19}, поэзией прежде всего было ее словесное выражение, то есть стихи.

О, как много чужих стихов накопилось в моей памяти за всю мою долгую жизнь! Как я их любил! Это было похоже на то, что, как бы не имея собственных детей, я лелеял чужих. Чужие стихи во множестве откладывались в моем мозгу, в том его еще мало исследованном отделе, который называется механизмом запоминания, сохраняющим их навсегда наряду с впечатлениями некогда виденных картин, слышанной музыки, касаний, поцелуев, пейзажей, пробежавших за вагонным окном, различных элементов

морского прибоя — его цвета, шума, подводного движения массы ракушек и камешков, многообразия его форм и цветов, его хрупкого шлейфа, временами закрывающего мокро-лиловый песок мировых пляжей Средиземного и Черного морей, Тихого и Атлантического океанов, Балтики, Ла-Манша, Лонг-Айленда…

Англия помещалась где-то среди слоев этих накоплений памяти и была порождением воображения некоего поэта, которого я буду называть с маленькой буквы эскесс{20}, написавшего:

«Воздух ясен, и деревья голы. Хрупкий снег, как голубой фаянс. По дорогам Англии веселой вновь трубит старинный дилижанс. Догорая над высокой крышей, гаснет в небе золотая гарь. Старый гномик над оконной нишей вновь зажег решетчатый фонарь».{21}

Конечно, в этих строчках, как у нас принято было говорить, «переночевал Диккенс», поразивший однажды воображение автора, а потом через его стихи поразил воображение многих других, в том числе и мое.

Не было вокруг ни хрупкого снега, похожего на голубой фаянс, ни старинного дилижанса, трубящего на дорогах Англии, совсем не показавшейся мне веселой, не было и гнома, зажегшего решетчатый фонарь. Но все эти элементы были мутно нарисованы синькой на веджвудском фаянсе во время нашего брекфеста в маленькой лондонской гостинице недалеко от Гайд-парка.

Мы видели очень быстрое движение автомобилей на хорошо накатанном бетонном шоссе с белыми полосами, которые через ровные промежутки вдруг резко обрубались, с тем чтобы через миг возникнуть снова и снова обрубиться. Мы видели по сторонам коттеджики, одинаковые, как близнецы, но в то же время имеющие каждый какие-то неповторимые особенности своих деталей, как и те английские семейства, которые в них обитали.

В одном из промелькнувших домиков действительно над оконной нишей гном держал решетчатый фонарь.

Над высокой крышей другого могла гаснуть в небе золотая гарь, и на ее фоне чернели рога араукарии.

Черные, как бы обугленные, деревья настолько мертвые, что, казалось, дальше так продолжаться не может и они должны или перестать существовать, или наконец воскреснуть: хоть немножко зазеленеть.

А между тем во многих крошечных палисадниках мимо нас проносились кусты, сплошь осыпанные желтыми цветами, но без малейшей примеси зелени. Никаких листьев, только цветы; уже явно не зимние, но еще далеко и не весенние, а какие-то

странные, преждевременные выходцы из таинственной области вечной весны.

Нас сопровождал длинный индустриальный пейзаж высокоразвитой страны: трубы заводов, пробегавшие мимо поодиночке, попарно, по три, по четыре, по шесть вместе, целыми семьями; силуэты крекингов, запутанные рисунки газопроводов, ультрасовременные фигуры емкостей различного назначения, иногда посеребренных… Однако в темных, закопченных маленьких кирпичиках иных фабричных корпусов наглядно выступала старомодность девятнадцатого века викторианской Англии, Великобритании, повелительницы полумира{22}, владычицы морей и океанов, именно такая, какою ее видел Карл Маркс{23}.

Движущиеся мимо прозрачно-сумрачные картины не затрагивали воображения, занятого воссозданием стихов все того же эскесса:

«Вы плачете, Агнесса, вы поете, и ваше сердце бьется, как и встарь. Над старой книгой в темном переплете весна качает голубой фонарь»…{24}

Весна уже начинала качать голубой фонарь, и мне не было никакого дела до Бирмингама, мимо которого мы проезжали со скоростью шестидесяти миль в час.

Ах, этот голубой фонарь вечной весны, выдуманный эскессом в пору моей юности.

Он был, эскесс, студентом, евреем, скрывавшим свою бедность. Он жил в большом доме, в нижней части Дерибасовской улицы, в «дорогом районе», но во втором дворе, в полуподвале, рядом с дворницкой и каморкой, где хранились иллюминационные фонарики и национальные бело-сине-красные флаги, которые вывешивались в царские дни. Он жил вдвоем со своей мамой, вдовой. Никто из нас никогда не был у него в квартире и не видел его матери. Он появлялся среди нас в опрятной, выглаженной и вычищенной студенческой тужурке, в студенческих диагоналевых брюках, в фуражке со слегка вылинявшим голубым околышем. У него было как бы смазанное жиром лунообразное лицо со скептической еврейской улыбкой. Он был горд, ироничен, иногда высокомерен и всегда беспощаден в оценках, когда дело касалось стихов. Он был замечательный пародист, и я до сих пор помню его пародию на входившего тогда в моду Игоря Северянина{25}:

«Кто говорит, что у меня есть муж, по кафедре истории прозектор. Его давно не замечаю уж. Не на него направлен мой прожектор. Сейчас ко мне придет один эксцесс, так я зову соседа с ближней дачи, мы совершим с ним сладостный процесс сначала

так, а после по-собачьи»…

Свою пародию эскесс пел на мотив Игоря Северянина{26}, растягивая гласные и в наиболее рискованных местах сладострастно жмурясь, а при постыдных словах «сладостный процесс» его глаза делались иронично-маслеными, как греческие маслины.

Он был поэт старшего поколения, и мы, молодые, познакомились с ним в тот жаркий летний день в полутемном зале литературного клуба, в просторечии «литературки»{27}, куда Петр Пильский, известный критик, пригласил через газету всех начинающих поэтов, с тем чтобы, выбрав из них лучших, потом возить их напоказ по местным лиманам и фонтанам, где они должны были читать свои стихи в летних театрах.

Эскесс уже тогда был признанным поэтом и, сидя на эстраде рядом с полупьяным Нильским, выслушивал наши стихи и выбирал достойных.

На этом отборочном собрании, кстати говоря, я и познакомился с птицеловом{28} и подружился с ним на всю жизнь. Петр Пильский, конечно, ничего нам не платил, но сам весьма недурно зарабатывал на так называемых вечерах молодых поэтов, на которых председательствовал и произносил вступительное слово, безбожно перевирая наши фамилии и названия наших стихотворений. Перед ним на столике всегда стояла бутылка красного бессарабского вина, и на его несколько лошадином лице с циническими глазами криво сидело пенсне со шнурком и треснувшим стеклом.

Рядом с ним всегда сидел ироничный эскесс.

Я думаю, он считал себя гениальным и носил в бумажнике письмо от самого Александра Блока, однажды похвалившего его стихи.{29}

Несмотря на его вечную иронию, даже цинизм, у него иногда делалось такое пророческое выражение лица, что мне становилось страшно за его судьбу.

Его мама боготворила его. Он ее страстно любил и боялся. Птицелов написал на него следующую эпиграмму:

«Мне мама не дает ни водки, ни вина. Она твердит: вино бросает в жар любовный; мой Сема должен быть как камень хладнокровный, мамашу слушаться и не кричать со сна».{30}

Он действительно не пил вина, и у него не было явных любовных связей, хотя он был значительно старше всех нас, еще гимназистов.

Одно из его немногочисленных стихотворений (кажется, то, которое понравилось Блоку) считалось у нас шедевром. Он сам читал его с благоговением, как молитву:

«Прибой утих. Молите бога, чтоб был обилен ваш улов. Трудна и пениста дорога по мутной зелени валов. Все холодней, все позже зори. Плывет сентябрь по облакам. Какие сны в открытом море приснятся бедным рыбакам? Опасны пропасти морские. Но знает кормчий ваш седой, что ходят по морю святые и носят звезды над водой»…{31}

У меня уже начала разрушаться память, и некоторые волшебные строчки выпали из полузабытых стихов, как кирпичи из старинных замков эпохи Возрождения, так что пришлось их заменить другими, собственного изготовления. Но, к счастью, лучшие строчки сохранились.

…еще там упоминался святой Николай с темным ликом и белой бородой, покровитель моряков и рыбаков…

Почему нас так волновали эти стихи? Может быть, мы и были этими самыми бедными ланжероновскими рыбаками, и сентябрь ярусами плыл по низким облакам, и нам снились несказанные блоковские сны, и по морю, где-то далеко за Дофиновкой, ходили святые и над водой носили звезды: Юпитер, Вегу, Сириус, Венеру, Полярную звезду… Настало время, и мы все один за другим покинули родовой город в поисках славы. Один лишь эскесс не захотел бросить свой полуподвал, свою стареющую маму, которая привыкла, астматически дыша, тащиться с корзинкой на Привоз за скумбрией и за синенькими, свой город, уже опаленный огнем революции, и навсегда остался в нем, поступил на работу в какое-то скромное советское учреждение, кажется даже в губернский транспортный отдел, называвшийся сокращенно юмористическим словом «Губтрамот»{32}, бросил писать стихи и впоследствии, во время Великой Отечественной войны и немецкой оккупации, вместе со своей больной мамой погиб в фашистском концлагере в раскаленной печи с высокой трубой, откуда день и ночь валил жирный черный дым…{33}

…теперь из всей нашей странной республики гениев, пророков, подлинных поэтов и посредственных стихотворцев, ремесленников и неудачников остался, кажется, я один. Почти все ушли в ту страну вечной весны, откуда нет возврата…

…нет возврата!

…Но, безвозвратно исчезая, они навсегда остались в моей памяти, и я обречен никогда не расставаться с ними, а также со многими большими и малыми гениями из других республик и царств, даривших меня своей дружбой, ибо между поэтами дружба — это не что иное, как вражда, вывернутая наизнанку.

Не могу взять грех на душу и назвать их подлинными именами. Лучше всего дам им всем прозвища, которые буду писать с маленькой буквы, как обыкновенные слова: ключик,

птицелов, эскесс… Исключение сделаю для одного лишь Командора{34}. Его буду писать с большой буквы, потому что он уже памятник и возвышается над Парижем поэзии Эйфелевой башней, представляющей собой как бы некое заглавное печатное А. Высокая буква над мелким шрифтом вечного города.{35}

А, например, щелкунчик{36} будет у меня, как и все прочие, с маленькой буквы, хотя он, может быть, и заслуживает большой буквы, но ничего не поделаешь: он сам однажды, возможно даже бессознательно, назвал себя в автобиографическом стихотворении с маленькой буквы:

«Куда как страшно нам с тобой, товарищ большеротый мой. Ох, как крошится наш табак, щелкунчик, дружок, дурак! А мог бы жизнь просвистеть скворцом, заесть ореховым пирогом… Да, видно, нельзя никак».{37}

Он сам напророчил свою гибель, мой бедный, полусумасшедший щелкунчик, дружок, дурак.

Ю. О. я уже назвал ключиком. Ведь буква Ю — это, в конце концов, и есть нечто вроде ключика. А остальные прописные О иллюминаторов были заглавные буквы имен его матери и жены.{38}

Как странно, даже противоестественно, что в мире существует порода людей, отмеченных божественным даром жить только воображением.

Мы были из этой породы.

Подобно донне Анне, скрестившей на сердце руки, мы видели неземные сны{39}, но, проснувшись, тотчас забывали их. Забытые сновидения, как призраки, являлись в наших стихах, и трудно было понять, из каких глубин сознания они взялись.

…некогда, давным-давно, еще до первой мировой войны, до моего знакомства с ключиком, птицелов стоял на сцене дачного театра.{40} Отсутствие гимназического пояса, а также гимназическая куртка со светлыми пуговицами, обшитыми для маскировки серой материей, делали его похожим на выгнанного ученика или экстерна: предосторожность не лишняя, так как учащимся средних учебных заведений строго запрещались публичные выступления. За это беспощадно выгоняли с волчьим билетом.{41}

Я тоже участвовал в «вечере молодых поэтов», происходившем днем, и так же, как и птицелов, скрывал, что я гимназист. Наш товарищ из аристократов, барон-фон{42}, одолжил мне свою визитку, шелковый галстук с модным рисунком «павлиний глаз», и я со своей головой, стриженной под нуль, выглядел чучело чучелом.

— Нам с башен рыдали церковные звоны, для нас подымали

узорчатый флаг, а мы заряжали, смеясь, мушкетоны и воздух чертили ударами шпаг{43}, - рыча и брызгая слюной, выкрикивал птицелов в полупустой, полутемный зал, освещенный стрелами летнего солнца, бившего сквозь дощатые стены и дырочки от выпавших сучков.

Его руки с напряженными бицепсами были полусогнуты, как у борца, косой пробор растрепался, и волосы упали на низкий лоб, бодлеровские глаза мрачно смотрели из-под бровей, зловеще перекошенный рот при слове «смеясь» обнаруживал отсутствие переднего зуба{44}. Слова «чертили ударами шпаг» он подкреплял энергичными жестами, как бы рассекая по разным направлениям балаганный полусвет летнего театра воображаемой шпагой{45}, и даже как бы слышался звук заряжаемых мушкетонов, рыдание церковных звонов с каких-то башен — по всей вероятности, зубчатых — и прочей, как я понял впоследствии, «гумилятины»{46}.

Птицелов принадлежал к той элите местных поэтов, которая была для меня недоступна.{47} Это были поэты более старшего возраста, в большинстве своем декаденты и символисты. На деньги богатого молодого человека — сына банкира, мецената и дилетанта — для этой элиты выпускались альманахи квадратного формата, на глянцевой бумаге, с шикарными названиями «Шелковые фонари», «Серебряные трубы», «Авто в облаках»{48} и прочее в этом роде. В эти альманахи, где царили птицелов и эскесс как звезды первой величины, мне с моими реалистическими провинциальными стишками ходу не было.

Еще бы! Они даже свою группу называли «Аметистовые уклоны». Где уж мне!

— Когда наскучат ей лукавые новеллы и надоест лежать в плетеных гамаках, она уходит в порт смотреть, как каравеллы из дальних стран плывут на темных парусах, — читал птицелов с упоением свою знаменитую «Креолку», — от старых кораблей так смутно пахнет дегтем…{49}

И прочее.

Видимо, все это он позаимствовал из пиратских романов Стивенсона{50}, которые читал на уроках, пряча под парту журнал «Мир приключений».

Несмотря на всю мою приверженность к русской классической литературе, поэзии Кольцова, Некрасова, Никитина, не говоря уж о Пушкине и Лермонтове, несмотря на увлечение Фетом, Полонским, впоследствии Буниным, я не мог не восхищаться и даже завидовать моему новому другу, романтической манере его декламации, даже его претенциозному псевдониму, под которым писал сын владельца мелочной лавочки

на Ремесленной улице. Он ютился вместе со всеми своими книгами приключений, а также толстым томом «Жизни животных» Брема — его любимой книгой{51} — на антресолях двухкомнатной квартирки (окнами на унылый, темный двор) с традиционной бархатной скатертью на столе, двумя серебряными подсвечниками и неистребимым запахом фаршированной щуки.{52}

Его стихи казались мне недосягаемо прекрасными, а сам он гением.

— Там, где выступ холодный и серый водопадом свергается вниз, я кричу у безмолвной пещеры: Дионис! Дионис! Дионис! — декламировал он на бис свое коронное стихотворение…

— Утомясь после долгой охоты, запылив свой пурпурный наряд, ты ушел в бирюзовые гроты выжимать золотой виноград.{53}

Эти стихи были одновременно и безвкусны и необъяснимо прекрасны.

Казалось, птицелов сейчас захлебнется от вдохновения. Он выглядел силачом, атлетом. Впоследствии я узнал, что с детства он страдает бронхиальной астмой и вся его как бы гладиаторская внешность — не что иное, как не без труда давшаяся поза.

Даже небольшой шрам на его мускулисто напряженной щеке — след детского пореза осколком оконного стекла — воспринимался как зарубцевавшаяся рана от удара пиратской шпаги.{54}

Откуда он выкопал Диониса, его пурпурный наряд, запылившийся во время охоты? Откуда взялись какие-то бирюзовые гроты и выступ, мало того что холодный и серый, но еще и «водопадом свергающийся вниз»?

Необъяснимо.

Впоследствии он стал писать по-другому, более реалистично, и, медленно созревая, сделался тем прославленным Поэтом, имя которого — вернее, его провинциальный псевдоним — принимается как должное: к нему просто привыкли.

Прошло более полувека, и однажды я — все в той же погоне за вечной весной — очутился в Сицилии, куда мы прилетели из Рима, предварительно пройдя все зловещие процедуры в аэропорту Фьюмаччино.

Угон самолетов уже стал делом обыкновенным.{55} Воздушное пиратство. Поэтому всех пассажиров тщательно обыскивали и надо было проходить через какую-то электромагнитную раму, реагирующую на присутствие всякого металлического предмета, например ручного пулемета или бомбы. Так как Сицилия считается центром всемирной мафии, то осмотр производился особенно строго.

Единственное исключение агенты полиции сделали для пожилой монахини с тяжелым саквояжем в руках. Ее пропустили без осмотра. По всем законам авантюрного жанра именно эта монахиня и была наиболее опасным членом мафии и в ее саквояже, конечно, должен был находиться автомат или какое-нибудь взрывное устройство.

Во время всего короткого перелета Рим — Палермо я не спускал глаз с монахини, равнодушно перебиравшей четки, а когда она открыла свой чемодан и, надев очки, стала в нем копаться, я проклял судьбу, угораздившую посадить нас именно в этот проклятый самолет, который могут угнать куда-нибудь к черту на рога — в Африку — или даже взорвать в воздухе.

Я не обращал внимания на красоту расстилавшегося под самолетом Тирренского моря и перестал волноваться лишь после того, как наш самолет «алиталия» пошел на посадку, и мимо нас побежали прибрежные скалы, холмы, покрытые апельсиновыми рощами, желтая полоса пляжа на кружевной кромке до слез синего моря, и мы покатились по бетонной полосе небольшого провинциального аэродрома.

Не помню, был ли я прежде в Палермо, но этот город показался мне знакомым. Не буду его описывать. В памяти сохранился лишь какой-то людный перекресток с раковиной фонтана, вделанной в угол старого итальянского дома. Из львиной пасти в эту мраморную раковину лилась не слишком обильная струя воды. Но раковина был переполнена — видно, что-то засорилось. Водопровод был дряхлый, вероятно, его чинили в последний раз в начале двадцатого века. Из раковины на тротуар изливалась вода; натекла большая лужа, по которой шлепали прохожие, проклиная отдел коммунального хозяйства. Весь перекресток был покрыт синен утренней тенью.

Перед входом в дряхлый величественный собор росла целая роща африканских пальм. Пахло светильным газом, горячим кофе, ванилью, и во всем этом было столько староитальянского, сицилианского, что я вспомнил давнее-предавнее время и наше путешествие с папой и маленьким моим братом{56}, братиком, на пароходе из Одессы в Неаполь с заходом в разные порты. В Палермо, кажется, не заходили. Заходили в Катанию и Мессину. Но все равно — теперь, когда в памяти все смешалось, я перенесся в ту неизмеримо далекую пору своей жизни, когда впервые увидел Италию, старую, королевскую, с осликами или даже мулами с красными чехольчиками на ушах и черными шорами, что делало их как бы слепыми; с тесными лавчонками, где продавался вкусный ледяной оранжад и шипучий лимонад в бутылочках, закупоренных вместо пробок маленькими

матовостеклянными шариками, которые нужно было протолкнуть внутрь…

Теперь, как и тогда, переходя по диагонали перекресток (не все ли равно, где это было — в Катании или Палермо) из синей тени на залитую почти африканским солнцем сторону, я промочил туфли возле раковины углового фонтана с мадонной в нише, украшенной цветами и разноцветными лампадками.

Но это не важно. Извините, я отвлекся. Важно то, что в туристском автобусе мы объехали треугольник Сицилии, окруженный со всех сторон ализариновой синевой Средиземного моря, останавливаясь по дороге возле древнегреческих храмов, но не из белого мрамора, как в Греции, а из местного желтого камня, возле мраморных развалин римских городов, поверженных в прах войсками карфагенян, — ужасный след Ганнибала, шагнувшего под трубный рев боевых слонов через Сицилию на Апеннинский полуостров по дороге к золотым воротам Рима, — а может быть, разрушенных землетрясениями в те дни, когда вдруг просыпалась Этна, извергая из своих семи кратеров огонь и дым и швыряя в небо раскаленные каменные бомбы, заставляя трескаться землю, обжигая лавой виноградники и обволакивая остров клубами сернистых газов, озаренными снизу отсветами преисподней…

Кто знает, какая нечеловеческая сила разрушила циклопические постройки древней Сицилии? И почему иные из них остались почти нетронутыми, не поверженными во прах?

Но теперь громадные кубические камни разрушенных бродов заросли кустами одуряюще-душистой седой полыни, такой зловеще серебряной на фоне пустынного моря, почерневшего от дождевых туч, надвигавшихся откуда-то из Ливии, из Туниса, из Карфагена, от которого почти ничего не осталось, кроме легенды, кроме флоберовской «Саламбо».

Здесь под ливнем, внезапно обрушившимся на мраморные развалины, в толпе американских туристов, как стадо испуганных лошадей, бегущих к автобусу, я ощутил страшное одиночество, тщету человеческих цивилизаций, поглощаемых одна за другой непознаваемой бездной тысячелетий, по сравнению с которыми моя жизнь не более чем мгновенное сновидение.

…Перечитываю написанное. Мало у меня глаголов. Вот в чем беда. Существительное — это изображение. Глагол — действие. По соотношению количества существительных с количеством глаголов можно судить о качестве прозы. В хорошей прозе изобразительное и повествовательное уравновешено. Боюсь, что я злоупотребляю существительными и прилагательными. Существительное, впрочем, включает в себя часто и эпитет. К слову «бриллиант», например, не надо придавать слово

«сверкающий». Оно уже заключено в самом существительном. Излишества изображений — болезнь века, мовизм. Почти всегда в хорошей современной прозе изобразительное превышает повествовательное.

Нас окружает больше предметов, чем это необходимо для существования.

Писатели восемнадцатого века — да и семнадцатого — были в основном повествователи. Девятнадцатый век украсил голые ветки повествования цветными изображениями.

Наш век — победа изображения над повествованием. Изображение присвоили себе таланты и гении, оставив повествование остальным.

Метафора стала богом, которому мы поклоняемся. В этом есть что-то языческое. Мы стали язычниками. Наш бог — материя… Вещество…

Но не пора ли вернуться, к повествованию, сделав его носителем великих идей? Несколько раз я пытался это сделать. Увы! Я слишком заражен прекрасным недугом мною же выдуманного мовизма. Ведь даже Библия сплошь повествовательна. Она ничего не изображает. Библейские изображения появляются в воображении читателя из голых ветвей повествования. Повествование каким-то необъяснимым образом вызывает картину, портрет. В Библии не описана внешность Каина. Но я его вижу как живого. Он сидит в президиуме юбилейного вечера.

Единственно, что меня утешает — это Гомер, который был великим изобразителем, изображение у него несет службу повествования. Он даже эмпиричен, как и подобает подлинному мовисту: что увидел, то и нарисовал, не стараясь вылизать свою картину.

«Бессонница, Гомер, тугие паруса. Я список кораблей прочел до половины»…{57}

Оказывается, простой список кораблей — это не статистика, а поэзия.

А вообще ничего не поделаешь. Каждый пишет как может, а главное, как хочет. Терпение! И знайте, что все мои изображения в конце концов лишь элементы повествования, которое я продолжаю:

…в конце концов мы очутились в Сиракузах. Распахнув окно с решетчатыми жалюзи, мы увидели все то же Средиземное море и порт, куда как раз в это время входил длинный старомодный пароход моего детства, черного цвета, с суриково-красной полосой ватерлинии, но так как пароход был мало загружен, то красная полоса была довольно широкой; а из-за горизонта, из

Африки, дул все тот же октябрьский теплый ветер и гнал, все гнал, все гнал синие до черноты средиземноморские волны.

Мы ходили в стаде туристов по ярусам знаменитого на весь мир древнегреческого театра, удивляясь, как хорошо сохранился его полуциркульный амфитеатр, вырубленный из одного гигантского каменного монолита. Перепрыгивая со ступени на ступень как по каменной лестнице его рядов, мы спустились вниз и ходили по плитам сценической площадки, и наши голоса отчетливо слышались в самых верхних рядах, где камень уже соприкасался с ярким, безоблачным античным небом, так что — чудо акустики! — текст древних трагедии произносимый актерами на котурнах и в большеротых масках, доходил до всех зрителей одинаково ясный, не искаженный пространством, непреложный, как ужасные веления рока. Здесь умирали герои, но это была не настоящая смерть, а лишь ее театральное Изображение, в то время как рядом, в древнеримском цирке, — так же удивительно сохранившемся — грубо, варварски, Дико властвовала подлинная смерть, лишенная поэтической оболочки: из каменных загонов на арену выпускали диких зверей. Под рев низменной римской черни львы разрывали на части рабов-гладиаторов или христиан, простиравших к небу свои белые окровавленные руки: наглядное свидетельство того, как некогда высокогуманная древнегреческая культура была попрана и поглощена низменной культурой завоевателей-римлян, превративших Сицилию в дачную местность Рима, куда патриции, богачи, приезжали на каникулы на своих триремах с красными парусами и золочеными мачтами целыми семьями, вместе с рабами, и блаженствовали на своих виллах, от которых до наших дней сохранились лишь мозаичные полы многочисленных комнат. Рисунок каждого пола соответствовал назначению комнаты. На полу столовой были изображения рыб, фазанов, лангуст, мурен, блюда дичи, амфоры вина… На полу комнаты для гимнастических упражнений можно было рассмотреть изображения молодых девушек в коротких туниках, делающих, быть может, утреннюю зарядку, некоторые даже держали в руках гантели и гимнастические палки… Особая комната для любви имела пол с изображением высокого ложа, окруженного амурами… В детской — мозаичные изображения игрушек… Видимо, и в самой жизни все у них было строго регламентировано, как в государстве.

Но все эти туристские впечатления не трогали моей души и оказались пустяком в сравнении с тем, что ожидало меня через несколько минут.

…Пройдя сквозь субтропический сад с померанцевыми

деревьями, смоковницами, странными невиданными цветами, мы почувствовали сырую теплоту застоявшегося воздуха и очутились перед естественной каменной стеной необыкновенной высоты. Можно было подумать, что это навсегда окаменевший гладкий серый водопад, неподвижно свергающийся откуда-то с высот безоблачного сицилийского неба. В этот миг мне показалось, что я уже когда-то видел эту серую стену или, по крайней мере, слышал о ней…

Но где? Когда?

В стене сверху донизу темнела трещина, глубокая щель, естественный вход в некую пещеру — даже, может быть, сказочную, — откуда тянуло подземным холодом. Пол этого таинственного коридора, уводящего во мрак, был покрыт тонким неподвижным слоем бирюзовой воды, из которой росли какие-то странные, я бы даже сказал малокровные, растения декадентски изысканных форм, неестественно бледного болотно-бирюзового цвета. Цветы мифического подземного царства, откуда нет возврата…

…нет возврата!..

Этой картине должна была сопутствовать какая-то неземная, печальная музыка и какие-то слова, выпавшие из памяти.

Но какие?

Выпадение из памяти всегда мучительно. Вы слышите хорошо знакомую музыку, но как она называется — забыли. Идет хорошо вам знакомый человек, но его имя выпало из памяти. Распалась ассоциативная связь, которую так мучительно трудно наладить.

Я окаменел от усилия вернуть забытые, но некогда хорошо известные слова, вероятно даже стихи.

Вдруг все объяснилось. Наш гид произнес:

— Синьоры, внимание. Перед вами гротто Дионисо, грот Диониса,

…в тот же миг восстановилась ассоциативная связь. Молния озарила сознание. Да, конечно, передо мной была не трещина, не щель, а вход в пещеру — в грот Диониса. Я услышал задыхающийся астматический голос молодого птицелова — гимназиста, взывающего из балаганной дневной полутьмы летнего театра к античному богу:

«Дионис! Дионис! Дионис!»

«Там, где выступ холодный и серый водопадом свергается вниз, я кричу у безмолвной пещеры: Дионис, Дионис, Дионис!»

Теперь он был передо мной наяву, этот серый гладкий каменный водопад со входом в грот Диониса, откуда слышался тонкий запах выжатого винограда.

— Здесь, синьоры, — сказал гид в клетчатом летнем костюме,

с нафабренными усами, — бог Дионис впервые выжал виноград и научил людей делать вино.

Ну да!

«Ты ушел в бирюзовые гроты выжимать золотой виноград».

Я не удивился, если бы вдруг тут сию минуту увидел опыленный пурпуровый плащ выходящего из каменной щели кудрявого бога в венке из виноградных листьев, с убитой серной на плече, с колчаном и луком за спиной, с кубком молодого вина в руке — прекрасного и слегка во хмелю, как сама поэзия, которая его породила.

Но каким образом мог мальчик с Ремесленной улицы, никогда не уезжавший из родного города, проводивший большую часть своего времени на антресолях, куда надо было подниматься из кухни по крашеной деревянной лесенке и где он, изнемогая от приступов астматического кашля, рубашке и кальсонах, скрестив по-турецки ноги, сидел на засаленной перине и, наклонив лохматую нечесанную голову, запоем читал Стивенсона, Эдгара По или любимый им рассказ Лескова «Шер-Амур», не говоря уж о Бодлере, Верлене, Артюре Рембо, Леконте де Лиле, Эредиа, и всех наших символистов, а потом акмеистов и футуристов{58}, о которых я тогда еще не имел ни малейшего представления, — как он мог с такой точностью вообразить себе грот Диониса? Что это было: телепатия? ясновидение? Или о гроте Диониса рассказал ему какой-нибудь моряк торгового флота, совершавший рейсы Одесса — Сиракузы?

Не знаю. И никогда не узнаю, потому что птицелова давно нет на свете. Он первый из нас, левантинцев{59}, ушел в ту страну, откуда нет возврата, нет возврата…

А может быть, есть?

Раз уж я говорил о птицелове, то не могу не вспомнить тот день, когда я познакомил его с королевичем{60}.

Москва. Двадцатые годы. Тверская.

Кажется, они — птицелов и королевич — понравились друг другу. Во всяком случае, королевич — уже тогда очень знаменитый — доброжелательно улыбался провинциальному поэту, хотя, конечно, еще не прочитал ни одной его строчки.{61}

Разговорившись, мы подошли к памятнику Пушкину и уселись на бронзовые цепи, низко окружавшие памятник, который в то время еще стоял на своем законном месте, в голове Тверского бульвара, лицом к необыкновенно изящному Страстному монастырю нежно-сиреневого цвета, который удивительно подходил к его маленьким золотым луковкам.{62}

…До сих пор болезненно ощущаю отсутствие Пушкина на Тверском бульваре, невосполнимую пустоту того места, где он

стоял.

Привычка.

Недаром же Командор написал, обращаясь к Александру Сергеевичу:

«На Тверском бульваре очень к вам привыкли».{63}

Привыкли, добавлю я, также и к старинным многоруким фонарям, среди которых фигура Пушкина со склоненной курчавой головой, в плаще с гармоникой прямых складок так красиво рисовалась на фоне Страстного монастыря.

Не уверен, что во время свиданий двух поэтов — птицелова и королевича — Страстной монастырь еще существовал. Кажется, его уже тогда снесли. Будем считать в таком случае, что в пустоте остался отсвет его бледно-сиреневой окраски.

Для людей моего поколения есть два памятника Пушкину. Оба одинаковых Пушкина стоят друг против друга, разделенные шумной площадью, потоками автомобилей, светофорами, жезлами регулировщиков. Один Пушкин призрачный. Он стоит на своем старом, законном месте, но его видят только старые москвичи. Для других он незрим. В незаполнимой пустоте начала Тверского бульвара они видят подлинного Пушкина, окруженного фонарями и бронзовой цепью, на которой, сидя рядом и покачиваясь, разговаривали в начале двадцатых годов два поэта и третий — я, их современник.

А Пушкин сегодняшний для меня лишь призрак.

Желая поднять птицелова в глазах знаменитого королевича, я сказал, что птицелов настолько владеет стихотворной техникой, что может, не отрывая карандаша от бумага, написать настоящий классический сонет на любую заданную тему. Королевич заинтересовался и предложил птицелову тут же, не сходя с места, написать сонет на тему Пушкин.

Птицелов экспромтом произнес «Сонет Пушкину» по всем правилам: пятистопным ямбом с цезурой на второй стопе, с рифмами А Б Б А в первых двух четверостишиях и с парными рифмами в двух последних терцетах. Все честь по чести. Что он там произнес — не помню.{64}

Королевич завистливо нахмурился и сказал, что он тоже может написать экспромтом сонет на ту же тему. Он долго думал, даже слегка порозовел, а потом наковырял на обложке журнала несколько строчек.

— Сонет? — подозрительно спросил птицелов.

— Сонет, — запальчиво сказал королевич и прочитал вслух следующее стихотворение:

— Пил я водку, пил я виски, только жаль, без вас, Быстрицкий! Мне не нужно адов, раев, лишь бы Валя жил Катаев.

Потому нам близок Саша, что судьба его как наша.{65}

При последних словах он встал со слезами на голубых глазах, показал рукой на склоненную голову Пушкина и поклонился ему низким русским поклоном.

(Фамилию птицелова он написал неточно: Быстрицкий, а надо было…)

Журнал с бесценным автографом у меня не сохранился.{66} Я вообще никогда не придавал значения документам.{67} Но поверьте мне на слово: все было именно так, как я здесь пишу.

…Смешно и трогательно…

Теперь на том месте, где все это происходило, — пустота. С этим мне трудно примириться. Да и улица Горького в памяти навсегда осталась Тверской из «Евгения Онегина».

…«вот уж по Тверской возок несется сквозь ухабы, мелькают мимо будки, бабы, мальчишки, лавки, фонари, дворцы, сады, монастыри, бухарцы, сани, огороды, купцы, лачужки, мужики, бульвары, башни, казаки, аптеки, магазины моды, балконы, львы на воротах и стаи галок на крестах»…{68}

Почти такой увидел я Москву, когда после гражданской войны приехал с юга{69}. Впрочем, Москва уже была не вполне онегинская. Хотя львы на воротах и стаи галок на крестах, а также аптеки, фонари, бульвары и прочее еще имелись в большом количестве. Но, конечно, трамваи были уже не онегинские.

Москва пушкинская превращалась в Москву Командора.

«Проезжие прохожих реже. Еще храпит Москва деляг, Тверскую жрет, Тверскую режет сорокасильный кадилляк».{70}

Это тоже призрак.

Память разрушается, как старый город. Пустоты перестраиваемой Москвы заполняются новым архитектурным содержанием. А в провалах памяти остаются лишь призраки ныне уже не существующих, упраздненных улиц, переулков, тупичков…

Но как устойчивы эти призраки некогда существовавших здесь церквей, особнячков, зданий… Иногда эти призраки более реальны для меня, чем те, которые их замещали: эффект присутствия!

Я изучал Москву и навсегда запомнил ее в ту пору, когда еще был пешеходом. Мы все были некогда пешеходами и основательно, не слишком торопясь, вглядывались в окружающий нас мир Города во всех его подробностях.

Это была география Столицы, еще так недавно пережившей уличные бои Октябрьской революции.

Два многоэтажных обгоревших дома с зияющими окнами на углу Тверского бульвара и Большой Никитской, сохранившаяся аптека, куда носили раненых, несколько погнутых трамвайных

столбов, пробитых пулями, поцарапанные осколками снарядов стены бывшего Александровского военного училища — здание Реввоенсовета республики, — две шестидюймовки во дворе Музея Революции, бывшего Английского клуба, еще так недавно обстреливавшие с Воробьевых гор Кремль, где засели юнкера.{71}

Множество стареньких, давно не ремонтируемых церквушек неописуемо прекрасной древнерусской архитектуры, иные со снятыми крестами, как бы обезглавленные.

Каждый новый день открывал для пешехода новые подробности города, ставшего центром мировой революции.

Я давно уже перестал быть пешеходом. Езжу на машине. Московские улицы, по которым я некогда проходил, останавливаясь на перекрестках и озирая дома, теперь мелькают мимо меня, не давая возможности всматриваться в их превращения.

Командор был тоже прирожденным пешеходом, хотя у первого из нас у него появился автомобиль — вывезенный из Парижа «рено», но он им не пользовался{72}. На «рено» разъезжала по Москве та, которой он посвятил потом свои поэмы.{73} А он ходил пешком, на голову выше всех прохожих, изредка останавливаясь среди толпы, для того чтобы записать в маленькую книжку только что придуманную рифму или строчку.{74}

Город начал заново отстраиваться с пригородов, с подмосковных бревенчатых деревенек, с пустырей, со свалок, с оврагов, на дне которых сочились сточные воды, поблескивали болотца, поросшие ряской и всякой растительной дрянью. На их месте выстроены новые кварталы, районы, целые города клетчатых, ребристых домов-транзисторов, домов-башен, издали ни дать ни взять напоминающие губную гармонику, поставленную вертикально…{75}

Я люблю проезжать мимо них, среди разноцветных пластмассовых балконов, гордясь торжеством своего государства, которое с неслыханной быстротой превратило уездную Россию в мировую индустриальную сверхдержаву, о чем в нашей юности могло только мечтаться.

Теперь это кажется вполне естественным.

До поры до времени старую Москву, ее центральную часть не трогали. Почти все старые московские уголки и связанные с ними воспоминания оставались примерно прежними и казались навечно застывшими, кроме, конечно, Тверской, превратившейся в улицу Горького и совершенно переменившуюся. Впрочем, к улице Горького я почему-то скоро привык и уже с трудом мог восстановить в памяти, где какие стояли церкви, колокольни,

магазины, рестораны. Преображение Тверской не слишком задевало мои чувства, хотя я часто и грустил по онегинской Тверской, по ее призраку.{76}

Я был житель другого района.

Другой район являлся, в сущности, совсем другим миром.

Я почти неощутимо пережил эпоху новых мостов через Москву-реку{77} и передвижение громадных старых домов с одного места на другое, эпоху строительства первых линий метрополитена{78}, исчезновение храма Христа Спасителя, чей золотой громадный купол, ярко блестевший на солнце, можно было разглядеть, как золотую звезду над лесом, когда до Москвы еще оставалось верст шестьдесят.

Теперь вместо него плавательный бассейн с вечной шапкой теплого пара над его изумрудной водой, теплой — можно купаться даже в морозы.{79}

…Но на месте плавательного бассейна я до сих пор вижу призрак храма Христа Спасителя, на ступенях которого перед бронзовой дверью сижу я, обняв за плечи синеглазку{80}, и мы оба спим, а рассвет приливает, где-то вверху жужжит аэроплан, и мне кажется, что все вокруг, весь город умерщвлен каким-то новым газом так, как якобы уже началась новая война, и мы с синеглазкой тоже уже умерщвлены, нас уже нет в живых, а мы только две обнявшиеся тени…

Потом наступила более тягостная эпоха перестановки и уничтожения памятников. Незримая всевластная рука переставляла памятники, как шахматные фигуры, а иные из них вовсе сбрасывала с доски.

Она переставила памятник Гоголю работы гениального Андреева, тот самый памятник, где Николай Васильевич сидит, скорбно уткнувши свой длинный птичий нос в воротник бронзовой шинели — почти весь потонув в этой шинели, — с Арбатской площади во двор особняка, где по преданию сумасшедший писатель сжег в камине вторую часть «Мертвых душ», а на его место водрузила другого Гоголя — во весь рост, в коротенькой пелеринке, на скучном официальном пьедестале, не то водевильный артист, не то столоначальник, лишенный всякой индивидуальности и поэзии.{81} А на голове у него сидит голубь.

Когда я приехал впервые в Москву, улица Кирова была еще Мясницкой и по ней, кривой и извилистой, я ехал с Курского вокзала на извозчичьих санках, на так называемом ваньке из числа тех, на которых еще езживал Антон Чехов, застегнувшись суконкой — проеденной молью полостью на рыбьем меху.

Москва еще казалась мне непознаваемой, как страшный сон.

Несмотря на мартовский снег, кружившийся среди

незнакомых мне столичных домов, я уже слышал в воздухе что-то, обещающее весну.

Сани ныряли с ухаба на ухаб[82], увозя меня по неведомым улицам неведомо куда — в метель, в только что зажегшиеся страусовые яйца голубоватых электрических фонарей на Лубянской площади, посередине которой возвышался засыпанный снегом итальянский фонтан[83], а извозчик в касторовой шляпе-цилиндре с металлической пряжкой время от времени почмокивал губами, понукая свою клячу, и приговаривал традиционную извозчичью присказку:

— С горки на горку, барин даст на водку.

А барин-то был в потертом пальтишке, перешитом из солдатской шинели, и в ногах у него стояла плетеная корзинка, запертая вместо замочка карандашом, а в корзинке этой лежали рукописи и пара солдатского белья.

Начинался третий год революции.

Впоследствии Мясницкую переименовали в улицу Первого мая, потом как-то незаметно в шуме нэпа она опять стала Мясницкой и оставалась ею до тех пор, пока не получила окончательное название — улица Кирова[84], вероятно в память того сумрачного декабрьского денька, когда посередине улицы по неубранному снегу, издавая тягостный звук мельничного жернова, поворачивались колеса пушечного лафета с низко установленным гробом с телом убитого Кирова, перевозившегося с Ленинградского вокзала в Колонный зал Дома Союзов, а за лафетом темной толпой шли провожающие, наступая сапогами на хвойные крестики и матерчатые цветочки, падающие с венков на свинцовый декабрьский снег.

…по воле случая я шел в похоронной процессии, ужасаясь зрелищу, свидетелем которого мне довелось стать…[85]

Эту картину память принесла мне из сравнительно недавнего прошлого, а еще раньше, в то время, когда улица называлась Мясницкой, мне суждено было судьбой жить в ее районе…

…вдруг тормоза взвизгнули, машина резко затормозила перед красным светофором. Если бы не пристегнутые ремни, я бы мог стукнуться головой о ветровое стекло. Это, несомненно, был перекресток Кировской и Бульварного кольца, но какая странная пустота открылась передо мной на том месте, где я привык видеть Водопьяный переулок. Его не было. Он исчез, этот Водопьяный переулок. Он просто больше не существовал. Он исчез вместе со всеми домами, составлявшими его. Как будто их всех вырезали из тела города. Исчезла библиотека имени Тургенева. Исчезла булочная. Исчезла междугородная переговорная. Открылась непомерно большая площадь — пустота, с которой трудно было

примириться. Пустота казалась мне незаконной, противоестественной, как то непонятное, незнакомое пространство, которое иногда приходится преодолевать во сне: все вокруг знакомо, но вместе с тем совсем незнакомо и не знаешь, куда надо идти, чтобы вернуться домой, и ты забыл, где твой дом, в каком направлении надо идти, и ты идешь одновременно по разным направлениям, но каждый раз оказываешься все дальше и дальше от дома, а между тем ты отлично знаешь, что твой дом где-то совсем рядом, рукой подать, он есть, существует, но его не видно, он как бы в другом измерении.

Реконструкция знакомого перекрестка была сродни выпадению из памяти. В Москве уже стали выпадать целые кварталы. Выпала добрая половина перекрестка, к которому издавна тяготел тот особый старомосковский мир поэтов и художников, куда меня случайно занесло в первый же день пребывания в Москве и долго потом держало в плену.

Пока мы стояли у красного светофора, пропуская поперечный транспорт, я все никак не мог смириться с мыслью, что Водопьяного переулка больше не существует.

Не существует дома, где проходила большая часть жизни Командора{86} в той странной нигилистической семье, где он был третий{87} и где помещался штаб лефов, гонявших чаи с вареньем и пирожными, покупавшимися отнюдь не в Моссельпроме, который они рекламировали, а у частников — известных еще с дореволюционного времени кондитеров Бартельса с Чистых прудов и Дюваля, угол Машкова переулка{88}.

Не существует и входной двери, ведущей с грязноватой лестницы в их интеллигентное логово со стеллажами, набитыми книгами, и с большим чайным столом, покрытым камчатной скатертью.

Дверь эта, выбеленная мелом, была исписана вдоль и поперек автографами разных именитых и неименитых посетителей, тяготевших к Лефу, среди которых какая-то коварная рука умудрилась отчетливо вывести анилиновым карандашом общеизвестный стихотворный пасквиль.{89}

Командор в одной из своих поэм описал эту часть Москвы следующими скупыми словами. Он тогда стремился к простоте и лаконизму и даже однажды сказал: «Язык мой гол»{90}.

«Лубянский проезд. Водопьяный. Вид вот. Вот фон».{91}

Он делил свою жизнь между Водопьяным переулком, где принужден был наступать на горло собственной песне, и Лубянским проездом, где в многокорпусном доходном, перенаселенном доме, в коммунальной квартире у него была

собственная маленькая холостяцкая комнатка с почерневшим нетопленым камином, шведским бюро с задвигающейся шторной крышкой и на белой стене вырезанная из журнала и прикрепленная кнопкой фотография Ленина на высокой трибуне, подавшегося всем корпусом вперед, с протянутой в будущее рукой.{92}

Здесь, оставаясь наедине сам с собой, он уже не был главнокомандующим Левым фронтом, отдающим гневные приказы по армии искусств:

«…а почему не атакован Пушкин и прочие генералы классики?»{93}

Здесь он не писал «нигде кроме, как в Моссельпроме» и «товарищи девочки, товарищи мальчики, требуйте у мамы эти мячики», подаваемые теоретиками из Водопьяного переулка чуть ли не как сверхновая форма классовой борьбы, чуть ли не как революционная пропаганда нового мира и ниспровержение старого, от которого «нами оставляются только папиросы „Ира“». {94}

Здесь он написал:

«…я себя под Лениным чищу».

Здесь же он поставил и точку в своем конце.{95}

И сейчас еще слышатся мне широкие, гулкие шаги Командора{96} на пустынной ночной Мясницкой между уже не существующим Водопьяным и Лубянским проездом, переименованным в проезд Серова{97}.

К перекрестку Мясницкая — Бульварное кольцо тяготело несколько зданий, ныне исторических.

Не говоря уже о главном Почтамте, географическом центре Москвы, откуда отсчитывались версты дорог, идущих в разные стороны от белокаменной, первопрестольной{98}, здесь находился Вхутемас, в недавнем прошлом Школа ваяния и зодчества, прославленная именами Серова, Врубеля, Левитана, Коровина{99}.

Сюда захаживал молодой Чехов, водивший дружбу с московскими живописцами, своими сверстниками.

Здесь обитал художник Л. Пастернак{100} и рос его сын{101}, который, вспоминая свою юность, впоследствии написал:

«Мне четырнадцать лет, Вхутемас еще Школа ваянья… Звон у Флора и Лавра сливается с шарканьем ног… Раздается звонок, голоса приближаются: Скрябин. О, куда мне бежать от шагов моего божества!»{102}

Помню маленькую церквушку Флора и Лавра, ее шатровую колокольню, как бы прижавшуюся к ампирным колоннам полукруглого крыла Вхутемаса. Церковка эта вдруг на моих глазах исчезла, превратилась в дощатый барак бетонного завода Метростроя, вечно покрытый слоем зеленоватой цементной пыли.{103}

Да, еще рядом с Вхутемасом, против Почтамта, чайный магазин в китайском стиле, выкрашенный зеленой масляной краской, с фигурами двух китайцев у входа. Он существует и до сих пор, и до сих пор, проходя мимо, вы ощущаете колониальный запах молотого кофе и чая.{104}

…А потом уже не помню что…

…во дворе Вхутемаса, куда можно было проникнуть с Мясницкой через длинную темную трубу подворотни, было, кажется, два или три высоких кирпичных нештукатуренных корпуса. В одном из них находились мастерские молодых художников. Здесь же в нетопленой комнате существовал как некое допотопное животное — мамонт! — великий поэт, председатель земного шара, будетлянин{105}, странный гибрид панславизма и Октябрьской революции, писавший гениальные поэмы на малопонятном древнерусском языке, на клочках бумаги, которые без всякого порядка засовывал в наволочку, и если иногда выходил из дома, то нес с собой эту наволочку, набитую стихами, прижимая ее к груди{106}.

Вечно голодный, но не ощущающий голода, окруженный такими же, как он сам, нищими поклонниками, прозелитами{107}, он жил в своей запущенной комнате.

Тут же рядом гнездился левейший из левых, самый непонятный из всех русских футуристов, вьюн{108} по природе,

автор легендарной строчки «Дыр, бул, щир»{109}. Он питался кашей, сваренной впрок на всю неделю из пайкового риса, хранившейся между двух оконных рам в десятифунтовой стеклянной банке из-под варенья. Он охотно кормил этой холодной кашей своих голодающих знакомых. Вьюн — так мы будем его называть — промышлял перекупкой книг, мелкой картежной игрой{110}, собирал автографы никому не известных авторов в надежде, что когда-нибудь они прославятся{111}, внезапно появлялся в квартирах знакомых и незнакомых людей, причастных к искусству, где охотно читал пронзительно-крикливым детским голосом свои стихи, причем приплясывал, делал рапирные выпады, вращался вокруг своей оси, кривлялся своим остроносым лицом мальчика-старичка{112}.

У него было пергаментное лицо скопца.

Он весь был как бы заряжен неким отрицательным током антипоэтизма, иногда более сильным, чем положительный заряд общепринятой поэзии.{113}

По сравнению с ним сам великий будетлянин иногда казался несколько устаревшим, а Командор просто архаичным.

В общежитии обитали ученики Вхутемаса, которым Октябрьская революция открыла двери в искусство, «принадлежавшее народу». Все эти обросшие бородами молодые провинциалы оказались в живописи крайне левыми. Даже кубизм казался им слишком буржуазноотсталым. Перемахнув через Пикассо голубого периода и через все его эксперименты с разложением скрипки в разных плоскостях{114}, молодые вхутемасовцы вместе со своим же собратом московским художником Кандинским изобрели новейшее из новейших течений в живописи — абстракционизм{115}, который впоследствии перекочевал в Париж, обосновался на Монпарнасе, где, к общему удивлению, держится до сих пор, доживая, впрочем, свои последние дни.

Но тогда, в нищей, голодной, зажатой в огненном кольце наступающей со всех сторон контрреволюции Советской России, в самом ее сердце, в красной Москве, в центре Москвы, против главного Почтамта, в общежитии Вхутемаса это сверхреволюционное направление буйно процветало. Все стены были увешаны полотнами и картонами без рам с изображениями различных плоскостных геометрических фигур: красных треугольников на зеленом фоне, лиловых квадратов на белом фоне, интенсивно оранжевых полос и прямоугольников, пересекающихся на фоне берлинской лазури.

Царили Лавинский, Родченко, Клюн…{116}

К этому времени относится посещение Лениным Вхутемаса, о

котором только и шло разговоров в ту раннюю весну, когда я приехал в Москву.

Говорили, что Владимир Ильич и Надежда Константиновна в вязаном платке поверх меховой шапочки приехали во Вхутемас на извозчичьих санях. Воображаю, какое было выражение лица у Ленина, когда он увидел на стенах картины с разноцветными треугольниками и квадратиками!

Теперь это уже стало общеизвестным фактом, историей.{117} А тогда еще ходило среди жителей перекрестка как легенда.

Но один лишь факт, что где-то здесь совсем недавно и совсем недалеко от угла Мясницкой и Бульварного кольца, в доме, знакомом всем, побывал сам Ленин, — уже одно это казалось мне чудом и как бы еще больше приобщало меня к революции.

Во дворе Вхутемаса, в другом скучном, голом, кирпичном корпусе, на седьмом этаже, под самой крышей{118} жил со своей красавицей женой Ладой{119} бывший соратник и друг мулата по издательству «Центрифуга», а ныне друг и соратник Командора{120} — замечательный поэт, о котором Командор написал:

…«Есть у нас еще Асеев Колька. Этот может. Хватка у него моя. Но ведь надо заработать столько! Маленькая, но семья».{121}

…но мы еще с вами поднимемся на седьмой этаж, в комнату соратника.

Справа от упомянутого перекрестка, если стать лицом к Лубянке, за маленькой площадью с библиотекой имени Тургенева, прямо на Сретенский бульвар выходили громадные оранжевокирпичные корпуса бывшего страхового общества «Россия», где размещались всякие лито-, тео-, музо-, киноорганизации того времени{122}, изображенные Командором в стихотворении «Прозаседавшиеся», так понравившемся Ленину{123}. В том же доме в Главполитпросвете работала Крупская по совместительству с работой в Наркомпросе РСФСР — по другую сторону перекрестка, в особняке на Чистых прудах, под началом Луначарского{124}.

Крупскую и Луначарского можно было в разное время запросто встретить на улице в этих местах: ее — серебряно поседевшую, гладко причесанную, в круглых очках с увеличительными стеклами, похожую на пожилую сельскую учительницу; его — в полувоенном френче фасона Февральской революции, с крупным дворянским носом, как бы вырубленным из дерева, на котором сидело сугубо интеллигентское пенсне в черной оправе, весьма не подходившее к полувоенной фуражке с мягким козырьком вроде той, которую так недолго нашивал Керенский, но зато хорошо дополняющее темные усы и

эспаньолку а-ля «Анри катр», — типичного монпарнасского интеллектуала, завсегдатая «Ротонды» или «Клозери де Лила», знатока всех видов изящных искусств, в особенности итальянского Возрождения, блестящего оратора, умевшего без подготовки, экспромтом, говорить на любую тему подряд два часа, ни разу не запнувшись и не запутавшись в слишком длинных придаточных предложениях.

Рядом с Наркомпросом находился товарный двор главного Почтамта{125}, куда въезжали в то время еще не грузовики, а ломовики, нагруженные почтовыми посылками, и оттуда потягивало запахом сургуча, пенькового шпагата, рогож, конского навоза, крупными дымящимися яблоками валившегося из-под хвостов першеронов{126} к неописуемой радости откормленных чистопрудных, вполне старорежимных воробьев.

Напротив же, если по прямой линии пересечь Чистопрудный бульвар, где в июне густо цветущие липы разливали медовый, глубоко провинциальный аромат вечной весны, можно было попасть в тот самый Харитоньевский переулок{127}, куда некогда из деревни привезли бедную Таню Ларину на московскую ярмарку невест.

В Харитоньевский переулок выходило еще несколько других переулков, в одном из которых — Мыльниковом — поселился я, приехав в Москву, а следом за мною через мою комнату прошли почти все мои друзья{128}, ринувшиеся с юга, едва только кончилась гражданская война, на завоевание Москвы: ключик, брат и друг{129}, птицелов, наследник{130} и прочие.

Мыльников переулок был известен тем, что в другом его конце находилось здание бывшего училища Фидлера, хранившее на своих стенах следы артиллерийского обстрела еще времен первой революции 1905 года, когда здесь был штаб боевых дружин и его обстреливали из пушек карательные войска полковника Римана.

Следующим за Мыльниковым в Харитоньевский выходил Машков переулрк. Здесь в высоком, многоквартирном, богатом доме, предреволюционной постройки в несколько скандинавском стиле, что было тогда модно, в барских апартаментах Екатерины Павловны Пешковой{131}, жены Максима Горького, в самый разгар гражданской войны, отвлекшись на часок от своих дел, Ленин слушал «Аппассионату» Бетховена, опустив голову на руку и полузакрыв узкие глаза — весь отдавшийся во власть музыки, тревожившей и вместе с тем усыплявшей воображение{132}.

Вероятно, очень много выпало из моей памяти.

Запомнилось, как однажды по Харитоньевскому переулку ехал старомодно высокий открытый автомобиль и на заднем

сиденье среди каких-то полувоенных заметно возвышалась худая фигура Максима Горького, с любопытством посматривавшего вокруг. Он был в своей общеизвестной шляпе. Из его пшеничных солдатских усов над бритым подбородком торчал мундштук с дымящейся египетской сигареткой.

Великий пролетарский писатель только что вернулся на родину после долгого пребывания в Сорренто и, пережив волнение и восторг всенародной встречи на площади Белорусско-Балтийского вокзала, уже став национальным героем, ехал к себе домой, на старую квартиру в Машков переулок.{133}

Лицо и руки его были оранжевыми от итальянского загара.

Обо многом мог бы еще поведать — и, надеюсь, поведает в этом сочинении — перекресток Мясницкой и Бульварного кольца, по которому, рассыпая из-под колес искры, катились провинциальные вагончики трамвая буквы А, в просторечии «Аннушки»{134}.

Но лучше всего запомнился мне Телеграфный переулок{135}, выходивший рядом с Наркомпросом на Чистые пруды, которые в ту пору я считал как бы своей вотчиной.

Телеграфный переулок впадал в Кривоколенный. В Кривоколенном, в этом самом изломанном, длиннейшем и нелепейшем переулке во всей Москве, помещалась редакция первого советского толстого журнала «Красная новь», основанного по совету самого Ленина{136}. Туда часто захаживали почти все писатели тогдашней Москвы.

Захаживал, вернее забегал, также и я.

И вот однажды по дороге в редакцию в Телеграфном переулке я и познакомился с наиболее опасным соперником Командора{137}, широкоизвестным поэтом — буду его называть с маленькой буквы королевичем, — который за несколько лет до этого сам предсказал свою славу:

«Разбуди меня утром рано, засвети в нашей горнице свет. Говорят, что я скоро стану знаменитый русский поэт».{138}

Он не ошибся, он стал знаменитым русским поэтом.

Я еще с ним ни разу не встречался. Со всеми знаменитыми я уже познакомился, со многими подружился, с некоторыми сошелся на ты. А с королевичем — нет. Он был в своей легендарной заграничной поездке вместе с прославленной на весь мир американской балериной-босоножкой, которая была в восхищении от русской революции и выбегала на сцену московского Большого театра в красной тунике, с развернутым красным знаменем, исполняя под звуки оркестра свой знаменитый танец «Интернационал». У нее в Москве в особняке на Пречистенке была студия молоденьких балерин-босоножек, и

ее слава была безгранична. Она как бы олицетворяла собой вторжение советских революционных идей в мир увядающего западного искусства.

В области балета она была новатором. Луначарский был от нее в восторге. Станиславский тоже.

Бурный роман королевича с великой американкой на фоне пуританизма первых лет революции воспринимался в московском обществе как скандал, что усугубилось разницей лет между молодым королевичем и босоножкой бальзаковского возраста. В своем молодом мире московской богемы она воспринималась чуть ли не как старуха. Между тем люди, ее знавшие, говорили, что она была необыкновенно хороша и выглядела гораздо моложе своих лет, слегка по-англосакски курносенькая, с пышными волосами, божественно сложенная.

Так или иначе, она влюбила в себя рязанского поэта, сама в него влюбилась без памяти, и они улетели за границу из Москвы на дюралевом «юнкерсе» немецкой фирмы «Люфтганза». Потом они совершили турне по Европе и Америке.{139}

Один из больших остряков того времени{140} пустил по этому поводу эпиграмму, написанную в нарочито архаической форме александрийского шестистопника:

«Такого-то куда вознес аэроплан? В Афины древние, к развалинам Дункан».

Это было забавно, но несправедливо. Она была далеко не развалина, а еще хоть куда!{141}

Изредка доносились слухи о скандалах, которые время от времени учинял русский поэт в Париже, Берлине, Нью-Йорке, о публичных драках с эксцентричной американкой{142}, что создало на западе громадную рекламу бесшабашному крестьянскому сыну, рубахе-парню, красавцу и драчуну с загадочной славянской душой.

Можно себе представить, до каких размеров вырастали эти слухи в Москве, еще с грибоедовских времен сохранившей славу первой сплетницы матушки России.

Но вот королевич окончательно разодрался со своей босоножкой и в один прекрасный день снова появился в Москве — «как денди лондонский, одет»{143}.

Все во мне вздрогнуло: это он!

А рядом с ним шел очень маленький, ростом с мальчика, с маленьким носиком, с крупными передними зубами, по-детски выступающими из улыбающихся губ, с добрыми, умными, немного лукавыми, лучистыми глазами молодой человек. Он был в скромном москвошвеевском костюме, впрочем при галстуке{144}, простоватый на вид, да себе на уме. Так

называемый человек из народа, с которым я уже был хорошо знаком и которого сердечно любил за мягкий характер и чудные стихи раннего революционного периода, истинно пролетарские, без подделки; поэзия чистой воды: яркая, весенняя, как бы вечно первомайская.

«Мой отец простой водопроводчик, ну а мне судьба сулила петь. Мой отец над сетью труб хлопочет, я стихов вызваниваю сеть».{145}

Вот как писал этот поэт — сын водопроводчика из Немецкой слободы{146}:

«Живей, рубанок, шибче шаркай, шушукай, пой за верстаком, чеши тесину сталью жаркой, стальным и жарким гребешком… И вот сегодня шум свиванья, и ты, кудрявясь второпях, взвиваешь теплые воспоминанья о тех возлюбленных кудрях»…{147}

Как видите, он уже не только был искушен в ассонансах, внутренних рифмах, звуковых повторах, но и позволял себе разбивать четырехстопный ямб инородной строчкой, что показывало его знакомство не только с обязательным Пушкиным, но также с Тютчевым и даже Андреем Белым{148}.

Окинувши нас обоих лучезарным взглядом, он не без некоторой торжественности сказал:

— Познакомьтесь.

Мы назвали себя и пожали друг другу руки. Я не ошибся. Это был он. Но как он на первый взгляд был не похож на того молодого крестьянского поэта, самородка, образ которого давно уже сложился в моем воображении, когда я читал его стихи: молодой нестеровский юноша, почти отрок, послушник, среди леса тонких молодых березок легкой стопой идущий с котомкой за плечами в глухой, заповедный скит, сочинитель «Радуницы»{149}. Или бесшабашный рубаха-парень с тальянкой на ремне через плечо. Или даже Ванька-ключник, злой разлучник, с обложки лубочной книжки. Словом, что угодно, но только не то, что я увидел: молодого мужчину, я бы даже сказал господина, одетого по последней парижской моде, в габардиновый светлый костюм — пиджак в талию, — брюки с хорошо выглаженной складкой, новые заграничные ботинки, весь с иголочки, только новая фетровая шляпа с широкой муаровой лентой была без обычной вмятины и сидела на голове аккуратно и выпукло, как горшок.{150} А из-под этой парижской шляпы на меня смотрело лицо русского херувима{151} с пасхально-румяными щечками и по-девичьи нежными голубыми глазами, в которых, впрочем, я заметил присутствие опасных чертиков, нечто настороженное: он как бы пытался понять, кто я ему буду — враг или друг? И как ему со мной держаться? Типичная крестьянская черта.

Я это сразу почувствовал и, сердечно пожимая ему руку, сказал, что полюбил его поэзию еще с 1916 года, когда прочитал его стихотворение «Лисица»{152}.

— Вам понравилось? — спросил он, оживившись. — Теперь мало кто помнит мою «Лисицу». Всё больше восхищаются другим — «Плюйся, ветер, охапками листьев, я такой же, как ты, — хулиган»{153}. Ну и, конечно, «С бандитами жарю спирт…»{154}.

Он невесело усмехнулся.

— А я помню именно «Лисицу», — сказал я. — Какие там удивительные слова, определения.

«Тонкой прошвой кровь отмежевала на снегу дремучее лицо».

У подстреленной лисицы дремучее лицо! Во-первых, замечательный эпитет «дремучее», а во-вторых, не морда, а лицо. Это гениально! А как изображен выстрел из охотничьего ружья!

«Ей все бластился в колючем дыме выстрел, колыхалася в глазах лесная топь. Из кустов косматый ветер взбыстрил и рассыпал звонистую дробь».

— Что ни слово, то находка!

Я вспомнил январь 1916 года, прифронтовую железнодорожную станцию Молодечно. Неслыханная красота потонувшего в снегах Полесья. В нетопленом станционном помещении я купил в киоске несколько иллюстрированных журналов, с тем чтобы было что почитать в землянке на позициях, куда я ехал добровольцем. Уже сидя в бригадных санях, под усыпляющий звон валдайского колокольчика я развернул промерзший номер журнала «Нива» и сразу же наткнулся на «Лисицу» — небольшое стихотворение, подписанное новым для меня именем, показавшимся мне слишком бедным, коротким и невыразительным.

Но стихи были прекрасны.

Я увидел умирающую на снегу подстреленную лисицу:

«Как желна, над нею мгла металась, мокрый вечер липок был и ал. Голова тревожно подымалась, и язык на ране застывал».

Я был поражен достоверностью этой живописи, удивительными мастерскими инверсиями: «…мокрый вечер липок был и ал». И наконец — «желтый хвост упал в метель пожаром, на губах — как прелая морковь»…

Прелая морковь доконала меня. Я никогда не представлял, что можно так волшебно пользоваться словом. Я почувствовал благородную зависть — нет, мне так никогда не написать! Незнакомый поэт запросто перешагнул через рубеж, положенный передо мною Буниным{155} и казавшийся окончательным.

Самое же главное было то, что я ехал на фронт, быть может на смерть. Вокруг меня розовели, синели, голубели предвечерние

снега, завалившие белорусский лес. Среди векового бора, к которому я неумолимо приближался, сочилось кровью низкое закатное солнце, и откуда-то доносились приглушенные пространством редкие пушечные выстрелы…

…Я мог бы назвать моего нового знакомого как угодно: инок, мизгирь, лель, царевич… Но почему-то мне казалось, что ему больше всего, несмотря на парижскую шляпу и лайковые перчатки, подходит слово «королевич»… Может быть, даже королевич Елисей…{156}

Но буду его называть просто королевич, с маленькой буквы.

Пока я объяснялся ему в любви, он с явным удовольствием, даже с нежностью смотрел на меня. Он понимал, что я не льщу, а говорю чистую правду. Правду всегда можно отличить от лести. Он понял, что так может говорить только художник с художником.

— А я, — сказал он, отвечая любезностью на любезность, — только недавно прочитал в «Накануне» замечательный рассказ «Железное кольцо»{157}, подписанный вашей фамилией. Стало быть, будем знакомы.

Мы еще раз обменялись рукопожатием и с этой минуты стали говорить друг другу ты, что очень понравилось сыну водопроводчика. Он сиял своими лучистыми глазами и сказал, как бы навек скрепляя нашу дружбу:

— Вот так — очень хорошо. А то я боялся, что вы не сойдетесь: оба вы уж больно своенравны. Но, слава богу, обошлось.

Теперь, застрявши перед красным светофором на перекрестке Кировская — Бульварное кольцо, я так ясно представил себе тротуар короткого Архангельского переулка, вижу рядом странную, какую-то нерусскую колокольню — круглую башню и церковь, как говорят, посещавшуюся масонами соседней ложи{158}, и зеленоватые стволы деревьев, которые в моей осыпающейся памяти запечатлелись как платаны со стволами, пятнистыми как легавые собаки, чего никак не могло быть на самом деле: где же в Москве найдешь платаны?{159} Вероятно, это были обыкновенные тополя, распускавшие по воздуху хлопья своего пуха.

А в начале Чистых прудов, как бы запирая бульвар со стороны Мясницкой, стояло скучное двухэтажное здание трактира с подачей пива, так что дальнейшее не требует разъяснений.{160}

Помню, что в первый же день мы так искренне, так глубоко сошлись, что я не стесняясь спросил королевича, какого черта он спутался со старой американкой, которую, по моим понятиям, никак нельзя было полюбить, на что он, ничуть на меня не

обидевшись, со слезами на хмельных глазах, с чувством воскликнул:

— Богом тебе клянусь, вот святой истинный крест! — Он поискал глазами и перекрестился на старую трактирную икону. — Хошь верь, хошь не верь: я ее любил.{161} И она меня любила. Мы крепко любили друг друга. Можешь ты это понять? А то, что ей сорок, так дай бог тебе быть таким в семьдесят!

Он положил свою рязанскую кудрявую голову на мокрую клеенку и заплакал, бормоча:

— …и какую-то женщину сорока с лишним лет… называл своей милой…

Вероятно, это были заготовки будущего «Черного человека».{162}

Уже тогда, в первый день нашей дружбы, в трактире на углу Чистых прудов и Кировской, там, где теперь я видел станцию метро «Кировская» и памятник Грибоедову{163}, я предчувствовал его ужасный конец. Почему? Не знаю!

Примерно года за полтора до этого мне удалось вытащить в Москву птицелова.{164} Казалось, что, подобно эскессу, он навсегда останется в Одессе, ставшей украинским городом.

Он уже был женат на вдове военного врача.{165} У него недавно родился сын.{166} Он заметно пополнел и опустился. Жена его, добрая женщина, нежно его любила, берегла{167}, шила из своих старых платьев ему толстовки{168} — так назывались в те времена длинные верхние рубахи вроде тех дворянских охотничьих рубах, которые носил Лев Толстой, но только со складками и пояском. Он жил стихотворной, газетной поденщиной в тех немногочисленных русских изданиях, которые еще сохранились.{169} Украинский язык ему не давался. Он жил в хибарке на Молдаванке. Его пожирала бронхиальная астма. По целым дням он по старой привычке сидел на матраце, поджав по-турецки ноги, кашлял, задыхался, жег специальный порошок против астмы и с надсадой вдыхал его селитренный дым.{170}

Но стихи «для души» писать не бросил.

По-прежнему в небольшой комнате с крашеным полом, среди сохнущих детских пеленок и стука швейной машинки{171}, среди птичьих клеток его окружали молодые поэты, его страстные и верные поклонники, для которых он был божеством{172}. Он читал им свои и чужие стихи, тряся нестриженой, обросшей головой со следами былого пробора, и по-борцовски напрягал бицепсы полусогнутых рук.

Приехав из Москвы и увидев эту картину, я понял, что оставаться птицелову в Одессе невозможно. Он погибнет. Ему надо немедленно переезжать в Москву, где уже собрался весь цвет

молодой русской советской литературы, где гремели имена прославленных поэтов, где жизнь била ключом, где издавались русские книги и журналы.

На мое предложение ехать в Москву птицелов ответил как-то неопределенно: да, конечно, это было бы замечательно, но здесь тоже недурно, хотя, в общем, паршиво, но я привык. Тут Лида и Севка, тут хорошая брынза, дыни, кавуны, вареная пшенка… и вообще есть литературный кружок «Потоки»{173}, ну и, сам понимаешь…

— К черту! — сказал я. — Сейчас или никогда! К счастью, жена птицелова поддержала меня:

— В Москве ты прославишься и будешь зарабатывать.

— Что слава? Жалкая зарплата на бедном рубище певца, {174} — вяло сострил он, понимая всю несостоятельность этого старого жалкого каламбура. Он произнес его нарочито жлобским голосом, как бы желая этим показать себя птицеловом прежних времен, молодым бесшабашным остряком и каламбуристом.

— За такие остроты вешают, — сказал я с той беспощадностью, которая была свойственна нашей компании. {175} — Говори прямо: едешь или не едешь?

Он вопросительно взглянул на жену. Она молчала. Он посмотрел на увеличенный фотографический портрет военного врача в полной парадной форме — покойного мужа его жены.

Птицелов чрезвычайно почтительно относился к своему предшественнику и каждый раз, глядя на его портрет, поднимал вверх указательный палец и многозначительным шепотом произносил:

— Канцлер!{176}

Он вопросительно посмотрел на портрет «канцлера». Но канцлер — строгий, с усами, в серебряной портупее через плечо и с узкими серебряными погонами — молчал.

Птицелов подумал, потряс головой и солидно сказал:

— Хорошо. Еду. А когда?

— Завтра, — отрезал я, понимая, что надо ковать железо, пока горячо.

— А билеты? — спросил он, сделав жалкую попытку отдалить неизбежное.

— Билеты будут, — сказал я.

— А деньги? — спросил он.

— Деньги есть.

— Покажи.

Я показал несколько бумажек.

Птицелов еще более жалобно посмотрел на жену.

— Поедешь, поедешь, нечего здесь… — ворчливо сказала она.

— А что я надену в дорогу?

— Что есть, в том и поедешь, — грубо сказал я.

— А кушать? — уже совсем упавшим голосом спросил он.

— В поезде есть вагон-ресторан.

— Ну это ты мне не заливай. Дрельщик! — сказал он, искренне не поверив в вагон-ресторан. Это показалось ему настолько фантастичным, что он даже назвал меня этим жаргонным словом «дрельщик», что обозначало фантазер, выдумщик, врунишка.

— Вообрази! — сказал я настолько убедительно, что ему ничего не оставалось, как сдаться, и мы условились встретиться завтра на вокзале за полчаса до отхода поезда.

…Солнце жгло крашеный пол, и на крашеных подоконниках выскочили волдыри…

Я хорошо изучил характер птицелова. Я знал, что он меня не обманет и на вокзал придет, но я чувствовал, что в последний момент он может раздумать. Поэтому я приготовил ему ловушку, которая, по моим расчетам, должна была сработать наверняка.

Незадолго до отхода поезда на перроне действительно появился птицелов в сопровождении супруги, которая несла узелок с его пожитками и едой на дорогу. По его уклончивым взглядам я понял, что в последнюю минуту он улизнет.

Мы прохаживались вдоль готового отойти поезда. Птицелов кисло смотрел на зеленые вагоны третьего класса, бормоча что-то насчет мучений, предстоящих ему в жестком вагоне, в духоте, в тряске и так далее, он даже вспомнил при сей верной оказии Блока:

«…молчали желтые и синие, в зеленых плакали и пели»…{177}

Он не хотел ехать среди пенья и плача.

— Знаешь, — сказал он, надуваясь, как борец-тяжеловес, — сделаем лучше так: ты поедешь, а я пока останусь. А потом приеду самостоятельно. Даю честное слово. Бенимунис, — не мог не прибавить он еврейскую клятву и посмотрел на свою жену.

Она, в свою очередь, посмотрела на птицелова, на его угнетенную фигуру, и ее нежное сердце дрогнуло.

— Может быть, действительно… — промямлила она полувопросительно.

Ударил первый звонок.

Тогда я выложил свою козырную карту.

— А ты знаешь, в каком вагоне мы поедем?

— А в каком? Наверное, в жестком, бесплацкартном.

— Мы поедем вот в этом вагоне, — сказал я и показал пальцем на сохранившийся с дореволюционного времени вагон международного общества спальных вагонов с медными

британскими львами на коричневой деревянной обшивке, натертой воском, как паркет.{178}

О существовании таких вагонов — «слипинг кар» — птицелов, конечно, знал, читал о них в книжках, но никак не представлял себе, что когда-нибудь сможет ехать в таком вагоне. Он заглянул в окно вагона, увидел двухместное купе, отделанное красным полированным деревом на медных винтах, стены, обтянутые зеленым рытым бархатом, медный абажур настольной электрической лампочки, тяжелую пепельницу, толстый хрустальный графин, зеркало и все еще с недоверием посмотрел на меня.

Я показал ему цветные плацкартные квитанции международного общества спальных вагонов, напечатанные на двух языках, после чего он, печально поцеловавшись с женой и попросив ее следить за птичками и за сыном, неуклюже протиснулся мимо проводника в коричневой форменной куртке в вагон, где его сразу охватил хвойных запах особой лесной воды, которой регулярно пульверизировался блистающий коридор спального вагона с рядом ярко начищенных медных замков и ручек на лакированных, красного дерева дверях купе.

Чувствуя себя крайне сконфуженным среди этого комфорта в своей толстовке домашнего шитья, опасаясь в глубине души, как бы все это не оказалось мистификацией и как бы нас с позором не высадили из поезда на ближайшей станции, где-нибудь на Раздельной или Бирзуле, птицелов вскарабкался на верхнюю полку с уже раскрытой постелью, белеющей безукоризненными скользкими прохладными простынями, забился туда и первые сто километров сопел, как барсук в своей норе, упруго подбрасываемый международными рессорами.

До Москвы мы ехали следующим образом: я захватил с собой несколько бутылок белого сухого бессарабского, в узелке у птицелова оказались хлеб, брынза, завернутые в газету «Моряк», и в течение полутора суток, ни разу не сомкнув глаз, мы читали друг другу свои и чужие стихи, то есть занимались тем, чем привыкли заниматься всегда, при любых обстоятельствах: дома, на Дерибасовской, на Ланжероне, в Отряде и даже на прелестной одномачтовой яхте английской постройки «Чайка»{179}, куда однажды не без труда удалось затащить птицелова, который вопреки легенде ужасно боялся моря и старался не подходить к нему ближе чем на двадцать шагов.

Я уже не говорю о купании в море: это исключалось.{180}

…на «Чайку» налетел с Дофиновки внезапный шквал. Яхту бросало по волнам. Наши девушки спрятались в каюте. А птицелов лежал пластом на палубе лицом вниз, уцепившись

руками за медную утку, проклиная все на свете, поносил нас последними словами, клялся, что никогда в жизни не ступит на борт корабля{181}, и в промежутках читал, кажется, единственное свое горькое любовное стихотворение, в котором, сколько мне помнится, «металась мокрая листва» и было «имя Елены строгое» или нечто подобное.

Значит, и он тоже перенес некогда неудачную любовь, оставившую на всю жизнь рубец в его сердце, в его сознании, что, может быть, даже отразилось на всей его поэзии, Недаром же в его стихах о Пушкине были такие слова:

«…рассыпанные кудри Гончаровой и тихие медовые глаза». {182}

Не думаю, чтобы у Натальи Николаевны были рассыпанные кудри и медовые глаза. Судя по портретам, у нее были хорошо причесанные волосы а-ля директуар, а глаза были отнюдь не тихие медовые, а черносмородинные, прелестные, хотя и слегка близорукие.

…А рассыпанные кудри и медовые глаза были у той единственной, которую однажды в юности так страстно полюбил птицелов и которая так грубо и открыто изменила ему с полупьяным офицером…{183}

Я думаю, у всех нас, малых гениев, в истоках нашей горькой поэзии была мало кому известная любовная драма — чаще всего измена, крушение первой любви, — рана, которая уже почти никогда не заживала, кровоточила всю жизнь.

У ключика тоже. Об этом я еще расскажу, хотя это скорее материал для психоанализа, а не для художественной прозы.

…в купе международного вагона, попивая горьковатое белое бессарабское, налитое в тяжелые стаканы с подстаканниками, которые дробно позванивали друг о друга в темпе мчавшегося курьерского, птицелов читал свои новые, еще не известные мне стихи.

…слышу его задыхающийся голос парнасца, как бы восхищенного красотой созданных им строф. Отрывки стихов сливались с уносящимися телеграфными столбами и пропадали среди искалеченных еще во время гражданской войны станционных водокачек, степных хуторов, местечек, черноземных просторов, где некогда носилась конница Котовского, — словом, там, где сравнительно недавно гремела революция, в которую мы так страстно были влюблены.

Строфы разных стихотворений смешивались между собой, превращаясь в сумбурную, но прекрасную поэму нашей молодости.

…«Вот так бы и мне в налетающей тьме усы раздувать,

развалясь на корме, да видеть звезду над бушпритом склоненным, да голос ломать черноморским жаргоном, да слушать сквозь ветер холодный и горький мотора дозорного скороговорку… и петь, задыхаясь на страшном просторе: Ай, Черное море, хорошее море!..»{184}

«За проселочной дорогой, где затих тележный грохот, над прудом, покрытым ряской, Дидель сети разложил. Перед ним зеленый снизу, голубой и синий сверху — мир встает огромной птицей, свищет, щелкает, звенит… Так идет веселый Дидель с палкой, птицей и котомкой через Гарц, поросший лесом, вдоль по рейнским берегам, по Тюрингии дубовой, по Саксонии сосновой, по Вестфалии бузинной, по Баварии хмельной. Марта, Марта, надо ль плакать, если Дидель ходит в поле, если Дидель свищет птицам и смеется невзначай?»{185}

…ему хотелось быть и контрабандистом, и чекистом{186}, и Диделем… Ему хотелось быть Витингтоном…

«Мы сваи поднимали в ряд, дверные прорубали ниши, из листьев пальмовых накат накладывали вместо крыши. Мы балки поднимали ввысь, лопатами срывали скалы. „О, Витингтон, вернись, вернись“, — вода у взморья ворковала. Прокладывали наугад дорогу средь степных прибрежий. „О, Витингтон, вернись назад“, — нам веял в уши ветер свежий. И с моря доносился звон, гудевший нежно и невнятно: „Вернись обратно, Витингтон, о, Витингтон, вернись обратно!“{187}

Он был каким-то Витингтоном, которого нежный голос жены звал вернуться обратно. Но время было необратимо. Он мчался к славе, и возврата к прошлому не было.

Никогда он больше не увидит крашеный подоконник, раскаленный южным солнцем до пузырей.

Никогда уже больше мы не были с птицеловом так душевно близки, как во время этой поездки. Во времена Пушкина о нас бы сказали, наверное, так:

„Пленники Бахуса и Феба“.

На горизонте, за подмосковными лесами нам уже блеснула на солнце звезда золотого купола Христа Спасителя и две тени — ее и моя, — сидевшие на ступенях храма, а за нами величественно возвышалась массивная бронзовая дверь.

Она прижалась ко мне так доверчиво, так печально. Она положила на мое плечо свою голову в самодельной шелковой шляпке с большими полями на проволочном каркасе. Шляпа мешала и ей и мне: она не позволяла нам поцеловаться. Почему-то ей не пришло в голову снять и положить шляпу на гранитные ступени.

Мы не спали почти целые сутки, навсегда прощались и все

никак не могли оторваться друг от друга. Нам казалось невероятным, что мы уже никогда не увидимся. В этот мучительно длинный летний день мы любили друг друга сильнее, чем за все время нашего знакомства. Казалось, мы не сможем прожить и одного дня друг без друга. И в то же время мы знали, что между нами навсегда все кончено.

Какая же страшная сила разлучила нас?

Не знаю. Не знал ни тогда, ни теперь, когда пишу эти строки. Она тоже не знала. И никогда не узнает, потому что ее уже давно нет на свете. Никто не знал. Это было вмешательство в человеческую жизнь роковой силы как бы извне, не подвластной ни человеческой логике, ни простым человеческим чувствам.

Нами владел рок. Мы были жертвами судьбы.

Мы старались как могли отдалить минуту разлуки. Держась за руки, как играющие дети, мы ходили по городу, садились в трамваи, ехали куда-то, пили чай в трактирах, сидели на деревянных скамейках вокзалов, заходили на дневные сеансы кинематографов, смотрели картины, ничего не понимая, кроме того, что скоро будем навеки разлучны.

Каким-то образом мы очутились в самый разгар палящего дня этого московского, как сказал бы щелкунчик — буддийского, лета{188} в Сокольническом запущенном парке, в самой глуши леса, в безлюдье, лежа в высокой траве, в бурьяне, пожелтевшем от зноя, среди поникших ромашек, по которым ползали муравьи, трудолюбиво выполняя свою работу.

Она сняла и отбросила в сторону, шляпу, портившую ее прелестное круглое личико восемнадцатилетней девушки. Лежа на спине, она неподвижно смотрела невинными глазами в небо. Совсем девочка, прилежная школьница с немного выдающимся кувшинчиком нижней губы, что придавало выражению ее милого, мягко сточенного лица, неуловимо похожего на лицо старшего брата, нечто насмешливое, но не ироническое, а скорее светящееся умным юмором, свойственным интеллигентным южным семьям, выписывающим „Новый Сатирикон“ и любящим Лескова и Гоголя.

Я подсунул руку под ее нежную шею. Она полуоткрыла жаркие губы, как бы прося напиться: над нами парами летали некрасивые московские бабочки. И я не знаю, как бы сложилась в дальнейшем наша жизнь, если бы вдруг мимо нас, с трудом пробираясь по плечи в траве, под звуки барабана не прошел маленький отряд пионеров в белых рубашках и красных галстуках.

Мы отпрянули друг от друга.

И когда пионеры скрылись в зарослях Сокольнического леса,

мы поняли, что бессильны противостоять той злой таинственной силе, которая не хотела, чтобы мы навсегда принадлежали друг другу.

Она поправила щелкнувшую подвязку, надела шляпу, села.

А знойный день все продолжался и продолжался, переходил в вечер, потом в душную ночь с зарницами, и мы ходили по Москве, по ее Садовому кольцу, которое в то время было еще действительно садовым, так как сплошь состояло из садиков перед маленькими домиками, потом по Бульварному кольцу, мимо Пушкина, Тимирязева{189} с голубем на голове, мимо Гоголя, потонувшего в своей бронзовой шинели, потом по древним переулкам, мимо особняков Сивцева Вражка и Собачьей площадки, иногда целовались, плакали, пока наконец не очутились возле храма Христа Спасителя и сели, измученные, на его гранитные ступени, еще не остывшие после дневной жары, прижались друг к другу, немного вздремнули…{190}

Близился рассвет. Город был пуст и мертв. Только где-то очень далеко и очень высоко слышался звук невидимого самолета, и мне показалось, что уже произошла непоправимая катастрофа, началась всемирная война и город вокруг нас был уже умерщвлен какими-то бесшумными химическими или физическими средствами, что нас — ни ее, ни меня — уже нет в живых, наши души отлетели и только остались два неподвижных тела, прижавшихся друг к другу в вечном сне на гранитной лестнице мертвого храма, лишенного божества, хотя мертвый золотой купол в лучах только что взошедшего мертвого солнца все еще продолжал жарко сиять над вымершей Москвой, над вымершими лесами Подмосковья, тот самый легендарный купол храма Христа Спасителя, который мы с птицеловом уже видели из окна международного вагона.

Легко представить то удовольствие, с которым я, считая себя старым москвичом, показывал приезжему провинциалу все достопримечательности столицы молодого Советского государства.

Сломивши сопротивление птицелова, я повел его сначала на Сухаревку{191}, где купил ему более или менее приличные ботинки на картонной подошве — изделие известных кимрских сапожников, — а потом повел на Тверскую и чуть ли не насильно втолкнул в магазин готового платья, откуда птицелов вышел в темноватом костюме с длинноватыми брюками.

Мне удалось заставить его постричься в парикмахерской, вымыть голову шампунем, и он ходил со мной по Москве сравнительно прилично одетый, стуча по тротуарам новыми ботинками.

Я водил его по редакциям, знакомил с известными поэтами и писателями, щеголяя перед моим еще мало известным в Москве другом своей причастностью к литературной жизни столицы.{192}

Птицелов был молчалив, исподлобья посматривал по сторонам, многозначительно тряс головой, как бы поддакивая и желая сказать:

„Так-так… Да, да… очень хорошо… Прекрасно… Посмотрим, посмотрим“…

Впрочем, он принадлежал к тем счастливчикам, которым не приходится гоняться за славой. Слава сама гонялась за ними.

Я и глазом не успел моргнуть, как имя птицелова громко прозвучало на московском Парнасе. Молва о нем покатилась широкой волной. И моя слабенькая известность сразу же померкла рядом со славой птицелова.

Однако когда мы сидели на потертой бронзовой цепи возле памятника Пушкину и сочиняли сонеты, молва о птицелове еще не дошла до ушей знаменитого королевича.

Беседа наша была душевной. Королевич, ничуть не кичась своей всероссийской известностью, по-дружески делился с нами, как теперь принято выражаться, творческими планами и жаловался на свою судьбу, заставившую его, простого деревенского паренька, жить в городе, лишь во сне мечтая о родной рязанской деревне.

Тут он, конечно, немного кокетничал, так как не таким уж простым был он парнем, успел поучиться в университете Шанявского{193}, немного знал немецкий язык{194}, потерся еще в Санкт-Петербурге среди знаменитых поэтов{195}, однако время от времени в нем вспыхивала неодолимая жажда вернуться в Константиново, где на пороге рубленой избы с резными рязанскими наличниками на окошках ждала его старенькая мама в ветхом шушуне и шустрая сестренка, которую он очень любил{196}.

…мы очутились в пивной, где жажда родной рязанской земли вспыхнула в королевиче с небывалой силой.

Стихи, которые мы, перебивая друг друга, читали, вдруг смолкли, и королевич, проливая горькие слезы и обнимая нас обеими руками, заговорил своим несколько надсадным голосом как бы даже с некоторым иностранным акцентом (может быть, чуть-чуть немецким), неточно произнося гласные: „э“ вместо „а“, „е“ вместо „и“, „ю“ вместо „у“ и так далее. Акцент этот был еле заметен и не мешал его речи звучать вполне по-рязански.

— Братцы! Давайте плюнем на все и махнем в Рязань! Чего там до Рязани! Пустяки. По железке каких-нибудь три часа. От силы четыре. Ну? Давайте! А? Я вас познакомлю с моей мамой.

Она у меня славная, уважает поэтов. Я ей все обещаюсь да обещаюсь да все никак не вырвусь. Зael меня город, будь он неладен…

…несмотря на наши возражения, что, мол, как же это так вдруг, ни с того ни с сего ехать в Рязань?.. А вещи? А деньги? А то да се?

Королевич ничего и слышать не хотел. У него уже выработался характер капризной знаменитости: коли чего-нибудь захочется, то подавай ему сию же минуту. Никаких препятствий его вольная душа не признавала.

Вынь да положь!

Деньги на билеты туда, если скинуться, найдутся. До Рязани доедем. А от Рязани до Константинова каким образом будем добираться? Ну, это совсем пустое дело. На базаре в Рязани всегда найдется попутная телега до Константинова. И мужик с нас ничего не возьмет, потому что меня там каждый знает. Почтет за честь. Поедем на немазаной телеге по лесам, по полям, по березнячку, по родной рязанской земле!.. С шиком въедем в Константиново! А уж там не сомневайтесь. Моя старушка примет вас как родных. Драчен напечет.{197} Самогону выставит на радостях. А назад как? Да очень просто: тут же я ударю телеграмму Воронскому в „Красную новь“. Он мне сейчас же вышлет аванс.{198} За это я вам ручаюсь! Ну, братцы, поехали!

Он был так взволнован, так настойчив, так убедительно рисовал нам жизнь в своем родном селе, которое уже представлялось нам чем-то вроде русского рая, как бы написанного кистью Нестерова. Мы с птицеловом заколебались, потеряв всякое представление о действительности, и вскоре очутились перед билетной кассой Казанского вокзала, откуда невидимая рука выбросила нам три картонных проездных билета, как бы простреленных навылет дробинкой, и королевич сразу же устремился на перрон, с тем чтобы тут же, не теряя ни секунды, сесть в вагон и помчаться в Рязанскую губернию, Рязанский уезд. Кузьминскую волость, в родное село, к маме.

Однако оказалось, что поезд отходит лишь через два часа, а до этого надо сидеть в громадном зале, расписанном художником Лансере{199}.

Лицо королевича помрачнело.

Ждать? Это было не в его правилах. Все для него должно было совершаться немедленно — по щучьему веленью, по его хотенью.

Полет его поэтической фантазии не терпел преград. Однако законы железнодорожного расписания оказались непреодолимыми даже для его капризного гения.

Что было делать? Как убить время? Не сидеть же здесь, на вокзале, на скучных твердых скамейках.

В то время возле каждого московского вокзала находилось несколько чайных, трактиров и пивных. Это были дореволюционные заведения, носившие особый московский отпечаток. Они ожили после суровых дней военного коммунизма — первые, еще весьма скромные порождения нэпа.

После покупки билетов у нас еще осталось немного денег — бутылки на три пива.

Мы сидели в просторной прохладной пивной, уставленной традиционными елками, с полом, покрытым толстым слоем сырых опилок. Половой в полотняных штанах и такой же рубахе навыпуск, с полотенцем и штопором в руке, трижды хлопнув пробками, подал нам три бутылки пива завода Корнеева и Горшанова и поставил на столик несколько маленьких стеклянных блюдечек-розеток с традиционными закусками: виртуозно нарезанными тончайшими ломтиками тараньки цвета красного дерева, моченым сырым горохом, крошечными кубиками густо посоленных ржаных сухариков, такими же крошечными мятными пряничками и прочим в том же духе доброй, старой, дореволюционной Москвы.{200} От одного вида этих закусочек сама собой возникала такая дьявольская жажда, которую могло утолить лишь громадное количество холодного пива, игравшего своими полупрозрачными загогулинами сквозь зеленое бутылочное стекло.

Снова началось безалаберное чтение стихов, дружеские улыбки, поцелуи, клятвы во взаимной любви на всю жизнь.

Время от времени королевич выбегал на вокзальную площадь и смотрел на башенные часы Николаевского вокзала, находившегося против нашего Казанского.{201}

Время двигалось поразительно медленно. До отхода поезда все еще оказывалось около полутора часов.

Между тем наше поэтическое застолье все более и более разгоралось, а денег уже не оставалось ни копейки. Тогда птицелов предложил вернуть обратно в кассу его билет, так как он хотя и рад был бы поехать в Рязань, да чувствует приближение приступа астмы и лучше ему остаться в Москве. Он вообще был тяжел на подъем.

Мы охотно согласились, и билет птицелова был возвращен в кассу, что дало нам возможность продлить поэтический праздник еще минут на двадцать. Тогда королевич, который начал читать нам свою длиннейшую поэму „Анна Снегина“{202}, печально махнул рукой и отправился в кассу сдавать остальные два билета, после чего камень свалился с наших душ: слава богу, можно уже

было не ехать в Рязань, которая вдруг в нашем воображении из нестеровского рая превратилась в обыкновенный пыльный провинциальный город, и королевич, забыв свою старушку маму в ветхом шушуне{203} и шуструю сестренку и вообще забыв все на свете, кроме своей первой разбитой любви, продолжал прерванное чтение поэмы со всхлипами и надсадными интонациями:

— …когда-то у той вон калитки мне было шестнадцать лет, и девушка в белой накидке сказала мне ласково „нет“! Далекие, милые были — тот образ во мне не угас…

При этих щемящих словах королевич всхлипнул, заплакал горючими слезами, по моим щекам тоже потекли ручейки, потому что и я испытывал горечь своей первой любви, повторял про себя такие простые и такие пронзительно-печальные строчки:

„Мы все в эти годы любили, но мало любили нас“.

Даже холодный парнасец птицелов, многозначительно поддакивавший каждой строфе „Анны Снегиной“, опустил свою лохматую голову и издал носом горестное мычание: видно, и его пронзили эти совсем простые, но такие правдивые строчки, напомнив ему „тихие медовые глаза“, давно уже как бы растворившиеся в магической дымке прошлого, не совсем, впрочем, далекого, но невозвратимого, невозратимого, невозвратимого…

Одним словом, вместо Константинова мы, уже глубокой ночью, брели по Москве, целовались, ссорились, дрались мирились, очутились в глухом переулке, где у королевича всюду находились друзья — никому не известные простые люди.

Мы разбудили весь дом, но королевича приняли по-царски, сбегали куда-то за водкой, и мы до рассвета пировали в маленькой тесной комнатке какого-то многосемейного мастерового, читали стихи, плакали, кричали, хохотали, разбудили маленьких детей, спавших под одним громадным лоскутным одеялом, пестрым, как арлекин, ну и так далее.

А потом скрежет первых утренних трамваев, огибающих бульвары кольца А и тогда еще не вырубленные палисадники кольца Б{204}, в которых весной гнездились соловьи, будя на рассвете разоспавшихся москвичей, и где рядом с садом „Аквариум“ возвышался громадный, многоквартирный доходный дом, принадлежавший до революции крупному московскому домовладельцу по фамилии Эльпит. После революции этот дом был национализирован и превращен в рабочую коммуну, которая все же сохранила имя прежнего владельца, и стал называться „дом Эльпит-рабкоммуна“.

…не так-то легко расставались дома с фамилиями своих

владельцев. Десятиэтажный дом в Большом Гнездниковском переулке, казавшийся некогда чудом высотной архитектуры, чуть ли не настоящим американским небоскребом, с крыши которого открывалась панорама низкорослой старушки Москвы, долго еще назывался „дом Нирензее“{205} — по имени его бывшего владельца. Гастроном № 1 на улице Горького еще до сих пор кое-кто называет „магазин Елисеева“{206}, а булочную невдалеке от него — „булочной Филиппова“{207}, хотя сам Филиппов давно уже эмигрировал и, говорят, мечтал о возвращении ему советской властью реквизированной булочной и даже писал из Парижа своим бывшим пекарям просьбу выслать ему хотя бы немножко деньжонок, о чем Командор написал стишок, напечатанный в „Красном перце“:

„…в архив иллюзии сданы, живет Филиппов липово, отощал Филиппов, и штаны протерлись у Филиппова“…{208}

Хотя штаны и протерлись, но булочная долго называлась булочной Филиппова.

Что касается дома „Эльпит-рабкоммуна“, то о нем был напечатан в газете „Накануне“ весьма острый, ядовитый очерк, написанный неким писателем, которого я впредь буду называть синеглазым{209} — тоже с маленькой буквы, как простое прилагательное.

Впоследствии романы и пьесы синеглазого прославились на весь мир, он стал общепризнанным гением, сатириком, фантастом…

…а тогда он был рядовым газетным фельетонистом, работал в железнодорожной газете „Гудок“{210}, писал под разными забавными псевдонимами вроде Крахмальная Манишка{211}. Он проживал в доме „Эльпит-рабкоммуна“ вместе с женой{212}, занимая одну комнату в коммунальной квартире, и у него действительно, если мне не изменяет память, были синие глаза{213} на худощавом, хорошо вылепленном, но не всегда хорошо выбритом лице уже не слишком молодого блондина с независимо-ироническим, а временами даже и надменным выражением, в котором тем не менее присутствовало нечто актерское, а временами даже и лисье.

Он был несколько старше всех нас, персонажей этого моего сочинения, тогдашних гудковцев, и выгодно отличался от нас тем, что был человеком положительным, семейным, с принципами{214}, в то время как мы были самой отчаянной богемой, нигилистами, решительно отрицали все, что имело хоть какую-нибудь связь с дореволюционным миром, начиная с передвижников и кончая Художественным театром, который мы презирали до такой степени, что, приехав в Москву, не только в

нем ни разу не побывали, но даже понятия не имели, где он находится, на какой улице.

В области искусств для нас существовало только два авторитета: Командор и Мейерхольд. Ну, может быть, еще Татлин, конструктор легендарной „башни Татлина“, о которой говорили все, считая ее чудом ультрасовременной архитектуры.

Синеглазый же, наоборот, был весьма консервативен, глубоко уважал все признанные дореволюционные авторитеты, терпеть не мог Командора, Мейерхольда и Татлина{215} и никогда не позволял себе, как любил выражаться ключик, „колебать мировые струны“{216}.

А мы эти самые мировые струны колебали беспрерывно, низвергали авторитеты, не считались ни с какими общепринятыми истинами, что весьма коробило синеглазого, и он строго нас за это отчитывал, что, впрочем, не мешало нашей дружбе.

В нем было что-то неуловимо провинциальное.{217} Мы бы, например, не удивились, если бы однажды увидали его в цветном жилете и в ботинках на пуговицах, с прюнелевым верхом.

Он любил поучать — в нем было заложено нечто менторское. Создавалось такое впечатление, что лишь одному ему открыты высшие истины не только искусства, но и вообще человеческой жизни. Он принадлежал к тому довольно распространенному типу людей никогда и ни в чем не сомневающихся, которые живут по незыблемым, раз навсегда установленным правилам. Его моральный кодекс как бы безоговорочно включал в себя все заповеди Ветхого и Нового заветов.

Впоследствии оказалось, что все это было лишь защитной маской втайне очень честолюбивого, влюбчивого и легкоранимого художника, в душе которого бушевали незримые страсти.{218}

Несмотря на всю свою интеллигентность и громадный талант, который мы угадывали в нем, он был, как я уже говорил, в чем-то немного провинциален.

Может быть, и Чехов, приехавший в Москву из Таганрога, мог показаться провинциалом.{219}

Впоследствии, когда синеглазый прославился и на некоторое время разбогател{220}, наши предположения насчет его провинциализма подтвердилась: он надел галстук бабочкой, цветной жилет, ботинки на пуговицах, с прюнелевым верхом, и даже, что показалось совершенно невероятным, в один прекрасный день вставил в глаз монокль{221}, развелся со старой женой, изменил круг знакомых и женился на некой Белосельской-Белозерской, прозванной ядовитыми авторами „Двенадцати

стульев“ „княгиней Белорусско-Балтийской“{222}.

Синеглазый называл ее весьма великосветски на английский лад Напси.{223}

Но тогда до этого было еще довольно далеко.

Несмотря на все несходство наших взглядов на жизнь, нас сблизила с синеглазым страстная любовь к Гоголю, которого мы, как южане, считали своим, полтавским, даже как бы отчасти родственником, а также повальное увлечение Гофманом.{224}

Эти два магических Г — Гофман и Гоголь — стали нашими кумирами. Все явления действительности предстали перед нами как бы сквозь магический кристалл гоголевско-гофманской фантазии.

А мир, в котором мы тогда жили, как нельзя более подходил для этого. Мы жили в весьма странном, я бы даже сказал — противоестественном, мире нэпа, населенном призраками.

Только вооружившись сатирой Гоголя и фантазией Гофмана, можно было изобразить то, что тогда называлось „гримасами нэпа“{225} и что стало главной пищей для сатирического гения синеглазого.

…Он не был особенно ярко-синеглазым.{226} Синева его глаз казалась несколько выцветшей, и лишь изредка в ней вспыхивали дьявольские огоньки горящей серы, что придавало его умному лицу нечто сатанинское.

Это он пустил в ход словечко „гофманиада“, которым определялось каждое невероятное происшествие, свидетелем или даже участником коего мы были.

Нэп изобиловал невероятными происшествиями.

В конце концов из нашего узкого кружка слово „гофманиада“ перешло в более широкие области мелкой газетной братии.{227} Дело дошло до того, что однажды некий репортер в кругу своих друзей за кружкой пива выразился приблизительно так:

— Вообразите себе, вчера в кино у меня украли калоши. Прямо какая-то гофманиада!

Впоследствии один из биографов синеглазого написал следующее:

„Он поверил в себя как в писателя поздно — ему было около тридцати, когда появились первые его рассказы“.{228}

Думаю, он поверил в себя как в писателя еще на школьной скамье, не написавши еще ни одного рассказа.

Уверенность в себе как в будущем писателе была свойственна большинству из нас; когда, например, мне было лет девять, я разграфил школьную тетрадку на две колонки, подобно однотомному собранию сочинений Пушкина, и с места в карьер стал писать полное собрание своих сочинений, придумывая их

тут же все подряд: элегии, стансы, эпиграммы, повести, рассказы и романы. У меня никогда не было ни малейшего сомнения в том, что я родился писателем.

Хотя синеглазый был по образованию медик{229}, но однажды он признался мне, что всегда мыслил себя писателем вроде Гоголя. Одна из его сатирических книг по аналогии с гофманиадой так и называлась „Дьяволиада“{230}, что в прошлом веке, вероятно, было бы названо более по-русски „Чертовщина“: история о двух братьях Кальсонерах в дебрях громадного учреждения с непомерно раздутыми штатами читалась как некая „гофманиада“, обильно посыпанная гоголевским перцем.

Синеглазый вообще был склонен к общению со злыми духами, порождениями ада.

Ненависть наша к нэпу была так велика, что однажды мы с синеглазым решили издавать юмористический журнал вроде „Сатирикона“. Когда мы выбирали для него название, синеглазый вдруг как бы сделал стойку, понюхал воздух, в его глазах вспыхнули синие огоньки горящей серы, и он торжественно, но вместе с тем и восхищаясь собственной находкой, с ядовитой улыбкой на лице сказал:

— Наш журнал будет называться „Ревизор“![231]

Издатель нашелся сразу: один из тех мелких капиталистов, которые вдруг откуда-то появились в большом количестве и шныряли по Москве, желая как можно выгоднее поместить неизвестно откуда взявшиеся капиталы. Можно ли было найти что-нибудь более выгодное, чем сатирический журнал с оппозиционным оттенком под редакцией синеглазого, автора нашумевшей „Дьяволиады“?

(Впрочем, не ручаюсь, возможно это было еще до появления „Дьяволиады“.[232])

Вообще в этом сочинении я не ручаюсь за детали. Умоляю читателей не воспринимать мою работу как мемуары. Терпеть не могу мемуаров. Повторяю. Это свободный полет моей фантазии, основанный на истинных происшествиях, быть может, и не совсем точно сохранившихся в моей памяти. В силу этого я избегаю подлинных имен, избегаю даже выдуманных фамилий.[233] Стихи, приведенные мною, я цитирую исключительно по памяти, считая, что это гораздо жизненнее, чем проверять их точность по книгам, хотя бы эти цитаты были неточны. Магический кристалл памяти более подходит для того жанра, который я выбрал, даже — могу сказать — изобрел.

Не роман, не рассказ, не повесть, не поэма, не воспоминания, не мемуары, не лирический дневник…

Но что же? Не знаю!

Недаром же сказано, что мысль изреченная есть ложь.[234] Да, это ложь. Но ложь еще более правдивая, чем сама правда. Правда, рожденная в таинственных извилинах механизма моего воображения. А что такое воображение с научной точки зрения, еще никто не знает. Во всяком случае, ручаюсь, что все здесь написанное чистейшая правда и в то же время чистейшая фантазия.

И не будем больше возвращаться к этому вопросу, так как все равно мы не поймем друг друга.

…Мы с синеглазым быстро накатали программу будущего журнала и отправились в Главполитпросвет[235], где работал хорошо известный мне еще по революционным дням в Одессе товарищ Сергей Ингулов[236], наш общий друг и доброжелатель…

Надо заметить, что в то время уже выходило довольно много частных периодических изданий — например, журнальчик „Рупор“, юмористическая газетка „Тачка“ и многие другие — так что я не сомневался, что Сергей Ингулов, сам в прошлом недурной провинциальный фельетонист{237}, без задержки выдаст нам разрешение на журнал, даже придет в восторг от его столь счастливо найденного названия.

Мы стояли перед Ингуловым — оба в пальто — и мяли в руках шапки, а Ингулов, наклонивши к письменному столу свое красное лицо здоровяка-сангвиника, пробегал глазами нашу программу. По мере того как он читал, лицо синеглазого делалось все озабоченнее. Несколько раз он поправлял свой аккуратный пробор прилежного блондина, искоса посматривая на меня, и я заметил, что его глаза все более и более угасают, а на губах появляется чуть заметная ироническая улыбочка — нижняя губа немного вперед кувшинчиком, как у его сестренки-синеглазки{238}.

— Ну, Сергей Борисович, как вам нравится название „Ревизор“? Не правда ли гениально? — воскликнул я, как бы желая поощрить Ингулова.

— Гениально-то оно, конечно, гениально, — сказал Сергей Борисович, — но что-то я не совсем понимаю, кого это вы собираетесь ревизовать? И потом, где вы возьмете деньги на издание?

Я оживленно объяснил, кого мы хотим ревизовать и кто нам обещал деньги на издание.

Ингулов расстегнул ворот своей вышитой рубахи под пиджаком, почесал такую же красную, как лицо, будто распаренную в бане грудь и тяжело вздохнул.

— Идите домой, — сказал он совсем по-родственному и махнул рукой.

— А журнал? — спросил я.

— Журнала не будет, — сказал Ингулов.

— Да, но ведь какое название! — воскликнул я.

— Вот именно, — сказал Ингулов.{239}

— Странно, — сказал я, когда мы спускались по мраморной зашарканной лестнице.

Синеглазый нежно, но грустно назвал меня моим уменьшительным именем, укоризненно покачал головой и заметил:

— Ай-яй-яй! Я не думал, что вы такой наивный. Да и я тоже хорош. Поддался иллюзии. И не будем больше вспоминать о покойнике „Ревизоре“, а лучше пойдем к нам есть борщ. Вы, наверное, голодный? — участливо спросил он.

Жена синеглазого Татьяна Николаевна была добрая женщина и нами воспринималась если не как мама, то, во всяком случае, как тетя. Она деликатно и незаметно подкармливала в трудные минуты нас, друзей ее мужа, безалаберных холостяков.{240}

Об этих трудных минутах написал привезенный мною в Москву птицелов:

„…и пылкие буквы МСПО расцветают сами собой над этой оголтелой жратвой (рычи, желудочный сок!)… и голод сжимает скулы мои, и зудом ноет в зубах, и маленькой мышью по горлу вниз падает в пищевод… и я содрогаюсь от скрипа костей, от мышьей возни хвоста, от медного запаха смолы, заливающего гортань… И на что мне божественный слух совы, различающий крови звон? И на что мне сердце, стучащее в лад шагам и стихам моим! Лишь поет нищета у моих дверей, лишь в печурке юлит огонь, лишь иссякла свеча — и луна плывет в замерзающем стекле“…{241}

Это было, конечно, написано птицеловом со свойственной ему гиперболичностью.

У нас дело до таких ужасов голода не доходило. Однако… Однако…

Не могу не вспомнить с благодарностью и нежностью милую Татьяну Николаевну, ее наваристый борщ, крепкий чай внакладку из семейного самовара, который мне выпадало счастье ставить в холодной, запущенной кухне вместе с приехавшей на зимние каникулы из Киева к своему старшему брату молоденькой курсисткой, которая, как и ее брат, тоже была синеглазой, синеглазкой{242}.

Мы вместе, путаясь холодными руками, засовывали пучок пылающих лучин в самовар: из наставленной трубы валил зеленый дым, вызывавший у нас веселые слезы, а сквозняк нес по ногам из-под кухонной двери. Голая лампочка слабого накала свисала с темного потолка не ремонтировавшейся со времен первой мировой войны квартиры в доме „Эльпит-рабкоммуна“.

У синеглазого был настоящий большой письменный стол, как полагается у всякого порядочного русского писателя, заваленный рукописями, газетами, газетными вырезками и книгами, из которых торчали бумажные закладки.{243}

Синеглазый немножко играл роль известного русского писателя, даже, может быть, классика, и дома ходил в полосатой байковой пижаме, стянутой сзади резинкой, что не скрывало его стройной фигуры, и, конечно, в растоптанных шлепанцах.{244}

На стене перед столом были наклеены разные курьезы из иллюстрированных журналов, ругательные рецензии, а также заголовок газеты „Накануне“ с переставленными буквами, так что

получалось не „Накануне“, а „Нуненака“.

В Москве находилась контора „Накануне“, куда мы и сдавали свои материалы, улетавшие в Берлин на дюралевом „юнкерсе“ или „дорнье комет“, а потом тем же путем возвращавшиеся в Москву уже напечатанными в этой сменовеховской газете.

Мы все подрабатывали в „Накануне“, в особенности синеглазый, имевший там большой успех и шедший, как говорится, „первым номером“.

Описание отличного украинского борща и крепкого чая с сахаром опускаю, хотя и должен отметить, что в отличие от всех нас чай подавался синеглазому как главе семьи и крупному писателю в мельхиоровом подстаканнике, а всем прочим просто так, в стаканах.

Иногда случалось, что борщ и чай не насыщали нас. Хотелось еще чего-нибудь вкусненького, вроде твердой копченой московской колбасы с горошинами черного перца, сардинок, сыра и стакана доброго вина. А денег, конечно, не было. Тогда происходило следующее: синеглазого и меня отправляли на промысел. Складывали последние копейки. Выходило рубля три. В лучшем случае пять. И с этими новыми, надежными рублями, пришедшими на смену бумажным миллионам и даже миллиардам военного коммунизма, называвшимися просто „лимонами“, мы должны были идти играть в рулетку, с тем чтобы выиграть хотя бы червонец — могучую советскую Десятку, которая на мировой бирже котировалась даже выше старого доброго английского фунта стерлингов: блистательный результат недавно проведенной валютной реформы.{245}

Мы с синеглазым быстро одевались и, так сказать, осенив себя крестным знамением», отправлялись в ночь.

Современному читателю может показаться странным, даже невероятным, что два советских гражданина запросто отправляются в казино играть в рулетку.{246} Но не забудьте, что ведь это был нэп, — и верьте не верьте! — в столице молодого Советского государства, центре мировой революции, имелось два игорных дома с рулеткой: одно казино в саду «Эрмитаж», другое на теперешней площади Маяковского, а тогда Триумфальной, приблизительно на том месте, где сейчас находятся Зал имени Чайковского, Театр сатиры и сад «Аквариум»{247}, а тогда был цирк и еще что-то, то есть буквально в двух шагах от дома, где жил синеглазый.

Вот, братцы, какие дела!

Над Триумфальной площадью с уютным садиком, трамвайной станцией и светящимися часами, под которыми назначались почти все любовные свидания, в размытом свете

качающихся электрических фонарей косо неслась вьюжная ночь, цыганская московская ночь.

Иногда в метели с шорохом бубенцов и звоном валдайских колокольчиков проносились, покрикивая на прохожих, как бы восставшие из небытия дореволюционные лихачи, унося силуэты влюбленных парочек куда-то вдоль Тверской, в Петровский парк, к «Яру», знаменитому еще с пушкинских времен загородному ресторану с рябчиками, шампанским, ананасами и пестрым крикливым цыганским хором среди пальм и папоротников эстрады{248}.

У подъезда казино тоже стояли лихачи, зазывая прохожих:

— Пожа, пожа! А вот прокачу на резвой!..

Их рысистые лошади, чудом уцелевшие от мобилизаций гражданской войны, перебирали породистыми, точеными ножками, и были покрыты гарусными синими сетками, с капором на голове, и скалились и косились на прохожих, как злые красавицы.{249}

Откуда-то долетали звуки ресторанного оркестра. В двери казино входили мутные фигуры игроков.

— Прямо-таки гофманиада! — сказал я.

— Не гофманиада, а пушкиниана, — пробурчал синеглазый, — даже чайковщина. «Пиковая дама». Сцена у Лебяжьей канавки. «Уж полночь близится, а Германа все нет»…{250}

Он вообще был большой поклонник оперы. Его любимой оперой был «Фауст». Он даже слегка наигрывал в обращении с нами оперного Мефистофеля; иногда грустно напевал: «Я за сестру тебя молю», что я относил на свой счет.{251}

…С бодрыми восклицаниями, скрывавшими неуместную робость, мы вошли в двери казино и стали подниматься по лестнице, покрытой кафешантанной ковровой дорожкой, с медными прутьями.

— Эй, господа молодые люди! — кричали нам снизу бородатые, как лесные разбойники, гардеробщики в синих поддевках. — Куда же вы прете не раздевшись!

Но мы, делая вид, что не слышим, уже вступали в своих потертых пальто в игорный зал, где вокруг громадного овального стола сидели игроки в рулетку и молодой человек с зеркальным пробором и лицом сукина сына, так называемый крупье, раскладывал лопаткой с длинной ручкой ставки и запускал белый шарик в карусель крутящегося рулеточного аппарата с никелированными ручками. При этом он гвардейским голосом провозглашал:

— Гэспэда, делайте вашу игру. Мерси. Ставок больше нет.

Вокруг стола сидели и стояли игроки, страшные существа с еще более страшными названиями — «частники», «нэпманы», или даже «совбуры», советские буржуи. На всех на них лежал особый отпечаток какого-то временного, незаконного богатства, жульничества, наглости, мещанства, смешанных со скрытым страхом.

Они были одеты в новенькие выглаженные двубортные шевиотовые костюмы, короткие утюгообразные брючки, из-под которых блестели узконосые боксовые полуботинки «от Зеленкина» из солодовниковского пассажа.

Перстни блистали на их коротких пальцах. Пробраться к столу было нелегко. Но нам с синеглазым все-таки удалось протереться в своих зимних пальто к самому столу, а я, заметив освободившееся место, умудрился даже сесть на стул, что могло посчитаться большой удачей.

Впрочем, нэпман, занимавший доселе этот стул и отлучившийся лишь на минутку в уборную за малой нуждой, вернулся, застегиваясь, увидел меня на своем стуле и сказал:

— Пардон. Это мое стуло. Вас здесь не сидело. — И, отстранив меня рукой, занял свое законное место.

Прежде чем поставить нашу единственную трешку, мы долго совещались.

— Как вы думаете, на что будем ставить? На черное или на красное? — озабоченно спросил синеглазый.

(Конечно, об игре на номера, о трансверсале{252} и о прочих комбинациях мы и не помышляли. Нас устраивал самый скромный выигрыш: получить за три рубля шесть и скорее бежать к Елисееву за покупками — таков был наш план, основанный на том традиционном предположении, что первая ставка всегда выигрывает.)

— Ставим на красное, — решительно сказал я. Синеглазый долго размышлял, а потом ответил:

— На красное нельзя.

— Почему?

— Потому что красное может не выиграть, — сказал он, пророчески глядя вдаль.

— Ну тогда на черное, — предложил я, подумав.

— На черное? — с сомнением сказал синеглазый и задумчиво вздохнул. — Нет, дорогой… — Он назвал мое уменьшительное имя. — На черное нельзя.

— Но почему?

— Потому что черное может не выиграть.

В таком духе мы долго совещались, пытаясь как-нибудь обхитрить судьбу и вызывая иронические взгляды и даже

оскорбительные замечания богатых нэпманов.

Мы молча сносили наше унижение и не торопились. Мы знали, что дома нас ждут друзья и нам невозможно вернуться с пустыми руками.

Конечно, мы могли бы в одну минуту проиграть свой трояк. Но ведь без риска не было шанса на выигрыш. Мы медлили еще и потому, что нас подстерегало зловещее зеро, то есть ноль, когда все ставки проигрывали. Естественно, что именно ради этого зловещего зеро Помгол — Комиссия помощи голодающим Поволжья{253} — и содержал свои рулетки.

Однако судьба почти всегда была к нам благосклонна.{254}

Мы ставили на черное или на красное, на чет или на нечет и почему-то выигрывали. Быть может, нам помогала нечистая сила, о которой впоследствии синеглазый написал свой знаменитый роман.

Не делая второй ставки и схватив свои шесть рублей, мы тут же бежали по вьюжной Тверской к Елисееву и покупали ветчину, колбасу, сардинки, свежие батоны и сыр чеддер — непременно чеддер! — который особенно любил синеглазый и умел выбирать, вынюхивая его своим лисьим носом, ну и, конечно, бутылки две настоящего заграничного портвейна.

Представьте себе, с какой надеждой ожидала нас в доме «Эльпит-рабкоммуна» в комнате синеглазого вся наша гудковская компания, а также и синеглазка, в которую я уже был смертельно влюблен и прелесть которой все никак не мог объяснить ключику, сказавшему мне как-то в ответ на мои любовные излияния:

— Ты напрасно стараешься. Я тебе могу в одной строчке нарисовать портрет синеглазки: девушка в бежевой шелковой блузке с гладкими пуговичками на рукавах. Понимаешь? Пуговички белые, без дырочек, гладкие, пришивающиеся снизу. Очень важно, что они именно гладкие. Это типично для почти всех хороших, милых, порядочных девушек. Заметь себе это и не делай излишних иллюзий.

С тех пор у меня навсегда сохранился четкий и точный портрет девушки с гладкими пуговичками на манжетах шелковой блузки, что лишний раз вызывало во мне ревнивую зависть к моему другу, умевшему увидеть то главное, на что не обращал внимания никто другой.

Ах, моя незабвенная синеглазка!

Как быстро пролетели для нас рождественские каникулы.{255} Мы уже не могли прожить друг без друга ни часа. Мы ходили по холодным, пустынным залам музеев западной живописи (Морозова и Щукина){256}, два провинциала, внезапно очарованные французскими импрессионистами, доселе нам

неизвестными. Мы сидели в тесных дореволюционных киношках, прижавшись друг к другу, и я поражался, до чего синеглазка похожа на Мери Пикфорд, что, впрочем, не соответствовало истине — разве только реснички… И пучок пыльного света в котором, как в ткацком станке, передвигались черные и белые нити, озаряя нимбом ее распушившиеся, обычно гладко причесанные волосы.{257}

Мы смотрели в Театре оперетты «Ярмарку невест», и ария «Я женщину встретил такую, по ком я тоскую» уже отзывалась в моем сердце предчувствием тоски, и, гуляя в антракте по фойе рядом с синеглазкой, я не мог оторвать взгляда от раковинки ее ушка, розовевшего среди русых волос, а вокруг нас ходили зрители того времени — нэпманы, среди которых так чужеродно выглядели френчи и сапоги красных офицеров и их бинокли, но не маленькие театральные, а полевые «цейсы» в кожаных футлярах, висевшие на груди, иногда рядом с орденом Боевого Красного Знамени на алой шелковой розетке.

…и мы слушали «Гугенотов» в оперном театре Зимина, и я чувствовал прикосновение к рукаву ее белой шелковой блузки, до озноба холодной снаружи и по-девичьи горячей внутри, и я не мог себе представить, что скоро она должна уехать в Киев, где, как она уже мне призналась, у нее есть жених{258}, которого она до приезда в Москву любила, а теперь разлюбила и на всю жизнь любит только меня, и в ожидании следующего свидания я как одержимый писал ночью в Мыльниковом переулке:

«Голова к голове и к плечу плечо. Неужели карточный дом? От волос и глаз вокруг горячо, но ладони ласкают льдом. У картинного замка, конечно, корь: бредят окна, коробит пульс, и над пультами красных кулисных зорь заблудился в смычках Рауль. Заблудилась в небрежной прическе бровь, и запутался такт в виске. Королева, перчатка, Рауль, любовь — все повисло на волоске. А над темным партером повис балкон и барьер, навалясь, повис, — но не треснут, не рухнут столбы колонн на игрушечный замок вниз. И висят… и не рушатся… Бредит пульс… скрипка скрипке доносит весть: „Мне одной будет скучно без вас, Рауль“. „До свиданья: я буду в шесть“…»{259}

Из всех этих строф, казавшихся мне такими горькими и такими прекрасными, щелкунчик признал достойной внимания только одну-единственную строчку:

«…и барьер, навалясь, повис…»

Остальное же с учтивым презрением он отверг, сказав, что это — вне литературы.{260}

…Он расхаживал по своей маленькой нищей комнатке на Тверском бульваре, 25, во флигеле дома, где некогда жил

Герцен[261], горделиво закинув вверх свою небольшую верблюжью головку, и в то же время жмурился, как избалованный кот, которого чешут за ухом. Я ему помешал. Как раз в это время он диктовал новое стихотворение «Нашедший подкову»[262] и уже дошел до того места, которое, видимо, особенно ему нравилось и особенно его волновало. Мое появление сбило его с очень сложного ритма, и он зажмурился с несколько раздраженной кошачьей улыбкой, что, впрочем, не мешало ему оставаться верблюдиком[263].

Незрелое любовное стихотворение, поспешно прочитанное мною, было наскоро отвергнуто, и щелкунчик, собравшись с мыслями, продолжал диктовать высокопарно-шепелявым голосом с акмеистическими завываниями[264]:

— …свой благородный груз… — Он нагнулся, взял из рук жены карандаш и написал собственноручно несколько следующих строк.

Это была его манера писания вместе с женой[265], даже письма знакомым, например мне, из Воронежа[266].

— …свой благородный груз, — шепеляво прочел он еще раз, наслаждаясь рождением такой удачной строчки. — С чего начать? — продолжал он, как бы обращаясь к толпе слушателей, хотя эта толпа состояла только из меня и его жены, да, пожалуй, еще из купы деревьев садика перед домом Герцена, шевелящихся за маленьким окном.

«…Все трещит и качается. Воздух дрожит от сравнений. Ни одно слово не лучше другого. Земля гудит метафорой, и легкие двуколки в броской упряжи густых от натуги птичьих стай разрываются на части, соперничая с храпящими любимцами ристалищ»…

Я восхищался темным смыслом его красноречивого синтаксиса, украшенного изысканной звукописью.

Впрочем, в тот раз он диктовал, кажется, что-то другое. Может быть:

«…и военной грозой потемнел нижний слой помраченных небес, шестируких летающих тел слюдяной перепончатый лес… И с трудом пробиваясь вперед в чешуе искалеченных крыл, под высокую руку берет побежденную твердь Азраил…»[267]

Не эти ли стихи погрузили меня тогда, на рассвете, на ступеньках храма Христа Спасителя, в смертельное оцепенение, в предчувствие неизбежной мировой катастрофы…

Но нет! Тогда были не эти стихи… Тогда были другие, чудные своей грустью и человеческой простотой в этой маленькой комнатке. Стансы:

«Холодок щекочет темя, и нельзя признаться вдруг, — и меня

срезает время, как скосило твой каблук! Жизнь себя перемогает, понемногу тает звук, все чего-то не хватает, что-то вспомнить недосуг. А ведь раньше лучше было, и, пожалуй, не сравнишь, как ты прежде, шелестела, кровь, как нынче шелестишь. Видно, даром не проходит шевеленье этих губ, и вершина колобродит, обреченная на сруб».{268}

Никогда до этих пор я не слышал от него таких безнадежно-отчаянных стихов.

Я тоже переживал тогда мучительные дни, но это была вспышка любовной горячки, банальные страдания молодого безвестного поэта, почти нищего, «гуляки праздного»{269}, с горьким наслаждением переживающего свою сердечную драму с поцелуями на двадцатиградусном морозе у десятого дерева с краю Чистопрудного бульвара, возле катка, где гремела музыка и по кругу как заводные резали лед конькобежцы с развевающимися за спиной шерстяными шарфами, под косым светом качающихся электрических ламп{270}; с прощанием под гулким куполом Брянского вокзала; с отчаянными письмами; с клятвами; с бессонницей и нервами, натянутыми как струны; и, наконец, с ничем не объяснимым разрывом — сжиганием пачек писем, слезами, смехом, — как это часто бывает, когда влюбленность доходит до такого предела, когда уже может быть только «все или ничего»{271}.

А потом продолжение жизни, продолжение все той же бесконечной зимы, все тех же Чистых прудов с музыкой, с конькобежцами, но уже без нее — маленькой, прелестной, в теплом пальто, с детски округлым, замерзшим, как яблоко, лицом, — с мучительной надеждой, что все это блаженство любви может каким-то волшебным образом возродиться из пепла писем, сожженных в маленькой железной печке{272} времен военного коммунизма, в узенькой девичьей комнатке в Киеве на каком-то — кажется, на Владимирском — спуске, в запущенной старой квартире, где, может быть, синеглазый делал первые наброски «Белой гвардии»…

…и на хрупком письменном столике в образцовом порядке были разложены толстые словари прилежной курсистки{273}, освещенные трепещущими крыльями отсветов пламени, сжигавшего пачку нашей любовной переписки…

Как, должно быть, мое душевное волнение было не похоже на душевное волнение щелкунчика.

Щелкунчик уже вступил в тот роковой возраст, когда человек начинает ощущать отдаленное, но уже заметное приближение старости: поредевшие волосы, не защищающие от опасного холодка, женский каблук, косо сточенный временем…

…Как сейчас вижу этот скошенный каблук поношенных туфель… Слышу склеротический шумок в ушах, вижу дурные, мучительные сны и, наконец, чувствую легкое головокружение верхушки, обреченной на сруб, верхушки, которая все еще продолжает колобродить…

Щелкунчик всегда «колобродил».

Я смотрел на него, несколько манерно выпевавшего стихи, и чувствовал в них нечто пророческое, и головка щелкунчика с поредевшими волосами, с небольшим хохолком над скульптурным лбом казалась мне колобродящей верхушкой чудного дерева.

Он был уже давно одним из самых известных поэтов. Я даже считал его великим. И все же его гений почти не давал ему средств к приличной жизни: комнатка почти без мебели, случайная еда в столовках, хлеб и сыр на расстеленной бумаге, а за единственным окошком первого этажа флигелька — густая зелень сада перед ампирным московским домом с колоннами по фасаду.

Ветер качал купы разросшихся, давно уже не стриженных деревьев, кажется лип, а может быть, тополей, и мне чудилось, что они тоже колобродят, обреченные на сруб.

Глядя в окно на эту живую, шевелящуюся под дождем листву, щелкунчик однажды сочинил дивное стихотворение, тут же, при мне записанное на клочке бумаги, названное совсем по-детски мило «Московский дождик».

«…он подает куда как скупо свой воробьиный холодок: немного нам, немного купам, немного вишням на лоток. И в темноте растет кипенье — чаинок легкая возня, как бы воздушный муравейник пирует в темных зеленях; из свежих капель виноградник зашевелился в мураве, как будто холода рассадник открылся в лапчатой Москве»…{274}

Что-то детское мелькнуло при этом в его бритых шевелящихся губах, в его верблюжьей, высокомерно вскинутой головке, в его опущенных веках, в его улыбке жмурящегося от удовольствия кота.

Я пришел к щелкунчику и предложил ему сходить вместе со мной в Главполитпросвет, где можно было получить заказ на агитстихи.

При слове «агитстихи» щелкунчик поморщился, но все же согласился, и мы отправились в дом бывшего страхового общества «Россия» и там предстали перед Крупской.{275}

Надежда Константиновна сидела за чрезмерно большим письменным столом, вероятно реквизированным во время революции у какого-нибудь московского богача. Во всяком

случае, более чем скромный вид Крупской никак не соответствовал великолепию этого огромного стола красного дерева, с синим сукном и причудливым письменным прибором.

Ее глаза, сильно увеличенные стеклами очков, ее рано поседевшие волосы стального цвета, закрученные на затылке узлом, из которого высовывались черные шпильки, несколько неодобрительное выражение ее лица — все это, по-видимому, не очень понравилось щелкунчику. Он был преувеличенного мнения о своей известности{276} и, вероятно, полагал, что его появление произведет на Крупскую большое впечатление, в то время как Надежда Константиновна, по моему глубокому убеждению, понятия не имела, кто такой «знаменитый акмеист».

Я опасался, что это может привести к нежелательным последствиям, даже к какой-нибудь резкости со стороны щелкунчика, считавшего себя общепризнанным гением.

(Был же, например, случай, когда, встретившись с щелкунчиком на улице, один знакомый писатель весьма дружелюбно задал щелкунчику традиционный светский вопрос:

— Что новенького вы написали?

На что щелкунчик вдруг совершенно неожиданно точно с цепи сорвался.

— Если бы я что-нибудь написал новое, то об этом уже давно бы знала вся Россия! А вы невежда и пошляк! — закричал щелкунчик, трясясь от негодования, и демонстративно повернулся спиной к бестактному беллетристу.)

Однако в Главполитпросвете все обошлось благополучно.

Надежда Константиновна обстоятельно, ясно и популярно объяснила нам обстановку в современной советской деревне, где начинали действовать кулаки. Кулаки умудрялись выдавать наемных рабочих — батраков — за членов своей семьи, что давало им возможность обходить закон о продналоге. Надо написать на эту тему разоблачительную агитку.

Мы приняли заказ, получили небольшой аванс, купили на него полкило отличной ветчины, батон белого хлеба и бутылку телиани — грузинского вина, некогда воспетого щелкунчиком{277}.

Придя домой, мы сразу же приступили, как тогда принято было говорить, к выполнению социального заказа.

Будучи в подобных делах человеком опытным, я предложил в качестве размера бесшабашный четырехстопный хорей, рассчитывая расправиться с агиткой часа за полтора.

— Кулаков я хитрость выдам, расскажу без лишних слов, как они родни под видом укрывают батраков, — бодро начал я и предложил щелкунчику продолжить, но он с презрением

посмотрел на меня, и высокомерно вскинув голову, почти пропел:

— Я удивляюсь, как вы можете предлагать мне этот серый, излишне торопливый четырехстопный хорей, лежащий совершенно вне жанра и вообще вне литературы!

После этого он сообщил мне несколько интересных мыслей о различных жанрах сатирических стихов, причем упомянул имена Ювенала, Буало, Вольтера, Лафонтена и наконец русских — Дмитриева и Крылова.

Я сразу понял, что наше предприятие под угрозой. Между тем щелкунчик, видимо, все более и более вдохновлялся, отыскивая в истории мировой поэзии наиболее подходящую форму. Он высказал мысль, что для нашей темы о хитром кулаке и его работнице-батрачке более всего подходит жанр крыловской басни{278}: народно и поучительно.

Он долго расхаживал по комнате от окна к двери, напевая что-то про себя, произносил невнятно связанные между собой слова, останавливался, как бы прислушиваясь к голосу своей капризной музы, потом снова начинал ходить взад-вперед.

Жена его тем временем приготовила бумагу и карандаш. Щелкунчик пробормотал нечто вроде того, что

«…есть разных хитростей у человека много и жажда денег их влечет к себе, как вол»…

Он призадумался.

Пауза длилась ужасно долго. Рука жены вопросительно повисла с карандашом в пальцах над бумагой. Я никак не мог вообразить, чем все это кончится.

И вдруг щелкунчик встрепенулся и, сделав великолепный ложноклассический жест{279} рукой, громко, но вкрадчиво пропел, назидательно нахмурив брови, как и подобало великому баснописцу:

— Кулак Пахом, чтоб не платить налога… — Он сделал эффектную паузу и закончил торжественно: — *Наложницу* себе завел!{280}

Я махнул рукой, понимая, что из нашей агитки ничего не получится.

На этом и кончилось покушение щелкунчика включиться в агитпоэзию Главполитпросвета.

Мы с удовольствием раздавили бутылочку прославленного грузинского вина за упокой души нашего хитрого кулака Пахома и его наложницы.

А я зализывал свои сердечные раны и продолжал ходить по редакциям в поисках заработка — существование случайное, ненадежное, но по сравнению с тем знойным, ужасным летом поволжского голода 1921 года, которое мы пережили в Харькове

вместе с ключиком[281], теперешняя моя жизнь казалась раем.

Можно ли забыть те дни?

Многое ушло навсегда из памяти, но недавно один из оставшихся в живых наших харьковских знакомых того времени поклялся, что однажды — и он это видел собственными глазами[282] — мы с ключиком вошли босиком[283] в кабинет заведующего республиканским отделом агитации и пропаганды Наркомпроса, а может быть, и какого-то культ-отдела — уже не помню, как называлось это центральное учреждение республики, столицей которой в те времена был еще не Киев, а Харьков.

Да, действительно, мы шли по хорошо натертому паркету босые. Мало того. На нас были только штаны из мешковины и бязевые нижние рубахи больничного типа, почему-то с черным клеймом автобазы[284].

И тем не менее мы вовсе не были подонками, босяками, нищими. Мы были вполне уважаемыми членами общества, состояли на штате в центральном республиканском учреждении Югроста, где даже занимали видные должности по агитации и пропаганде.

Просто было такое время: разруха, холод, отсутствие товаров, а главное, ужасный, почти библейский поволжский голод. Об этом уже забыли, а тогда это было неслыханным бедствием, обрушившимся на Советскую республику, только что закончившую гражданскую войну. Сейчас трудно представить всю безвыходность нашего положения в чужом городе, без знакомых, без имущества, одиноких, принужденных продать на базаре ботинки, для того чтобы не умереть с голоду.

Вообще-то мы обычно питались по талонам три раза в день в привилегированной, так называемой вуциковской столовой, где получали на весь день полфунта сырого черного хлеба, а кроме того, утром кружку кипятка с морковной заваркой и пять совсем маленьких леденцов, в обед какую-то затируху и горку ячной каши с четвертушкой крутого яйца, заправленной зеленым машинным маслом, а вечером опять ту же ячную кашу, но только сухую и холодную.[285]

Это по тем временам считалось очень приличной, даже роскошной едой, которой вместе с нами пользовались народные комиссары и члены ВУЦИКа.

Жить можно!

Но однажды, придя утром в столовую, мы увидели на дверях извещение, что столовая закрыта на ремонт на две недели.

Мы жили в бывшей гостинице «Россия», называвшейся Домом Советов, в запущенном номере с двумя железными кроватями без наволочек, без простынь и без одеял, потому что мы их мало-

помалу меняли на базаре у приезжих крестьян на сало. В конце концов мы даже умудрились продать оболочки наших тюфяков, а морскую траву, которой они были набиты, незаметно и постепенно выбросили во двор, куда выходило наше окно.

Внизу у конторки бывшего портье сидел на табурете печальный старик еврей, продававший с фанерного лотка поштучно самодельные папиросы. Сначала мы эти папиросы покупали за наличные, а потом стали брать в кредит, и наш долг вырос до таких размеров, что нам стало неловко проходить мимо старика, и мы норовили проскользнуть, как призраки, и были очень довольны, что подслеповатый старик нас не замечает.

Мы не подозревали, что он нас отлично видит, но жалеет и делает из деликатности вид, что не замечает.

Потом, когда времена изменились к лучшему и мы расплатились, он нам в этом простодушно признался.

Итак: есть было нечего, курить было нечего, умываться было нечем.

…знойный августовский день в незнакомом городе, где почти пересохла жалкая речушка — забыл ее название{286}, — посредине которой разлагалась неизвестно как туда попавшая дохлая корова со зловонно раздутым боком, издали похожим на крашеную деревянную ложку.

Было воскресенье. Церковь на задах нашей гостиницы возле базарной площади трезвонила всеми своими колоколами, как тройка застоявшихся лошадей.

Мы голодали уже второй день. Делать было решительно нечего. Мы вышли на сухую замусоренную площадь, раскаленную полуденным украинским солнцем, и вдруг увидели за стеклом давно не мытой, пыльной витрины телеграфного агентства выставленный портрет Александра Блока. Он был в черно-красной кумачовой раме.{287}

Мы замерли, как бы пораженные молнией: нашей сокровенной мечтой было когда-нибудь увидеть живого Блока, услышать его голос. Мы прочитали выставленную рядом с портретом телеграмму, где коротко сообщалось о смерти Блока.

Мысль о том, что нам никогда не суждено будет увидеть поэта, изображенного на уже успевшей выгореть большой фотографии — кудрявая голова, прекрасное лицо, белые пророческие глаза, отложной воротник байроновской рубашки, — такой противоестественной среди этого зноя, пыли, провинциального мусора на запущенной площади города, оглушенного воскресным трезвоном базарной церкви, что мы ужаснулись тому необратимому, что произошло.

В один миг в нашем воображении пронеслись все

музыкальные и зрительные элементы его поэзии, ставшие давно уже как бы частью нашей души.

«Во рву некошеном… красивая и молодая… Нет имени тебе, мой дальний, нет имени тебе, весна… О доблестях, о подвигах, о славе… Революцьонный держите шаг! Неугомонный не дремлет враг!.. И Кельна дымные громады… Донна Анна спит, скрестив на сердце руки, Анна видит неземные сны… Дыша духами и туманами… И шляпа с траурными перьями и в кольцах узкая рука… Далеко отступило море, и розы оцепили вал… Окна ложные на небе черном и прожектор на древнем дворце; вот проходит она вся в узорном и с улыбкой на смуглом лице, а вино уж мутит мои взоры, и по жилам оно разлилось; что мне спеть в этот вечер, синьора, что мне спеть, чтоб вам славно спалось… Только странная воцарилась тишина… Отец лежал в Аллее Роз…»{288}

Это все написал он, он…

Нас охватило отчаяние. Мы вдруг ощутили эту смерть как конец революции, которая была нашим божеством. Не в духе того времени были слезы. Мы разучились плакать.{289}

Мы с ключиком не плакали.

Потом мы молча пошли сквозь адский зной этого августовского полудня в изнемогающий от жажды, безлюдный, пыльный городской сад или даже, кажется, парк — не все ли равно, как он назывался? — шаркая босыми ногами по раскаленному гравию дорожек, и легли на дотла выгоревшую траву совсем желтого газона, несколько лет уже не поливавшегося, вытоптанного.

Мы лежали рядом, как братья, вверх лицом к неистовому солнцу, уже как бы невесомые от голода, ощущая единственное желание — покурить. На дорожках мы не нашли ни одного окурка. Мы как бы висели между небом и землей, чувствуя без всякого страха приближение смерти. Чего же еще мы могли ожидать?

— Я никогда не думал, что смерть может быть так прекрасна: вокруг нас мир, в котором уже нет Блока, — сказал ключик со свойственной ему патетичностью.

Ничто не мешало нам перестать существовать.

Солнце и голод превращали нас еще при жизни в мощи. Мы чувствовали себя святыми. Может быть, мы и впрямь были святыми?

Сколько времени мы лежали таким образом на выжженной траве, я не знаю. Но душа все еще не хотела оставлять нашего тела. Солнце, совершая свой мучительно медленный кругообразный путь, опускалось в опаленную листву мертвого

парка.

Наступали сумерки, такие же жгучие, как и полдень. Можно было думать, что они шли из вымершего Заволжья.

А мы все еще, к нашему удивлению, были живы.

— Ну что ж, пойдем, — сказал ключик с безжизненной улыбкой.

Мы с трудом поднялись и побрели в свою осточертевшую нам гостиницу. У нас даже не хватило сил проюркнуть мимо старика, продающего папиросы, который со скрытым укором посмотрел на нас.

Потом мы лежали на своих твердых кроватях и, желая заглушить голод, громко пели, не помню уже что. Откуда-то с улицы доносились звуки дряхлой дореволюционной шарманки, надрывавшие сердце, усиливавшие наше покорное отчаяние.

В голой лампочке под потолком стали медлительно накаливаться, краснеть вольфрамовые нити, давая представление о стеклянном яйце, пыльной колбочке, в котором доклевывается цыпленок чахлого света.

Из коридора иногда доносились.

«…шаги глухие пехотинцев и звон кавалерийских шпор»… {290}

Это проходили постояльцы гостиницы, по преимуществу бывшие военные, еще не снявшие своей формы, ныне советские служащие. Звук этих шагов еще более усиливал наше одиночество.

Но вдруг дверь приоткрылась и в комнату без предварительного стука заглянул высокий красивый молодой человек, одетый в новую, с иголочки красноармейскую форму: гимнастерка с красными суконными «разговорами»{291}, хромовые высокие сапоги, брюки галифе, широкий офицерский пояс, а на голове расстегнутая крылатая буденовка с красной суконной звездой. Если бы на рукаве были звезды, а на отложном воротнике ромбы, то его можно было бы принять по крайней мере за молодого комбрига или даже начдива — легендарного героя закончившейся гражданской войны.

— Разрешите войти? — спросил он, вежливо стукнув каблуками.

— Вы, наверное, не туда попали, — тревожно сказал я.

Нет, нет! — воскликнул, вдруг оживившись, ключик. — Я уверен, что он попал именно сюда. Неужели ты не понимаешь, что это наша судьба? Шаги судьбы. Как у Бетховена!

Ключик любил выражаться красиво.

— Вы такой-то? — спросил воин, обращаясь прямо к взъерошенному ключику, и назвал его фамилию.

— Ну? — не без торжества заметил ключик. — Что я тебе говорил? Это судьба! — А затем обратился к молодому воину голосом, полным горделивого шляхетского достоинства: — Да. Это я. Чем могу служить?

— Я, конечно, очень извиняюсь, — произнес молодой человек на несколько черноморском жаргоне и осторожно вдвинулся в комнату, — но, видите ли, дело в том, что послезавтра именины Раисы Николаевны, супруги Нила Георгиевича, и я бы очень просил вас…

— Виноват, а вы, собственно, кто? Командарм?[292] — прервал его ключик.

— Никак нет, отнюдь не командарм.

— Ну раз вы не командарм, то, значит, вы ангел. Скажите, вы ангел?

Молодой человек замялся.

— Нет, нет, не отпирайтесь, — сказал ключик, продолжая лежать в непринужденной позе на своей жесткой кровати. — Я уверен, что вы ангел: у вас над головой крылья. Если бы вы были Меркурием, то крылья были бы у вас также и на ногах. Во всяком случае, вы посланник богов. Вас послала к нам богиня счастья, фортуна, сознайтесь.

Ключик сел на своего конька и, сыпля мифологическими метафорами, совсем обескуражил молодого человека, который застенчиво улыбался.

Наконец, улучив минутку, он сказал:

— Я, конечно, очень извиняюсь, но дело в том, что я хотел бы заказать вам стихи.

— Мне? Почему именно мне, а не Горацию? — спросил ключик.

Но, видимо, молодой человек был лишен чувства юмора, так как ответил:

— Потому что до меня дошли слухи, будто, выступая в одной воинской части нашего округа, вы в пять минут сочинили буриме на заданную тему, и это произвело на аудиторию, а особенно на политсостав такое глубокое впечатление, что… одним словом, я хотел бы вам заказать несколько экспромтов на именины Раисы Николаевны, супруги нашего командира… Ну и, конечно, на некоторых наиболее важных гостей… командиров рот, их жен и так далее… Конечно, вполне добродушные экспромты, если можно, с мягким юмором… Вы меня понимаете? Хорошо было бы протащить тещу Нила Георгиевича Оксану Федоровну, но, разумеется, в легкой форме. Обычно в таких случаях мне пишет экспромты один местный автор-куплетист, но — антр ну суа дит[293] — в последнее время я уже с его экспромтами не имел

того успеха, как прежде. Я вам выдам приличный гонорар, но, конечно, эти стихи перейдут в полную мою собственность и будут считаться как бы моими… Обычно я имею успех… и это очень помогает мне по службе.

Молодой человек заалел как маков цвет, и простодушная улыбка осветила его почти девичье лицо симпатичного пройдохи.

Дело оказалось весьма простым: молодой интендант территориальных войск делал себе карьеру души общества, выступая с экспромтами на всяческих семейных вечеринках у своего начальства.

Ключик сразу это понял и сурово сказал:

— Деньги вперед.

— О, какие могут быть разговоры? Конечно, конечно. Только вы меня, бога ради, не подведите, — жалобно промолвил молодой человек и выложил на кровать ключика Целый веер розовых миллионных бумажек, как я уже, кажется, где-то упоминал, более похожих на аптекарские этикетки, чем на кредитки.

— Завтра я зайду за материалом ровно в семнадцать ноль-ноль. Надеюсь, к этому времени вы уложитесь.

— Можете зайти через тридцать минут ноль-ноль. Мы уложимся, — холодно ответил ключик. — Тем более что нас двое.

Ключик нехотя встал с кровати, сел к столу и под диктовку молодого человека составил список именинных гостей, а также их краткие характеристики, после чего молодой человек удалился.

Можно себе представить, какую чечетку мы исполнили, едва затворилась дверь за нашим заказчиком, причем ключик время от времени восклицал:

— Бог нам послал этого румяного дурака!

Мы сбегали на базар, который уже закрывался, купили у солдата буханку черного хлеба, выпили у молочницы по глечику{294} жирного молока, вернулись в свою гостиницу, предварительно расплатившись с удивленным евреем, взяли у него два десятка папирос и быстро накатали именинные экспромты, наполнив комнату облаками табачного дыма.

Наши опусы имели такой успех, что нашего доброго гения повысили в звании, и он повадился ходить к нам, заказывая все новые и новые экспромты.

Мы так к нему привыкли, что каждый раз, оставаясь без денег, что у нас называлось по-черноморски «сидеть на декохте»{295}, говорили:

— Хоть бы пришел наш дурак.

И он, представьте себе, тотчас являлся как по мановению черной палочки фокусника.

Эта забавная история закончилась через много лет, когда ключик сделался уже знаменитым писателем, имя которого произносилось не только с уважением, но даже с некоторым трепетом. О нем было написано раза в четыре больше, чем он написал сам своей чудесной нарядной прозы.

Мы довольно часто ездили (конечно, всегда в международном вагоне!) в свой родной город, где мальчики вместо «абрикосы» говорили «аберкосы» и где белый Воронцовский маяк отражался в бегущих черноморских волнах, пенящихся у его подножия.

Мы всегда останавливались в лучшем номере лучшей гостиницы с окнами на бульвар и на порт{296}, над которым летали чайки, а вдали розовел столь милый нашему сердцу берег Дофиновки, и мы наслаждались богатством, и славой, и общим поклонением, чувствуя, что не посрамили чести родного города.

И вот однажды рано утром, когда прислуга еще не успела убрать с нашего стола вчерашнюю посуду, в дверь постучали, после чего на пороге возникла полузабытая фигура харьковского дурака.

Он был все таким же розовым, гладким, упитанным, красивым и симпатичным, с плутоватой улыбкой на губах, которые можно было назвать девичьими, если бы не усики и вообще не какая-то общая потертость — след прошедших лет.

— Здравствуйте. С приездом. Я очень рад вас видеть.

Вы приехали очень кстати. Я уже пять лет служу здесь, и вообразите — какое совпадение: командир нашего полка как раз послезавтра выдает замуж старшую дочь Катю. Так что вы с вашей техникой вполне успеете. Срочно необходимо большое свадебное стихотворение, так сказать, эпиталама, где бы упоминались все гости, список которых…

— Пошел вон, дурак,{297} — равнодушным голосом сказал ключик, и нашего заказчика вдруг как ветром сдуло.

Больше мы его уже никогда не видели.

— Ты понимаешь, что в материальном мире ничто не исчезает. Я всегда знал, что наш дурак непременно когда-нибудь возникнет из непознаваемой субстанции времени, — сказал ключик, по своему обыкновению вставив в свое замечание роскошную концовку — «субстанцию времени», причем бросил на меня извиняющийся взгляд, понимая, что «субстанция времени» не лучшая из его метафор.

В конце концов, может быть, это была действительно «субстанция времени», кто его знает: жизнь загадочна! Хотя в принципе я и не признаю существования времени, но как рабочая гипотеза время может пригодиться, ибо что же как не время скосило, уничтожило и щелкунчика{298}, и ключика, и птицелова,

и мулата, и всех остальных и превратило меня в старика, путешествующего по Европе и выступающего в славянских отделениях разных респектабельных университетов, где любознательные студенты, уже полурусские потомки граждан бывшей Российской империи, уничтоженной революцией, непременно спрашивают меня о ключике.

Ключик стал знаменитостью.

И я, озирая аудиторию потухшим взглядом, говорю по-русски со своим неистребимым черноморским акцентом давно уже обкатанные слова о моем лучшем друге.

— Ключик, — говорю я, — родился вопреки укоренившемуся мнению не в Одессе, а в Елисаветграде, в семье польского — точнее литовского — дворянина, проигравшего в карты свое родовое имение и принужденного поступить на службу в акцизное ведомство, то есть стать акцизным чиновником. Вскоре семья ключика переехала в Одессу и поселилась в доме, как бы повисшем над спуском в порт, в темноватой квартире, выходившей окнами во двор, где постоянно выбивали ковры.

Семья ключика состояла из отца, матери, бабушки и младшей сестры.

Отец, на которого сам ключик в пожилом возрасте стал похож как две капли воды{299}, продолжал оставаться картежником, все вечера проводил в клубе за зеленым столом и возвращался домой лишь под утро, зачастую проигравшись в пух, о чем извещал короткий, извиняющийся звонок в дверь.

Мать ключика была, быть может, самым интересным лицом в этом католическом семействе. Она была, вероятно, некогда очень красивой высокомерной брюнеткой, как мне казалось, типа Марины Мнишек, но я помню ее уже пожилой, властной с колдовскими жгучими глазами на сердитом, никогда не улыбающемся лице. Она была рождена для того, чтобы быть хозяйкой замка, а стала женой акцизного чиновника. Она говорила с сильным польским акцентом, носила черное и ходила в костел в перчатках и с кожаным молитвенником, а дома читала польские романы, в которых, я заметил, латинская буква Л была перечеркнута косой черточкой, что придавало печатному тексту нечто религиозное и очень подходило к католическому стилю всей семьи.

Ключик ее боялся и однажды таинственно и совершенно серьезно сообщил мне, что его мать настоящая полесская ведьма и колдунья.

Она была владычицей дома.

Бабушка ключика была согбенная старушка, тоже всегда в черном и тоже ходила в костел мелкими-мелкими

неторопливыми шажками, метя юбкой уличную пыль. Она тоже, несомненно, принадлежала к породе полесских колдуний, но только была добрая, дряхлая, отжившая, в железных очках.

Сестру ключика я видел только однажды, и то она как раз в это время собиралась уходить и уже надевала свою касторовую гимназическую шляпу с зеленым бантом, и я успел с нею только поздороваться, ощутить теплое пожатие девичьей руки, — робкое, застенчивое, и заметил, что у нее широкое лицо и что она похожа на ключика, только миловиднее.

Как это ни странно, но я сразу же тайно влюбился в нее, так как всегда имел обыкновение влюбляться в сестер своих товарищей, а тут еще ее польское имя, придававшее ей дополнительную прелесть. Мне кажется, мы были созданы друг для друга. Но почему-то я ее больше никогда не видел, и мое тайное влюбление прошло как-то само собой.

Ей было лет шестнадцать, а я уже был молодой офицер, щеголявший своей раненой ногой и ходивший с костылем под мышкой.{300}

Вскоре началась эпидемия сыпного тифа, она и я одновременно заболели. Я выздоровел, она умерла.

Ключик сказал мне, что в предсмертном бреду она часто произносила мое имя, даже звала меня к себе.{301}

Теперь, когда все это кануло в вечность памяти, я понимаю, что меня с ключиком связывали какие-то тайные нити, может быть, судьбой с самого начала нам было предназначено стать вечными друзьями-соперниками или даже влюбленными друг в друга врагами.

Судьба дала ему, как он однажды признался во хмелю, больше таланта, чем мне, зато мой дьявол был сильнее его дьявола.

Что он имел в виду под словом «дьявол», я так уже никогда и не узнаю. Но, вероятно, он был прав.{302}

…я забыл, что нахожусь в узкой переполненной аудитории славянского отделения Сорбонны в Гран-Пале… Я видел в высоком французском окне до пола вычурно-массивные многорукие фонари моста Александра Третьего и еще голые конские каштаны с большими надутыми почками, как бы намазанными столярным клеем, уже готовые лопнуть, но все еще не лопнувшие, так что я обманулся в своих ожиданиях, хотя всем своим существом чувствовал присутствие вечной весны, но она еще была скрыта от глаз в глубине почти черных столетних стволов, где уже несомненно двигались весенние соки.

…громадные стеклянные куполообразные крыши Гран Пале, его ужасный стиль девятнадцатого века, неистребимая память

дурного вкуса Всемирной парижской выставки…

Впрочем, в Северной Италии вечная весна тоже еще не наступила, хотя вдоль шоссе по дороге из Милана в Равенну в отдаленном альпийском тумане светилась пасхальная зелень равнины и в снежном дыхании невидимой горной цепи слышался неуловимый запах рождающейся весны, несмотря на то, что ряды фруктовых деревьев, пробегавших мимо нас, — цыплята-табака шпалерных яблонь и распятия старых виноградных лоз — по-прежнему оставались черными, лишенными малейших признаков зелени, и все же мне казалось, что я уже вижу ее незримое присутствие.

Стоит ли описывать древние итальянские города-республики, это дивное скопление покосившихся башен, кирпичных дворцов-крепостей, окруженных рвами, по пятьсот залов в некоторых, со специальными пологими лестницами для конницы, с мраморными и бронзовыми статуями владык, поэтов и святых, с гранитными плитами площадей и железными украшениями колодцев и фонтанов, с балконами, говорящими моему воображению о голубой лунной ночи и шепоте девушки с распущенными волосами в маленькой, унизанной жемчугами ренессансной шапочке{303}.

Потемки древних храмов и базилик, где при зареве целых снопов белоснежных свечей можно было с трудом разглядеть выпуклые девичьи лбы мадонн со старообразными младенцами на руках, чьи головы напоминали скорее головы епископов, чем веселых малюток…

Только один ключик сумел бы найти какой-нибудь единственный, неотразимый метафорический ход, чтобы вместить в несколько строк впечатление обо всем этом ренессансном великолепии, я же в бессилии кладу свою шариковую ручку.

Мы промчались, прошуршали по безукоризненным бетонным дорогам, мимо архитектурных бесценностей, как бы созданных для того, чтобы в них играли Шекспира и ставили «Трех толстяков» ключика.

Впрочем, здесь нельзя было найти площадь Звезды. Для этого следовало вернуться в Париж и на метро направления Венсенн — Нейи доехать на колесах с дутыми шинами до площади Этуаль (ныне де Голль), где от высокой Триумфальной арки с четырьмя пролетами расходятся как лучи двенадцать сияющих авеню.

Очевидно, туда стремилась фантазия ключика, когда он заставил своего Тибула идти по проволоке над площадью Звезды. {304}

Меня же влекла к себе Равенна, одно имя которой, названное Александром Блоком, уже приводило в трепет.

С юношеских лет я привык повторять магические строки:

«Все, что минутно, все, что бренно, похоронила ты в веках. Ты как ребенок спишь, Равенна, у сонной вечности в руках». {305}

О, как мне хотелось, отбросив от себя все, что минутно, все, что бренно, уснуть самому у сонной вечности в руках и увидеть наяву, как передо мною

«…далёко отступило море и розы оцепили вал, чтоб спящий в гробе Теодорик о буре жизни не мечтал»…

Больше всего поражала нас, особенно ключика, неслыханная магия строчки «и розы оцепили вал». Здесь присутствовала

тайная звукопись, соединение двух согласных «з» и «ц», как бы сцепленных между собой необъяснимым образом. Сила этого сцепления между собою роз вокруг какого-то вала мучила меня всю жизнь, и наконец я приближался к разгадке этой поэтической тайны.

Я увидел на земле нечто вроде купола, сложенного из диких камней. Это и был склеп Теодорика, действительно окруженный земляным валом, поросшим кустами еще не проснувшихся роз, цеплявшихся друг за друга своими коралловыми шипами.

Вечная весна еще не наступила и здесь. Но, сцепленные в некий громадный венок вокруг склепа Теодорика, они были готовы выпустить первые почки. Местами они уже даже проклевывались.

Мы поднялись по каменной лестнице и вошли в мавзолей, посредине которого стоял гроб Теодорика. Но гроб был открыт и пуст, подобный каменной ванне. Я так привык представлять себе блоковского спящего в гробе Теодорика, что в первое мгновение замер как обворованный, Отсутствие Теодорика, который не должен был мечтать о бурях жизни, а спать мертвым сном на дне своей каменной колоды, — эти два исключающих друг друга отрицания с наглядной очевидностью доказали мне, что семьдесят пять лет назад поэт, совершая путешествие по Италии и посетив Равенну, по какой-то причине не вошел в мавзолей Теодорика, ограничившись лишь видом роз, оцепивших вал, а Теодорика, спящего для того, чтобы не мечтать о бурях жизни, изобрела его поэтическая фантазия — неточность, за которую грех было бы упрекнуть художника-визионера.{306}

Зато я понял, почему так чудесно вышло у Блока сцепление роз.

Когда мы выходили из мавзолея и столетний старик сторож, которого несомненно некогда видел и Блок, протянул нам руку за лирами, я заметил по крайней мере десяток кошек со своими котятами, царапавших землю возле плошки с молоком.

Старик любил кошек.

Очевидно, Блок видел кошек старика, который тогда еще не был стариком, но уже любил окружать себя кошками.

Цепкие когти кошек и цепкие шипы роз вокруг мавзолея Теодорика родили строчку «и розы оцепили вал».

Ну а что касается моря, то оно действительно отступило довольно далеко, километров на десять, если не больше, но, плоское и серое, оно не представляло никакого интереса: дул холодный мартовский ветер, за брекватором кипели белые волны Адриатики, на пристани стояли на стапелях яхты и моторные боты, которые готовили к весенней навигации. И пахло масляной

краской, едким нитролаком, суриком, бензином. Только не рыбой.

На обратном пути мы посетили церковь святого Франциска, снова попали в тьму и холод католического собора с кострами свечей. Я бросил в автомат монетку, и вдруг перед нами, как на маленькой полукруглой сцене, ярко озарилась театральная картина поклонения волхвов: малютка Христос, задрав пухлые ножки, лежал на коленях нарядной мадонны, справа волхвы и цари со шкатулками драгоценных даров, слева — коровы, быки, овцы, лошади, на небе хвостатая комета. И все это вдруг задвигалось: волхвы и цари протянули маленькому Христу свои золотые дары; коровы, быки, лошади потянули к нему головы с раздутыми ноздрями, богородица с широко висящими рукавами синего платья нежно и неторопливо движениями марионетки наклонилась толчками к малютке, а на заднем плане два плотника все теми же марионеточными движениям уже тесали из бревен крест и римский воин поднимал и опускал копье с губкой на острие. Это повторилось раз десять и вдруг погасло, напомнив стихотворение, сочиненное мулатом, кажется «Поклонение волхвов», где хвостатая звезда сравнивается со снопом{307}.

Ключик, — говорил я несколько дней спустя в старинном миланском университете с внутренними дворами, зеленеющими сырыми газонами, окруженными аркадами с витыми ренессансными мраморными колонками, студентам, собравшимся в тесном классе славянского отделения, — ключик, — говорил я, — был человеком выдающимся. В гимназии он всегда был первым учеником, круглым пятерочником, и если бы гимназия не закрылась, его имя можно было бы прочесть на мраморной доске, среди золотых медалистов, окончивших в разное время Ришельевскую гимназию, в том числе великого русского художника Михаила Врубеля.{308}

Ключик всю жизнь горевал, что ему так и не посчастливилось сиять на мраморной доске золотом рядом с Врубелем.

Он совсем не был зубрилой.{309} Науки давались ему легко и просто, на лету. Он был во всем гениален, даже в тригонометрии, а в латинском языке превзошел самого латиниста. Он был начитан, интеллигентен, умен. Единственным недостатком был его малый рост, что, как известно, дурно влияет на характер и развивает честолюбие. Люди небольшого роста, чувствуя как бы свою неполноценность, любят упоминать, что Наполеон тоже был маленького роста. Ключика утешало, что Пушкин был невысок ростом, о чем он довольно часто упоминал. Ключика также утешало, что Моцарт ростом и сложением напоминал ребенка. {310}

При маленьком росте ключик был коренаст, крепок, с крупной красивой головой с шапкой кудрявых волос, причесанных а-ля Титус, по крайней мере в юности.{311}

Какой-то пошляк в своих воспоминаниях, желая, видимо, показать свою образованность, сравнил ключика с Бетховеном.{312}

Сравнить ключика с Бетховеном — это все равно что сказать, что соль похожа на соль.

В своем сером форменном костюме Ришельевской гимназии, немного мешковатый, ключик был похож на слоненка: такой же широкий лоб, такие же глубоко сидящие, почти детские глаза, ну а что касается хобота, то его не было. Был утиный нос. Впрочем, это не очень бросалось в глаза и не портило впечатления. Таким он и остался для меня на всю жизнь: слоненком. Ведь и любовь может быть слоненком!

«Моя любовь к тебе сейчас — слоненок, родившийся в Берлине иль Париже и топающий ватными ступнями по комнатам хозяина зверинца. Не предлагай ему французских булок, не предлагай ему кочней капустных, он может съесть лишь дольку мандарина, кусочек сахара или конфету. Не плачь, о нежная, что в тесной клетке он сделается посмеяньем черни»…

Ну и так далее. Помните?

«Нет, пусть тебе приснится он под утро в парче и меди, в страусовых перьях, как тот Великолепный, что когда-то нес к трепетному Риму Ганнибала».{313}

Я уверен, что именно таким — Великолепным — ключик сам себе и снился: в страусовых перьях, на подступах к вечному Риму всемирной славы.

Едва сделавшись поэтом, он сразу же стал иметь дьявольский успех у женщин, вернее у девушек — курсисток и гимназисток, постоянных посетительниц наших литературных вечеров. Они окружали его, щебетали, называли уменьшительными именами, разве только не предлагали ему с розовых ладошек дольку мандарина или конфетку. Они его обожали. У него завязывались мимолетные платонические романчики — предмет наших постоянных насмешек.{314}

Он давал своим возлюбленным красивые имена, так как имел пристрастие к роскошным словам.

Так, например, одну хорошенькую юную буржуазку, носившую ранней весной букетик фиалок, пришпиленный к воротнику кротовой шубки, ключик называл Фиордализой.

— Я иду сегодня в Александровский парк на свиданье с Фиордализой, — говорил он, слегка шепелявя, с польским акцентом.

Можно себе представить, как мы, его самые близкие друзья — птицелов и я, — издевались над этой Фиордализой, хотя втайне и завидовали ключику.

Как и подавляющее большинство поэтов нашего города, ключик вырос из литературы западной. Одно время он был настолько увлечен Ростаном в переводе Щепкиной-Куперник что даже начал писать рифмованным шестистопным ямбом пьесу под названием «Двор короля поэтов», явно подражая «Сирано де Бержераку».{315}

Я думаю, что опус ключика рождался из наиболее полюбившейся ему строчки:

«Теперь он ламповщик в театре у Мольера».{316}

Помню строчки из его стихотворения «Альдебаран».

«…смотри, — по темным странам, среди миров, в полночной полумгле, течет звезда. Ее Альдебараном живущие назвали на земле»…{317}

Слово «Альдебаран» он произносил с упоением. Наверное, ради этого слова было написано все стихотворение.

Потом настало время Метерлинка.{318} Некоторое время ключик носился с книгой, кажется Уолтера Патера, «Воображаемые портреты»{319}, очаровавшей его своей раскованностью и метафоричностью. Зачитывался он также «Крестовым походом детей», если не ошибаюсь Марселя Швоба{320}. Всю жизнь ключик преклонялся перед Эдгаром По, считал его величайшим писателем мира{321}, что не мешало ему в то же время очень ловко сочинять поэзы под Игоря Северянина, а позже даже восхищаться песенками Вертинского; это тогда считалось признаком дурного тона, и совершенно напрасно. Странность, которую я до сих пор не могу объяснить.

Ключик упорно настаивал, что Вертинский — выдающийся поэт, в доказательство чего приводил строчку: «Аллилуя, как синяя птица»{322}.

Самое поразительное было то, что впоследствии сам неумолимый Командор сказал мне как-то раз, что считает Вертинского большим поэтом{323}, а дождаться от Командора такой оценки было делом нелегким.

Ключик опередил нас независимостью своих литературных вкусов. Он никогда не подчинялся общему мнению, чаще всего ошибочному.

Увлекался ключик также и Уэллсом, которого считал не только родоначальником целого громадного литературного направления, но также и великим художником, несравненным изобразителем какой-то печально-волшебной Англии начала двадцатого века, так не похожей на Англию Диккенса и вместе с

тем на нее похожей.{324}

Не знаю, заметили ли исследователи громадное влияние Уэллса-фантаста на Командора, автора почти всегда фантастических поэм и «Бани» с ее машиной времени.{325}

Не говорю уж о постоянном, устойчивом влиянии на ключика Толстого и Достоевского, как бы исключающих друг друга, но в то же время так прочно слившихся в творчестве ключика.{326}

Воздух, которым дышал ключик, всегда был перенасыщен поэзией Блока. Впрочем, тогда, как и теперь, Блоку поклонялись все.

Однажды я прочитал ключику Бунина, в то время малоизвестного и почти никем не признанного. Ключик поморщился. Но, видно, поэзии Бунина удалось проникнуть в тайное тайных ключика; в один прекрасный день, вернувшись из деревни, где он жил репетитором в доме степного помещика, ключик прочитал мне новое стихотворение под названием «В степи», посвященное мне и написанное «под Бунина».

«Иду в степи под золотым закатом… Как хорошо здесь! Весь простор — румян и все в огне, а по далеким хатам ползет, дымясь, сиреневый туман»{327} — ну и так далее.

Я был очень удивлен.

Это было скорее «под меня», чем «под Бунина», и, кажется, ключик больше никогда не упражнялся в подобном роде, совершенно ему не свойственном: его гений развивался по совсем другим законам.

Думаю, что влиял на ключика также и Станислав Пшибышевский — польский декадент, имевший в то время большой успех. «Под Пшибышевского» ключик написал драму «Маленькое сердце», которую однажды и разыграли поклонники его таланта на сцене местного музыкального училища.{328} Я был помощником режиссера, и в сцене, когда некий «золотоволосый Антек» должен был застрелиться от любви к некой Ванде, я должен был за кулисами выстрелить из настоящего револьвера в потолок. Но, конечно, мой револьвер дал осечку и некоторое время «золотоволосый Антек» растерянно вертел в руках бутафорский револьвер, время от времени неуверенно прикладывая его то к виску, то к сердцу, а мой настоящий револьвер как нарочно давал осечку за осечкой. Тогда я трахнул подвернувшимся табуретом по доскам театрального пола. «Золотоволосый Антек», вздрогнув от неожиданности, поспешил приложить бутафорский револьвер к сердцу и с некоторым опозданием упал под стол{329}, так что пьеса в конечном итоге закончилась благополучно, и публика была в восторге, устроила ключику овацию, и он выходил несколько раз кланяться,

маленький, серенький, лобастенький слоненок{330}, сияя славой, а я аккуратно дергал за веревку, раздвигая и задвигая самодельный занавес.

Барышня, игравшая главную роль роковой женщины Ванды, помнится мне, выходя на вызовы, на глазах у всех поцеловала ключику руку, что вызвало во мне жгучую зависть. Барышня-гимназистка была очень хорошенькая.

«Черт возьми, везет же этому ключику! Что она в нем нашла, интересно? Пьеска так себе, под Пшибышевского, декадентщина, а сам ключик просто серый слоненок!»

Вообще взаимная зависть крепче, чем любовь, всю жизнь привязывала нас друг к другу начиная с юности.

Однажды ключик сказал мне, что не знает более сильного двигателя творчества, чем зависть.

Я бы согласился с этим, если бы не считал, что есть еще более могучая сила: любовь. Но не просто любовь, а любовь неразделенная, измена или просто любовь неудачная, в особенности любовь ранняя, которая оставляет в сердце рубец на всю жизнь.

В истоках творчества гения ищите измену или неразделенную любовь. Чем опаснее нанесенная рана, тем гениальнее творения художника, приводящие его в конце концов к самоуничтожению.

Я не хочу приводить примеры. Они слишком хорошо известны.

Однако надо иметь в виду, что самоуничтожение не всегда самоубийство. Иногда оно принимает другие, более скрытые, но не менее ужасные формы: дуэль Пушкина, уход Толстого из Ясной Поляны.

Переживши рядом с ключиком лучшую часть нашей жизни, я имел возможность не только наблюдать, но и участвовать в постоянных изменениях его гения, все время толкавшего его в пропасть.

Я был так душевно с ним близок, что нанесенная ему некогда рана оставила шрам и в моем сердце. Я был свидетелем его любовной драмы, как бы незримой для окружающих: ключик был скрытен и самолюбив{331}; он ничем не выдал своего отчаяния. Идеалом женщины для него всегда была Настасья Филипповна из «Идиота» с ее странной, неустроенной судьбой, с ее прекрасным, несколько скуластым лицом мещанской красавицы, с ее чисто русской сумасшедшинкой.

Он так и не нашел в жизни своею литературного идеала. В жизни обычно все складывается вопреки мечтам.

Подругой ключика стала молоденькая, едва ли не семнадцатилетняя, веселая девушка, хорошенькая и голубоглазая.

{332} Откуда она взялась, не имеет значения. Ее появление было предопределено.

Только что, более чем с двухлетним опозданием, у нас окончательно установилась советская власть, и мы оказались в магнитном поле победившей революции, так решительно изменившей всю нашу жизнь.

Впервые мы почувствовали себя освобожденными от всех тягот и предрассудков старого мира, от обязательств семейных, религиозных, даже моральных; мы опьянели от воздуха свободы: только права и никаких обязанностей. Мы не капиталисты, не помещики, не фабриканты, не кулаки. Мы дети мелких служащих, учителей, акцизных чиновников, ремесленников.

Мы — разночинцы.{333}

Нам нечего терять, даже цепей, которых у нас тоже не было.

Революция открыла для нас неограниченные возможности.

Может быть, мы излишне идеализировали революцию, не понимая, что и революция накладывает на человека обязательства, а полная, химически чистая свобода настанет в мире еще не так-то скоро, лишь после того, когда на земном шаре разрушится последнее государство и «все народы, распри позабыв, в единую семью соединятся»{334}.

Но тогда нам казалось, что мы уже шагнули в этот отдаленный мир всеобщего счастья.

Некоторые из нас ушли из своих семейств и поселились в отдельных комнатах по ордерам губжилотдела. Мы были ближе к Фурье, чем к Марксу. Образовалась коммуна поэтов.{335}

В реквизированном особняке при свете масляных и сальных коптилок мы читали по вечерам стихи в то время как в темных переулках города, лишенного электрического тока, возле некоторых домов останавливались автомобили ЧК с погашенными фарами и над всем мертвым и черным городом светился лишь один ярко горевший электричеством семиэтажный дом губчека, где решались судьбы последних организаций, оставленных в подполье бежавшей из города контрреволюцией, а утром на стенах домов и на афишных тумбах расклеивались списки расстрелянных.{336}

Я даже не заметил, с чего и как начался роман ключика. Просто однажды рядом с ним появилась девушка, как нельзя более соответствующая стихам из «Руслана и Людмилы»:

«…есть волшебницы другие, которых ненавижу я: улыбка, очи голубые и голос милый — о друзья! Не верьте им: они лукавы! Страшитесь, подражая мне, их упоительной отравы».{337}

Вероятно, читатель с неудовольствием заметил, что я злоупотребляю цитатами. Но дело в том, что я считаю хорошую

литературу такой же составной частью окружающего меня мира, как леса, горы, моря, облака, звезды, реки, города, восходы, закаты, исторические события, страсти и так далее, то есть тем материалом, который писатель употребляет для постройки своих произведений.

Для меня Пушкин — великое произведение природы вроде грозы, бури, метели, летучей гряды облаков, лунной ночи, чувыканья соловьев, даже чумы.

Я его цитирую, так же как цитирую множество других прекрасных авторов и явлений природы.

Процитировал же Толстой предутреннюю летнюю луну, похожую на кусок ртути.{338} Именно на *кусок*. Хотя ртуть в обычных земных условиях существует как шарик.

Так что примиритесь с этой моей манерой; почему же мне не цитировать других в том случае, когда я сам не могу создать лучшего?

Итак:

«…улыбка, очи голубые и голос милый…»

Такова была подруга ключика — его первая любовь! — а то, что «она лукава», выяснилось позже и нанесло ключику незаживающую рану, что оставила неизгладимый след на всем его творчестве, сделала его гениальным и привела в конце концов к медленному самоуничтожению. Это стало вполне ясно только теперь, когда ключика уже давно не существует на свете и только его тень неотступно следует за мною. Мне кажется, что я постиг еще не обнаруженную трагедию ключика.

Ах, как они любили друг друга — ключик и его дружок, дружочек, как он ее называл в минуты нежности. Они были неразлучны, как дети, крепко держащиеся за руки. Их любовь, не скрытая никакими условностями, была на виду у всех, и мы не без зависти наблюдали за этой четой, окруженной облаком счастья.

Не связанные друг с другом никакими обязательствами, нищие, молодые, нередко голодные, веселые, нежные, они способны были вдруг поцеловаться среди бела дня прямо на улице, среди революционных плакатов и списков расстрелянных. Они осыпали друг друга самыми ласковыми прозвищами, и ключик, великий мастер слова, столь изобретательный в своих литературных произведениях, ничего не мог придумать более оригинального, чем «дружочек, друзик».

Он бесконечно спрашивал:

— Скажи, ведь ты мой верный дружок, дружочек, друзик?

На что она также, беспечно смеясь, отвечала:

— А ты ведь мой слоненок, слоник?

Никому в голову не могло прийти, что в это время у ключика в семье разыгрывается драма. Считалось, что всякого рода семейные драмы ушли в прошлое вместе со старым миром. Увы, это было не так.

Семья ключика собиралась уезжать в Польшу, провозглашенную независимым государством. Поляки возвращались из России на родину. И вдруг оказалось, что ключик решительно отказывается ехать с родителями. Несмотря на то, что он всегда даже несколько преувеличенно гордился своим шляхетством, он не захотел променять революционную Россию на панскую Польшу.

В упрямстве ключика его семья обвинила девушку, с которой ключик не хотел расстаться. Мать ключика ее возненавидела и потребовала разрыва. Ключик отказался. Властная полька, католичка, «полесская ведьма» прокляла сына, променявшего Польшу на советскую девушку, с которой ключик даже не был обвенчан или, в крайнем случае, зарегистрирован.

Произошла драматическая сцена между матерью и сыном, который до этого случая был всегда почтительным и послушным. Но вдруг взбунтовался. В нем заговорила материнская кровь. Нашла коса на камень.

Семья ключика уехала в Польшу.{339} Ключик остался. Его любовь к дружочку не изменила наших отношений. Но теперь нас уже было не двое, а трое. Впрочем, когда нас перевели в Харьков на работу в Югросту для укрепления пропагандистского сектора, дружочек на некоторое время осталась в Одессе, так что самые тяжелые, голодные дни не испытала, но времена переменились и скоро она перебралась к ключику в Харьков. Мы жили втроем, нанимая две комнаты на углу Девичьей и Черноглазовской, прельстивших нас своими поэтическими названиями.

Дела наши поправились. Мы прижились в чужом Харькове, уже недурно зарабатывали, иногда вспоминая свой родной город и некоторые проказы прежних дней, среди которых видное место занимала забавная история брака дружочка с одним солидным служащим в губпродкоме. По первым буквам его имени, отчества и фамилии он получил по моде того времени сокращенное название Мак. Ему было лет сорок, что делало его в наших глазах стариком. Он был весьма приличен, вежлив, усат, бородат и, я бы даже сказал, не лишен некоторой приятности. Он был, что называется, вполне порядочный человек, вдовец с двумя обручальными кольцами на пальце. Он был постоянным посетителем наших поэтических вечеров, где и влюбился в дружочка.

Когда они успели договориться, неизвестно.

Но в один прекрасный день дружок с веселым смехом объявила ключику, что она вышла замуж за Мака и уже переехала к нему.

Она нежно обняла ключика, стала его целовать, роняя прозрачные слезы, объяснила, что, служа в продовольственном комитете, Мак имеет возможность получать продукты и что ей надоело влачить полуголодное существование, что одной любви для полного счастья недостаточно, но что ключик навсегда останется для нее самым светлым воспоминанием, самым-самым ее любимым друзиком, слоником, гением и что она не забудет нас и обещает нам продукты.

Тогда я еще не читал роман аббата Прево{340} и не понял, что дружочек — разновидность Манон Леско и что тут уж ничего не поделаешь.

Ключик в роли кавалера де Гриё грустно поник головой. Он начитался Толстого и был непротивленцем. Я же страшно возмутился и наговорил дружочку массу неприятных слов, на что она, весело смеясь, блестя голубыми глазами, сказала, что понимает, какую глупость совершила, и согласна в любой миг бросить Мака, но только стесняется сделать это сама. Надо, чтобы она была насильно вырвана из рук Мака, похищена.

— Это будет так забавно, — прибавила она, — и я опять вернусь к моему любимому слоненку.

Так как ключик по своей природе был человек воспитанный, не склонный к авантюрам, то похищение дружочка я взял на себя как наиболее отчаянный из всей нашей компании.

В условленное время мы отправились с ключиком за дружочком. Ключик остался на улице, шагая взад-вперед перед подъездом, хмурый, небритый, нервный, как ревнивый гном{341}, а я поднялся по лестнице и громко постучал в дверь кулаком.

Дверь открыл сам Мак. Увидев меня, он засуетился и стал теребить бородку, как бы предчувствуя беду.

Вид у меня был устрашающий: офицерский френч времен Керенского, холщовые штаны, деревянные сандалии на босу ногу, в зубах трубка, дымящая махоркой, а на бритой голове красная турецкая феска с черной кистью{342}, полученная мною по ордеру вместо шапки в городском вещевом складе.

Не удивляйтесь: таково было то достославное время — граждан снабжали чем бог послал, но зато бесплатно.

— Где дружочек? — грубым голосом спросил я.

— Видите ли… — начал Мак, теребя шнурок пенсне.

— Слушайте, Мак, не валяйте дурака, сию же минуту позовите дружочка. Я вам покажу, как быть в наше время синей бородой! Ну, поворачивайтесь живее!

— Дружочек! — блеющим голосом позвал Мак, и нос его побелел.

— Я здесь, — сказала дружочек, появляясь в дверях буржуазно обставленной комнаты. — Здравствуй.

— Я пришел за тобой. Нечего тебе здесь прохлаждаться. Ключик тебя ждет внизу.

— Позвольте… — пробормотал Мак.

— Не позволю, — сказал я.

— Ты меня извини, дорогой, — сказала дружочек, обращаясь к Маку. — Мне очень перед тобой неловко, но ты сам понимаешь, наша любовь была ошибкой. Я люблю ключика и должна к нему вернуться.

— Идем, — скомандовал я.

— Подожди, я сейчас возьму вещи.

— Какие вещи? — удивился я. — Ты ушла от ключика в одном платьице.

— А теперь у меня уже есть вещи. И продукты, — прибавила она, скрылась в плюшевых недрах квартиры и проворно вернулась с двумя свертками. — Прощай, Мак, не сердись на меня, — милым голосом сказала она Маку.

У Мака на испуганном лице показались слезы.

— И смотрите у меня, — сказал я на прощанье, погрозив Маку трубкой, — чтобы этого больше не повторялось!

Мы с дружочком спустились по лестнице на улицу, где я передал нашу Манон Леско с рук на руки кавалеру де Гриё.{343}

Читателю все это может показаться невероятным, но таково было время. Паспортов не существовало, и браки легко заключались и расторгались в отделе актов гражданского состояния на Дерибасовской в бывшем табачном магазине Стамболи, где еще не выветрился запах турецкого табака. Браки заключались по взаимному согласию, а разводы в одностороннем порядке.

Как ни странно, но всю эту историю с Маком мы тогда воспринимали всего лишь как забавное приключение, не понимая всей серьезности того, что случилось.

Не прошло и года, как ключик вспомнил об этом, но уже было поздно.

Во всяком случае, еще долгое время история с Маком служила поводом для веселых импровизаций и дружочек не без юмора рассказывала, как она была замужней дамой.

Через некоторое время, уже в Москве, в моей комнате в Мыльниковом переулке раздался телефонный звонок и оживленный женский голос сказал:

— Здравствуй. Как поживаешь?

Я узнал голос дружочка.

— Можешь меня поздравить, я уже в Москве, — сказала она.

— А ключик? — спросил я.

— Остался в Харькове.

— Как! Ты приехала одна?

— Не совсем, — проговорила дружочек, и я услышал ее странный смешок.

— Как это не совсем? — спросил я, предчувствуя недоброе.

— А так! — услышал я беспечный голос. — Жди нас.

И через полчаса в мою комнату вбежала нарядно одетая, в модной шляпе, с сумочкой, даже, кажется, в перчатках дружочек, а следом за ней боком, криво, как бы расталкивая воздух высоко поднятым плечом, прошел в дверь человек в новом костюме и в соломенной шляпе-канотье{344} — высокий, с ногой, двигающейся как на шарнирах.

Это был колченогий{345} — так я буду его называть в дальнейшем — одна из самых удивительных и, может быть, даже зловещих фигур, вдруг появившихся среди нас, странное порождение этой эпохи.

Остатки деникинских войск были сброшены в Черное море; обезумевшие толпы беглецов из Петрограда, Москвы, Киева — почти все, что осталось от российской Вандеи{346}, — штурмовали пароходы, уходившие в Варну, Стамбул, Салоники, Марсель.

Контрразведчики, не сумевшие пробиться на пароход, стрелялись тут же на пристани, среди груды брошенных чемоданов. Город, взятый с налета конницей Котовского и регулярной московской дивизией Красной Армии, одетой в новые оранжевые полушубки, был чист и безлюден, как бы вычищенный железной метлой от всей его белогвардейской нечисти, многочисленных ярких вывесок магазинов, медных досок консульств и банков, золотых букв гостиниц и ресторанов…

Город, приняв огненное крещение, как бы очистился от скверны, помолодел и замер в ожидании начала новой жизни.

Пароходы с эмигрантами еще чернели на горизонте как выброшенная куча дымящегося шлака, а уже новая власть занимала опустевшие особняки, размещалась в городской управе, в штабе военного округа, в Воронцовском дворце, в редакциях газет, получивших новые названия и новое содержание.

В помещении деникинского Освага возникло новое советское учреждение Одукроста, то есть Одесское бюро украинского отделения Российского телеграфного агентства, с его агитотделом, выпускавшим листовки, военные сводки, стенные газеты и плакаты, тут же изготовлявшиеся на больших картонных и фанерных листах, написанные клеевыми красками. Плакаты эти

тут же, еще не высохнув, разносились и развозились по всему городу на извозчиках и велосипедах. На плакатах под картинками помещались агитстихи нашего сочинения. Например:

«По небу полуночи Врангель летел, и грустную песню он пел. Товарищ! Барона бери на прицел, чтоб ахнуть барон не успел». {347}

С утра до вечера в Одукросте кипела работа, стучали пишущие машинки, печатая сводки двух последних фронтов — польского и врангелевского, крымского.

Положение новой, советской власти все еще было неопределенным, хотя окончательная победа уже явно ощущалась.

Нашей Одукростой руководил прибывший вместе с передовыми частями Красной Армии странный человек — колченогий.{348} Среди простых, на вид очень скромных, даже несколько серых руководящих товарищей из губревкома, так называемой партийно-революционной верхушки, колченогий резко выделялся своим видом.

Во-первых, он был калека.

С отрубленной кистью левой руки, культяпку которой он тщательно прятал в глубине пустого рукава, с перебитым во время гражданской войны коленным суставом, что делало его походку странно качающейся, судорожной, несколько заикающийся от контузии, высокий, казавшийся костлявым, с наголо обритой головой хунхуза{349}, в громадной лохматой папахе, похожей на черную хризантему, чем-то напоминающий не то смертельно раненного гладиатора, не то падшего ангела с прекрасным демоническим лицом, он появлялся в машинном бюро Одукросты, вселяя любовный ужас в молоденьких машинисток; при внезапном появлении колченогого они густо краснели, опуская глаза на клавиатуры своих допотопных «ундервудов» с непомерно широкими каретками.

Может быть, он даже являлся им в грешных снах.{350}

О нем ходило множество непроверенных слухов. Говорили, что он происходит из мелкопоместных дворян Черниговской губернии, порвал со своим классом и вступил в партию большевиков. Говорили, что его расстреливали, но он по случайности остался жив, выбрался ночью из-под кучи трупов и сумел бежать. Говорили, что в бою ему отрубили кисть руки. Но кто его так покалечил — белые, красные, зеленые, петлюровцы, махновцы или гайдамаки, было покрыто мраком неизвестности. {351}

Во всяком случае, у него был партийный билет{352}, и все тогдашние чистки он проходил благополучно.

Он принадлежал к руководящей партийной головке города и

в общественном отношении для нас, молодых беспартийных поэтов, был недосягаем, как звезда.

Между нами и им лежала пропасть, которую он сам не склонен был перейти.

У него были диктаторские замашки, и свое учреждение он держал в ежовых рукавицах.

Но самое удивительное заключалось в том, что он был поэт, причем не какой-нибудь провинциальный дилетант, графоман, а настоящий, известный еще до революции столичный поэт из группы акмеистов, друг Ахматовой, Гумилева и прочих, автор нашумевшей книги стихов «Аллилуйя»{353}, которая при старом режиме была сожжена как кощунственная по решению святейшего синода{354}.

Это прибавляло к его личности нечто демоническое.

Вскоре в местных «Известиях» стали печататься его стихи. Вот, например, как он изображал революционный переворот в нашем городе:

«…от птичьего шеврона до лампаса полковника все погрузилось в дым. О, город Ришелье и Де-Рибаса! Забудь себя, умри и стань другим».{355}

Птичьим шевроном поэт назвал трехцветную ленточку, нашитую в рукаве белогвардейского офицера в форме ижицы или римской пятерки, напоминая условное изображение птички, так сказать, галочку.

Эта поэтическая инверсия — «птичий шеврон» — привела нас в восхищение. Мы все страдали тогда детской болезнью поэтической левизны{356}.

Помню еще отличное четверостишие колченогого того периода:

«Щедроты сердца не разменены, и хлеб — все те же пять хлебов, Россия Разина и Ленина, Россия огненных столбов».{357}

Это и впрямь было прекрасное, хотя и несколько мистическое изображение революции.

Должен, кстати, опять предупредить читателей, что все стихи в этой книге я цитирую исключительно по памяти, так что не ручаюсь за их точность, а проверять не хочу, даже если это стихи Пушкина, так что рассматривать мое сочинение как научное пособие нельзя. Это чисто художественное отражение моего внутреннего мира. Чужую поэзию я воспринимаю как свою и делаю в ней поправки. Сделал же поправку Толстой, цитируя стихи Пушкина: «…и горько жалуюсь и горько слезы лью, но строк постыдных не смываю».{358} А у Пушкина не «постыдных», а «печальных». Толстой превратил их в постыдные и был прав, так как имел обыкновение пропускать все явления мира, в том числе

и поэзию, *через себя*.

Первое время между колченогим и нами не было никакой товарищеской связи. Но ведь все же и мы и он, кроме всего прочего, были поэты, то есть братья по безумию, так что мало-помалу мы не могли не сблизиться: ничто так не сближает людей, как поэзия.

Он стал изредка захаживать на наши поэтические собрания. Сначала свои стихи не читал, явно стеснялся, лишь изредка делая замечания, относящиеся к чужим стихам.

Его речь была так же необычна, как и его наружность. Его заикание заключалось в том, что часто в начале и в середине фразы, произнесенной с некоторым староукраинским акцентом, он останавливался и вставлял какое-то беспомощное, бессмысленное междометие «ото… ото… ото»…

— С точки… ото… ото… ритмической, — говорил он, — данное стихотворение как бы написано… ото… ото… сельским писарем…

Едучи впоследствии с колченогим в одном железнодорожном вагоне по пути из Одессы в Харьков{359}, куда нас перебрасывали для усиления харьковского агитпрома, я слышал такую беседу колченогого с одним весьма высокопарным поэтом-классиком{360}. Они стояли в коридоре и обсуждали бегущий мимо них довольно скучный новороссийский пейзаж.

Поэт-классик, носивший пушкинские бакенбарды, некоторое время смотрел в окно и наконец произнес свой приговор пейзажу, подыскав для него красивое емкое слово, несколько торжественное:

— Всхолмления!..

На что колченогий сказал:

— Ото… ото… скудоумная местность.

Он был ироничен и терпеть не мог возвышенных выражений.

Его поэзия в основном была грубо материальной, вещественной, нарочито корявой, немузыкальной, временами даже косноязычной. Он умудрялся создавать строчки шестистопного ямба без цезуры, так что тонический стих превращался у него в архаическую силлабику Кантемира.{361}

Но зато его картины были написаны не чахлой акварелью, а густым рембрандтовским маслом{362}.

Колченогий брал самый грубый, антипоэтический материал, причем вовсе не старался его опоэтизировать. Наоборот. Он его еще более огрублял. Эстетика его творчества состояла именно в полном отрицании эстетики.{363} Это сближало колченогого с Бодлером, взявшим, например, как материал для своего стихотворения падаль{364}.

На нас произвели ошеломляющее впечатление стихи, которые впервые прочитал нам колченогий своим запинающимся, совсем не поэтическим голосом[365] из только что вышедшей книжки с программным названием «Плоть»[366].

В этом стихотворении, называющемся «Предпасхальное»[367], детально описывалось, как перед пасхой «в сарае, рыхлой шкурой мха покрытом», закалывают кабана и режут индюков к праздничному столу. Были блестяще описаны и кабан, и индюки, и предстоящее пасхальное пиршество хозяина-помещика.

Там были такие строки, по-моему пророческие:

«…и кабану, уж вялому от сала, забронированному тяжко им, ужель весна хоть смутно подсказала, что ждет его холодный нож и дым?.. Молчите, твари! И меня прикончит, по рукоять вогнав клинок, тоска, и будет выть и рыскать сукой гончей душа моя, ребенка-старичка»…

В этих ни на что не похожих, неуклюжих стихах мы вдруг ощутили вечное отчаяние колченогого, предчувствие его неизбежного конца.

«Плоть» была страшная книга.

«Ну, застрелюсь. И это очень просто: нажать курок и выстрел прогремит. И пуля виноградиной-наростом застрянет там, где позвонок торчит… А дальше что?.. И вновь, теперь уже как падаль, — вновь распотрошенного и с липкой течкой бруснично-бурой сукровицы, бровь задравшего разорванной уздечкой, швырнут меня… Обиду стерла кровь, и ты, ты думаешь, по нем вздыхая, что я приставлю дуло (я!) к виску?.. О, безвозвратная! О, дорогая! Часы спешат, диктуя жизнь: „ку-ку“. А пальцы, корчась, тянутся к виску»…[368]

Нам казалось, что ангел смерти в этот миг пролетел над его наголо обритой головой с шишкой над дворянской бородавкой на его длинной щеке.

Я не буду цитировать еще более ужасных его стихотворений, способных довести до сумасшествия.

Нет, колченогий был исчадием ада.

Может быть, он действительно был падшим ангелом, свалившимся к нам с неба в черном пепле сгоревших крыл. Он был мелкопоместный демон[369], отверженный богом революции. Но его душа тяготела к этому богу. Он хотел и не мог искупить какой-то свой тайный грех, за который его уже один раз покарали отсечением руки, но он чувствовал, что рано или поздно за этой карой последует другая, еще более страшная, последняя.[370]

Недаром же он писал:

«Как быстро высыхают крыши. Где буря? Солнце припекло. Градиной вихрь на церкви вышиб под самым куполом стекло. Как

будто выхватив проворно остроконечную звезду — метавший ледяные зерна, гудевший в небе на лету. Овсы лохматы и корявы, а рожью крытые поля: здесь пересечены суставы, коленца каждого стебля. Христос! Я знаю, ты из храма сурово смотришь на Илью: как смел пустить он градом в раму и тронуть скинию твою? Но мне — прости меня, я болен, я богохульствую, я лгу — твоя раздробленная голень на каждом чудится шагу».{371}

Теперь, когда я пишу эти строки, колченогого никто не помнит. Он забыт.

Но тогда он был известен только нам, тем, из которых остался в живых, кажется, только я один.

В Харькове после смерти Блока, после исчезновения Гумилева{372}, после поволжского голода мы настолько сблизились с колченогим, что часто проводили с ним ночи напролет, пили вино, читая друг другу стихи, — ключик, дружочек и я, еще не отдавая себе отчета, чем все это может кончиться.

Я первый уехал в Москву.

И вот я уже стою в тесной редакционной комнате «Красной нови» в Кривоколенном переулке и смотрю на стычку королевича и мулата. Королевич во хмелю, мулат трезв и взбешен. А сын водопроводчика их разнимает и уговаривает: ну что вы, товарищи…

Испуганная секретарша, спасая свои бумаги и прижимая их к груди, не знала, куда ей бежать: прямо на улицу или укрыться в крошечной каморке кабинета редактора Воронского, который сидел, согнувшись над своим шведским бюро, черный, маленький, носатый, в очках, сам похожий на ворону, и делал вид, что ничего не замечает, хотя «выясняли отношения» два знаменитых поэта страны.

Королевич совсем по-деревенски одной рукой держал интеллигентного мулата за грудки, а другой пытался дать ему в ухо, в то время как мулат — по ходячему выражению тех лет, похожий одновременно и на араба и на его лошадь{373}, — с пылающим лицом, в развевающемся пиджаке с оторванными пуговицами с интеллигентной неумелостью ловчился ткнуть королевича кулаком в скулу, что ему никак не удавалось.

Что между ними произошло?

Так я до сих пор и не знаю. В своих воспоминаниях мулат, кажется, упомянул о своих отношениях с королевичем и сказал, что эти отношения были крайне неровными: то они дружески сближались, то вдруг ненавидели друг друга, доходя до драки.{374}

По-видимому, я попал как раз на взрыв взаимной ненависти.

Не знаю, как мулат, но королевич всегда ненавидел мулата и никогда с ним не сближался, по крайней мере при мне.{375} А я дружил и с тем и с другим, хотя с королевичем встречался гораздо чаще, почти ежедневно. Королевич всегда брезгливо улыбался при упоминании имени мулата, не признавал его поэзии и говорил мне:

— Ну подумай, какой он, к черту, поэт? Не понимаю, что ты в нем находишь?

Я отмалчивался, потому что весь был во власти поэзии мулата, а объяснить ее магическую силу не умел; да если бы и умел, то королевич все равно бы ее не принял: слишком они были разные.

Поединок мулата с королевичем кончился вничью; общими усилиями их разняли, и, закрутив вокруг горла кашне и нахлобучив кепку, которые имели на нем какой-то заграничный вид, оскорбленный мулат покинул редакцию, а королевич, из которого еще не вполне выветрился хмель, загнал меня в угол и вдруг неожиданно стал просить помирить его с Командором{376}.

— Послушай, друг, — говорил он умоляющим, нежным, почти ребячьим голосом. — Ну что тебе стоит? Ты же с ним хорошо знаком. Он тебя печатает в своем «Лефе».{377} Подлецы нас поссорили. А я его, богом клянусь, люблю и считаю знаменитым русским поэтом, и, если хочешь знать, он меня тоже любит, только не хочет признаться там у себя, в Водопьяном переулке, стесняется своих футуристов, лефов или как их там — комфутов, пропади они пропадом.{378} Вот те крест святой! Ты меня только поведи к нему на Водопьяный, а уж мы с ним договоримся. Не может быть того, чтобы два знаменитых русских поэта не договорились. Окажи дружбу!

Я был смущен и стал объяснять, что я вовсе не в таких близких отношениях с Командором, чтобы приводить в Водопьяный переулок незваных гостей, что меня там самого недолюбливают и еще, чего доброго, дадут по шее{379} и что я вовсе не уверен, что Командор действительно втайне любит его.

Но королевич не отставал.

— Пойми, какая это будет силища: я и он! Да у нас вся русская поэзия окажется в шапке.

Но я решительно отказался, отлично понимая, чем все это может кончиться.

— Тогда ладно, — сказал королевич, — не хочешь вести меня к Командору, так веди меня к его соратнику, а уж он меня наверняка подружит с самим. Соратник у него первый друг. А соратник тебя любит, я знаю, ты с ним дружишь, он считает тебя хорошим поэтом.

Королевич льстиво и в то же время издевательски заглядывал мне в лицо своими все еще хмельными глазами и поцеловал меня в губы{380}.

Мы были с соратником действительно в самых дружеских отношениях, и я сказал королевичу:

— Ну что ж, к соратнику я тебя, пожалуй, как-нибудь сведу.

Но надо было знать характер королевича.

— Веди меня сейчас же. Я знаю, это отсюда два шага. Ты дал мне слово.

— Лучше как-нибудь на днях.

— Веди сейчас же, а то на всю жизнь поссоримся!

Это был как бы разговор двух мальчишек.

Я согласился.

Королевич поправил и сколько возможно привел в порядок свой скрученный жгутом парижский галстук, и мы поднялись по железной лестнице черного хода на седьмой этаж, где жил соратник. В дверях появилась русская белокурая красавица несколько харьковского типа{381}, настоящая Лада, почти сказочный персонаж не то из «Снегурочки», не то из «Садко».

Сначала она испугалась, отшатнулась, но потом, рассмотрев нас в сумерках черной лестницы, любезно улыбнулась и впустила в комнату.

Это было временное жилище недавно вернувшегося в Москву с Дальнего Востока соратника{382}. Комната выходила прямо на железную лестницу черного хода и другого выхода не имела, так что, как обходились хозяева, неизвестно. Но все в этой единственной просторной комнате приятно поражало чистотой и порядком.{383} Всюду чувствовалась женская рука. На пюпитре бехштейновского рояля{384} с поднятой крышкой, что делало его похожим на черного, лакированного, с поднятым крылом Пегаса (на котором несомненно ездил хозяин-поэт), белела распахнутая тетрадь произведений Рахманинова. Обеденный стол был накрыт крахмальной скатертью и приготовлен для вечернего чая — поповские чашки, корзинка с бисквитами, лимон, торт, золоченые вилочки, тарелочки. Стопка белья, видимо только что принесенная из прачечной, источала свежий запах резеды — аромат кружевных наволочек и ажурных носовых платочков. На диване лежала небрежно брошенная русская шаль — алые розы на черном фоне.

Вазы с яблочной пастилой и сдобными крендельками так и бросались в глаза.

Ну и, конечно, по моде того времени над столом большая лампа в шелковом абажуре цвета танго.{385}

— Какими судьбами! — воскликнула хозяйка и назвала

королевича уменьшительным именем. Он не без галантности поцеловал ее ручку и назвал ее на ты.

Я был неприятно удивлен.

Оказывается, они были уже давным-давно знакомы и принадлежали еще к дореволюционной элите, к одному и тому же клану тогда начинающих, но уже известных столичных поэтов.

В таком случае при чем здесь я, приезжий провинциал, и для какого дьявола королевичу понадобилось, чтобы я ввел его в дом, куда он мог в любое время прийти сам по себе?

По-видимому, королевич был не вполне уверен, что его примут. Наверное, когда-то он уже успел наскандалить и поссориться с соратником.

Не следует забывать, что соратник и мулат были близкими друзьями и оба начинали в «Центрифуге» С. Боброва.{386}

Теперь же оказалось, что все забыто, и королевича приняли с распростертыми объятиями, а я оставался в тени как человек в доме свой.

— А где же Коля? — спросил королевич.

— Его нет дома, но он скоро должен вернуться. Я его жду к чаю.

Королевич нахмурился: ему нужен был соратник сию же минуту.

Вынь да положь!

Он не выносил промедлений, особенно если был слегка выпивши.

— Странно это, — сказал королевич, — где же он шляется, интересно знать? Я бы на твоем месте не допускал, чтобы он где-то шлялся.

Лада принужденно засмеялась, показав подковки своих жемчужных маленьких зубов.

Она сыграла на рояле несколько прелюдов Рахманинова, которые я не могу слушать без волнения, но на королевича Рахманинов не произвел никакого впечатления — ему подавай Колю.

Лада предложила нам чаю.

— Спасибо, Ладушка, но мне, знаешь, не до твоего чая. Мне надо Колю!

— Он скоро придет.

— Мы уже это слышали, — с плохо скрытым раздражением сказал королевич.

Он положительно не переносил ни малейших препятствий к исполнению своих желаний. Хотя он и старался любезно улыбаться, разыгрывая учтивого гостя, но я чувствовал, что в нем уже зашевелился злой дух скандала.

— Почему он не идет? — время от времени спрашивал он, с отвращением откусывая рябиновую пастилу.

Видно, он заранее нарисовал себе картину: он приходит к соратнику, соратник тут же ведет его к Командору, Командор признается в своей любви к королевичу, королевич, в свою очередь, признается в любви к поэзии Командора, и они оба соглашаются разделить первенство на российском Парнасе, и все это кончается апофеозом всемирной славы.

И вдруг такое глупое препятствие: хозяина нет дома, и когда он придет, неизвестно, и надо сидеть в приличном нарядном гнездышке этих непьющих советских старосветских помещиков, где, кроме Рахманинова и чашки чая с пастилой, ни черта не добьешься.

А время шло.

Лицо королевича делалось все нежнее и нежнее. Его глаза стали светиться опасной, слишком яркой синевой. На щечках вспыхнул девичий румянец. Зубы стиснулись. Он томно вздохнул, потянув носом, и капризно сказал:

— Беда хочется вытереть нос, да забыл дома носовой платок.

— Ах, дорогой, возьми мой.

Лада взяла из стопки стираного белья, и подала королевичу с обаятельнейшей улыбкой воздушный, кружевной платочек. Королевич осторожно, как величайшее сокровище, взял воздушный платочек двумя пальцами, осмотрел со всех сторон и бережно сунул в наружный боковой карманчик своего парижского пиджака.

— О нет! — почти пропел он ненатурально восторженным голосом. — Таким платочком достойны вытирать носики только русалки, а для простых смертных он не подходит.

Его голубые глаза остановились на белоснежной скатерти, и я понял, что сейчас произойдет нечто непоправимое. К сожалению, оно произошло.

Я взорвался.

— Послушай, — сказал я, — я тебя привел в этот дом, и я

должен ответить за твое свинское поведение. Сию минуту извинись перед хозяйкой — и мы уходим.

— Я? — с непередаваемым презрением воскликнул он. — Чтобы я извинялся?

— Тогда я тебе набью морду, — сказал я.

— Ты? Мне? Набьешь? — с еще большим презрением уже не сказал, а как-то гнусно пропел, провыл с иностранным акцентом королевич.

Я бросился на него, и, разбрасывая все вокруг, мы стали драться как мальчишки. Затрещал и развалился подвернувшийся стул. С пушечным выстрелом захлопнулась крышка рояля. Упала на пол ваза с белой и розовой пастилой. Полетели во все стороны разорванные листы Рахманинова, наполнив комнату как бы беспорядочным полетом чаек.

Лада в ужасе бросилась к окну, распахнула его в черную бездну неба и закричала, простирая лебедино-белые руки:

— Спасите! Помогите! Милиция!

Но кто мог услышать ее слабые вопли, несущиеся с поднебесной высоты седьмого этажа![{387}]

Мы с королевичем вцепились друг в друга, вылетели за дверь и покатились вниз по лестнице.

Очень странно, что при этом мы остались живы и даже не сломали себе рук и ног. Внизу мы расцепились, вытерли рукавами из-под своих носов юшку и, посылая друг другу проклятия, разошлись в разные стороны, причем я был уверен, что нашей дружбе конец, и это было мне горько. А также я понимал, что дом соратника для меня закрыт навсегда.

Однако через два дня утром ко мне в комнату вошел тихий, ласковый и трезвый королевич. Он обнял меня, поцеловал и грустно сказал:

— А меня еще потом били маляры.[{388}]

Конечно, никаких маляров не было. Все это он выдумал. Маляры — это была какая-то реминисценция из «Преступления и наказания». Убийство, кровь, лестничная клетка, Раскольников…

Королевич обожал Достоевского[{389}] и часто, знакомясь с кем-нибудь и пожимая руку, представлялся так:

— Свидригайлов!

Причем глаза его мрачно темнели. Я думаю, что гений самоубийства уже и тогда медленно, но неотвратимо овладевал его больным воображением.

Таинственно улыбаясь, он сказал мне полушепотом, что меня ждет нечаянная радость[{390}]. Я спросил какая. Но он сказал еще более таинственно:

— Сам увидишь скоро.

В веревочной кошелке, которую он держал в руках, я увидел бутылку водки и две копченые рыбины, связанные за жабры бечевочкой. Рыбины были золотистого оттенка и распространяли острый аромат, вызывающий жажду, а чистый блеск водочной бутылки усугублял эту жажду. Но королевич, заметив мой взгляд, погрозил пальцем и, лукаво улыбнувшись, сказал:

— Только не сейчас. Потом, потерпи.

После этого он как некое величайшее открытие сообщил мне, что он недавно перечитывал «Мертвые души» и понял, что Гоголь гений.

— Ты понимаешь, что он там написал? Он написал, что в дождливой темноте России дороги расползлись, как раки{391}. Ты понимаешь, что так сказать мог только гений! Перед Гоголем надо стать на колени. Дороги расползлись, как раки!

И королевич действительно стал на колени, обратился в ту сторону, где, по его мнению, находилась Арбатская площадь с памятником Гоголю, перекрестился как перед иконой и стукнулся головой об пол.

Я не захотел уступить ему первенство открытия, что Гоголь гений, и напомнил, что у Гоголя есть «природа как бы спала с открытыми глазами»{392} и также «графинчик, покрытый пылью, как бы в фуфайке»{393} в чулане Плюшкина, похожего на бабу.

— Неужели он это написал? — почти с суеверным ужасом воскликнул королевич. — А ты не врешь? — прибавил он, подозрительно глядя на меня. — Может быть, это ты сам выдумал, что графинчик был в фуфаечке, и морочишь меня?

— Прочти «Вия», прочти сцену у Плюшкина.

Он смущенно покрутил головой.

— Вот это да! Но все-таки мои раки гениальнее твоей природы, спящей с открытыми глазами. А в общем куда нам всем по сравнению с Гоголем! Особенно имажинистам!{394} Тоже мне «образное мышление».

Страстная любовь к Гоголю как бы еще теснее соединила нас, и мы сидели молча рядом, подавленные гением Гоголя и в то же время чувствуя себя детьми великой русской литературы, правда еще не вполне выросшими, созревшими.

В этот миг раздался звонок и в дверях появился соратник. Это и был приятный сюрприз, обещанный мне королевичем. Оказывается, королевич уже успел где-то встретиться с соратником, извиниться за скандал, учиненный на седьмом этаже, и назначил ему свидание у меня, с тем чтобы прочитать нам еще никому не читанную новую поэму, только что законченную.{395}

Соратник, крупный поэт, был, кажется, единственным из всех

лефов, признававшим меня. Он настолько верил в меня как в поэта[396], что даже сердился, когда я брался за прозу. На одной из своих книжек он сделал мне такую надпись: большими буквами сверху стояло слово ПОЭТУ, дальше было мое имя и потом:

«с враждой за его отход от поэзии к „всерьез и надолгой“ прозе, любящий его искренне — такой-то».

Может быть, он был мой самый настоящий, верный друг. Но он был гораздо старше меня как по возрасту, так и по литературному положению, и его дружба со мною имела скорее характер покровительства, что еще Пушкин назвал «иль покровительства позор»[397].

Самое удивительное, что я никак не могу написать его словесный портрет. Ни одной заметной черточки. Не за что зацепиться: ну в приличном осеннем пальто, ну с бритым, несколько старообразным сероватым лицом, ну, может быть, советский служащий среднего ранга, кто угодно, но только не поэт, а между тем все-таки что-то возвышенное, интеллигентное замечалось во всей его повадке. А так — ни одной заметной черты: рост средний, глаза никакие, нос обыкновенный, рот обыкновенный, подбородок обыкновенный. Даже странно, что он был соратником Командора, одним из вождей Левого фронта. Ну, словом, не могу его описать.

Складываю, как говорится, перо.[398]

Помнится, в то утро королевич привел с собой какого-то полудеревенского паренька, доморощенного стихотворца, одного из своих многочисленных поклонников-приживал, страстно в него влюбленных.

Кто-нибудь из них повсюду таскался за королевичем, с обожанием заглядывал ему в глаза, как верный пес, и все время канючил, прося позволения прочитать свои стихотворения.

Королевич обращался с ними грубо и насмешливо, не стесняясь в выражениях:

— Ну чего ты за мной ходишь? Может быть, ты воображаешь себя замечательным талантом-самородком вроде Алексея Кольцова или Никитина? Так можешь успокоиться: ты полная бездарность, твоими стихами можно только подтираться, и то поцарапаешь задницу. Ну? Не пускай сопли и не рыдай. Москва слезам не верит. Поворачивай лучше оглобли и возвращайся в деревню землю пахать, вместо того чтобы тут гнить. Все равно ни черта из тебя не получится, можешь мне поверить. Хоть, по крайней мере, не мелькай перед глазами, ступай в угол и молчи в тряпочку. Тоже мне гений! Знаешь, сколько ты мне стоишь? И на кой черт я тебя, дурака, пою-кормлю. Жалкий прихлебало!

В те годы развелось великое множество подражателей королевичу, приезжавших из деревни в Москву за славой. Им казалось, что слава королевича легкая, дешевая. Королевич их презирал, но все же ему льстило такое поклонение.

Кажется, ни один из этих несчастных, свихнувшихся на эфемерной литературной славе королевичевских эпигонов так и не выписался в сколько-нибудь приличного поэта.

Все они сгинули после смерти своего божества. Иные из них по примеру королевича наложили на себя руки.

Обиженный подражатель, утирая рукавом слезы, удалился. {399}

Мы остались втроем — королевич, соратник и я. Королевич подошел ко мне, обнял и со слезами на глазах сказал с непередаваемой болью в голосе, почти шепотом:

— Друг мой, друг мой, я очень и очень болен! {400} Сам не знаю, откуда взялась эта боль.

Он произносил слово «очень» как-то изломанно, со своим странным акцентом. Выходило «ёчень, оёчень, иочень»…

Слова эти были сказаны так естественно, по-домашнему жалобно, что мы сначала не поняли, что это и есть первые строки новой поэмы.

Потом он встал, прислонился к притолоке, полузакрыл свои вдруг помутневшие глаза смертельно раненного человека, может быть даже животного — оленя, — и своим особым, надсадным, со странным акцентом голосом произнес:

— То ли ветер свистит над пустым и безлюдным полем, то ль, как рощу в сентябрь, осыпает мозги алкоголь. Голова моя машет ушами, как крыльями птица. Ей на шее ноги маячить больше невмочь. Черный человек, черный, черный, черный человек на кровать ко мне садится, черный человек спать не дает мне всю ночь.

Только тут мы поняли, что это начало поэмы.

«Черный человек» он произносил с особенным нажимом, еще более ломая язык:

«Чьорный, чьорный, чьорный, человек, ч'лавик»…

Королевич вздрогнул и стал озираться, как бы увидев невдалеке от себя ужасный призрак.

Поэма называлась «Черный человек».

— Черный человек водит пальем по мерзкой книге и, гнусавя надо мной, как над усопшим монах, читает мне жизнь какого-то пройдохи и забулдыги, нагоняя на душу тоску и страх. Черный человек, черный, черный…

Слезы текли по щекам королевича, когда он произносил слово «черный» не через «ё», а через «о» — чорный, чорный,

чорный, хотя это «о» было как бы разбавлено мучительно тягучим «ё».

Чорный, чорный, чорный.

Что делало это слово еще более ужасным.

Это был какой-то страшный, адский вариант пушкинского

«…воспоминания безмолвно предо мной свой длинный развивают свиток; и с отвращением читая жизнь мою, я трепещу и проклинаю и горько жалуюсь и горько слезы лью, но строк печальных не смываю».

Я уже упоминал, что Лев Толстой, читая это стихотворение, всегда с особенным упорством и значением вместо «строк *печальных*» говорил «строк *постыдных*».{401}

Поэма королевича «Черный человек» была полна строк именно не *печальных*, но *постыдных*, которых поэт не мог и не хотел смыть, уничтожить.

«…Не знаю, не помню, в одном селе, может в Калуге, а может в Рязани, жил мальчик в простой крестьянской семье, желтоволосый, с голубыми глазами… И вот стал он взрослым, к тому ж поэт, хоть и небольшой, но с ухватистой силою, и какую-то женщину сорока с лишним лет называл скверной девочкой и своею милою».

Королевич стоял, прислонясь к притолоке, и как бы исповедовался перед нами, не жалея себя и выворачивая наизнанку свою душу.

Мы были потрясены.

Он продолжал:

— …Черный человек! Ты прескверный гость. Эта слава давно про тебя разносится. Я взбешен, разъярен, и летит моя трость прямо к морде его, в переносицу…

Королевич вдруг как-то отпрянул и сделал яростный выпад, как будто бы и впрямь у него в руке была длинная острая трость с золотым набалдашником.

Потом он долго молчал, поникнув головой. А затем почти шепотом промолвил:

— …Месяц умер, синеет в окошко рассвет. Ах ты, ночь! Что ты, ночь, на коверкала? Я в цилиндре стою. Никого со мной нет. Я один… И разбитое зеркало…

Звездообразная трещина разбитого зеркала как бы прошла через наши души. Какой неожиданный конец!

Оказывается, поэт сам как в горячечном бреду разговаривал со своим двойником, вернее сам с собой.

Действительно, у него имелся цилиндр, привезенный из-за границы{402}, и черная накидка на белой шелковой подкладке, наряд, в котором парижские щеголи некогда ходили на

спектакли-гала в Грандопера.

Однажды в первые дни нашей дружбы королевич появился в таком плаще и цилиндре, и мы шлялись всю ночь по знакомым, а потом по бульварам, пугая редких прохожих и извозчиков.

Особенно испугался один дряхлый ночной извозчик{403} на углу Тверского бульвара и Никитских ворот, стоявший, уныло поджидая седоков, возле еще не отремонтированного дома с зияющими провалами выбитых окон и черной копотью над ними — следами ноябрьских дней семнадцатого года.

Теперь там построено новое здание ТАСС.{404}

Извозчик дремал на козлах. Королевич подкрался, вскочил на переднее колесо и заглянул в лицо старика, пощекотав ему бороду. Извозчик проснулся, увидел господина в цилиндре и, вероятно, подумал, что спятил: еще со времен покойного царя-батюшки не видывал он таких седоков.

— Давай, старче, садись на дрожки, а я сяду на козлы и лихо тебя прокачу! Хочешь? — сказал королевич.

— Ты что! Не замай! — крикнул в испуге извозчик. — Не хватай вожжи! Ишь фулиган! Позову милицию, — прибавил он, не на шутку рассердившись.

Но королевич вдруг улыбнулся прямо в бородатое лицо извозчика такой доброй, ласковой и озорной улыбкой, его детское личико под черной трубой шелкового цилиндра осветилось таким простодушием, что извозчик вдруг и сам засмеялся всем своим беззубым ртом, потому что королевич совсем по-ребячьи показал ему язык, после чего они — королевич и извозчик — трижды поцеловались, как на пасху.

И мы еще долго слышали за собой бормотание извозчика не то укоризненное, не то поощрительное, перемежающееся дребезжащим смехом.

Это были золотые денечки нашей легкой дружбы. Тогда он еще был похож на вербного херувима.

Теперь перед нами стоял все тот же кудрявый, голубоглазый знаменитый поэт, и на лице его лежала тень мрачного вдохновения.

Мы обмыли новую поэму, то есть выпили водки и закусили копченой рыбой. Но расстаться на этом казалось невозможным. Королевич еще раз прочитал «Черного человека», и мы отправились все вместе по знакомым и незнакомым, где поэт снова и снова читал «Черного человека», пил не закусывая, наслаждаясь успехом, который имела его новая поэма.

Успех небывалый. Второе рождение поэта.{405}

Конечно, я не смог не потащить королевича к ключику, куда мы явились уже глубокой ночью.

Ключик с женой жили в одной квартире вместе со старшим из будущих авторов «Двенадцати стульев»{406} (другом, не братом!) и его женой, красавицей художницей родом из нашего города{407}.

Появление среди ночи знаменитого поэта произвело переполох. До сих пор, кажется, никто из моих друзей не видел живого королевича. Дамы наскоро оделись, напудрились, взбили волосы. Ключик и друг натянули штаны. Все собрались в общей комнате, наиболее приличной в этой запущенной квартире в одном из глухих переулков в районе Сретенских ворот.

В пятый или шестой раз я слушал «Черного человека», с каждым разом он нравился мне все больше и больше. Уже совсем захмелевший королевич читал свою поэму, еле держась на ногах, делая длинные паузы, испуганно озираясь и выкрикивая излишне громко отдельные строчки, а другие — еле слышным шепотом.

Кончилось это внезапной дракой королевича с его провинциальным поклонником, который опять появился и сопровождал королевича повсюду, как верный пес. Их стали разнимать. Женщины схватились за виски. Королевич сломал этажерку, с которой посыпались книги, разбилась какая-то вазочка. Его пытались успокоить, но он был уже невменяем.{408}

Его навязчивой идеей в такой стадии опьянения было стремление немедленно мчаться куда-то в ночь, к Зинке и бить ей морду.

«Зинка» была его первая любовь, его бывшая жена, родившая ему двоих детей и потом ушедшая от него к знаменитому режиссеру.{409}

Королевич никогда не мог с этим смириться, хотя прошло уже порядочно времени. Я думаю, это и была та сердечная незаживающая рана, которая, по моему глубокому убеждению, как я уже говорил, лежала в основе творчества каждого таланта.

У Командора тоже:

«Вы говорили: „Джек Лондон, деньги, любовь, страсть“, — а я одно видел: вы — Джиоконда, которую надо украсть! И украли».{410}

У всех у нас в душе была украденная Джиоконда.

Мы с трудом вывели королевича из разгромленной квартиры на темный Сретенский бульвар с полуоблетевшими деревьями, уговаривая его успокоиться, но он продолжал бушевать.

Осипшим голосом он пытался кричать:

— И этот подонок… это ничтожество… жалкий актеришка… паршивый Треплев… трепло… Он вполз как змея в мою семью… изображал из себя нищего гения… Я его, подлеца, кормил, поил… Он как собака спал у нас под столом… как последний шелудивый

пес… И увел от меня Зинку… Потихоньку, как вор… и забрал моих детей… Нет!.. К черту!.. Идем сейчас же все вместе бить ей морду!..{411}

Несмотря на все уговоры, он вдруг вырвался из наших рук, ринулся прочь и исчез в осенней тьме бульвара.

Мы остались втроем: соратник, ключик и я. Мы поняли, что королевича уже ничто не спасет: он погибнет от белой горячки или однажды, сам не сознавая, что он делает, повесится, о чем он часто говорил во хмелю.

Что мы могли поделать? Это был рок. Проклятие.

Королевич был любимцем правительства.{412} Его лечили. Делали все возможное. Отправляли неоднократно в санатории. Его берегли как национальную ценность. Но он отовсюду вырывался.

— Вот Командор другое дело. Командор никогда… — сказал соратник. — У Командора совсем другой характер. Он настоящий человек, строитель нового мира… революционер…

Мы согласились: Командор никогда не…

Но почему же соратник, ближайший друг Командора, комфут, вдруг ни с того ни с сего каким-то таинственным образом противопоставил судьбы этих двух, таких разных, гениев?

Думаю, что подсознательно он уже и тогда предвидел конец Командора, его самоуничтожение. Ведь Командор много раз говорил об этом в своих стихах, но почему-то никто не придавал этому значения.{413}

Ключик молчал. Я понял его молчание среди этой темной московской ночи на бульваре: его сердце тоже терзал незаживающий рубец любви и измены.

Я вспомнил, как тогда он приехал из Харькова в Москву ко мне в Мыльников переулок. Он был прилично одет, выбрит, его голова, вымытая шампунем в парикмахерской, придавала ему решительность, независимость. Это уже не был милый дружок, а мужчина с твердым подбородком, однако я чувствовал, что в нем горит все та же сердечная рана. Один из первых вопросов, заданных мне, был вопрос, виделся ли я уже с дружочком и где она поселилась с колченогим.

Я рассказал ему все, что знал.

Он нахмурился, как бы прикусив польский ус, которого у него не было, что еще больше усилило его сходство с отцом.

Несколько дней он занимался устройством своих дел, а потом вдруг вернулся к мысли о дружочке. Я понял, что он не примирился с потерей и собирается бороться за свое счастье.

Однажды, пропадая где-то весь день, он вернулся поздно ночью и сказал:

— Я несколько часов простоял возле их дома{414}. Окно в третьем этаже было освещено. Оранжевый мещанский абажур. Наконец я увидел ее профиль, поднятую руку, метнулись волосы. Ее силуэт обращался к кому-то невидимому.

Она разговаривала со злым духом. Я не удержался и позвал ее. Она подошла к окну и опустила штору. Я могу поручиться, что в этот миг она побледнела. Я еще постоял некоторое время под уличным фонарем, и моя тень корчилась на тротуаре. Но штора по-прежнему висела не шевелясь. Я ушел. По крайней мере, я теперь знаю, где они живут. Что-то в этой сцене было от Мериме, — не удержался ключик от литературной реминисценции.

— Мы ее должны украсть.

Таким образом, было решено второе, после Мака, похищение дружочка. Но на этот раз я не рискнул идти в логово колченогого: слишком это был опасный противник, не то что Мак. Не говоря уж о том, что он считался намного выше нас как поэт, над которым незримо витала зловещая тень Гумилева, некогда охотившегося вместе с колченогим в экваториальной Африке на львов и носорогов, не говоря уж о его таинственной судьбе, заставлявшей предполагать самое ужасное, он являлся нашим руководителем, идеологом, человеком, от которого, в конце концов, во многом зависела наша судьба. Переведенный из столицы Украины в Москву, он стал еще на одну ступень выше и продолжал неуклонно подниматься по административной лестнице. В этом отношении по сравнению с ним мы были пигмеи. В нем угадывался демонический характер.{415}

Однако по твердому, скульптурному подбородку ключика я понял, что он решился вступить в борьбу с великаном.

Ключик стоял посередине комнаты в Мыльниковом переулке, расставив ноги в новых брюках, недавно купленных в Харькове, в позе маленького Давида перед огромным Голиафом. Он великодушно отказался от моей помощи и решил действовать самостоятельно. Он надолго исчезал из дому, вел таинственные переговоры по телефону, часто посещал парикмахерскую, изредка даже гладил брюки утюгом на моем письменном столе, любовался на себя в зеркале, и в конце концов однажды у нас в комнате появилась наша Манон Леско.

Она была по-прежнему хорошенькая, смешливая, нарядно одетая, пахнущая духами «Лориган» Коти, которые продавались в маленьких пробирочках прямо с рук московскими потаскушками, обосновавшимися на тротуаре возле входа в универсальный магазин, не утративший еще своего дореволюционного названия «Мюр и Мерилиз».

Если раньше дружочек имела вид совсем молоденькой девушки, то теперь в ней проглядывало нечто дамское, правда еще не слишком явственно. Такими обычно выглядят бедные красавицы, недавно вышедшие замуж за богатого, еще не освоившиеся с новым положением, но уже научившиеся носить дамские аксессуары: перчатки, сумочки, кружевной зонтик, вуалетку.

Она нежно, даже, кажется, со слезами на глазах, словно бы вырвавшись из плена, целовала своего вновь обретенного ключика, ерошила ему шевелюру, обнимала, называла дружком и слоником и заливалась странным смехом.

Что касается колченогого, то о нем как бы по молчаливому уговору не упоминалось.

Вместе с дружочком к нам вернулась наша бродячая молодость, когда мы на случайных квартирах при свете коптилки читали только что вышедшее «Все сочиненное» Командора — один из первых стихотворных сборников, выпущенных молодым Советским государством на плохой, тонкой, почти туалетной бумаге.

Боже мой, как мы тогда упивались этими стихами с их гиперболизмом, метафоричностью, необыкновенными составными рифмами, разорванными строчками и сумасшедшими ритмами революции.{416}

«Дней бык пег. Медленна лет арба. Наш бог бег, сердце наш барабан».{417}

Мы выучили наизусть «Левый марш» с его

«Левой! Левой! Левой!»{418}

Мы хором читали:

«Сто пятьдесят миллионов мастера этой поэмы имя. Пуля — ритм. Рифма — огонь из здания в здание. Сто пятьдесят миллионов говорят губами моими. Ротационкой шагов в булыжном верже площадей отпечатано это издание».

Нас восхищало как нечто невообразимо прекрасное, неслыханное:

«Выйдь не из звездного нежного ложа, боже железный, огненный боже, боже не Марсов, Нептунов и Вег, боже из мяса, бог-человек!..»

«…пули погуще по оробелым! В гущу бегущим грянь, парабеллум»…{419}

Среди странной, враждебной нам стихии нэпа, бушующего в Москве, в комнате на Мыльниковом переулке на один миг мы как бы вернулись в забытый нами мир отгремевшей революции. Как будто бы жизнь начиналась снова. И снова вокруг нас шли по черным ветвям мертвых деревьев тайные соки, обещавшие вечную

весну.

…Именно в этот миг кто-то постучал в окно.

Стук был такой, как будто постучали костяшками мертвой руки.

Мы обернулись и увидели верхнюю часть фигуры колченогого, уже шедшего мимо окон своей ныряющей походкой, как бы выбрасывая вперед бедро. Соломенная шляпа-канотье на затылке. Профиль красивого мертвеца. Длинное белое лицо.

Ход к нам вел через ворота. Мы ждали звонка. Дружочек прижалась к ключику. Однако звонка не последовало.

— Непонятно, — сказал ключик.

— Вполне понятно, — оживленно ответила дружочек. — Я его хорошо изучила. Он стесняется войти и теперь, наверное, сидит где-нибудь во дворе и ждет, чтобы я к нему выскочила.

— Ни в коем случае! — резко сказал ключик.

Но надо же было что-то делать. Я вышел во двор и увидел два бетонных звена канализационных груб, приготовленных для ремонта, видимо, еще с дореволюционных лет. Одно звено стояло. Другое лежало. Оба уже немного ушли в землю, поросшую той травкой московских двориков с протоптанными тропинками, которую так любили изображать на своих небольших полотнах московские пейзажисты-передвижники.

…Несколько тополей. Почерневший от времени, порванный веревочный гамак висел перед желтым флигелем. Он свидетельствовал о мучительно длинной череде многолетних затяжных дождей. Но теперь сквозь желтоватые листья кленов светило грустное солнце, и весь этот старомосковский поленовский дворик, сохранившийся на задах нашего многоэтажного доходного дома, служил странным фоном для изломанной фигуры колченогого, сидевшего на одном из двух бетонных звеньев.

Нечто сюрреалистическое.

Он сидел понуро, выставив вперед свою искалеченную, плохо сгибающуюся ногу в щегольском желтом полуботинке от Зеленкина.

Вообще он был хорошо и даже щеголевато одет в стиле крупного администратора того времени. Культяпкой обрубленной руки, видневшейся в глубине рукава, он прижимал к груди свое канотье, в другой же руке, бессильно повисшей над травой, держал увесистый комиссарский наган-самовзвод. Его наголо обритая голова, шафранно-желтая как дыня, с шишкой, блестела от пота, а глаза были раскосо опущены.{420} Узкий рот иезуитски кривился, и вообще в его как бы вдруг еще более постаревшем лице чудилось нечто католическое, может быть униатское, и

вместе с тем украинское, мелкопоместное.

Он поднял на меня потухший взор и, назвав меня официально по имени-отчеству, то и дело заикаясь, попросил передать дружочку, которую тоже назвал как-то церемонно по имени-отчеству, что если она немедленно не покинет ключика, названного тоже весьма учтиво по имени-отчеству, то он здесь же у нас во дворе выстрелит себе в висок из нагана.

Пока он все это говорил, за высокой каменной стеной заиграла дряхлая шарманка, доживавшая свои последние дни, а потом раздались петушиные крики петрушки.

Щемящие звуки уходящего старого мира. Вероятно, они извлекали из глубины сознания колченогого его стихи:

«Жизнь моя, как летопись, загублена, киноварь не вьется по письму. Ну, скажи: не знаешь, почему мне рука вторая не отрублена?»{421}

«Ну застрелюсь, и это очень просто»…

Колченогий был страшен, как оборотень.

Я вернулся в комнату, где меня ждали ключик и дружочек. Я сообщил им о том, что видел и слышал. Дружочек побледнела:

— Он это сделает. Я его слишком хорошо знаю.

Ключик помрачнел, опустил на грудь крупную голову с каменным подбородком. Однако его реакция на мой рассказ оказалась гораздо проще, чем я ожидал.

— Господа, — рассудительно сказал он, скрестив по-наполеоновски руки, — что-то надо предпринять. Труп самоубийцы у нас во дворе. Вы представляете последствия? Ответственный работник стреляется почти на наших глазах! Следствие. Допросы. Прокуратура. В лучшем случае общественность заклеймит нас позором, а в худшем… даже страшно подумать! Нет, нет! Пока не поздно, надо что-то предпринять.

А что можно было предпринять?

Через некоторое время после коротких переговоров, которые с колченогим вел я, дружочек со слезами на глазах простилась с ключиком, и, выглянув в окно, мы увидели, как она, взяв под руку ковыляющего колченогого, удаляется в перспективу нашего почему-то всегда пустынного переулка.

Было понятно, что это уже навсегда.{422}

Кровавый конец колченогого отдалился на неопределенный срок. Но все равно — он был обречен: недаром так мучительно-сумбурными могли показаться его пророческие стихи.

Окончательный разрыв с дружочком ключик наружно перенес легко и просто. Он даже как бы несколько помолодел, будто для него началась вторая юность.

Но наши отношения с колченогим и дружочком, как это ни странно, ничуть не изменились. Мы по-прежнему были дружны и часто встречались.

Мы с ключиком были неразлучны до тех пор, пока он не женился. Но и его женитьба ничего не изменила. Мы были оба внутренне одиноки, оба со шрамами от первой неудачной любви.

Но никто этого не замечал.

Последние годы Мыльникова переулка, о котором я еще расскажу более обстоятельно, оставили в моей душе навсегда неизгладимый след, как первая любовь.

Чистые пруды. Цветущие липы. Кондитерская Бартельса в большом пряничном доме стиля модернрюс на углу Покровки, недалеко от аптеки, сохранившейся с петровского времени. Кинотеатр «Волшебные грезы», куда мы ходили смотреть ковбойские картины, мелькающие ресницы Мери Пикфорд, развороченную походку Чарли Чаплина в тесном сюртучке, морские маневры — окутанные дымом американские дредноуты с мачтами, решетчатыми как Эйфелева башня…{423}

А позади бывшая гренадерская казарма, где в восемнадцатом году восставшие левые эсеры захватили в плен Дзержинского.

В том же доме, где помещались «Волшебные грезы», горевшие по ночам разноцветными электрическими лампочками, находилось и то прекрасное, что называлось у нас с легкой руки ключика на ломаном французском языке «экутэ ле богемьен», что должно было означать «слушать цыган».

Пока из окон «Волшебных грез» долетали звуки фортепьянного галопа, крашеные двери пивной то и дело визжали на блоке, оттуда на морозный воздух вылетали облака пара, и фигуры в драповых пальто с каракулевыми воротниками то и дело по двое, по трое бочком спасались от снежных вихрей там, где на помосте уже рассаживался пестрый цыганский хор.

Мы с ключиком в надвинутых на глаза кепках, покрытых снегом, входили в эту второразрядную пивнушку, чувствуя себя по меньшей мере гусарами, примчавшимися на тройке к «Яру» слушать цыган.{424}

Стоит ли описывать после Льва Толстого цыганские песни, надрывавшие души не одного поколения русских людей? Стоит ли описывать ночную метель — от неба до земли, — раскачиванье предутренних фонарей, отчего вся улица ныряла, как сорвавшийся с якоря корабль, и тени убегавших от нас цыганок с узелками под мышкой, в которых они несли своим детям-цыганятам в Петровский парк еду, полученную в трактире?

Бесплодная погоня за неземной, выдуманной цыганской любовью.

Единственно, что стоит вспомнить, это слова ключика по поводу одной старой-престарой, но могучей цыганки, сидевшей как идол в первом ряду хора, посередине, с длинными буклями по сторонам грубого мужского лица. Видимо, она была хозяйкой и повелительницей хора. Нечто вроде пчелиной матки.

— Ты знаешь, на кого она похожа? — спросил ключик.

— На кого?

Он сделал длинную паузу, во время которой несколько раз окунул подбородок в пивную пену, и наконец торжественно провозгласил:

— Она похожа на Джонатана Свифта!

Слово «Свифт» его не удовлетворяло. Ему непременно надо было произнести эффектное — Джонатан.

Однажды в присутствии Командора ключик не удержался и произнес с пафосом:

— Протуберанец?

Командор слегка поморщился, вокруг его рта появились складки, и он сказал:

— Послушайте, ключик, а вы не могли бы выражаться менее помпезно?

Ключик стал обидчиво объяснять, что слово «протуберанец» вполне научное и обозначает астрономическое явление, связанное со структурой солнечной короны, на что Командор только безнадежно махнул рукой.{425}

«…ночью снежной и мятежной чей-то струнный перебор»{426} — и тени саней, летящих к «Яру», и звон колокольчика, и шорох крупных бубенцов…

…Так мы некоторое время и жили с ключиком…

Но не думайте, что я описываю двух бездельников, оторванных от жизни, от революции. Это совсем не так. Мы много и усердно работали в газете «Гудок», предназначенной для рабочих-железнодорожников.

По странному стечению обстоятельств в «Гудке» собралась компания молодых литераторов, которые впоследствии стали, смею сказать, знаменитыми писателями, авторами таких произведений, как «Белая гвардия», «Дни Турбиных», «Три толстяка», «Зависть», «Двенадцать стульев», «Роковые яйца», «Дьяволиада», «Растратчики», «Мастер и Маргарита»{427} и много, много других. Эти книги писались по вечерам и по ночам, в то время как днем авторы их сидели за столами в редакционной комнате и быстро строчили на полосках газетного срыва статьи, заметки, маленькие фельетоны, стихи, политические памфлеты, обрабатывали читательские письма и, наконец, составляли счета за проделанную работу.

Каждый такой счет должна была подписать заведующая финансовым отделом, старая большевичка из ленинской гвардии еще времен «Искры»{428}.

Эта толстая пожилая дама в вязаной кофте с оторванной нижней пуговицей, с добрым, но измученным финансовыми заботами лицом и юмористической, почти гоголевской фамилией — не буду ее здесь упоминать — брала счет, пристально его рассматривала и чесала поседевшую голову кончиком ручки, причем глаза ее делались грустными, как у жертвенного животного, назначенного на заклание.

— Неужели все это вы умудрились настрочить за одну неделю? — спрашивала она, и в этой фразе как бы слышался осторожный вопрос: не приписали ли вы в своем счете что-нибудь лишнего?

Затем она тяжело вздыхала, отчего ее обширная грудь еще больше надувалась, и, обтерев перо о юбку, макала его в чернильницу и писала на счете сбоку слово «выдать».

Автор брал счет и собирался поскорее покинуть кабинет, но она останавливала его и добрым голосом огорченной матери спрашивала:

— Послушайте, ну на что вам столько денег? Куда вы их деваете?

Эти, в сущности, скромные выплаты казались ей громадными суммами.

Куда вы их деваете?

Могли ли мы с ключиком ответить на ее вопрос? Она бы ужаснулась. Ведь мы были одиноки, холосты, вокруг нас бушевал нэп… Наконец, «экутэ ле богемьен» — это ведь было не даром! Мы молчали.

Она огорченно махала рукой. В самом деле, что она могла о нас подумать? Беспартийные, без роду без племени, неизвестно откуда взявшиеся, сомнительно одетые, с развязными манерами газетной богемы… Правда, не лишенные литературного таланта… И этим-то, в общем, подозрительным личностям приходилось выдавать святые партийные деньги.

Она так привыкла к понятию «партийная касса», что всякие деньги считала партийными и отдавать их на сторону считала чуть ли не преступлением перед революцией. Подписывая наши счета, она как бы делала вынужденную уступку новой экономической политике. С волками жить — по-волчьи выть. Ее можно было понять.

Ключик зарабатывал больше нас всех. Он вообще родился под счастливой звездой. Его все любили.

— Что вы умеете? — спросили его, когда он, приехав из

Харькова в Москву, пришел наниматься в «Гудок».

— А что вам надо?

— Нам надо стихи на железнодорожные темы.

— Пожалуйста.

Получив материал о непорядках на каком-то железнодорожном разъезде, ключик, как был в расстегнутом пальто, сел за редакционный стол, бросил кепку под стул и через пятнадцать минут вручил секретарю редакции требуемые: тихи, написанные его крупным, разборчивым, круглым почерком.

Секретарь прочел и удивился — как гладко, складно, а главное, вполне на тему и политически грамотно!

После этого возник вопрос: как стихи подписать?

— Подпишите как хотите, хотя бы «А. Пушкин», — сказал ключик, — я не тщеславный.

— У нас есть ходовой, дежурный псевдоним Зубило, под которым мы пускаем материалы разных авторов. Не возражаете?

— Валяйте.

Через месяц ходовой редакционный псевдоним прогремел по всем железнодорожным линиям{429}, и Зубило стал уже не серым анонимом, а одним из самых популярных пролетарских сатирических поэтов, едва ли не затмив славу Демьяна Бедного.{430}

Ключик-Зубило оказался бесценной находкой для «Гудка».

Синеглазый и я со своими маленькими фельетонами на внутренние и международные темы потонули в сиянии славы Зубилы. Как мы ни старались, придумывая для себя броские псевдонимы — и Крахмальная Манишка, и Митрофан Горунца, и Оливер Твист, — ничто не могло помочь. Простой, совсем не броский, даже скучный псевдоним Зубило стал в «Гудке» номером первым.

Когда Зубилу необходимо было выехать по командировке на какую-нибудь железнодорожную станцию, ему давали отдельный вагон!

Он часто брал меня с собой на свои триумфальные выступления, приглашая «в собственный вагон», что было для меня, с одной стороны, комфортабельно, но с другой — грызло мое честолюбие.{431}

Ключик-Зубило выступал со своими знаменитыми буриме перед тысячными аудиториями прямо в паровозных депо, имея не меньший успех, чем наш харьковский дурак, некогда сделавший свою служебную карьеру стишками молодого ключика.{432}

Но в «Гудке» произошло еще одно чудо.

В числе молодых, приехавших с юга в Москву за славой, оказался наш общий друг, человек во многих отношениях

замечательный. Он был до кончиков ногтей продуктом западной, главным образом французской культуры, ее новейшего искусства — живописи, скульптуры, поэзии. Каким-то образом ему уже был известен Аполлинер, о котором мы (даже птицелов) еще не имели понятия.{433} Во всем его облике было нечто неистребимо западное. Он одевался как все мы: во что бог послал. И тем не менее он явно выделялся. Даже самая обыкновенная рыночная кепка приобретала на его голове парижский вид, а пенсне без ободков, сидящее на его странном носу и как бы скептически поблескивающее, его негритянского склада губы с небольшой черничной пигментацией были настолько космополитичны, что воспринять его как простого советского гражданина казалось очень трудным.{434} Между тем среди всех нас, одержимых духом революции, он, быть может, был наиболее революционно-советским.

Он дружил с наследником{435} (так мы назовем одного из нашей литературной компании), который и привел его к нам в агитотдел Одукросты, а потом и в так называемый коллектив поэтов, где он (назовем его просто друг), хотя большей частью и молчаливо, но весьма неравнодушно, принимал участие в наших литературных спорах.

Мы полюбили его, но никак не могли определить, кто же он такой: поэт, прозаик, памфлетист, сатирик? Тогда еще не существовало понятия эссеист.

Во всяком случае, было ясно, что он принадлежит к левым, даже, может быть, к кубо-футуристам. Нечто маяковское всегда витало над ним.{436} В нем чувствовался острый критический ум, тонкий вкус, и втайне мы его побаивались, хотя свои язвительные суждения он высказывал чрезвычайно редко, в форме коротких замечаний «с места», всегда очень верных, оригинальных и зачастую убийственных.{437} Ему был свойствен афористический стиль.

Однажды, сдавшись на наши просьбы, он прочитал несколько своих опусов. Как мы и предполагали, это было нечто среднее между белыми стихами, ритмической прозой, пейзажной импрессионистической словесной живописью и небольшими философскими отступлениями.{438} В общем, нечто весьма своеобразное, ни на что не похожее, но очень пластическое и впечатляющее, ничего общего не имеющее с упражнениями провинциальных декадентов.

Сейчас, через много лет, мне трудно воспроизвести по памяти хотя бы один из его опусов. Помню только что-то, где по ярко-зеленому лугу бежали красные кентавры, как бы написанные Матиссом, и молнии ложились на темном горизонте, и это была

вечная весна или нечто подобное…{439} Можете себе представить, каких трудов стоило устроить его на работу в Москве.{440} О печатании его произведений, конечно, не могло быть и речи. Пришлось порядочно повозиться, прежде чем мне не пришла на первый взгляд безумная идея повести его наниматься в «Гудок».

— А что он умеет? — спросил ответственный секретарь.

— Все и ничего, — сказал я.

— Для железнодорожной газеты это маловато, — ответил ответственный секретарь, легендарный Август Потоцкий, последний из рода польских графов Потоцких, подобно Феликсу Дзержинскому примкнувший к революционному движению, старый большевик, политкаторжник, совесть революции, на вид грозный, с наголо обритой, круглой, как ядро, головой и со сложением борца-тяжеловеса, но в душе нежный добряк, преданный товарищ и друг всей нашей компании{441}. — Вы меня великодушно извините, — обратился он к другу, которого я привел к нему, — но как у вас насчет правописания? Умеете вы изложить свою мысль грамотно?

Лицо друга покрылось пятнами. Он был очень самолюбив. Но он сдержался и ответил, прищурившись:

— В принципе пишу без грамматических ошибок.

— Тогда мы берем вас правщиком, — сказал Август.

Быть правщиком значило приводить в годный для печати вид поступающие в редакцию малограмотные и страшно длинные письма рабочих-железнодорожников.

Правщики стояли на самой низшей ступени редакционной иерархии. Их материалы печатались петитом на последней странице, на так называемой четвертой полосе; дальше уже, кажется, шли расписания поездов и похоронные объявления.

Другу вручили пачку писем, вкривь и вкось исписанных чернильным карандашом. Друг отнесся к этим неразборчивым каракулям чрезвычайно серьезно. Он уважал рабочий класс, невиновный в своей безграмотности — наследии дореволюционного прошлого.

Обычно правщики ограничивались исправлением грамматических ошибок и сокращениями, придавая письму незатейливую форму небольшой газетной статейки.

Друг же поступил иначе. Вылущив из письма самую суть, он создал совершенно новую газетную форму — нечто вроде прозаической эпиграммы размером не более десяти — пятнадцати строчек в две колонки. Но зато каких строчек! Они были просты, доходчивы, афористичны и в то же время изысканно изящны, а главное, насыщены таким юмором, что буквально через несколько дней четвертая полоса, которую до сих пор никто не читал, вдруг сделалась самой любимой и заметной.

Другие правщики сразу же в меру своих дарований восприняли блестящий стиль друга и стали ему подражать. Таким образом, возникла совершенно новая школа обработчиков, перешедшая на более высшую ступень газетной иерархии.{442}

Это была маленькая газетная революция.

Старые газетчики долго вспоминали невозвратимо далекие золотые дни знаменитой четвертой полосы «Гудка».

Создатель же этого новаторского газетного стиля так и остался в этой области неизвестным, хотя через несколько лет в соавторстве с моим братишкой снискал мировую известность, о чем своевременно и будет рассказано.

Пока же мне не хочется расставаться с ключиком, с Мыльниковым переулком, с его особым поэтическим миром, где наши свободные мнения могли не совпадать с общепринятыми, где для нас не существовало авторитетов и мы независимо судили об исторических событиях, а о великих людях просто как о соседях по квартире.

О Льве Толстом и Наполеоне судили строго, но справедливо, не делая скидок на всемирную славу. Некоторых из великих мы совсем не признавали. Много читали. Кое-чем чрезмерно восхищались. Кое-что напрочь отвергали. Словом, позволяли себе «колебать мировые струны».

Вокруг нас бушевали политические страсти. Буржуазный мир еще не мог смириться с победой Октябрьской революции. Волны ненависти катились на нас с Запада. Советская власть с каждым днем мужала, но ей все еще приходилось преодолевать множество препятствий.

Сегодня трудно себе представить, но в стране была

безработица и в Москве работала Биржа труда[443]. Среди бурь и потрясений рождалось могучее государство рабочих и крестьян. Появились новые формы общественного сознания, производственных отношений.

Эпоха Великого Поиска.

Все несло на себе печать новизны.

Новый кинематограф. Новый театр. Новая поэзия. Новая проза. Новая живопись.

Новые имена гремели вокруг нас. Новые поэмы. Новые фильмы. Новая техника.

Появились первые радиоаппараты — самодельные ящики с детекторными приемниками, и, надев на голову наушники, можно было слышать муравьиную возню неразборчивой человеческой речи на разных языках и слабую музыку, бог весть откуда доносившуюся из мирового эфира в наш Мыльников переулок.

Но все это как бы не имело к нам отношения.

Мы были неизвестны среди громких имен молодого искусства. Мы еще не созрели для славы. Мы еще были бутоны. Аполлон еще не требовал нас к священной жертве.[444] Мы только еще разминали пластический материал своих будущих сочинений. А то, что было написано нами раньше, преждевременно умирало, едва успев родиться. Однако это нас нисколько не огорчало.

Может быть, этим и восхищался Брунсвик…

Мы были в курсе всех событий. Мы шагали мимо Дома Союзов, где в Колонном зале проходили политические процессы[445]. Мы читали дискуссионные листы газет, разворачивая их прямо на улице, и ветер вырывал их у нас из рук, надувая, как паруса.

Мы посещали знаменитую первую Сельскохозяйственную выставку в Нескучном саду, где толпы крестьян, колхозников и единоличников, из всех союзных республик в своих национальных одеждах, в тюбетейках и папахах, оставя павильоны и загоны с баснословными свиньями, быками, двугорбыми верблюдами, от которых исходила целебная вонь скотных дворов, толпились на берегу разукрашенной Москвы-реки, восхищаясь маленьким дюралевым «юнкерсом» на водяных лыжах, который то поднимался в воздух, делая круги над пестрым табором выставки, то садился на воду, бегущую синей рябью под дряхлым Крымским мостом на том месте, где ныне мы привыкли видеть стальной висячий мост с натянутыми струнами креплений.

«И чего глазеет люд? Эка невидаль — верблюд! Я на „юнкерсе“ катался, да и то не удивлялся».[446]

Именно к этому периоду нашего творческого бездействия, изнурительно-медленного созревания гражданского самосознания мне бы хотелось отнести те отрывочные воспоминания о ключике на пороге его зрелости, о его оригинальном мышлении, о его совершенно невероятных метафорах, секрет которых ныне утрачен, как утрачен секрет химического состава неповторимых красок мастеров старинной итальянской живописи, и по сей день не потерявших своей светящейся свежести.

Вероятно, здесь мы имеем дело с физиологическим феноменом: особым устройством механизма запоминания в мозговых клетках ключика, странным образом соединенного с механизмом ассоциативных связей.

Метафора — это, в общем, довольно банальная форма поэтической речи. Кто из писателей не пользовался метафорой! Но метафоры ключика отличаются такой невероятной ассоциативной сложностью, которая уже не в состоянии выдержать собственной сложности и доходит до примитивной, почти кухонной простоты.

В жизни он был так же метафоричен, как в своих произведениях.{447}

Уже тяжело больной, на пороге смерти он сказал врачам, переворачивавшим его на другой бок:

— Вы переворачиваете меня, как лодку.

Кажется, это было последнее слово, произнесенное им коснеющим языком.

Быть может, самая его блестящая и нигде не опубликованная метафора родилась как бы совсем случайно и по самому пустому поводу:

у нас, как у всяких холостяков, завелись две подружки-мещаночки в районе Садовой-Триумфальной, может быть в районе Миусской площади{448}. Одна чуть повыше, другая чуть пониже, но совершенно одинаково одетые в белые батистовые платьица с кружевами, в белых носочках и в белых шляпках с кружевными полями. Одна была «моя», другая — «его».

Мы чудно проводили с ними время, что, признаться, несколько смягчало горечь наших прежних любовных неудач.

Наши юные подруги были малоразговорчивы, ненавязчиво нежны, нетребовательны, уступчивы и не раздражали нас покушениями на более глубокое чувство, о существовании которого, возможно, даже и не подозревали.

Иногда они приходили к нам в Мыльников переулок, никогда не опаздывая, и ровно в назначенный час обе появлялись в начале переулка — беленькие и нарядные.

(Вот видите, сколько мне пришлось потратить слов для того, чтобы дать понятие о наших молоденьких возлюбленных!)

Однако ключик решил эту стилистическую задачу очень просто.

Однажды, посмотрев в окно на садящееся за крыши солнце, он сказал:

— Сейчас придут флаконы.{449}

Так они у нас и оставались на всю жизнь под кодовым названием флаконы, с маленькой буквы.

По-моему, безукоризненно!

Одно только слово — и все совершенно ясно, вся, так сказать, картина.

На этом можно и остановиться.

Остальные метафоры ключика общеизвестны:

«Она прошумела мимо меня, как ветка, полная цветов и листьев»{450} — и т. д.

Наконец, неизвестные «голубые глаза огородов».

Поучая меня, как надо заканчивать небольшой рассказ, он сказал:

— Можешь щегольнуть длинным, ни к чему не обязывающим придаточным предложением, но так, чтобы оно заканчивалось пейзажной метафорой, нечто вроде того, что, идя по мокрой от недавнего ливня земле, он думал о своей погибшей молодости, и на него печально смотрели голубые глаза огородов. Непременно эти три волшебных слова как заключительный аккорд. «Голубые глаза огородов». Эта концовка спасет любую чушь, которую ты напишешь. Он подарил мне эту гениальную метафору, достойную известного пейзажа Ван Гога{451}, но до сих пор я еще не нашел места, куда бы ее приткнуть.

Боюсь, что она так и останется как неприкаянная. Но ведь она уже и так, одна, сама по себе произведение искусства и никакого рассказа для нее не надо.

Что же касается классической ветки, полной цветов и листьев, то она нашла место в одном из самых популярных сочинений ключика. Эта прошумевшая ветка, полная цветов и листьев, вероятнее всего ветка белой акации («…белой акации гроздья душистые вновь аромата полны»){452}, была той неизлечимой душевной болью, которую ключик пронес через всю свою жизнь после измены дружочка, подобно Командору, у которого украли его Джиоконду еще во времена «Облака в штанах».

…тщетные поиски навсегда утраченной первой любви, попытки как-то ее воскресить, найти ей замену…

Конечно, этой заменой не могли стать для нас флаконы, так

же незаметно исчезнувшие, как и появившиеся, не оставив после себя никакого следа, даже запаха.

Боже мой, сколько еще потом появлялось и исчезало подобных флаконов, получавших, конечно, другие кодовые названия, изобретенные ключиком вместе со мной в Мыльниковом переулке.

Так как это мое сочинение — или, вернее, лекция — не имеет ни определенной формы, ни хронологической структуры, которую я не признаю, а является продуктом мовизма, придуманного мною в счастливую минуту, то я считаю вполне естественным рассказать в этом месте обо всех изобретенных нами кодовых названиях, облегчавших нам определение разных знакомых женских типов.

Но прежде хочется привести кусочек из письма Пушкина Вяземскому 1823 года из Одессы в Москву. Может быть, это прольет некоторый свет на мовизм, а также на литературный стиль моих сочинений последних десятилетий. Вот что писал Пушкин:

«…я желал бы оставить русскому языку некоторую библейскую похабность. Я не люблю видеть в первобытном нашем языке утонченности. Грубость и простота более ему пристали. Проповедую из внутреннего убеждения, но по привычке пишу иначе…»{453}

Ломаю эту привычку. Итак:

высший тип женщины — небожительница: красавица, по преимуществу блондинка с бриллиантами в ушах, нежных как розовый лепесток, в длинном вечернем платье с оголенной спиной, стройная, длинноногая, в серебряных туфельках, накрашенная, напудренная, поражающая длиной загнутых ресниц, за решеткой которых наркотически блестят глаза, благоухающая духами Коти, даже Герлена — на узкой руке с малиновыми ноготками золотые часики, осыпанные алмазами, в сумочке пудреница с зеркальцем и пуховка. Продукт нэпа. Она неприкосновенна и недоступна для нашего брата. Ее можно видеть в «Метрополе»{454} вечером. Она танцует танго, фокстрот или тустеп с одним из своих богатых поклонников вокруг ресторанного бассейна, где при свете разноцветных электрических лампочек плавают как бы написанные Матиссом золотые рыбки{455}, плещет небольшой фонтанчик. Богиня, сошедшая с неба на землю лишь для того, чтобы люди не забывали о существовании мимолетных видений и гениев чистой красоты. В начале вечера она недоступна и холодна, как мрамор, а в конце нечаянно напивается, падает в бассейн, а два ее кавалера в смокингах с помощью метрдотеля, тоже в смокинге,

под руки волокут ее к выходу, причем она хохочет, рыдает, с ее ресниц течет черная краска и шлейф крепдешинового платья оставляет на паркете длинный след, как от мокрого веника.

Следом за небожительницей в ранге красавиц идет хорошенькая девушка более современного полуспортивного типа, в кофточке джерси с короткими рукавами, с ямочками на щеках и на локотках, чаще всего азартная любительница пинг-понга, имеющая у нас кодовое название «Айдабль-даблью. Блеск домен. Стоп! Лью!»{456}.

(Дань американизму Левого фронта двадцатых годов: из стихов соратника.)

После ай дабль-даблью идет таракуцка{457} (происходит от румынского слова «тартакуца», то есть маленькая высушенная тыквочка, величиной с яблоко, превратившегося у нас в южнорусское слово «таракуцка» — любимая игрушка маленьких деревенских детей). Если ее потрясти, в середине зашуршат высушенные семечки. Таракуцки были наиболее распространенным у нас типом молоденьких, хорошеньких, круглолицых девушек, чаще всего из рабочего класса — продавщиц, вагонных проводниц, работниц заводов и фабрик, наполнявших в часы пик московские улицы. Они были большие модницы, хотя и одевались стандартно: лихо надетые набекрень белые суконные беретики, аккуратные короткие пиджачки на стройных миниатюрных фигурках, нарядный носовой платочек, засунутый в рукав, на плотных ножках туфельки-танкетки, в волосах сбоку пластмассовая заколка. Они были самостоятельны, независимы, улыбчивы; их всегда можно было видеть вечером под светящимися уличными часами, в ожидании свиданья с каким-нибудь красавцем или даже с немолодым советским служащим, улизнувшим от бдительного ока супруги. Их еще называли «фордики» в честь первых такси, недавно появившихся на улицах Москвы.{458} Признаться, из всех видов красавиц они были для нас самые привлекательные, конечно не считая флаконов. Таракуцки были маленькие московские парижанки, столичные штучки, то, что когда-то во Франции называлось «мидинетки»{459}, их не портило даже то, что пальчики на руках и ногах у них были как бы не до конца прорезаны, вроде некоторых видов сдобного печенья, надрезанного по краям. Видимо, создавая их, бог очень торопился и не вполне закончил свою работу.

За таракуцками шли женщины неприятные, и среди них самый неприятный тип был холера — тощая, очень чернобровая, с плохими зубами, висящими космами прямых волос и пронзительным индюшачьим голосом. Как ни странно, но бывали

случаи, когда небожительница перерождалась в холеру, а холера каким-то образом преображалась в небожительницу, но это случалось крайне редко.

Зато между таракуцками и ай дабль-даблю было больше сходства, и мужчины нередко их путали, что, впрочем, не приносило им особых огорчений.

Был еще более возвышенный и одухотворенный тип холеры, — с пятнами черных глазных впадин и страстно раскинутыми, как бы распятыми руками, как известный барельеф, высеченный на длинной кладбищенской стене.

И, наконец, первый день творенья. Очень молоденькая, рано созревшая, малограмотная, с неразвитой речевой артикуляцией, испуганными глазами на толстом свекловично-багровом лице, каким-то образом, чаще всего случайно, очутившаяся в большом городе и показывающая прохожим листок бумаги, на котором каракулями написан адрес, который она разыскивает. Первый день творенья чаще всего превращалась в няньку (няньки в то время еще не перевелись), в железнодорожную сторожиху, держащую в руке зеленый флажок, но чаще всего поступала на фабрику и с течением времени превращалась в таракуцку.

Были еще какие-то разновидности, открытые мною с ключиком, но я уже о них забыл. Имелись также типы и мужчин, но перечислять их не стоит, так как все они являлись для нас игрой воображения, выходцами из старого мира, заимствованными из дореволюционной классической литературы. Все это было для нас литературной игрой, вечной тренировкой наблюдательности, в особенности же упражнением в сравнениях.

Однажды мы так заигрались в эту игру в сходства, что ключик, рассердившись не на шутку, закричал:

— Будем считать, что все похоже на все, и кончим это метафорическое мучение!

В чем-то он, конечно, был прав. Но я думаю, что подобного рода игра ума, которой мы занимались чуть ли не с гимназических лет, сослужила нам впоследствии, когда мы стали всерьез писателями, большую службу.

…я чувствовал, что ключик никак не может забыть ту, которая еще так недавно прошумела в его жизни, как ветка, полная цветов и листьев.

Подобно Прусту, искавшему утраченное время, ключик хотел найти и восстановить утраченную любовь. Он смоделировал образ ушедшего от него дружка, искал ей замену, его душа находилась в состоянии вечного тайного любовного напряжения, которое ничем не могло разрешиться.

То, что он так упорно искал, оказалось под боком, рядом, в

Мыльниковом переулке, почти напротив наших окон. Моя комната была проходным двором. В ней всегда, кроме нас с ключиком, временно жило множество наших приезжих друзей. Некоторое время жил с нами вечно бездомный и неустроенный художник, брат друга, прозванный за цвет волос рыжим.{460} Друг говорил про него, что когда он идет по улице своей нервной походкой и размахивает руками, то он похож на манифестацию. Вполне допустимое преувеличение.

Так вот этот самый рыжий художник откуда-то достал куклу, изображающую годовалого ребенка{461}, вылепленную совершенно реалистически из папье-маше и одетую в короткое розовое платьице.

Кукла была настолько художественно выполнена, что в двух шагах ее нельзя было отличить от живого ребенка.

Наша комната находилась в первом этаже, и мы часто забавлялись тем, что, открыв окно, сажали нашего годовалого ребенка на подоконник и, дождавшись, когда в переулке появлялся прохожий, делали такое движение, будто наш ребенок вываливается из окна.

Раздавался отчаянный крик прохожего, что и требовалось доказать.

Скоро слава о чудесной кукле распространилась по всему району Чистых прудов. К нашему окну стали подходить любопытные, прося показать искусственного ребенка.

Однажды, когда ключик сидел на подоконнике, к нему подошли две девочки{462} из нашего переулка — уже не девочки, но еще и не девушки, то, что покойный Набоков назвал «нимфетки»{463}, и одна из них сказала, еще несколько по-детски шепелявя:

— Покажите нам куклу.

Ключик посмотрел на девочку, и ему показалось, что это то самое, то он так мучительно искал. Она не была похожа на дружочка. Но она была ее улучшенным подобием — моложе, свежее, прелестнее, невиннее, а главное, по ее фаянсовому личику не скользила ветреная улыбка изменницы, а личико это было освещено серьезной любознательностью школьницы, быть может совсем и не отличницы, но зато честной и порядочной четверочницы.

Тут же не сходя с места ключик во всеуслышание поклялся, что напишет блистательную детскую книгу-сказку, красивую, роскошно изданную, в коленкоровом переплете, с цветными картинками, а на титульном листе будет напечатано, что книга посвящается…{464}

Он спросил у девочки имя, отчество и фамилию; она

добросовестно их сообщила, но, кажется, клятва ключика на нее не произвела особенного впечатления. У нее не была настолько развита фантазия, чтобы представить свое имя напечатанным на роскошной подарочной книге знаменитого писателя. Ведь он совсем еще был не знаменитость, а всего лишь, с ее точки зрения, немолодой симпатичный сосед по переулку, не больше.

Он стал за ней ухаживать как некий добрый дядя{465}, что выражалось в потоке метафорических комплиментов, остроумных замечаний, которые пропадали даром, так как их не могла оценить скромная Чистопрудная девочка, едва вышедшая из школьного возраста. Дело дошло до того, что ключик пригласил ее с подругой в упомянутое уже здесь кино «Волшебные грезы» на ленту с Гарри Пилем{466}; девочки получили большое удовольствие, в особенности от того, что ключик купил им мороженое с вафлями, которое они бережливо облизывали со всех сторон во время сеанса.

Одним словом, роман не получился: слишком велика была разница лет и интеллектов. Но обещанную книгу ключик стал писать, рассчитывая, что, пока он ее напишет, пока ее примут в издательстве, пока художник изготовит иллюстрации, пока книга выйдет в свет, пройдет года два или три, а к тому времени девочка созреет, поймет, что он гений, увидит напечатанное посвящение и заменит ему дружочка.{467}

Большая часть расчетов ключика оправдалась. Он написал нарядную сказку с участием девочки-куклы; ее иллюстрировал (по протекции колченогого) один из лучших графиков дореволюционной России, Добужинский{468}, на титульном листе четким шрифтом было отпечатано посвящение, однако девичья фамилия девочки, превратившейся за это время в прелестную девушку, изменилась на фамилию моего младшего братца{469}, приехавшего из провинции и успевшего прижиться в Москве, в том же Мыльниковом переулке.

Он сразу же влюбился в хорошенькую соседку, но не стал ее обольщать словесной шелухой, а начал за ней ухаживать по всем правилам, как заправский жених, имеющий серьезные намерения: он водил ее в театры, рестораны, кафе «Битые сливки» на Петровке за церковкой, которой уже давно не существует, и куда водил своих возлюбленных также Командор — очень модное место в Москве{470}, — провожал на извозчике домой, дарил цветы и шоколадные наборы, так что вскоре в моей комнате в Мыльниковом переулке шумно сыграли их свадьбу, на которой ключик, несмотря на то, что изрядно выпил, вел себя вполне корректно, хотя и сделал робкую попытку наскандалить, после чего счастливые молодожены поселились в небольшой квартирке,

которую предусмотрительно нанял мой положительный брат.

Вообще в нашей семье он всегда считался положительным, а я отрицательным.{471}

В скором времени мой брат стал знаменитым писателем, так что девочка с Мыльникова переулка ничего не потеряла и была вполне счастлива.

Конечно, вас интересует, каким образом мой брат прославился?

Об этом стоит рассказать подробнее, тем более что мне часто задают вопрос, как создавался роман «Двенадцать стульев», переведенный на все языки мира и неоднократно ставившийся в кино многих стран.

…Я встаю и, отстраняя микрофон, который всегда меня раздражает{472}, начинаю свой рассказ с описания авторов «Двенадцати стульев» — сначала я говорю о друге, а потом о брате:

— Мой брат, месье и медам, был на шесть лет моложе меня, и я хорошо помню, как мама купала его в корыте, пахнущем распаренным липовым деревом, мылом и отрубями. У него были закисшие китайские глазки, и он издавал ротиком жалобные звуки — кувакал, — вследствие чего и получил название «наш кувака».

Затем я говорю студентам о нашей семье, о рано умершей матери и об отце{473}, окончившем с серебряной медалью Новороссийский университет, ученике прославленного византииста, профессора, академика Кондакова{474}; говорю о нашей семейной приверженности к великой русской литературе и папиному книжному шкафу, где как величайшие ценности хранились двенадцатитомная «История государства Российского» Карамзина, полное собрание сочинений Пушкина, Гоголя, Чехова, Лермонтова, Некрасова, Тургенева, Лескова, Гончарова и так далее.

Я рассказываю, как у нас в семье ценился юмор и как мой братец, еще будучи гимназистом приготовительного класса, сочинял смешные рассказы — вполне детские, но уже обещавшие большой литературный талант.

Все это я говорю для того, чтобы подвести аудиторию к пониманию источников юмора, которым пронизаны «Двенадцать стульев».

Я говорю довольно связно, повторяя уже много раз говоренное, а в это же самое время, как бы пересекая друг друга по разным направлениям и в разных плоскостях, передо мной появляются цветные изображения, таинственным образом возникающие из прошлого, из настоящего, даже из будущего, —

порождение еще не разгаданной работы множества механизмов моего сознания.

Говорю одно, вижу другое, представляю третье, чувствую четвертое, не могу вспомнить пятое, и все это совмещается с тем материальным миром, в сфере которого я нахожусь в данный миг: маленький золотой карандашик в руке, голубые прописи между линейками большой тетради, переделкинская зелень за окном, сильно тронутая сентябрьской желтизной, или же наоборот — свинцовое майское небо, лужи, покрытые рыбьими глазами весеннего дождя.

…и еще много непознанного в психике, над чем всю жизнь трудился Павлов и гадал Фрейд.

Запись Ю. П. Фролова, сообщенная в книге С. Д. Каминского «Динамическое нарушение коры головного мозга», М., 1948, стр. 195–196:

«Павлов говорил: когда я думаю о Фрейде и о себе, мне представляются две партии горнорабочих, которые начали копать железнодорожный туннель в подошве большой горы — человеческой психики. Разница состоит, однако, в том, что Фрейд взял немного вниз и зарылся в дебрях бессознательного, а мы добрались уже до света… Изучая явления иррадиации и концентрации торможения в мозгу, мы по часам можем ныне проследить, где начался интересующий нас нервный процесс, куда он перешел, сколько времени там оставался и в какой срок вернулся к исходному пункту. А Фрейд может гадать о внутренних состояниях человека. Он может, пожалуй, стать основателем новой религии».

Почему же я обращаюсь к этим молодым итальянцам или французам славистам, студентам и студенткам, которые стараются записать мою неорганизованную речь в свои блокноты, а сам я смотрю — быть может, последний раз в жизни — в окно на средневековый двор старинного Миланского университета, на белые и черные статуи, на аркады, окружающие невероятно просторный двор, но при этом почему-то думаю о судьбе старых европейских деревьев, которым опоздавшая весна не позволяет еще зазеленеть, — черных многовековых деревьев, вечно преследующих меня по дорогам Брабанта, Фландрии, Уэльса, Нормандии, Пьемонта, Ломбардии?…

Одни из них бегут за мной и не могут догнать; другие убегают от меня за горизонт, и я не могу их догнать.

Но все они кажутся мне лишь черными скелетами, хотя я и знаю, что в них надежно теплится зеленая жизнь, никогда их не покидающая; летом она бушует, осенью начинает осторожно прятаться, зимой таинственно спит, прикидываясь мертвой, в

корневых сосудах, в капиллярах, среди возрастных колец сердцевины, но никогда не умирает, вечно живет.

Лето умирает. Осень умирает. Зима — сама смерть. А весна постоянна. Она живет бесконечно в недрах вечно изменяющейся материи, только меняет свои формы.

Самая волнующая форма — это миг, предшествующий появлению первой зелени на черноте якобы мертвых древесных развилок.

Может быть, это март в Александровском парке, где мама, вся черная, как и деревья вокруг нас, стояла возле мертвого розариума, и черный ветер с моря нес над трепещущим орлиным пером ее шляпы грузные дождевые облака, и все в мире казалось мертвым, между тем как весна незримо, как жизнь моего еще не родившегося братишки, уже где-то трепетала, и билось маленькое сердечко.

Брат приехал ко мне в Мыльников переулок с юга, вызванный моими отчаянными письмами.{475} Будучи еще почти совсем мальчишкой, он служил в уездном уголовном розыске, в отделе по борьбе с бандитизмом, свирепствовавшим на юге.{476} А что ему еще оставалось? Отец умер.{477} Я уехал в Москву. Он остался один, не успев даже окончить гимназию. Песчинка в вихре революции. Где-то в степях Новороссии он гонялся на обывательских лошадях за бандитами — остатками разгромленной петлюровщины и махновщины, особенно свирепствовавшими в районе еще не вполне ликвидированных немецких колоний.{478}

Я понимал, что в любую минуту он может погибнуть от пули из бандитского обреза{479}. Мои отчаянные письма в конце концов его убедили.

Он появился уже не мальчиком, но еще и не вполне созревшим молодым человеком, жгучим брюнетом, юношей, вытянувшимся, обветренным, с почерневшим от новороссийского загара, худым, несколько монгольским лицом, в длинной, до пят, крестьянской свитке, крытой поверх черного бараньего меха синим грубым сукном, в юфтевых сапогах и кепке агента уголовного розыска. Он поселился у меня.{480} Его все время мучило, что он живет, ничем не занимаясь, на моих хлебах. Он решил поступить на службу. Но куда? В стране все еще была безработица. У него имелись отличные рекомендации уездного уголовного розыска, и он пошел с ними в московский уголовный розыск, где ему предложили место, как вы думаете где? — ни более ни менее как в Бутырской тюрьме{481} надзирателем{482} в больничном отделении.

Он сообщил мне об этом не без некоторой гордости,

прибавив, что теперь больше не будет мне в тягость.

Я ужаснулся.

…мой родной брат, мальчик из интеллигентной семьи, сын преподавателя, серебряного медалиста Новороссийского университета, внук генерал-майора и вятского соборного протоиерея, правнук героя Отечественной войны двенадцатого года, служившего в войсках Кутузова, Багратиона, Ланжерона, атамана Платова, получившего четырнадцать ранений при взятии Дрездена и Гамбурга, — этот юноша, почти еще мальчик, должен будет за двадцать рублей в месяц служить в Бутырках, открывая ключами больничные камеры, и носить на груди металлическую бляху с номером!..

Несмотря на все мои уговоры, брат не соглашался отказаться от своего намерения и аккуратно стал ездить на трамвае в Бутырки, до которых было настолько далеко от Мыльникова переулка, что приходилось два раза пересаживаться и еще одну остановку проезжать на дряхлом автобусе: получалось, что на один только проезд уходит почти все его жалованье.

Я настаивал, чтобы он бросил свою глупую затею. Он уперся. Тогда я решил сделать из него профессионального журналиста и посоветовал что-нибудь написать на пробу.{483} Он уперся еще больше.

— Но почему же? — спрашивал я с раздражением.

— Потому что я не умею, — почти со злобой отвечал он.

— Но послушай, неужели тебе не ясно, что каждый более или менее интеллигентный, грамотный человек может что-нибудь написать?

— Что именно?

— Бог мой, что-нибудь.

— Конкретно?

— Мало ли… Не все ли равно… Ты столько рассказывал забавных случаев из своей уголовной практики. Ну возьми какой-нибудь сюжетец.

— Например?

— Ну, например, как вы там где-то в уезде накрыли какого-то типа по фамилии Гусь, воровавшего казенные доски.

— Я не умею, — заскрипел зубами брат, и его шоколадного цвета глаза китайского разреза свирепо сверкнули.

Тогда я решил употребить самое грубое средство.

— Ты что же это? Рассчитываешь сидеть у меня на шее со своим нищенским жалованьем?

Мой брат побледнел от оскорбления, потом покраснел, но сдержался и, еще сильнее стиснув зубы, процедил, с ненавистью глядя на меня:

— Хорошо. Я напишу. Говори, что писать.

— Напиши про Гуся и доски.

— Сколько страниц? — спросил он бесстрастно.

— Шесть, — сказал я, подумав.

Он сел за мой письменный столик между двух окон, придвинул к себе бумагу, окунул перо в чернильницу и стал писать — не быстро, но и не медленно, как автомат, ни на минуту не отрываясь от писания, с яростно-неподвижным лицом, на котором я без труда прочел покорность и отвращение.

Примерно через час, не сделав ни одной помарки и ни разу не передохнув, он исписал от начала до конца ровно шесть страниц и, не глядя на меня, подал свою рукопись через плечо.

— Подавись! — тихо сказал он.

У него оказался четкий, красивый, мелкий почерк, унаследованный от папы. Я пробежал написанные им шесть страниц и с удивлением понял, что он совсем недурно владеет пером. Получился отличный очерк, полный юмора и наблюдательности.

Я тотчас отвез его на трамвае А в редакцию «Накануне», дал секретарю, причем сказал:

— Если это вам даже не понравится, то все равно это надо напечатать. Вы понимаете — *надо*! От этого зависит судьба человека.

Рукопись полетела на «юнкерсе» в Берлин, где печаталось «Накануне»{484}, и вернулась обратно уже в виде фельетона, напечатанного в литературном приложении под псевдонимом, который я ему дал.{485}

— Заплатите как можно больше, — сказал я представителю московского отделения «Накануне».

После этого я отнес номер газеты с фельетоном под названием «Гусь и доски»{486} (а может быть, «Доски и Гусь») на Мыльников и вручил ее брату, который был не столько польщен, сколько удивлен.

— Поезжай за гонораром, — сухо приказал я.

Он поехал и привез домой три отличных, свободно конвертируемых червонца, то есть тридцать рублей, — валюту того времени.

— Ну, — сказал я, — так что же выгоднее: служить в Бутырках или писать фельетоны? За один час сравнительно легкой и чистой работы ты получил больше, чем за месяц бездарных поездок в Бутырки.

Брат оказался мальчиком сообразительным и старательным, так что месяца через два, облазив редакции всех юмористических журналов Москвы, веселый, общительный и обаятельный, он стал

очень прилично зарабатывать, не отказываясь ни от каких жанров: писал фельетоны в прозе и, к моему удивлению, даже в стихах[487], давал темы для карикатур, делал под ними подписи, подружился со всеми юмористами столицы, наведывался в «Гудок»[488], сдал казенный наган в Московское управление уголовного розыска, отлично оделся, немного пополнел, брился и стригся в парикмахерской с одеколоном, завел несколько приятных знакомств, нашел себе отдельную комнату, и однажды рано утром я встретил его на Большой Дмитровке:

…он, видимо, возвращался после ночных похождений Тогда еще не вывелись извозчики, и он ехал в открытом экипаже на дутиках — то есть на дутых резиновых шинах, — модно одетый молодой человек, жгучий брюнет с косым пробором, со следами бессонной ночи на красивом Добродушном лице, со скользящей мечтательной улыбкой и слипающимися счастливыми глазами.

Кажется, он спросонья мурлыкал про себя что-то из своих любимых опер, а к пуговице его пиджака был привязан на длинной нитке красный воздушный шарик, сопровождавший его как ангел-хранитель и ярко блестевший на утреннем московском солнышке.

Меня он не заметил.

Проплыл мимо, мягко подпрыгивая на дутиках, и я как старший брат, с одной стороны, был доволен, что из него, как говорится, «вышел человек», а с другой стороны, чувствовал некоторое неодобрение по поводу его образа жизни, хотя сам вел себя в таком же духе, если не хуже.

Наша встреча произошла на том самом месте, где несколько лет спустя Командор назначил мне свидание, с тем чтобы накануне очередной октябрьской годовщины мы пошли в МК и там в отделе пропаганды сочинили бы стихотворные лозунги для праздничной демонстрации на Красной площади после военного парада.

Приглашая меня на эту совместную поэтическую работу, Командор строго заметил:

— Но имейте в виду — бесплатно. Это наш с вами гражданский долг.

МК помещался тут же рядом, в том особняке, где сейчас находится Прокуратура СССР[489], и мы сидели в пустой комнате агитпропа и сочиняли лозунги, которые потом, написанные на кумачовых полотнищах, поплыли над толпой по улицам Москвы[490], а потом через всю Красную площадь мимо Мавзолея, еще в то время деревянного[491].

По странному стечению обстоятельств через несколько лет на том же самом месте мы встретились с Командором, шагавшим на

голову выше остальных прохожих. Он только что написал «Марш времени» для своей «Бани» и тут же в такт своим чугунным шагам прочитал его мне: видимо, ему не терпелось лишний раз проверить его звучание среди шумной улицы революционной Москвы.

«Вперед, время! Время, вперед!»{492}

Этот кусок города сохранился до сих пор почти в полной неприкосновенности, подобно тому как среди обломков моей разрушающейся и перестраивающейся памяти сохранилось видение Командора, выбрасывающего вперед шагающие ноги с задранными носами башмаков, и клюквенно-красного, отражающего солнышко воздушного шарика, плывущего над экипажем моего брата, которому в недалеком будущем предстояло сделаться соавтором знаменитого на весь мир романа.

Сейчас я вам, синьоры, расскажу, каким образом появился на свет этот роман.

Прочитав где-то сплетню, что автор «Трех мушкетеров» писал свои многочисленные романы не один, а нанимал нескольких талантливых литературных подельщиков, воплощавших его замыслы на бумаге, я решил однажды тоже сделаться чем-то вроде Дюма-пера и командовать кучкой литературных наемников.{493} Благо в это время мое воображение кипело и я решительно не знал, куда девать сюжеты, ежеминутно приходившие мне в голову. Среди них появился сюжет о бриллиантах, спрятанных во время революции в одном из двенадцати стульев гостиного гарнитура.

Сюжет не бог весь какой, так как в литературе уже имелось «Шесть Наполеонов» Конан-Дойля{494}, а также уморительно смешная повесть молодого, рано умершего советского писателя-петроградца Льва Лунца, написавшего о том, как некое буржуазное семейство бежит от советской власти за границу, спрятав свои бриллианты в платяную щетку.

Маленький, худенький, с прелестным личиком обреченного на раннюю смерть, Лев Лунц, приведенный Кавериным в Мыльников переулок, с такой серьезностью читал свою повесть, что мы буквально катались по полу от смеха.{495}

Ну и еще кое-что в этом роде я слышал в ту пору.

Тогда я носился со своей теорией движущегося героя, без которого не может обойтись ни один увлекательный роман: он дает возможность переноситься в пространстве и включать в себя множество происшествий, что так любят читатели.

Теперь-то я знаю, что теория моя ошибочна. Сейчас у меня совсем противоположное мнение: в хорошем романе (хотя я и не признаю деление прозы на жанры) герой должен быть

неподвижен, а обращаться вокруг него должен весь физический мир, что и составит если не галактику, то, во всяком случае, солнечную систему художественного произведения.

Ну а тогда, увлекаясь гоголевским Чичиковым, я считал, что сила «Мертвых душ» заключается в том, что Гоголю удалось найти движущегося героя. В силу своей страсти к обогащению Чичиков принужден все время быть в движении — покупать у разных людей мертвые души. Именно это позволило автору создать целую галерею человеческих типов и характеров, что составляет содержание его разоблачительной поэмы.

Поиски бриллиантов, спрятанных в одном из двенадцати стульев, разбросанных революцией по стране, давали, по моим соображениям, возможность нарисовать сатирическую галерею современных типов времени нэпа.

Все это я изложил моему другу и моему брату, которых решил превратить по примеру Дюма-пера в своих литературных негров: я предлагаю тему, пружину, они эту тему разрабатывают, облекают в плоть и кровь сатирического романа. Я прохожусь по их писанию рукой мастера. И получается забавный плутовской роман, в отличие от Дюма-пера выходящий под нашими тремя именами. А гонорар делится поровну.

Почему я выбрал своими неграми именно их — моего друга и моего брата? На это трудно ответить. Тут, вероятно, сыграла известную роль моя интуиция, собачий нюх на таланты, даже еще не проявившиеся в полную силу.{496}

Я представил себе их обоих — таких разных и таких ярких — и понял, что они созданы для того, чтобы дополнять Друг Друга. Мое воображение нарисовало некоего двуединого гения, вполне подходящего для роли моего негра.

До этого дня они оба были, в общем, мало знакомы друг с другом. Они вращались в разных литературных сферах.{497} Я предложил им соединиться. Они не без любопытства осмотрели друг друга с ног до головы. Между ними проскочила, как говорится в старых романах, электрическая искра. Они приветливо улыбнулись друг другу и согласились на мое предложение.{498}

Возможно, их прельстила возможность крупно заработать; чем черт не шутит! Не знаю. Но они согласились. Я же уехал на Зеленый мыс под Батумом сочинять водевиль для Художественного театра, оставив моим крепостным довольно подробный план будущего романа.{499}

Несколько раз они присылали отчаянные телеграммы, прося указаний по разным вопросам, возникающим во время сочинения романа.

Сначала я отвечал им коротко:

«Думайте сами».

А потом и совсем перестал отвечать, погруженный в райскую жизнь в субтропиках, среди бамоуков, бананов, мандаринов, висящих на деревьях как меленькие зелено-желтые фонарики, деля время между купаньем, дольче фар ньенте{500} и писанием «Квадратуры круга»{501}.

Еще почти совсем летнее октябрьское солнце, косые черноморские волны, безостановочно набегающие на пляж, те самые волны, о которых по ту сторону Зеленого мыса сочинял мулат, еще более посмуглевший на аджарском солнце, следующие строки:

«…их много. Им немыслим счет. Их тьма. Они шумят в миноре. Прибой, как вафли, их печет… В родстве со всем, что есть, уверясь и знаясь с будущим в быту, нельзя не впасть к концу, как в ересь, в неслыханную простоту».

Боюсь, что к своему концу я действительно впадаю в ересь неслыханной простоты.

Но что же делать, если так случилось? Впрочем, мовизм — это и есть простота, но не просто простота, а именно неслыханная…

Так пел мулат за Зеленым мысом в Кобулетах -

«…обнявшись, как поэт в работе, что в жизни порознь видно двум, — одним концом ночное Поти, другим — светящийся Батум»…{502}

Но я пытаюсь быть пощаженным, соединив в этом своем сумбурном выступлении ересь сложности с ересью неслыханной простоты, чего так и не удалось в своей прозе достигнуть мулату.

Брат и друг обиделись на мое молчание и перестали тревожить меня телеграммами с мольбами о помощи.

Иногда я совершал набег на Батум с бамбуковыми галереями его гостиниц, с бархатной мебелью духанов, где подавалось ни с чем не сравнимое кипиани в толстых бутылках с красно-золотыми этикетками, нанимал ялик, выезжал на батумский рейд и, сбрасывая с себя одежду, бросался в темную, уже почти ночную воду акватории, покрытую павлиньими перьями нефти.

Пока мои спутники, два грузинских поэта{503}, оставшихся в ялике, с ужасом восхищались моим молодецким поступком, я плавал и нырял среди пароходов, черные корпуса которых были вблизи такими огромными, что рядом с их красными рулями высотой с двухэтажный дом я сам себе казался зеленым лягушонком, готовым каждый миг пойти ко дну, как бы затянутый в зловещую пропасть.

Я испугался.

Грузинские поэты вытащили меня за руки в ялик, и я, испуганный и озябший, натянул одежды на свое мокрое тело, так как нечем было вытереться; грудь моя была поцарапана о борт ялика, когда меня вытаскивали.

Вскоре, закончив водевиль, я покинул райскую страну, где рядом с крекинг-заводом сидели в болоте черные, как черти, буйволы, выставив круторогие головы, где местные наркомы в башлыках, навороченных на голову, ездили цугом в фаэтонах с зажженными фонарями по сторонам козел, направляясь в загородные духаны пировать, и их сопровождал особый фаэтон, в котором ехал шарманщик, крутивший ручку своей старинной шарманки, издававшей щемящие звуки австрийских вальсов и чешских полек, где старуха-аджарка{504} в чувяках продавала тыквенные семечки, сидя под лохматым, как бы порванным банановым листом, служившим навесом от солнца…

Едва я появился в холодной, дождливой Москве{505}, как передо мною предстали мои соавторы. С достоинством, несколько даже суховато они сообщили мне, что уже написали более шести печатных листов.

Один из них вынул из папки аккуратную рукопись, а другой стал читать ее вслух.{506}

Уже через десять минут мне стало ясно, что мои рабы выполнили все заданные им бесхитростные сюжетные ходы и отлично изобразили подсказанный мною портрет Воробьянинова, но, кроме того, ввели совершенно новый, ими изобретенный великолепный персонаж — Остапа Бендера{507}, имя которого ныне стало нарицательным, как, например, Ноздрев. Теперь именно Остап Бендер, как они его назвали — великий комбинатор, стал главным действующим лицом романа, самой сильной его пружиной.

Я получил громадное удовольствие и сказал им приблизительно следующее:

— Вот что, братцы. Отныне вы оба единственный автор будущего романа. Я устраняюсь. Ваш Остап Бендер меня доконал.

— Позвольте, Дюма-пер, мы очень надеялись, что вы пройдетесь по нашей жалкой прозе рукой мастера, — сказал мой друг с тем свойственным ему выражением странного, вогнутого лица, когда трудно понять, серьезно ли он говорит или издевается.

— Я больше не считаю себя вашим мэтром. Ученики побили учителя, как русские шведов под Полтавой. Заканчивайте роман сами, и да благословит вас бог. Завтра же я еду в издательство и перепишу договор с нас троих на вас двоих.

Соавторы переглянулись. Я понял, что именно этого они от

меня и ожидали.{508}

— Однако не очень радуйтесь, — сказал я, — все-таки сюжет и план мои, так что вам придется за них заплатить. Я не собираюсь отдавать даром плоды своих усилий и размышлений…

— В часы одинокие ночи{509}, — дополнил мою мысль братец не без ехидства, и оба соавтора улыбнулись одинаковой улыбкой, из чего я сделал заключение, что за время совместной работы они настолько сблизились, что уже стали как бы одним человеком, вернее одним писателем.

Значит, мой выбор оказался совершенно точен.

— Чего же вы от нас требуете? — спросил мой друг.

— Я требую от вас следующего: пункт «а» — вы обязуетесь посвятить роман мне и вышеупомянутое посвящение должно печататься решительно во всех изданиях как на русском, так и на иностранных языках, сколько бы их ни было.{510}

— Ну, это пожалуйста! — с облегчением воскликнули соавторы. — Тем более что мы не вполне уверены, будет ли даже одно издание — русское.

— Молодые люди, — сказал я строго, подражая дидактической манере синеглазого, — напрасно вы так легко согласились на мое первое требование. Знаете ли вы, что вашему пока еще не дописанному роману предстоит не только долгая жизнь, но также и мировая слава?

Соавторы скромно потупили глаза, однако мне не поверили. Они еще тогда не подозревали, что я обладаю пророческим даром.

— Ну хорошо, допустим, — сказал друг, — с пунктом «а» покончено. А пункт «б»?

— Пункт «б» обойдется вам не так дешево. При получении первого гонорара за книгу вы обязуетесь купить и преподнести мне золотой портсигар{511}.

Соавторы вздрогнули.

— Нам надо посоветоваться, — сказал рассудительный друг.

Они отошли к окну, выходящему на извозчичий двор, и некоторое время шептались, после чего вернулись ко мне и, несколько побледнев, сказали:

— Мы согласны.

— Смотрите же, братцы, не надуйте.

— Вы, кажется, сомневаетесь в нашей порядочности? — голосом дуэлянта произнес друг, для которого вопросы чести всегда и во всем стояли на первом месте.

Я поклялся, что не сомневаюсь, на чем наша беседа и закончилась.

Долго ли, коротко ли, но после разных цензурных

осложнений роман наконец был напечатан в журнале и потом вышел отдельной книгой{512}, и на титульном листе я не без тайного тщеславия прочел напечатанное мне посвящение.

Пункт «а» был свято выполнен.

— Ну а пункт «б»? — спросило меня несколько голосов в одном из английских университетов.

— Леди и гамильтоны, — торжественно сказал я словами известного нашего вратаря, который, будучи на приеме в Англии, обратился к собравшимся со спичем и вместо традиционного «леди и джентльмены» начал его восклицанием «леди и гамильтоны», будучи введен в заблуждение нашумевшей кинокартиной «Леди Гамильтон».{513}

…— Ну а что касается пункта «б», то с его выполнением мне пришлось немного подождать. Однако я и виду не подавал, что жду. Молчал я. Молчали и соавторы. Но вот в один прекрасный день мое ожидание было вознаграждено. Раздался телефонный звонок, и я услышал голос одного из соавторов:

— Старик Саббакин, нам необходимо с вами повидаться. Когда вы можете нас принять?

— Да валяйте хоть сейчас! — воскликнул я, желая несколько разрядить официальный тон, впрочем смягченный обращением ко мне «старик Саббакин».

(«Старик Саббакин» был одним из моих псевдонимов в юмористических журналах.)

Соавторы появились хорошо одетые, подтянутые, строгие.

— Мы хотим выполнить свое обязательство перед вами по пункту «б».

С этими словами один из соавторов протянул мне небольшой, но тяжелый пакетик, перевязанный розовой ленточкой. Я развернул папиросную бумагу, и в глаза мне блеснуло золото. Это был небольшой портсигар с бирюзовой кнопочкой в замке, но не мужской, а дамский, то есть раза в два меньше.

Эти жмоты поскупились на мужской.

— Мы не договаривались о том, какой должен быть портсигар — мужской или дамский, — заметил мой друг, для того чтобы сразу же пресечь всяческие словопрения.

Мой же братишка на правах близкого родственника не без юмора процитировал из чеховской «Жалобной книги»:

— Лопай, что дают.

На чем наши деловые отношения закончились, и мы отправились обмыть дамский портсигарчик в «Метрополь».

Роман «Двенадцать стульев», надеюсь, все из вас читали, и я не буду, леди и гамильтоны, его подробно разбирать. Замечу лишь, что все без исключения его персонажи написаны с натуры,

со знакомых и друзей, а один даже с меня самого, где я фигурирую под именем инженера, который говорит своей супруге: «Мусик, дай мне гусик» — или что-то подобное{514}.

Что касается центральной фигуры романа Остапа Бендера, то он написан с одного из наших одесских друзей. В жизни он носил, конечно, другую фамилию, а имя Остап сохранено как весьма редкое.

Прототипом Остапа Бендера был старший брат одного замечательного молодого поэта, друга птицелова, эскесса и всей поэтической элиты. Он был первым футуристом, с которым я познакомился и подружился. Он издал к тому времени на свой счет маленькую книжечку крайне непонятных стихов, в обложке из зеленой обойной бумаги, с загадочным названием «Зеленые агаты».{515} Там были такие строки:

«Зеленые агаты! Зелено-черный вздох вам посылаю тихо, когда закат издох».{516} И прочий вздор вроде «…гордо-стройный виконт в манто из лягушечьих лапок, а в руке — красный зонт»{517} — или нечто подобное, теперь уже не помню.

Это была поэтическая корь, которая у него скоро прошла, и он стал писать прелестные стихи сначала в духе Михаила Кузьмина{518}, а потом уже и совсем самостоятельные.

К сожалению, в памяти сохранились лишь осколки его лирики.

«Не архангельские трубы — деревянные фаготы пели мне о жизни грубой, о печалях и заботах… Не таясь и не тоскуя, слышу я как голос милой золотое Аллилуйя над высокою могилой».{519}

Он писал:

«Есть нежное преданье на Ниппоне о маленькой лошадке вроде пони», которая забралась на рисовое поле и лакомилась зелеными ростками. За ней погнался разгневанный крестьянин, но ее спас художник, вставив в свою картину.{520}

Или:

«Как много самообладания у лошадей простого звания, не обращающих внимания на трудности существования».

Он изобразил осенние груши на лотке; у них от тумана слезились носики{521} и тому подобное.

У него было вечно ироническое выражение добродушного, несколько вытянутого лица, черные волосы, гладко причесанные на прямой пробор, озорной носик сатирикончика, студенческая тужурка, диагоналевые брюки…

Как все поэты, он был пророк и напророчил себе золотое Аллилуйя над высокой могилой.

Смерть его была ужасна, нелепа и вполне в духе того времени — короткого отрезка гетманского владычества на Украине.

Полная чепуха. Какие-то синие жупаны, державная варта, безобразный национализм под покровительством немецких оккупационных войск, захвативших по Брестскому миру почти весь юг России.

Брат футуриста был Остап, внешность которого соавторы сохранили в своем романе почти в полной неприкосновенности: атлетическое сложение и романтический, чисто черноморский характер. Он не имел никакого отношения к литературе и служил в уголовном розыске по борьбе с бандитизмом, принявшим угрожающие размеры. Он был блестящим оперативным работником. Бандиты поклялись его убить. Но по ошибке, введенные в заблуждение фамилией, выстрелили в печень футуристу, который только что женился и как раз в это время покупал в мебельном магазине двуспальный полосатый матрац. {522}

Я не был на его похоронах, но ключик рассказывал мне, как молодая жена убитого поэта и сама поэтесса, красавица, еще так недавно стоявшая на эстраде нашей «Зеленой лампы»{523} как царица с двумя золотыми обручами на голове, причесанной директуар, и читавшая нараспев свои последние стихи:

«…Радикальное средство от скуки — ваш изящный мотор-ландоле. Я люблю ваши смуглые руки на эмалевом белом руле…»

…теперь, распростершись, лежала на высоком сыром могильном холме и, задыхаясь от рыданий, с постаревшим, искаженным лицом хватала и запихивала в рот могильную землю, как будто именно это могло воскресить молодого поэта, еще так недавно слышавшего небесные звуки деревянных фаготов, певших ему о жизни грубой, о печалях, о заботах и о вечной любви к прекрасной поэтессе с двумя золотыми обручами на голове.

— Ничего более ужасного, — говорил ключик, — в жизни своей я не видел, чем это распростертое тело молодой женщины, которая ела могильную землю, и она текла из ее накрашенного рта.{524}

Но что же в это время делал брат убитого поэта Остап?

То, что он сделал, было невероятно.

Он узнал, где скрываются убийцы, и один, в своем широком пиджаке, матросской тельняшке и капитанке на голове, страшный и могучий, вошел в подвал, где скрывались бандиты, в так называемую хавиру{525}, и, войдя, положил на стол свое служебное оружие — пистолет-маузер с деревянной ручкой.

Это был знак того, что он хочет говорить, а не стрелять.

Бандиты ответили вежливостью на вежливость и, в свою очередь, положили на стол револьверы, обрезы и финки.

— Кто из вас, подлецов, убил моего брата? — спросил он.

— Я его пришил по ошибке вместо вас, я здесь новый, и меня спутала фамилия, — ответил один из бандитов.

Легенда гласит, что Остап, никогда в жизни не проливший ни одной слезы, вынул из наружного бокового кармана декоративный платочек и вытер глаза.

— Лучше бы ты, подонок, прострелил мне печень. Ты знаешь, кого ты убил?

— Тогда не знал. А теперь уже имею сведения: известного поэта, друга птицелова. И я прошу меня извинить. А если не можете простить, то бери свою пушку, вот тебе моя грудь — и будем квиты.

Всю ночь Остап провел в хавире в гостях у бандитов. При свете огарков они пили чистый ректификат{526}, не разбавляя его водой, читали стихи убитого поэта, его друга птицелова и других поэтов, плакали и со скрежетом зубов целовались взасос.

Это были поминки, короткое перемирие, закончившееся с первыми лучами солнца, вышедшего из моря.

Остап спрятал под пиджак свой маузер и беспрепятственно выбрался из подвала, с тем чтобы снова начать борьбу не на жизнь, а на смерть с бандитами.

Он продолжал появляться на наших поэтических вечерах, всегда в своей компании, ироничный, громадный, широкоплечий, иногда отпуская с места юмористические замечания на том новороссийско-черноморском диалекте, которым прославился наш город, хотя этот диалект свойствен и Севастополю, и Балаклаве, и Новороссийску, и в особенности Ростову-на-Дону — вечному сопернику Одессы.

Остапа тянуло к поэтам, хотя он за всю свою жизнь не написал ни одной стихотворной строчки. Но в душе он, конечно,

был поэт, самый своеобразный из всех нас.

Вот таков был прототип Остапа Бендера.

— Это все очень любопытно, то, что вы нам рассказываете, синьор профессоре, но мы интересуемся золотым портсигаром. Не можете ли вы нам его показать?

Я был готов к этому вопросу. Его задавали решительно всюду — и в Европе и за океаном. В нем заключался важный философский смысл: золото дороже искусства. Всем хотелось знать, где золото.

— Увы, синьоры, мистеры, медам и месье, леди и гамильтоны, я его продал, когда мне понадобились деньги.

Вздох разочарования, но вместе с тем и глубокого понимания пролетел по рядам молодых, любознательных и весьма патлатых студентов.

— А что стало с вашей комнатой, месье ле профессёр, в том переулке, который вы называете таким трудно произносимым словом, как «Мильникоф»? Она занимает так много места в ваших лекциях.

К этому стандартному вопросу я тоже был готов.

— Мыльников переулок, или, если вам угодно, виа Мыльников, рю Мыльников или же Мыльников-стрит, до сих пор существует. Его еще не коснулась реконструкция столицы. Но он уже называется теперь улица Жуковского. Дом номер четыре стоит на своем месте. В квартире давно поселились другие люди, которые, вероятно, не знают, в каком историческом месте они живут. Если вы приедете в Москву, можете посетить бывший Мыльников переулок, дом четыре. Мою комнату легко заметить с улицы; на ее окнах имеется веерообразная белая железная решетка, напоминающая лучи восходящего из-за угла солнца, весьма обыкновенная защита от воров как в Европе, так и за океаном.

Время от времени в моей памяти возникают разные события, происшедшие в давние времена в Мыльниковом переулке. Теперь трудно поверить, но в моей комнате вместе со мной в течение нескольких дней на диване ночевал великий поэт будетлянин, председатель земного шара. Здесь он, голодный и лохматый, с лицом немолодого уездного землемера или ветеринара, беспорядочно читал свои странные стихи, из обрывков которых вдруг нет-нет да и вспыхивала неслыханной красоты алмазная строчка, например:

«…деньгою серебряных глаз дорога…»{527} -

при изображении цыганки. Гениальная инверсия. Или:

«…прямо в тень тополевых теней, в эти дни золотая мать-мачеха золотой черепашкой ползет»…{528}

Или:

«Мне мало надо! Краюшку хлеба, да каплю молока, да это небо, да эти облака».{529}

Или же совсем великое!

«Свобода приходит нагая, бросая на сердце цветы, и мы, с нею в ногу шагая, беседуем с небом на ты. Мы воины, смело ударим рукой по суровым щитам: да будет народ государем всегда навсегда здесь и там. Пусть девы поют у оконца меж песен о древнем походе о верноподданном солнца самосвободном народе»…{530}

Многие из нас именно так моделировали эпоху.

Мы с будетлянином питались молоком, которое пили из большой китайской вазы, так как другой посуды в этой бывшей барской квартире не было, и заедали его черным хлебом.{531}

Председатель земного шара не выражал никакого неудовольствия своим нищенским положением. Он благостно улыбался, как немного подвыпивший священнослужитель, и читал, читал, читал стихи, вытаскивая их из наволочки, которую всюду носил с собой, словно эти обрывки бумаги, исписанные детским почерком, были бочоночками лото.

Он показывал мне свои «доски судьбы» — большие листы, где были напечатаны математические непонятные формулы и хронологические выкладки, предсказывающие судьбы человечества.

Говорят, он предсказал первую мировую войну и Октябрьскую революцию.

Неизвестно, когда и где он их сумел напечатать, но, вероятно, в Ленинской библиотеке их можно найти. Мой экземпляр с его дарственной надписью утрачен, как и многое другое, чему я не придавал значения, надеясь на свою память.{532}

Несомненно, он был сумасшедшим. Но ведь и Магомет был сумасшедшим. Все гении более или менее сумасшедшие.

Я был взбешен, что его не издают, и решил повести будетлянина вместе с его наволочкой, набитой стихами, прямо в Государственное издательство.{533} Он сначала противился, бормоча с улыбкой, что все равно ничего не выйдет, но потом согласился, и мы пошли по московским улицам, как два оборванца, или, вернее сказать, как цыган с медведем. Я черномазый молодой молдаванский цыган, он — исконно русский пожилой медведь, разве только без кольца в носу и железной цепи.

Он шел в старом широком пиджаке с отвисшими карманами, останавливаясь перед витринами книжных магазинов и с жадностью рассматривая выставленные книги по высшей

математике и астрономии. Он шевелил губами, как бы произнося неслышные заклинания на неком древне-славянском диалекте, которые можно было по мимике понять примерно так:

«О, Даждь-бог, даждь мне денег, дабы мог я купить все эти драгоценные книги, так необходимые мне для моей поэзии, для моих досок судьбы».

В одном месте на Никитской он не удержался и вошел в букинистический магазин{534}, где его зверино-зоркие глаза еще с улицы увидели на прилавке «Шарманку» Елены Гуро{535} и «Садок судей» второй выпуск — одно из самых ранних изданий футуристов, напечатанное на синеватой оберточной толстой бумаге, посеревшей от времени, в обложке из обоев с цветочками. Он держал в своих больших лапах «Садок судей», осторожно перелистывая толстые страницы и любовно поглаживая их.

— Наверное, у вас тоже нет денег? — спросил он меня с некоторой надеждой.

— Увы, — ответил я.

Ему так хотелось иметь эти две книжки! Ну хотя бы одну — «Садок судей», где были, кажется, впервые напечатаны его стихи{536}. Но на нет и суда нет.

Он еще долго держал в руках книжки, боясь с ними расстаться. Наконец он вышел из магазина еще более мешковатый, удрученный.

На балконе безвкусного особняка в стиле московского модерна миллионера Рябушинского против церкви, где венчался Пушкин, ненадолго показалась стройная, со скрещенными на груди руками фигура Валерия Брюсова, которого я сразу узнал по известному портрету не то Серова, не то Врубеля{537}. Ромбовидная голова с ежиком волос. Скуластое лицо, надменная бородка, глаза египетской кошки, как его описал Андрей Белый{538}. Он еще царствовал в литературе, но уже не имел власти.{539} Время символизма навсегда прошло, на нем был уже не сюртук с шелковыми лацканами, а нечто советское, даже, кажется, общепринятая толстовка. Впрочем, не ручаюсь.

Оставив будетлянина в вестибюле внизу на диване, среди множества авторов с рукописями в руках и строго наказав ему никуда не отлучаться и ждать, я помчался вверх по широченной, манерно изогнутой лестнице с декадентскими, как бы оплывшими перилами, украшенными лепными барельефами символических цветов, полулилиями-полуподсолнечниками, и, несмотря на строгий окрик барышни-секретарши, ворвался в непотребно огромный кабинет, где за до глупости громаднейшим письменным столом сидел не Валерий Брюсов, а некто маленький, ничтожный человечек, наставив на меня черные пики

усов. Профессор!

Терять мне в ту незабвенную пору было нечего, и я, кашляя от скрытого смущения и отплевываясь, не стесняясь стал резать правду-матку: дескать, вы издаете халтуру всяких псевдопролетарских примазавшихся бездарностей, недобитых символистов, в то время как у вас под носом голодает и гибнет величайший поэт современности, гениальный будетлянин, председатель земного шара, истинный революционер-реформатор русского языка и так далее. Я не стеснялся в выражениях, иногда пускал в ход матросский черноморский фольклор, хотя в глубине души, как все нахалы, ужасно трусил, ожидая, что сейчас разразится нечто ужасное и меня с позором вышвырнут из кабинета.

Однако человечек с грозными пиками усов (тот самый литературный критик, фамилию которого Командор так ужасно и, кажется, несправедливо зарифмовал со словом «погань») оказался довольно симпатичным и даже ласковым.{540} Он стал меня успокаивать, всплеснул ручками, захлопотал:

— Как! Разве он в Москве? Я не знал. Я думал, что он где-то в Астрахани или Харькове!{541}

— Он здесь, — сказал я, — сидит внизу, в толпе ваших халтурщиков.

— Так тащите же его поскорее сюда! Он принес свои стихи?

— Да. Целую наволочку.

— Прекрасно! Мы их непременно издадим в первую очередь.

Я бросился вниз, но будетлянина уже не было. Его и след простыл. Он исчез. Вероятно, в толпе писателей, как и всегда, нашлись его страстные поклонники и увели его к себе, как недавно увел его к себе и я.

Я бросился на Мыльников переулок. Увы. Комната моя была пуста.

Больше я уже никогда не видел будетлянина.{542}

Потом до Москвы дошла весть, что он умер где-то в глубине России, по которой с котомкой и посохом странствовал вместе со своим другом, неким художником. Потом уже стало известно, что оба они пешком брели по дорогам родной, милой их сердцу русской земли, по ее городам и весям, ночевали где бог послал, иногда под скупыми северными созвездиями, питались подаянием. Сперва простудился и заболел воспалением легких художник. Он очень боялся умереть без покаяния. Будетлянин его утешал:

— Не бойся умереть среди родных просторов. Тебя отпоют ветра.

Художник выздоровел, но умер сам будетлянин, председатель

земного шара. И его «отпели ветра».

…Кажется, он умер от дизентерии.

Впрочем, за достоверность не ручаюсь. Так гласила легенда. {543} Да и вообще вся наша жизнь в то время была легендой.

Затем на некоторое время в комнату на Мыльниковом переулке вселилась банда странных, совсем юных поэтов-ничевоков, которые спали вповалку на полу и прыгали в комнату в окно прямо с улицы, издавая марсианские вопли. Они напечатали сборник своих сумбурных стихотворений под названием «Собачий ящик», поставив вместо даты:

«Москва. Хитров рынок. Советская водогрейня».

Один из них носил почему-то котелок. {544}

Хитров рынок был тем самым прибежищем босяков, местом скопления самых низкопробных московских ночлежек, которые некогда послужили материалом для Художественного театра при постановке «На дне» {545}.

Я еще застал Хитров рынок, сохранившийся в неприкосновенности с дореволюционных времен.

Помню яркую лунную ночь. Голубое и черное среди опасных закоулков, дряхлых проходных дворов, полуразрушенных домов, этих ни с чем не сравнимых трущоб, населенных болезненными людьми в серых лохмотьях, стариками, чахоточными, базарными проститутками, мелкими рахитичными воришками-домушниками, беспросветно пьяными, нанюхавшимися кокаина, зеленолицыми, иногда с проваленными носами сифилитиками. Они ютились в ночлежках на нарах, покрытых вшивой, трухлявой соломой. Они как тени бродили среди помоек освещенного луною двора и подбирали какие-то бумажки, принимая их за кредитки.

Это было неописуемо ужасно.

А водогрейня, откуда ничевоки добывали себе бесплатный кипяточек, отбрасывала черную коленкоровую тень своего навеса на половину зловещей площади, залитой голубым лунным светом, куда не отваживалась заглядывать даже милиция. Это была неуправляемая часть столицы.

Хитров рынок помещался сравнительно недалеко от моих Чистых прудов.

Незадолго до своего конца однажды грустным утром ко мне зашел королевич, трезвый, тихий, я бы даже сказал благостный — инок, послушник. Только скуфейки на нем не было. {546}

— Ты знаешь, — негромко сказал он, — не такой уж я пропащий {547}, как обо мне говорят. Послушай мои последние стихи. Это лучшее, что я написал.

Он подсел ко мне на тахту, как-то по-братски обнял меня одной рукой и, заглядывая в лицо, стал читать те свои самые

последние прелестные стихи, которые и до сих пор, несмотря на свою неслыханную простоту, или, вернее, именно вследствие этой простоты, кажутся мне прекрасными до слез.

Всем известны эти стихи, прозрачные и ясные, как маленькие алмазики чистейшей воды.

Не могу удержаться, чтобы не переписать здесь по памяти:

«Клен ты мой опавший, клен заледенелый, что стоишь нагнувшись под метелью белой? Или что увидел? Или что услышал? Словно за деревню погулять ты вышел. И, как пьяный сторож, выйдя на дорогу, утонул в сугробе, приморозил ногу… Сам себе казался я таким же кленом, только не опавшим, а вовсю зеленым»…{548}

Он читал со слезами на слегка уже полинявших глазах.

Ну и, конечно:

«Слышишь — мчатся сани, слышишь — сани мчатся. Хорошо с любимой в поле затеряться. Ветерок веселый робок и застенчив, по равнине голой катится бубенчик. Эх вы, сани, сани! Конь ты мой буланый! Где-то на поляне клен танцует пьяный. Мы к нему подъедем, спросим — что такое? И станцуем вместе под тальянку трое».{549}

Он с таким детским удивлением произнес это «спросим — что такое?», что мне захотелось плакать сам не знаю отчего. Тогда я не понимал, что это его действительно последнее.

— Знаешь что, — сказал он вдруг, — давай сегодня не будем пить, а пойдем ко мне, будем пить не водку, а чай с медом и читать стихи.

Мы не торопясь пошли к нему через всю по-осеннему солнечную Москву, в конце Пречистенки, мимо особняка, где некогда помещалась школа Айседоры Дункан, и поднялись на четвертый или пятый этаж большого, богатого доходного дореволюционного дома в нордическом стиле, вошли через переднюю, где стояли скульптуры Коненкова — Стенька Разин и персидская княжна, одно время даже украшавшие Красную площадь, гениально грубо вырубленные из бревен{550}, — и вступили в барскую квартиру, в столовую, золотисто наполненную осенним солнцем. Там немолодая дама — новая жена королевича, внучка самого великого русского писателя, вся в деда грубоватым мужицким лицом, только без известной всему миру седой бороды, — налила нам прекрасно заваренный свежий красный чай в стаканы с подстаканниками и подала в розетках липовый мед, золотисто-янтарный, как этот солнечный грустноватый день.{551}

И мы пили чай с медом, ощущая себя как бы в другом мире, между ясным небом и трубами московских крыш, видневшихся в

открытые двери балкона, откуда потягивало осенним ветерком.

…и читали, читали, читали друг другу — конечно, наизусть — бездну своих и чужих стихов: Блока, Фета, Полонского, Пушкина, Лермонтова, Некрасова, Кольцова…

Я даже удивил королевича Иннокентием Анненским, плохо ему знакомым:

«Нависнет ли пламенный зной, бушуя расходятся ль волны — два паруса лодки одной, одним мы дыханием полны. И в ночи беззвездные юга, когда так отрадно темно, сгорая коснуться друг друга, одним парусам не дано».{552}

Мы были с ним двумя парусами одной лодки.

Я думаю, в этот день королевич прочитал мне все свои стихи, даже «Радуницу», во всяком случае все последние, самые-самые последние… Но самого-самого-самого последнего он не прочел. Оно было посмертное, написанное мокрой зимой в Ленинграле, в гостинице «Англетер», кровью на маленьком клочке бумажки:

«До свиданья, друг мой, до свиданья. Милый мой, ты у меня в груди. Предназначенное расставанье обещает встречу впереди. До свиданья, друг мой, без руки и слова, не грусти и не печаль бровей — в этой жизни умирать не ново, но и жить, конечно, не новей».

Он верил в загробную жизнь.

Долгое время мне казалось — мне хотелось верить, — что эти стихи обращены ко мне, хотя я хорошо знал, что это не так.{553}

И долгое время передо мной стояла — да и сейчас стоит! — неустранимая картина:

…черная похоронная толпа на Тверском бульваре возле памятника Пушкину с оснеженной курчавой головой, как бы склоненной к открытому гробу, в глубине которого виднелось совсем по-детски маленькое личико мертвого королевича, задушенного искусственными цветами и венками с лентами…{554}

Прошло то, что мы привыкли называть временем, — некоторое время, — и, судя по тому, что в объемистой стеклянной чаше, наполненной белым сухим вином ай-даниль{555}, мокла клубника, а на Чистых прудах отцветала сирень и начинали цвести липы, вероятно, кончался месяц май.

Мы сидели в Мыльниковом переулке: мулат, альпинист — худой, высокий, резко вырезанный деревянный солдатик{556} с маленьким носиком, как у Павла Первого, — птицелов, арлекин{557}, еще кто-то из поэтов и я.

Здесь уместно объяснить читателю, почему я избегаю собственных имен и даже не придумываю вымышленных, как это принято в романах.

Но, во-первых, это не роман. Роман — это компот. Я же предпочитаю есть фрукты свежими, прямо с дерева, разумеется выплевывая косточки.

А во-вторых, сошлюсь на Пушкина.

«Те, которые пожурили меня, что никак не назвал моего Финна, не нашел ни одного имени собственного, конечно почтут это за непростительную дерзость — правда, что большей части моих читателей никакой нужды нет до имен и что я не боюсь никакой запутанности в своем рассказе».{558}

Я тоже не боюсь никаких запутанностей.

Итак — мулат, альпинист, птицелов, арлекин, ключик, еще кто-то из поэтов и я.

При открытых окнах мы всю ночь читали стихи, постепенно пьянея от поэзии, от крюшона, который мы черпали чашками из стеклянного сосуда, где кисли уже побелевшие, как бы обескровленные, разбухшие ягоды клубники, отдававшие свой сок дешевому белому вину, время от времени подливаемому из булькающих бутылок.

Это было то, что в пушкинское время называлось дружеской пирушкой или даже попойкой.

Мы все уже были пьяны, «как пьяный Дельвиг на пиру»{559}.

Деревянный солдатик был наш ленинградский гость, автор романтических баллад, бывший во время первой мировой войны кавалеристом, фантазер и дивный рассказчик, поклонник Киплинга и Гумилева, он мог бы по табели поэтических рангов занять среди нас первое место, если бы не мулат. Мулат царил на нашей дружеской попойке. Деревянный солдатик был уважаемый гость, застрявший в Москве по дороге в Ленинград с Кавказа, где он лазил по горам и переводил грузинских поэтов.{560} Мы его чествовали как своего собрата, в то время как мулат был хотя и свой брат, московский, но стоял настолько выше как призванный гений, что мог считаться не только председателем нашей попойки, но самим богом поэзии, сошедшим в Мыльников переулок в обличий мулата с конскими глазами и наигранно простодушными повадками Моцарта, якобы сам того не знающий, что он бог{561}. Его стихи из книги «Сестра моя жизнь» и из «Темы и вариации», которые он щедро читал, мыча в нос и перемежая густыми, низкоголосыми междометиями полуглухонемого, как бы поминутно теряющего дар речи, были настолько прекрасны{562}, что по сравнению с ним все наши, даже громогласные до истерики пассажи арлекина и многозначительные строфы птицелова{563}, казались детским лепетом.

Если у художников бывают какие-то особые цветовые периоды, как, например, у Пикассо розовый или голубой, то в то

время у мулата был «период Спекторского»{564}.

Изображая косноязычным мычанием, подобно своему юродствующему инвалиду, гундося подражающему пиле{565} (то, что в глубине его сознания звучало как оркестровая сюита), мулат читал нам:

…«Я бедствовал. У нас родился сын. Ребячества пришлось на время бросить. Свой возраст взглядом смеривши косым, я первую на нем заметил проседь… Весь день я спал, и, рушась от загона, на всем ходу гася в колбасных свет, совсем еще по-зимнему вагоны к пяти заставам заметали след… Как лешие, земля, вода и воля сквозь сутолоку вешалок и шуб за голою русалкой алкоголя врываются, ища губами губ».

Нас потрясла «голая русалка алкоголя», к которой мы уже были близки.

«Покамест оглашаются открытья на полном съезде капель и копыт, пока бульвар с простительною прытью скамью дождем растительным кропит, пока березы, метлы, голодранцы, афиши, кошки и столбы скользят виденьями влюбленного пространства, мы повесть на год отведем назад». Важны были совсем не повесть, не все эти неряшливые, маловразумительные перечисления, а отдельные строки{566}, которые в свалке мусора мог найти как бриллиант только гуляка праздный, гений…

«…с простительною прытью скамью дождем растительным кропит»…

Может быть, это изображение с пьяных глаз рассветного московского бульвара стоило всей поэмы.

Мы были восхищены изобразительной силой мулата и признавали его безусловное превосходство.

Дальше развивался туманный «спекторский» сюжет, сумбурное повествование{567}, полное скрытых намерений и темных политических намеков. Но все равно это было прекрасно. «Забытый дом служил как бы резервом кружку людей, знакомых по Москве, и потому Бухтеевым не первым подумалось о нем на рождестве… Их было много, ехавших на встречу. Опустим планы, сборы, переезд…» — и т. д.

Триумф мулата был полный. Я тоже, как и все, был восхищен, хотя меня и тревожило ощущение, что некоторые из этих гениальных строф вторичны. Где-то давным-давно я уже все это читал. Но где? Не может этого быть! И вдруг из глубины памяти всплыли строки.

«…и вот уже отъезд его назначен, и вот уж брат зовет его кутить. Игнат мой рад, взволнован, озадачен, на все готов, все хочет угодить. Кутить в Москве неловко показалось по случаю великопостных дней, и за город, по их следам помчалось семь

троек, семь ямских больших саней… Разбрасывая снег, стучат подковы, под шапками торчат воротники, и слышен смех и говор: „Что вы! Что вы, шалите!“ — и в ногах лежат кульки».

Что это: мулат? Нет, это Полонский, из поэмы «Братья».

А это тот же пятистопный рифмованный ямб с цезурой на второй стопе:

«…был снег волнист, окольный путь — извилист, и каждый шаг готовился сюрприз. На розвальнях до колики резвились, и женский смех, как снег, был серебрист. — Особенно же я вам благодарна за этот такт, за то, что ни с одним… — Ухаб, другой — ну как? А мы за парных! — А мы кульков своих не отдадим».

Кто это: Полонский? Нет, это мулат, но с кульками Полонского.

Впрочем, тогда в Мыльниковом переулке об этом как-то не думалось. Все казалось первозданным. Невероятно было представить, что в «Спекторском» мулат безусловно вторичен! {568}

В окошки уже начал приливать ранний весенний рассвет цвета морской воды. На миг настала предрассветная тишина. Мы почему-то замолкли перед опустевшей чашей крюшона.

Вдруг послышался цокот подков по мостовой Мыльникова переулка, уже не ночного, но еще и не утреннего. К нашему дому приближался извозчичий экипаж. Была такая тишина, что угадывалось его мягкое подпрыгивание на рессорах. Экипаж поравнялся с нашими открытыми окнами. Поравнялся и остановился. Мы увидели в экипаже господина с испитым лицом, в шляпе на затылке. Видимо, он возвращался домой после бессонной ночи. Усы, трость с набалдашником.

Господин повернул к нашим распахнутым окнам бледное лицо игрока и произнес утренним, хотя и несколько с перепою, но четким, хрипловатым, громким, на весь переулок, голосом нечто похожее на зловещую, как бы гекзаметрическую строку:

— Всех совращенных поэтов ждет неминуемая петля!

После чего тронул извозчичью спину тростью, и звонкое цоканье по предрассветной мостовой возобновилось и постепенно все слабело и слабело до тех пор, пока экипаж не скрылся за углом.

Мы некоторое время пребывали в молчании. В конце концов расхохотались. Ночная пирушка кончилась. Надо было расходиться. Но нам трудно было так вдруг расстаться друг с другом.

Все вместе пошли мы провожать мулата. Еще по-ночному пустынные улицы были уже ярко освещены утренним июньским солнцем, жарко бившим в глаза откуда-то из Замоскворечья.

По дороге мы изо всех сил старались шутить и острить, как будто бы ничего особенного не случилось.

Арлекин — маленький, вдохновенный, весь набитый романтическими стихотворными реминисценциями, — орал на всю улицу свои стихи, как бы наряженные в наиболее яркие исторические платья из театральной костюмерной: в камзолы, пудреные парики, ложно-классические тоги, рыцарские доспехи, шутовские кафтаны…{569}

В конце концов как бы придя ко взаимному соглашению, мы сделали вид, что с нами ничего особенного не произошло, что появление в Мыльниковом переулке экипажа со странным седоком не более чем галлюцинация, хотя ужасная тень покончившего с собой королевича незримо сопровождала нас до самого дома, где жил тогда мулат, недалеко от Музея изящных искусств на Волхонке, против храма Христа Спасителя, в громадном золотом куполе которого неистово горело все еще низкое утреннее солнце. Мне показалось, что на пустынных ступенях храма я вижу две обнявшиеся тени — ее и его, — как бы выходцев из другого, навсегда разрушенного мира вечной любви. Она была синеглазка, он был — я.

Мулат простился с нами и вошел в подъезд, а потом по лестнице в свою, разгороженную фанерой квартиру.

…«Как образ входит в образ и как предмет сечет предмет»…{570}

А отражение солнца било как прожектор из купола храма Христа Спасителя в немытые, запущенные окна его квартиры, где его ждали жена и маленький сын.{571}

На этом позвольте сегодняшнюю лекцию закончить. Благодарю за внимание. Как? Вы еще хотите что-нибудь узнать о Мыльниковом переулке? Вы его называете легендарным? Возможно. Пожалуй, я еще могу рассказать, как однажды я вез к себе в Мыльников переулок два кожаных кресла, купленных мною на аукционе, помещавшемся в бывшей церкви в Пименовском переулке{572}.

Упомянутые кресла коричневой, еще не вполне потертой кожи были установлены на площадке ломового извозчика. Мы с птицеловом комфортабельно развалились в креслах и поехали по бульварному кольцу в Мыльников переулок, представляя довольно курьезное зрелище: два молодых человека, заложив ногу на ногу и покуривая папиросы, едут, сидя в кожаных креслах, посреди многолюдной столицы, едут мимо Цветного бульвара, мимо памятника Достоевскому, мимо Трубного рынка, где вовсю идет торговля птицами, кошками, рыбками; затем поднимаются вверх мимо Рождественского монастыря, мимо его

высокой стены, выходящей на Рождественский бульвар острым углом, похожим на нос броненосца.

И так далее и так далее вплоть до Чистых прудов, источающих медвяный аромат цветущих лип.

При этом мы все время громко, во весь голос, к удивлению прохожих, читаем друг другу стихи, и я узнаю многое из того, что написал птицелов за последнее время.

Именно во время этой поездки в креслах я впервые услышал «Думу про Опанаса»{573} и «Стихи о соловье и поэте»{574}.

Забыл сказать, что у птицелова всю жизнь была страсть сначала к птицам, а потом к рыбкам. Его комната в Одессе была заставлена клетками с птицами, пух и шелуха птичьего корма летали по комнате, наполненной птичьими криками. В Москве же страсть к птицам перешла в страсть к рыбам.{575} И в комнате птицелова появились аквариумы, в которых среди водорослей и пузырьков воздуха плавали тени тропических рыб, и птицелов сидел возле них на кровати, поджав ноги, в расстегнутой сорочке и кальсонах и читал своим ученикам свои и чужие стихи, временами кашляя и дыша дымом селитренного порошка.

Когда мы ехали в креслах, страсть к птицам еще не прошла, а страсть к рыбам уже началась, и он с вожделением смотрел, проезжая мимо Трубного рынка{576}, на птичьи клетки и банки с золотыми рыбками, полосатыми, как зебры, и вуалехвостками.

Вот что он мне тогда прочел:

«Весеннее солнце дробится в глазах, в канавы ныряет и зайчиком пляшет, на Трубную выйдешь — и громом в ушах огонь соловьиный тебя ошарашит… Любовь к соловьям — специальность моя, в различных коленях я толк понимаю: за дешевой дудкой вразброд стукотня, кукушкина песня и дробь рассыпная… Куда нам пойти? Наша воля горька! Где ты запоешь? Где я рифмой раскинусь? Наш рокот, наш посвист распродан с лотка… Как хочешь — распивочно или на вынос? Мы пойманы оба, мы оба — в сетях: твой свист подмосковный не грянет в кустах, не дрогнут от грома холмы и озера… Ты выслушан, взвешен, расценен в рублях… Греми же в зеленых кусках коленкора, как я громыхаю в газетных листах!»{577}

Это были традиционные для русского поэта порывы к свободе.

…В Мыльниковом же переулке ключик впервые читал свою новую книгу «Зависть». Ожидался главный редактор одного из лучших толстых журналов{578}. Собралось несколько друзей. Ключик не скрывал своего волнения. Он ужасно боялся провала и все время импровизировал разные варианты этого провала. Я никогда не видел его таким взволнованным. Даже вечное чувство

юмора оставило его.

Как раз в это время совсем некстати разразилась гроза, один из тех июльских ливней, о которых дотом вспоминают несколько лет.

Подземная речка Неглинка вышла из стоков и затопила Трубную площадь, Цветной бульвар, все низкие места Москвы превратила в озера, а улицы в бурные реки. Движение в городе нарушилось. А ливень все продолжался и продолжался, и конца ему не предвиделось. Ключик смотрел в окно на сплошной водяной занавес ливня, на переулок, похожий на реку, покрытую белыми пузырями, освещавшимися молниями, которые вставали вдруг и дрожали среди аспидных туч, как голые березы.

Гром обрушивал на крыши обвалы булыжника. Преждевременно наступила ночь. Надежды на прибытие редактора с каждым часом убывали, рушились, и ключик время от времени восклицал:

— Так и следовало ожидать! Я же вам говорил, что у меня сложные взаимоотношения с природой. Природа меня не любит. Видите, что она со мной сделала? Она мобилизовала все небесные силы для того, чтобы редактор не приехал. Она построила между моим романом и редактором журнала стену потопа!

Ключика вообще иногда охватывала мания преследования. Бывали случаи, когда он подозревал городской транспорт. Он уверял, что трамваи его не любят: нужный номер никогда не приходит.

Однажды мы стояли с ним на остановке, ожидая трамвая номер, скажем, 23.

— Ты напрасно решил ехать вместе со мной, — говорил ключик с раздражением. — Двадцать третий номер никогда не придет. Я это тебе предсказываю. Трамваи меня ненавидят.{579}

В этот миг в отдалении появился вагон трамвая номер 23.

Я был в восторге.

— Грош цена твоим предсказаниям, — сказал я.

Он скептически посмотрел на приближающийся вагон и обреченно пробормотал:

— Посмотрим, посмотрим…

В это время, не доехав до нас десятка два шагов, трамвай остановился, немного постоял и поехал назад, попятился, как будто его притягивал сзади какой-то магнит, и наконец скрылся из глаз.

Это было совершенно невероятно, но я клянусь, что говорю чистую правду.

— Ну что я тебе говорил? — с грустной улыбкой сказал

ключик. — Трамваи меня ненавидят. У меня сложные взаимоотношения с городским транспортом. Это печально. Но это так.

Не думайте, что я шучу. Это именно так и было: трамвай номер 23 уехал назад, куда-то в неизвестность. Каким образом это могло произойти, не знаю. И, вероятно, никогда не узнаю. Но повторяю: даю честное слово, что говорю святую, истинную правду. Вероятно, произошел единственный случай за все время существования московского электрического трамвая. Эксцесс, не поддающийся анализу.

Теперь же на город обрушился потоп, и ключик был уверен, что какие-то высшие силы природы сводят с ним счеты.

Он покорно стоял у окна и смотрел на текущую реку переулка.

Уже почти совсем смеркалось. Ливень продолжался с прежней силой, и конца ему не предвиделось.

И вдруг из-за угла в переулок въехала открытая машина, которая, раскидывая по сторонам волны, как моторная лодка, не подъехала, а скорее подплыла к нашему дому. В машине сидел в блестящем дождевом плаще с капюшоном главный редактор.

В этот вечер ключик был посрамлен как пророк-провидец, но зато родился как знаменитый писатель.

Преодолев страх, он раскрыл свою рукопись и произнес первую фразу своей повести:

«Он поет по утрам в клозете».{580}

Хорошенькое начало!

Против всяких ожиданий именно эта криминальная фраза привела редактора в восторг. Он даже взвизгнул от удовольствия. А все дальнейшее пошло уже как по маслу. Почуяв успех, ключик читал с подъемом, уверенно, в наиболее удачных местах пуская в ход свой патетический польский акцент с некоторой победоносной шепелявостью.{581}

Никогда еще не был он так обаятелен.

Отбрасывая в сторону прочитанные листы жестом гения, он оглядывал слушателей и делал короткие паузы.

Чтение длилось до рассвета, и никто не проронил ни слова до самого конца.

Правда, один из слушателей, попавший на чтение совершенно случайно и застрявший ввиду потопа, милый молодой человек, некий Стасик, не имевший решительно никакого отношения к искусству, примерно на середине повести заснул и даже все время слегка похрапывал, но это нисколько не отразилось на успехе.

Главный редактор был в таком восторге, что вцепился в

рукопись и ни за что не хотел ее отдать, хотя ключик и умолял оставить ее хотя бы на два дня, чтобы кое-где пошлифовать стиль. Редактор был неумолим и при свете утренней зари, так прозрачно и нежно разгоравшейся на расчистившемся небе, умчался на своей машине, прижимая к груди драгоценную рукопись.{582}

Когда же повесть появилась в печати, то ключик, как говорится, лег спать простым смертным, а проснулся знаменитостью.

В повести все вытесненные желания ключика превратились в галерею странно правдоподобных персонажей, хотя и как бы сказочных, но вполне современных, социальных, реальных и вместе с тем нереальных, как бывает только во сне.{583}

Здесь ключик свел счеты со своим прошлым, здесь мимо него прошумела знаменитая ветка, полная цветов и листьев…{584}

Извините. Я устал. Позвольте мне на этом закончить сегодняшнюю лекцию. Дайте мне воды, у меня пересохло в горле. Спасибо, синьора, как вы хороши в своем нарядном платье. Вы похожи на «Весну» Сандро Боттичелли. Извините, что я выражаюсь в стиле ключика. И вам так идут эти оранжерейные цветы, которые вы держите в руках. Как? Эти цветы мне? О, спасибо! Грацио! Право, я этого не заслуживаю. Отнесем мой успех на счет моего друга ключика. До скорой встречи. До свиданья. Ариведерчи. Чао.

О, красное бархатное кресло с высокой спинкой, тоже бархатно-красной, одиноко стоящее на возвышении под аркадами площади Святого Марка в том уголке, куда не достигает бурливый плеск Канаве Гранде, вызванный вечным движением речных трамваев, моторных лодок и гондол со своими высокими секирами на поднятых носах, но где все еще слышны звуки двух оркестров возле двух ресторанов, расставивших свои столики на площади под открытым небом напротив светло-розовой кирпичной кампанилы и столба со львом, положившим лапу на Евангелие, раскрытое на страницах святого Марка.

Красное кресло, как бы предназначенное для главного судьи, стояло одиноко, и не каждый мог догадаться о его назначении. Не для дожа ли венецианского оно было предназначено? Отнюдь! Оно было мне странно знакомо. Оно было выходцем из моего детства, когда я впервые вместе с покойным папой и покойным братцем вступил на площадь Святого Марка, окруженный стаей грифельно-серых голубей, хлопающих крыльями вокруг нас на высоте не более двух аршин над плитами знаменитой площади, над нашим папой в соломенной шляпе и люстриновом пиджаке{585}, прижавшим к груди красный томик путеводителя «Бедекер».

Это было кресло, на которое мог сесть любой смертный, желающий почистить свои ботинки. Стоило только сесть на него, как тотчас откуда ни возьмись появлялся синьор в жилетке поверх белой сорочки с рукавами, перехваченными резинкой, вынимал из потайного ящика под креслом пару щеток, бархатку, баночки с кремами. Он стучал щеткой о щетку, и этот стук напоминал пощелкиванье кастаньет и какой-то ранний рассказ мулата о Венеции — первые пробы в прозе.{586}

Синьор садился на скамеечку у ваших ног и, напевая приятным голосом «О, соле мио», начинал чистить ваши ботинки, придавая им зеркальность, в которой криво отражались три византийских купола Сан-Марко.

В последний раз я взглянул на опасную пустоту вокруг бархатного кресла, и этого было достаточно для того, чтобы его величественное видение преследовало меня потом всю жизнь до того самого мига, когда вдруг под нами на глубине нескольких километров не открылись вершины Альп, над которыми пролетал из Милана в Париж наш самолет — как любят выражаться обозреватели-международники, воздушный лайнер.

Много раз я бывал в непосредственной близости от Альп, иногда даже в самих Альпах, но всегда они играли со мной в прятки. Мне никогда, например, не удавалось увидеть Монблан. Его можно было увидеть только на лакированной открытке на фоне литографически синего, неестественного неба. А в натуре его белый треугольник почему-то всегда покрывали облака, тучи, туманы, многослойно плывущие над горной цепью, вздымающиеся волнами, как сумрачный плащ Воланда (плод воображения синеглазого, заряженного двумя магическими Г), возникшего в районе Садовой-Триумфальной между казино, цирком, варьете и Патриаршими прудами, где в лютые морозы, когда птицы падали на лету, мы встречались с синеглазкой возле катка у десятого дерева с краю и наши губы были припаяны друг к другу морозом.

Тогда еще там проходила трамвайная линия, и вагон, ведомый комсомолкой в красном платке на голове — вагоновожатой, — отрезал голову атеисту Берлиозу, поскользнувшемуся на рельсах, политых постным маслом из бутылки, разбитой раззявой Аннушкой по воле синеглазого, который тогда уже читал мне страницы из будущего романа.{587}

Действие романа «Мастер и Маргарита» происходило в том районе Москвы, где жил синеглазый, и близость цирка, казино и ревю помогли ему смоделировать дьявольскую атмосферу его великого произведения.

«Прямо-таки гофманиада!..»

Но я отвлекся.

Судьба подарила нам безоблачно-яркий день, и мы летели над Альпами, над их снежными вершинами, ущельями, ледниками и озерами, глядя на них как бы в увеличительное стекло иллюминатора, настолько приблизившее их к нам, что казалось очень возможным сделать один только шаг для того, чтобы ступить ногой на Монблан — белый, плотный, как бы рельефно отлитый из гипса — и пойти по его крутой поверхности, дыша стерильно очищенным воздухом, острым на вкус, как глоток ледяного шампанского, налитого нам стюардессой из бутылки, завернутой в салфетку.

Все сулило нам приближение вечной весны, обещанной Брунсвиком, но увы — мы не встретили ее и в Париже.

Крупные почки конских каштанов, все еще как бы обмазанные столярным клеем, не собирались лопнуть. Деревья чернели голыми ветками, быть может даже более черными, чем зимой, а это все-таки вселяло надежду, что в конце концов почки лопнут: должна же когда-нибудь чернота сучьев разразиться зеленью!

Все-таки парижские чугунные фонари были более безжизненны, чем деревья, и это обнадеживало.

Мы бесцельно бродили по городу, и почему-то я все время вспоминал ключика, так здесь и не побывавшего.

А он так часто о нем мечтал. Впрочем, кто из нашего брата, начиная с Александра Сергеевича, не мечтал о Париже?

Ключик никак не мог поверить, что я собственными глазами видел Нотр-Дам. Тут уж он мне не скрываясь завидовал.{588}

Он был не только любителем красивых фамилий, но также и большим фантазером. Кроме того, у него была какая-то тайная теория узнавать характер человека по ушам. Уши определяли его отношение к человеку. Дурака он сразу видел по ушам. Умного тоже. Честолюбца, лизоблюда, героя, подхалима, эгоиста, лгуна, правдолюбца, убийцу — всех он узнавал по ушам, как графолог узнает характер человека по почерку. Однажды я спросил его, что говорят ему мои уши. Он помрачнел и отмолчался. Я никогда не мог добиться от него правды. Вероятно, он угадывал во мне что-то ужасное и не хотел говорить. Иногда я ловил его мимолетный взгляд на мои уши.{589}

Бунин говорил, что у меня уши волчьи.{590}

Ключик ничего не говорил. Так я никогда и не узнаю, что ключику мои уши открыли какую-то самую мою сокровенную тайну, а именно то, что я не талантлив. Ключик не хотел нанести мне эту рану.

Он был мнителен и всегда подозревал в себе какую-нибудь скрытую, смертельно неизлечимую болезнь. Одно время он был

уверен, что у него проказа. Он сжимал кулаки и протягивал их мне:

— Посмотри. Неужели тебе не ясно, что у меня начинается проказа?

— Где ты видишь проказу?

— Узлики! — кричал он.

— Что за узлики?

— Видишь эти маленькие белые узелочки между косточками моих пальцев?

— Ну, вижу. Так что же?

— Это узлики, — говорил он таинственно, — первый признак проказы. Узлики!

Слово «узлики» он произносил с особым зловещим значением. Не узелочки, а именно узлики.

Однажды под зловещим знаком узликов прошел целый месяц: ключик ждал проказы и был в отчаянии, что проказа не проявилась.

Еще одно слово в течение довольно долгого времени владело ключиком. Совершенно невинное слово «возчики». Но оно приобрело зловещий оттенок. И не без основания. Когда ключик женился и обзавелся собственной жилой площадью, понадобилось пианино. Его жена была музыкантшей. Взяли напрокат пианино и, конечно, никогда в срок не платили за него. Тогда прокатная контора присылала напоминание, что если в недельный срок долг не будет погашен, то за инструментом пришлют возчиков. Об этом забывалось, и через неделю действительно приезжали возчики. И начиналась паника и крики:

— Приехали возчики!

Иногда беда разражалась внезапно. Входил бледный ключик и восклицал:

— Возчики приехали!

Начинались поиски денег. Неприятность улаживалась. Под пальцами ключиковой жены снова начинал звенеть турецкий марш Моцарта. А через некоторое время безоблачной жизни вдруг, неожиданно, как молния, как смерть, раздавался тревожный крик:

— Возчики приехали!

Ключика можно было разбудить среди ночи, и он кричал:

— Что, возчики приехали?

Однажды в редакцию «Гудка» в разгар рабочего дня вошла подавленная жена ключика. На ней было нарядное черное бархатное платье. Он посмотрел на ее побледневшее лицо с янтарными глазами и сразу догадался:

— Что? Возчики приехали?

В конце концов возчики однажды-таки увезли инструмент. Но ключик заплатил долг, и возчики привезли пианино обратно.

Помнится также крылатое выражение ключика: железные пальцы идиота.

Был такой сорт людей, говорунов и себялюбцев, которые, как бы силой заставляя себя слушать, тыкали в собеседника двумя твердыми вытянутыми пальцами в плечо, в грудь, в солнечное сплетение:

— Слушай, что я тебе говорю. Слушай! Слушай!

Это у ключика называлось железные пальцы идиота. По-моему, блестяще.

Во время первого шахматного турнира в Москве{591}, в разгар шахматного безумия, когда у всех на устах были имена Капабланки, Ласкера, Боголюбова, Рети и прочих, а гостиницу «Метрополь», где происходили матчи на мировое первенство, осаждали обезумевшие любители, ключик сказал мне:

— Я думаю, что шахматы игра несовершенная. В ней не хватает еще одной фигуры.

— Какой?

— Дракона.

— Где же он должен стоять? На какой клетке?

— Он должен находиться *вне* шахматной доски. Понимаешь: вне!

— И как же он должен ходить?

— Он должен ходить без правил. Он может съесть любую фигуру Игрок в любой момент может ввести его в дело и сразу же закончить партию матом.

— Позволь… — пролепетал я.

— Ты хочешь сказать, что это чушь. Согласен. Чушь. Но чушь гениальная. Кто успеет первый ввести в бой дракона и съесть короля противника, тот и выиграл. И не надо тратить столько времени и энергии на утомительную партию. Дракон — это революция в шахматах!

— Бред!

— Как угодно. Мое дело предложить.

В этом был весь ключик.{592}

…но вдруг наискось, во всю длину Елисейских полей от каштановой рощи до Триумфальной арки подул страшно сильный северный ветер, по-зимнему острый, насквозь пронизывающий. Небо потемнело, покрытое сумрачным плащом Воланда, и даже, кажется, пронеслось несколько твердых снежинок. Нас всюду преследовала зима, от которой мы бежали. Ледяной дождь пополам со снегом бил в лицо, грудь, спину, грозя воспалением легких, так как мы были одеты очень легко, по-весеннему.

Ветер нес воспоминания о событиях моей жизни, казавшихся навсегда утраченными. Память продолжала разрушаться, как старые города, открывая среди развалин еще более древние постройки других эпох. Только города разрушались гораздо медленнее, чем человеческое сознание. Их разрушению часто предшествует изменение названий, одни слова заменяются другими, хотя сущность пока остается прежней.

Бульвар Орлеан, по которому некогда проезжал на велосипеде Ленин{593}, теперь уже называется бульваром Леклерк, и многие забыли его прежнее название. Исчез навсегда Центральный рынок — чрево Парижа. Его уже не существует. Вместо него громадный котлован, над которым возвышаются гигантские железные башни строительных кранов. Что здесь будет и как оно будет называться — никто не знает. Вместе с Центральным рынком ушла в никуда целая полоса парижской жизни.

Мне трудно примириться с исчезновением маленького провинциального Монпарнасского вокзала, такого привычного, такого милого, такого желтого, где так удобно было назначать свидания и без которого Монпарнас уже не вполне Монпарнас пост-импрессионистов, сюрреалистов и гениального сумасшедшего Брунсвика.

На его месте выстроена многоэтажная башня, бросающая свою непомерно длинную тень на весь левый берег, как бы превратив его в солнечные часы. Это вторжение американизма в добрую старую Францию. Но я готов примириться с этой башней, как пришлось в конце прошлого века примириться с Эйфелевой башней, от которой бежал сумасшедший Мопассан на Лазурный берег и метался вдоль его мысов на своей яхте «Бель ами»{594}. Воображаю, какую ярость вызвал бы в нем сверхиндустриальный центр, возникший в тихом Нейи: темные стеклянно-металлические небоскребы, точно перенесенные какой-то злой силой сюда, в прелестный район Булонского леса, из Чикаго.

Но и с этим я уже готов примириться, хотя из окна тридцать второго этажа суперотеля «Конкорд-Лафайет» Париж уже смотрится не как милый, старый, знакомый город, а как выкройка, разложенная на дымном, безликом, застроенном пространстве, по белым пунктирам которого бегают крошечные насекомые.

Иногда разрушение города опережает разрушение его филологии. Целые районы Москвы уничтожаются с быстротой, за которой не в состоянии угнаться даже самая могучая память.

С течением лет архитектурные шедевры Москвы, ее русский ампир, ее древние многокупольные церквушки, ее дворянские и купеческие особняки минувших веков со львами и геральдическими гербами, давным-давно не ремонтированные, захламленные, застроенные всяческой дощатой дрянью — будками, сараями, заборами, ларьками, голубятнями, — вдруг выступили на свет божий во всей своей яркой прелести.

Рука сильной и доброй власти стала приводить город в порядок. Она даже переставила Триумфальную арку от Белорусского вокзала к Поклонной горе, где, собственно, ей быть и полагалось, невдалеке от конного памятника Кутузову, заманившего нетерпеливого героя в ловушку горящей Москвы. {595}

Я еду по Москве, и на моих глазах происходит чудо великого разрушения, соединенного с еще большим чудом созидания и обновления. В иных местах рушатся и сжигаются целые кварталы полусгнивших мещанских домишек, и очищающий огонь прочесывает раскаленным гребнем землю, где скоро из дыма и пламени возникнет новый прозрачный парк или стеклянное здание. В иных местах очищение огнем и бульдозерами уже совершилось, и я вижу древние — прежде незаметные — постройки неслыханной прелести и яркости красок, они переживают вторую молодость, извлекая из захламленного мусором времени драгоценные воспоминания во всей их подлинности и свежести, как то летнее, бесконечно далекое утро, когда курьерский поезд, проскочив сквозь каменноугольный газ нескольких черных туннелей, внезапно вырвался на ослепительный простор и я увидел темно-зеленую севастопольскую бухту с заржавленным пароходом посередине, а потом поезд остановился, и я вышел на горячий перрон под жгучее крымское солнце, в лучах которого горели привокзальные розы — белые, черные, алые, — расточая свой сильный и вместе с тем нежный, особый крымский аромат, говорящий о любви, счастье, а также о розовом массандрском мускате и татарском шашлыке и чебуреках, надутых горячим перечным воздухом.

Несколько богатых пассажиров стояли на ступенях Севастопольского вокзала в ожидании автомобилей, среди них, но немного в стороне, я заметил молодого человека, отличавшегося от нэпманских парвеню, приехавших в Крым на бархатный сезон со своими самками, одетыми по последней, еще довоенной парижской моде, дошедшей до них только сейчас, с

большим опозданием, в несколько искаженном стиле аргентинского танго; ну а о самцах я не говорю: они были в новеньких, непременно шевиотовых двубортных костюмах разных оттенков, но одинакового покроя.

Одинокий молодой человек, худощавый и стройный, обратил на себя мое внимание не только приличной скромностью своего костюма, но главным образом, своим багажом — небольшим сундучком, обшитым серым брезентом. Подобные походные сундучки были непременной принадлежностью всех офицеров во время первой мировой войны. К ним также полагалась складная походная кровать-сороконожка, легко складывающаяся, а все это вместе называлось «походный понтер».

Из этого я заключил, что молодой человек — бывший офицер, судя по возрасту подпоручик или поручик{596}, если сделать поправку на прошедшие годы.

У меня тоже когда-то был подобный «понтер». Это как бы давало мне право на знакомство, и я улыбнулся молодому человеку. Однако он в ответ на мою дружескую улыбку поморщился и отвернулся, причем лицо его приняло несколько высокомерное выражение знаменитости, утомленной тем, что ее узнают на улице{597}.

Тут я заметил, что на брезентовом покрытии «понтера» довольно крупными, очень заметными буквами — так называемой елизаветинской прописью — лиловым химическим карандашом были четко выведены имя и фамилия ленинградского писателя, автора маленьких сатирических рассказов до такой степени смешных, что имя автора не только прославилось на всю страну, но даже сделалось как бы нарицательным{598}.

Так как я печатался в тех же юмористических журналах, где и он, то я посчитал себя вправе без лишних церемоний обратиться к нему не только как к товарищу по оружию, но также и как к своему коллеге по перу.{599}

— Вы такой-то? — спросил я, подойдя к нему.

Он смерил меня высокомерным взглядом своих глаз, похожих на не очищенный от коричневой шкурки миндаль, на смугло-оливковом лице и несколько гвардейским голосом сказал, не скрывая раздражения:

— Да. А что вам угодно?

При этом мне показалось, что черная бородавка под его нижней губой нервно вздрогнула. Вероятно, он принял меня за надоевший ему тип навязчивого поклонника, может быть даже собирателя автографов.

Я назвал себя, и выражение его лица смягчилось, по губам скользнула доброжелательная улыбка, сразу же превратившая его

из гвардейского офицера в своего брата — сотрудника юмористических журналов.

— Ах так! Значит, вы автор «Растратчиков»?{600}

— Да. А вы автор «Аристократки»?{601} Дальнейшее не нуждается в уточнении.

Конечно, мы тут же решили поселиться в одном и том же пансионе в Ялте на Виноградной улице, хотя до этого бывший штабс-капитан{602} намеревался остановиться в знаменитой гостинице «Ореанда», где, кажется, в былое время останавливались все известные русские писатели, наши предшественники и учителя.

(Не буду их называть. Это было бы нескромно.){603}

Пока мы ехали в высоком, открытом старомодном автомобиле в облаках душной белой крымской пыли от Севастополя до Ялты, мы сочлись нашим военным прошлым. Оказалось, что мы воевали на одном и том же участке западного фронта, под Сморгонью, рядом с деревней Крево: он в гвардейской пехотной дивизии, я — в артиллерийской бригаде. Мы оба были в одно и то же время отравлены газами, пущенными немцами летом 1916 года, и оба с той поры покашливали. Он дослужился до штабс-капитана, я до подпоручика, хотя и не успел нацепить на погоны вторую звездочку ввиду Октябрьской революции и демобилизации: так и остался прапорщиком.{604}

Хотя разница в чинах уже не имела значения, все же я чувствовал себя младшим как по возрасту, так и по степени литературной известности.

…Туман, ползущий с вершины Ай-Петри, куда мы впоследствии вскарабкались, напоминал нам газовую атаку…

Тысячу раз описанные Байдарские ворота открыли нам внезапно красивую бездну какого-то иного, совсем не русского мира с высоким морским горизонтом, с почти черными веретенами кипарисов, с отвесными скалистыми стенами Крымских гор того бледно-сиреневого, чуть известкового, мергельного, местами розоватого, местами голубоватого оттенка, упирающихся в такое же бледно-сиреневое, единственное в мире курортное небо с несколькими ангельски белыми облачками, обещающее вечное тепло и вечную радость.

Исполинская темно-зеленая туманная мышь Аю-Дага, припав маленькой головкой к прибою, пила морскую воду сине-зеленого бутылочного стекла, а среди нагромождения скал, поросших искривленными соснами, белел водопад Учан-Су, повисший среди камней, как фата невесты, бросившейся в пропасть перед самой свадьбой.

В мире блаженного безделья мы сблизились со штабс-

капитаном, оказавшимся вовсе не таким замкнутым, каким впоследствии изображали его различные мемуаристы, подчеркивая, что он, великий юморист, сам никогда не улыбался и был сух и мрачноват{605}.

Все это неправда.

Богом, соединившим наши души, был юмор, не оставлявший нас ни на минуту. Я, по своему обыкновению, хохотал громко — как однажды заметил ключик, «ржал»{606}, — в то время как смех штабс-капитана скорее можно было бы назвать сдержанным ядовитым смешком, я бы даже сказал — ироническим хехеканьем, в котором добродушный юмор смешивался с сарказмом, и во всем этом принимала какое-то непонятное участие черная бородавка под его извивающимися губами.

Выяснилось, что наши предки происходили из мелкопоместных полтавских дворян и в отдаленном прошлом, быть может, даже вышли из Запорожской Сечи.{607}

Такие географические названия, как Миргород, Диканька, Сорочинцы, Ганькивка, звучали для нас ничуть не экзотично или, не дай бог, литературно, а вполне естественно; фамилию Гоголь-Яновский мы произносили с той простотой, с которой произносили бы фамилию близкого соседа.

…Бачеи, Зощенки, Ганьки, Гоголи, Быковы, Сковорода, Яновские…{608}

Это был мир наших не столь отдаленных предков, родственников и добрых знакомых.

Но вот что замечательно:

впервые я услышал о штабс-капитане от ключика еще в самом начале двадцатых годов, когда Ленинград назывался еще Петроградом.

Ключик поехал в Петроград из Москвы по каким-то газетным делам. Вернувшись, он принес вести о петроградских писателях, так называемых «Серапионовых братьях»{609}, о которых мы слышали, но мало их знали. Ключик побывал на их литературном вечере{610}. Особого впечатления они на него не произвели, кроме одного — бывшего штабс-капитана, автора совсем небольших рассказов настолько оригинально и мастерски написанных особым мещанским «сказом»{611}, что даже в передаче ключика они не теряли своей совершенно особой прелести и вызывали взрывы смеха.

Вскоре слава писателя-юмориста — бывшего штабс-капитана — как пожар охватила всю нашу молодую республику.

Это лишний раз доказывает безупречное чутье ключика, его высокий, требовательный литературный вкус, открывший москвичам новый петроградский талант — звезду первой

величины.{612}

Штабс-капитан, несмотря на свою, смею сказать, всемирную известность, продолжал оставаться весьма сдержанным и по-питерски вежливым, деликатным человеком, впрочем, не позволявшим по отношению к себе никакого амикошонства, если дело касалось «посторонних», то есть людей, не принадлежащих к самому близкому для него кружку, то есть «всех нас».

У него были весьма скромные привычки. Приезжая изредка в Москву, он останавливался не в лучших гостиницах, а где-нибудь недалеко от вокзала и некоторое время не давал о себе знать{613}, а сидел в номере и своим четким елизаветинским почерком без помарок писал один за другим несколько крошечных рассказиков, которые потом отвозил на трамвае в редакцию «Крокодила»{614}, после чего о его прибытии в Москву узнавали друзья.

Приходя в гости в семейный дом, он имел обыкновение делать хозяйке какой-нибудь маленький прелестный подарок — чаще всего серебряную с чернью старинную табакерку{615}, купленную в комиссионном магазине. В гостях он был изысканно вежлив и несколько кокетлив: за стол садился так, чтобы видеть себя в зеркале, и время от времени посматривал на свое отражение, делая различные выражения лица, которые ему, по-видимому, очень нравились.

Он деликатно и умело ухаживал за женщинами, тщательно скрывал свои победы и никогда не компрометировал свою возлюбленную, многозначительно называя ее по-пушкински N. N., причем бархатная бородавочка под его губой вздрагивала как бы от скрытого смешка, а миндальные глаза делались еще миндальнее.{616}

Степень его славы была такова, что однажды, когда он приехал в Харьков, где должен был состояться его литературный вечер, к вагону подкатили красную ковровую дорожку и поклонники повели его, как коронованную особу, к выходу, поддерживая под руки.{617}

Распространился слух, что местные жители предлагали ему принять украинское гражданство, поселиться в столице Украины и обещали ему райскую жизнь. Переманивала его также и Москва. Но он навсегда остался верен своему Петербургу-Петрограду-Ленинграду.

Случалось, что мы, его московские друзья, внезапно ненадолго разбогатев, совершали на «Красной стреле» набег на бывшую столицу Российской империи. Боже мой, какой переполох поднимали мы со своими московскими замашками времен нэпа!

По молодости и глупости мы не понимали, что ведем себя по-

купечески, чего терпеть не мог корректный, благовоспитанный Ленинград.

Мы останавливались в «Европейской» или «Астории», занимая лучшие номера, иной раз даже люкс. Появлялись шампанское, знакомые, полузнакомые и совсем незнакомые красавицы.{618} Известный еще со времен Санкт-Петербурга лихач, бывший жокей, дежуривший возле «Европейской» со своим бракованным рысаком по имени Травка, мчал нас по бесшумным торцам Невского проспекта, а в полночь мы пировали в том знаменитом ресторанном зале, где Блок некогда послал недоступной красавице «черную розу в бокале золотого, как небо, аи… а монисто бренчало, цыганка плясала и визжала заре о любви»…{619}

…а потом сумрачным утром бродили еще не вполне отрезвевшие по достоевским закоулкам, вдоль мертвых каналов, мимо круглых подворотен, откуда на нас подозрительно смотрели своими небольшими окошками многоэтажные жилые корпуса, бывшие некогда пристанищем униженных и оскорбленных, мимо решеток, напоминавших о том роковом ливне, среди стальных прутьев которого вдруг блеснула молния в руке Свидригайлова, приложившего револьвер к своему щегольскому двубортному жилету, после чего высокий цилиндр свалился с головы и покатился по лужам{620}.

Со страхом на цыпочках входили в дом, на мрачную лестницу, откуда в пролет бросился сумасшедший Гаршин, в черных глазах которого навсегда застыл «остекленелый мор»{621}.

Всюду преследовали нас тени гоголевских персонажей среди решеток, фонарей, палевых фасадов, арок Гостиного двора.

…Поездки в наемных автомобилях по окрестностям, в Детское Село, где среди черных деревьев царскосельского парка сидел на чугунной решетчатой скамейке ампир чугунный лицеист, выставив вперед ногу, курчавый, потусторонний, еще почти мальчик, и в вольно расстегнутом мундире, — Пушкин.

«…здесь лежала его треуголка и растрепанный том Парни»…{622}

А где-то неподалеку от этого священного места некто скупал по дешевке дворцовую мебель красного дерева, хрусталь, фарфор, картины в золотых рамах и устраивал рекламные приемы в особняке, приобретенном за гроши у какой-нибудь бывшей дворцовой кастелянши или швеи, и так далее…{623}

Когда же наша московская братия, душой которой был ключик, прокучивала все деньги, наставал час разлуки. Штабс-капитан, выбитый из своей равномерной, привычной рабочей колеи, утомленный нашей безалаберной гостиничной жизнью, с

облегчением вздыхал, нежно нас на прощание целуя и называя уменьшительными именами, и «Красная стрела» уносила нас в полночь обратно в Москву, где нам предстояло еще долго заштопывать дыры в бюджете.

О, эти полночные отъезды из Ленинграда, чаще всего в разгар белых ночей, когда вечерняя заря еще светилась за вокзалом и на ее щемяще-печальном зареве рисовались черные силуэты дореволюционных старопитерских фабричных корпусов, заводских труб и безрадостных, закопченных паровозных депо, помнивших царское время и народные мятежи в героические дни свержения самодержавия, брандмауэры с рекламами давно не существующих фирм, железный хлам, оставшийся от времен разрухи и гражданской войны.

Город таял далеко позади, а полночная заря все еще светилась за мелколесьем, отражаясь в болотах, и долго-долго не наступала ночь, и, качаясь на рессорах международного вагона, нам с ключиком казалось, что мы слишком преждевременно покидаем странное, полумертвое царство, где, быть может, нас ожидало, да так и не дождалось некое несбыточное счастье новой жизни и вечной любви.

С Ленинградом связана моя последняя встреча со штабс-капитаном совсем незадолго до его исчезновения{624}.

Город, переживший девятисотдневную блокаду, все еще хранил следы немецких артиллерийских снарядов, авиационных бомб, но уже почти полностью залечил свои раны{625}.

На этот раз я приехал сюда один и сейчас же позвонил штабс-капитану. Через сорок минут он уже входил в мой номер — все такой же стройный, сухощавый, корректный, истинный петербуржец, почти не тронутый временем, если не считать некоторой потертости костюма и обуви — свидетельства наступившей бедности. Впрочем, знакомый костюм был хорошо вычищен, выглажен, а старые ботинки натерты щеткою до блеска.{626}

Он был в несправедливой опале.

Мы поцеловались и тут же по традиции совершили прогулку на машине, которую я вызвал через портье.

Я чувствовал себя молодцом, не предвидя, что в самом ближайшем времени окажусь примерно в таком же положении{627}.

Так или иначе, но я еще не чувствовал над собой тучи, и мы со штабс-капитаном промчались в большом черном автомобиле{628} — только что выпущенной новинке отечественного автомобилестроения, на днях появившейся на улицах Ленинграда.

Мы объехали весь город, круто взлетая на горбатые мостики его единственной в мире набережной, мимо уникальной решетки Летнего сада, любуясь широко раскинувшейся панорамой с неправдоподобно высоким шпилем Петропавловской крепости, разводными мостами, ростральными колоннами Биржи, черными якорями желтого Адмиралтейства, Медным всадником, «смуглым золотом»{629} постепенно уходящего в землю Исаакиевского собора.

Мы промчались мимо Таврического дворца, Смольного, Суворовского музея с двумя наружными мозаичными картинами. Одна из них — отъезд Суворова в поход 1799 года — была работы отца штабс-капитана, известного в свое время художника-передвижника, и штабс-капитан поведал мне, что когда его отец выкладывал эту мозаичную картину, а штабс-капитан был тогда еще маленьким мальчиком, то отец позволил ему выложить сбоку картины из кубиков смальты маленькую елочку, так что он как бы являлся соавтором этой громадной мозаичной картины, что для меня было новостью.{630}

…Он, как всегда, был сдержан, но заметно грустноват, как будто бы уже заглянул по ту сторону бытия, туда, откуда нет возврата, нет возврата!.. что, впрочем, не мешало ему временами посмеиваться своим мелким смешком над моими прежними московскими замашками, от которых я все никак не мог избавиться.

Наша поездка была как бы прощанием штабс-капитана со своим городом, со своим старым другом, со своей жизнью.

Я предложил ему по старой памяти заехать на Невский проспект в известную кондитерскую «Норд», ввиду своего космополитического названия переименованную в исконно русское название «Север»{631}, и напиться там кофе с весьма знаменитым, еще не переименованным тортом «Норд».

Он встревожился.

— Понимаешь, — сказал он, по обыкновению нежно называя меня уменьшительным именем, — в последнее время я стараюсь не показываться на людях. Меня окружают, рассматривают, сочувствуют. Тяжело быть ошельмованной знаменитостью, — не без горькой иронии закончил он, хотя в его словах слышались и некоторые честолюбивые нотки.

Он, как и все мы, грешные, любил славу!

Я успокоил его, сказав, что в этот час вряд ли в кондитерской «Север» особенно многолюдно. Хотя и неохотно, но он согласился с моими доводами.

Оставив машину дожидаться нас у входа, мы проворно прошмыгнули в «Север», где, как мне показалось, к некоторому

своему неудовольствию, имевшему оттенок удовольствия, штабс-капитан обнаружил довольно много посетителей, которые, впрочем, не обратили на нас внимания. Мы уселись за столик во второй комнате в темноватом углу и с удовольствием выпили по стакану кофе со сливками и съели по два куска торта «Норд».

Мой друг все время подозрительно посматривал по сторонам, каждый миг ожидая проявления повышенного интереса окружающих к его личности. Однако никто его не узнал, и это, по-моему, немного его огорчило, хотя он держался молодцом.

— Слава богу, на этот раз не узнали, — сказал он, когда мы выходили из кондитерской на Невский и сразу же попали в толпу, стоявшую возле нашей машины и, видимо, ожидавшую выхода опального писателя.

— Ну я же тебе говорил, — с горькой иронией, хотя и не без внутреннего ликования шепнул мне штабс-капитан, окруженный толпой зевак. — Просто невозможно появиться на улице! Какая-то гофманиада, — вспомнил он нашу старую поговорку и засмеялся своим негромким дробным смешком.

Я провел его через толпу и впихнул в машину. Толпа не расходилась. Мне даже, признаться, стало завидно, вспомнился Крым, наша молодость и споры: кто из нас Ай-Петри, а кто Чатыр-Даг. Конечно, в литературе. Пришли к соглашению, что он Ай-Петри, а я Чатыр-Даг. Обе знаменитые горы, но Ай-Петри больше знаменита и чаще упоминается, а Чатыр-Даг реже.{632}

На долю ключика досталась Роман-Кош{633}!

— Товарищи, — обратился я к толпе, не дававшей возможности нашей машине тронуться. — Ну чего вы не видели?

— Да нам интересно посмотреть на новую модель автомобиля. У нас в Ленинграде она в новинку. Вот и любуемся. Хорошая машина! И ведь, главное дело, своя, советская, отечественная!

Шофер дал гудок. Толпа разошлась, и машина двинулась, увозя меня и штабс-капитана, на лице которого появилось удовлетворенно-смущенное выражение и бородавка на подбородке вздрогнула не то от подавленного смеха, не то от огорчения.

Мы переглянулись и стали смеяться. Я громко, а он на свой манер — тихонько.

Прав был великий петроградец Александр Сергеевич:

«Что слава? Яркая заплата»{634} — и т. д.

А вокруг нас все разворачивались и разворачивались каналы и перспективы неповторимого города, прежняя душа которого улетела подобно пчелиному рою, покинувшему свой прекрасный улей, а новая душа, новый пчелиный рой, еще не вполне обжила

свой город.

Новое вино, влитое в старые мехи.

Над бело-желтым Смольным суровый ветер с Финского залива нес тучи, трепал флаг победившей революции, а в бывшем Зимнем дворце, в Эрмитаже, под охраной гранитных атлантов, в темноватом зале испанской живописи, плохо освещенная и совсем незаметная, дожидалась нас Мадонна Моралеса, которую ключик считал лучшей картиной мира, и мы со штабс-капитаном снова — в который раз! — прошли по обветшавшему, скрипящему дворцовому паркету мимо этой маленькой темной картины в старинной золоченой раме, как бы прощаясь навсегда с нашей молодостью, с нашей жизнью, с нашей Мадонной{635}.

Вот каким обыкновенным и незабываемым возник передо мной образ штабс-капитана среди выгорающей дребедени гнилых мещанских домиков, охваченных дымным пламенем, над которым возвышалась, отражаясь в старом подмосковном пруде, непомерно высокая бетонная многочленистая Останкинская телевизионная башня{636} — первый выходец из таинственного Грядущего.

…возле бывшего Брянского вокзала{637} на месте скопления лачуг раскинулся новый прекрасный парк{638}, проезжая мимо которого, с поразительной отчетливостью вижу я мулата в нескольких его ипостасях, в той нелогичной последовательности, которая свойственна свободному человеческому мышлению, живущему не по выдуманным законам так называемого времени, хронологии, а по единственно естественным, пока еще не изученным законам ассоциативных связей.

…вижу мулата последнего периода — постаревшего, но все еще полного любовной энергии, избегающего лишних встреч и поэтому всегда видимого в отдалении, в конце плотины переделкинского пруда, в зимнем пальто с черным каракулевым воротником, в островерхой черной каракулевой шапке, спиной к осеннему ветру, несущему узкие, как лезвия, листья старых серебристых ветел.

Он издали напоминал стручок черного перца — как-то ужасно не совпадающий с опрокинутым отражением деревни на той стороне самаринского пруда{639}.

…весь одиночество, весь ожидание.

В тот день он был гостеприимен, оживлен, полон скрытого огня, как мастер, довольный своим новым творением. С явным удовольствием читал он свою прозу, даже не слишком мыча и не издавая странных междометий глухонемого демона.

Все было в традициях доброй старой русской литературы: застекленная дачная терраса, всклокоченные волосы уже

седеющего романиста, слушатели, сидящие вокруг длинного чайного стола, а за стеклами террасы несколько вполне созревших рослых черноликих подсолнечников{640} с архангельскими крыльями листьев, в золотых нимбах лепестков, как святые, написанные альфреско на стене подмосковского пейзажа с сельским кладбищем и золотыми луковками патриаршей церкви времени Ивана Грозного{641}.

Святые подсолнечники тоже пришли послушать прозу мулата.{642}

А вот он на крыше нашего высокого дома в Лаврушинском переулке, против Третьяковской галереи, ночью, без шапки, без галстука, с расстегнутым воротником сорочки, озаренный зловещим заревом пылающего где-то невдалеке Зацепского рынка, подожженного немецкими авиабомбами, на фоне черного Замоскворечья, на фоне черного неба, перекрещенного фосфорическими трубами прожекторов противовоздушной обороны{643}, среди бегающих красных звездочек зенитных снарядов, в грохоте фугасок и ноющем однообразии фашистских бомбардировщиков, ползущих где-то вверху над головой.

Мулат ходил по крыше, и под его ногами гремело кровельное железо, и каждую минуту он был готов засыпать песком шипящую немецкую зажигалку, брызгающую искрами, как елочный фейерверк.

Мы с ним были дежурными противовоздушной обороны. Потом он описал эту ночь в своей книге «На ранних поездах»{644}.

«Запомнится его обстрел. Сполна зачтется время, когда он делал, что хотел, как Ирод в Вифлееме. Настанет новый, лучший век. Исчезнут очевидцы…»{645}

Не знаю, настал ли в мире лучший век, но очевидцы исчезали один за другим. Исчез и мулат — великий очевидец эпохи. Но я помню, что среди ужасов этой ночи в мулате вдруг вспыхнула искра юмора. И он сказал мне, имея в виду свою квартиру в самом верхнем этаже дома, а также свою жену по имени Зинаида и зенитное орудие, установленное над самым его потолком:

«Наверху зенитка, а под ней Зинаидка».{646}

Для него любая жизненная ситуация, любой увиденный пейзаж, любая отвлеченная мысль немедленно и, как мне казалось, автоматически превращались в метафору или в стихотворную строчку. Он излучал поэзию, как нагретое физическое тело излучает инфракрасные лучи.

Однажды наша шумная компания ввалилась в громадный черный автомобиль с горбатым багажником. Меня с мулатом втиснули в самую его глубину, в самый его горбатый зад. Автомобиль тронулся, и мулат, блеснув своими африканскими

белками, смеясь, предварительно промычав нечто непонятное, прокричал мне в ухо:

— Мы с вами сидим в самом его *мозжечке*!

Он был странно одет. Совсем не в своем обычном европейском стиле: брюки, засунутые в голенища солдатских сапог, и какая-то зеленая фетровая шляпа с нелепо загнутыми полями, как у чеховского Епиходова в исполнении Москвина.

Мы все были навеселе, и мулат тоже.

Вы хотите еще что-нибудь узнать о мулате? Я устал. Да и время лекции исчерпано. Впрочем, если угодно, несколько слов.

Я думаю, основная его черта была чувственность: от первых стихов до последних.

Из ранних, мулата-студента:

«…что даже антресоль при виде плеч твоих трясло»…{647} «Ты вырывалась, и чуб касался чудной челки и губ-фиалок»…{648}

Из последних:

«…под ракитой, обвитой плющом, от ненастья мы ищем защиты. Наши плечи покрыты плащом, вкруг тебя мои руки обвиты. Я ошибся. Кусты этих чащ не плющом перевиты, а хмелем. Ну — так лучше давай этот плащ в ширину под собою расстелем»…{649}

В эту пору он уже был старик. Но какая любовная энергия!

Вот он стоит перед дачей, на картофельном поле, в сапогах, в брюках, подпоясанных широким кожаным поясом офицерского типа, в рубашке с засученными рукавами, опершись ногой на лопату, которой вскапывает суглинистую землю. Этот вид совсем не вяжется с представлением об изысканном современном поэте, так же как, например, не вязались бы гладко выбритый подбородок, элегантный пиджачный костюм, шелковый галстук с представлением о Льве Толстом.

Мулат в грязных сапогах, с лопатой в загорелых руках кажется ряженым. Он играет какую-то роль. Может быть, роль великого изгнанника, добывающего хлеб насущный трудами рук своих. Между тем он хорошо зарабатывает на своих блестящих переводах Шекспира и грузинских поэтов, которые его обожают. О нем пишут в Лондоне монографии. У него автомобиль, отличная квартира в Москве, дача в Переделкине.{650}

Он смотрит вдаль и о чем-то думает среди несвойственного ему картофельного поля. Кто может проникать в тайны чужих мыслей? Но мне представляется, что, глядя на подмосковный пейзаж, он думает о Париже, о Французской революции. Не исключено, что именно в этот миг он вспоминает свою некогда начатую, но брошенную пьесу о Французской революции.

Не продолжить ли ее? Как бишь она начиналась?

«В Париже. На квартире Леба. В комнате окна стоят настежь. Летний дождь. В отдалении гром. Время действия между 10 и 20 мессидора (29 июня — 8 июля) 1794 года. Сен-Жюст: — Таков Париж. Но не всегда таков. Он был и будет. Этот день, что светит кустам и зданьям на пути к моей душе, как освещают путь в подвалы, не вечно будет бурным фонарем, бросающим все вещи в жар порядка, но век пройдет, и этот теплый луч, как уголь, почернеет, и в архивах пытливость поднесет свечу к тому, что нынче нас слепит, живит и греет, и то, что нынче ясность мудреца, потомству станет бредом сумасшедших».{651}

Октябрьская революция была первой во всей мировой истории, совершенно не похожей на все остальные революции мира. У нее не было предшественниц, если не считать Парижской коммуны.

Не имея литературных традиций для ее изображения, многие из нас обратились не к Парижской коммуне, а к Великой французской революции, имевшей уже большое количество художественных моделей. Может быть, только один Александр Блок избежал шаблона, написав «Двенадцать» и «Скифов», где русская революция была изображена первично.

Попытки почти всех остальных поэтов — кроме Командора — были вторичны. Несмотря на всю свою гениальность, мулат принадлежал к остальным. Он не сразу разгадал неповторимость Октября и попытался облечь его в одежды Французской революции, превратив Петроград и Москву семнадцатого и восемнадцатого годов в Париж Сен-Жюста, Робеспьера, Марата.

Кто из нас не писал тогда с восторгом о зеленой ветке Демулена{652}, в те дни, когда гимназист Канегиссер стрелял в Урицкого{653}, а Каплан отравленной пулей — в Ленина{654}, и не санкюлоты в красных фригийских колпаках носили на пиках головы аристократов, а рабочие Путиловского завода в старых пиджаках и кепках, перепоясанные пулеметными лентами, становились на охрану Смольного.

Быть может, неповторимость, непохожесть нашей революции, темный ноябрьский фон ее пролетарских толп, серость ее солдатских шинелей, чернота матросских бушлатов, георгиевских лент черноморцев, питерские и московские предместья, так не похожие на литературную яркость Парижа 1794 года, и были причиной многих наших разочарований.

Столкновение легенды с действительностью, «Марсельезы» с «Интернационалом».

Париж Консьержери и Пале-Рояля был для нас притягательной силой. Мы стремились в Париж.

Не избежал этого и один из самых выдающихся среди нас

прозаиков — конармеец[655], тем более что он действительно в качестве одного из первых советских военных корреспондентов проделал польскую кампанию вместе с Первой конной Буденного[656].

Он сразу же и первый среди нас прославился и был признан лучшим прозаиком не только правыми, но и левыми. «Леф» напечатал его рассказ «Соль», и сам Командор на своих поэтических вечерах читал этот рассказ наизусть и своим баритональным басом прославлял его автора перед аудиторией Политехнического музея, что воспринималось как высшая литературная почесть, вроде Нобелевской премии.[657]

Конармеец стал невероятно знаменит. На него писали пародии и рисовали шаржи, где он неизменно изображался в шубе с меховым воротником, в круглых очках местечкового интеллигента, но в буденновском шлеме с красной звездой и большой автоматической ручкой вместо винтовки.[658]

Он, так же как и многие из нас, приехал с юга, с той лишь разницей, что ему не надо было добывать себе славу. Слава опередила его. Он прославился еще до революции, во время первой мировой войны, так как был напечатан в горьковском журнале «Летопись». Кажется, даже одновременно с поэмой Командора «Война и мир».[659] Алексей Максимович души не чаял в будущем конармейце, пророча ему блестящую будущность, что отчасти оправдалось.[660]

В Москве он появился уже признанной знаменитостью.

Но мы знали его по Югросте, где вместе с нами он работал по агитации и пропаганде, а также в губиздате, где заведовал отделом художественной литературы и принадлежал к партийной элите нашего города, хотя сам был беспартийным.[661] Его обожали все вожди нашего города как первого писателя.

Подобно всем нам он ходил в холщовой толстовке, в деревянных босоножках, которые гремели по тротуарам со звуком итальянских кастаньет.

У него была крупная голова вроде несколько деформированной тыквы, сильно облысевшая спереди, и вечная ироническая улыбка, упомянутые уже круглые очки, за стеклами которых виднелись изюминки маленьких детских глаз, смотревших на мир с пытливым любопытством, и широкий, как бы слегка помятый лоб с несколькими морщинами, мудрыми не по возрасту, — лоб философа, книжника, фарисея.

…И вместе с тем — нечто хитрое, даже лисье.[662]

Он был немного старше нас, даже птицелова, и чувствовал свое превосходство как мастер. Он был склонен к нравоучениям, хотя и делал их с чувством юмора, причем его губы принимали

форму ижицы или, если угодно, римской пятерки{663}.

У меня сложилось такое впечатление, что ни ключика, ни меня он как писателей не признавал.{664} Признавал он из нас одного птицелова.{665} Впрочем, он не чуждался нашего общества и снисходил до того, что иногда читал нам свои рассказы о местных бандитах и налетчиках, полные юмора и написанные на том удивительном южноновороссийском, черноморском, местами даже местечковом жаргоне, который, собственно, и сделал его знаменитым{666}.

Манера его письма в чем-то сближалась с манерой штабс-капитана, и это позволило честолюбивым ленинградцам считать, что наш конармеец всего лишь подражатель штабс-капитана.

Ходила такая эпиграмма:

«Под пушек гром, под звоны сабель от Зощенко родился Бабель».{667}

Конармеец вел загадочную жизнь. Где он кочует, где живет, с кем водится, что пишет — никто не знал. Скрытность была основной чертой его характера.{668} Возможно, это был особый способ вызывать к себе дополнительный интерес. От него многого ждали. Им интересовались. О нем охотно писали газеты. Горький посылал ему из Сорренто письма.{669} Лучшие журналы охотились за ним. Он был неуловим. Иногда ненадолго он показывался у Командора на Водопьяном, и каждое его появление становилось литературным событием.{670}

В Мыльниковом он совсем не бывал, как бы стесняясь своей принадлежности к «южнорусским».{671}

У него была масса поклонников в разных слоях московского общества. Однако большинство из этих поклонников не имело отношения к литературной среде. Наоборот. Все это были люди посторонние, но зачастую очень влиятельные.{672} Первое время в Москве я совсем мало с ним встречался. Наши встречи был случайны и коротки. Но он никогда не упускал случая, чтобы преподать мне литературный урок:

— Литература — это вечное сражение. Сегодня я всю ночь сражался со словом.{673} Если вы не победите слово, то оно победит вас. Иногда ради одного-единственного прилагательного приходится тратить несколько не только ночей, но даже месяцев кровавого труда.{674} Запомните это. В диалоге не должно быть ни одного необязательного выражения. К диалогу надо прибегать только в самых крайних случаях: диалог должен быть краток, работать на характер персонажа и как бы источать терпкий запах… Только что я прочитал вашу повесть. Она недурна. Но, вероятно, вы воображаете, что превзошли своего учителя Бунина. Не обольщайтесь. До Бунина вам как до Полярной звезды. Вы

сами не понимаете, что такое Бунин. Вы знаете, что он написал в своих воспоминаниях о N. N.? Он написал, что у него вкрадчивая, бесшумная походка вора.{675} Вот это художник! Не вам и не мне чета. Перед ним нужно стоять на коленях!

Литературным божеством для конармейца был Флобер. Все советы, которые давал автор «Мадам Бовари» автору «Милого друга», являлись для конармейца законом. Иногда мне даже казалось, что он «играет во Флобера», придавая чрезмерное значение красотам формы со всеми ее стеснительными условностями и предрассудками{676}, как я теперь понимаю, совершенно не обязательными для свободного самовыражения.

Некогда и я страдал этой детской болезнью флоберизма: страхом повторить на одной странице два раза одно и то же слово, ужасом перед недостаточно искусно поставленным прилагательным или даже знаком препинания, нарушением хронологического течения повествования — словом, перед всем тем, что считалось да и до сих пор считается мастерством, большим стилем. А по-моему, только добросовестным ремесленничеством, что конечно, не является недостатком, но уж во всяком случае и не признаком большого стиля.

Конармеец верил в законы жанра, он умел различить повесть от рассказа, а рассказ от романа.{677} Некогда и я придерживался этих взглядов, казавшихся мне вечными истинами.

Теперь же я, слава богу, освободился от этих предрассудков, выдуманных на нашу голову литературоведами и критиками, лишенными чувства прекрасного. А что может быть прекраснее художественной свободы?

…Это просто новая форма, пришедшая на смену старой. Замена связи хронологической связью ассоциативной. Замена поисков красоты поисками подлинности, как бы эта подлинность ни казалась плоха. По-французски «мовэ» — то есть плохо. Одним словом, опять же — мовизм.

Тогда я, конечно, так не думал.

Как я теперь понимаю, конармеец чувствовал себя инородным телом в той среде, в которой жил. Несмотря на заметное присутствие в его флоберовски отточенной (я бы даже сказал, вылизанной) прозе революционного, народного фольклора, в некотором роде лесковщины{678}, его душой владела неутолимая жажда Парижа. Под любым предлогом он старался попасть за границу, в Париж. Он был прирожденным бульвардье. Лучше всего он чувствовал себя за крошечным квадратным столиком на одной ножке прямо на тротуаре, возле какого-нибудь кафе на Больших бульварах, где можно несколько часов подряд сидеть под красным холщовым тентом, за маленькой чашкой мокко,

наблюдая за прохожими и мысленно вписывая их в какой-то свой воображаемый роман вроде «Человеческой комедии»[679].

Не исключено, что он видел себя знаменитым французским писателем, блестящим стилистом, быть может даже одним из сорока бессмертных, прикрывшим свою лысину шелковой шапочкой академика, вроде Анатоля Франса.

Под высоким куполом Института на берегу Сены он чувствовал бы себя как дома.[680]

В те времена заграничные поездки делались все труднее и труднее. В конце концов он стал оседлым москвичом, женился, поселился в хорошей квартире в особнячке в районе Воронцова поля и даже стал принимать у себя гостей.[681] В это время мы с ним очень сблизились. Беседы с ним доставляли мне большое удовольствие и всегда были для меня отличной школой литературного мастерства. Общение с конармейцем было весьма похоже на общение мое с щелкунчиком.[682] Возможно, это и нескромно, но мне кажется — оно было взаимным обогащением.

Конармеец оказался в конце концов прекрасным семьянином и любезным хозяином. У него всегда можно было выпить стакан на редкость душистого, хорошо заваренного чая и чашку настоящего итальянского черного кофе эспрессо: он собственноручно приготовлял его, пользуясь особой заграничной кофеваркой.

— Скажите, каким образом у вас получается такой на редкость вкусный чай? Откройте ваш секрет.

— Нет никакого секрета. Просто не надо быть скупердяем и не экономить на заварке. Заваривайте много чая, и ваши гости всегда будут в восторге.[683]

Однажды он вдруг показался у нас в дверях, а рядом с ним стоял некий предмет домашнего обихода красного дерева, нечто вроде комнатного бара с затейливым устройством, довольно неуклюжее произведение столярного искусства, которое он, пыхтя, собственноручно втащил на пятый этаж, так как лифт не работал. Оказалось, что это был его подарок нам на новоселье. Надо было распахнуть верхние крышки, и из недр сооружения поднимался целый набор посуды для коктейлей. Этот бар занимал много места, и мы не знали, куда его приткнуть. Я думаю, конармеец сам не знал, куда его девать, а так как я однажды похвалил бар, то конармеец и решил таким элегантным образом избавиться от сей громоздкой вещи. Чисто восточная любезность. Впрочем, я понимаю, что он это сделал от души. Вещь была все же дорогая. Он не поскупился.[684]

…Ему очень нравилась моя маленькая двухлетняя дочка, и он любил с нею весьма серьезно разговаривать, как со взрослой, сидя

перед ней на корточках и несколько пугая ее своими большими очками.{685}

Мы часто сиживали перед огромным окном, за которым виднелся классический московский пейзаж, словно бы вышедший из царства «Тысячи и одной ночи», но только несколько древнерусской.

Конармеец смотрел на этот пейзаж, но, мне кажется, видел нечто совсем другое: старые деревья, косо наклонившиеся над Сеной с нижнего ее парапета, а на верхнем парапете ящики букинистов, на ночь запиравшиеся большими висячими замками; белую конную статую Генриха Четвертого, сообразившего, что Париж стоит обедни{686}; круглые островерхие башни Консьержери, где до сих пор в каменных недрах, за тюремными решетками, прикрепленный навечно к каменной стене, сумрачно чернел совсем не страшный на вид косой нож гильотины, тот самый, который некогда на площади Согласия срезал головы королю и королеве{687}, а потом не мог уже остановиться и из-под него на Гревской площади покатились в черный мешок одна за другой головы Дантона, Сен-Жюста, Демулена, множество других голов, каждая из которых вмещала в себя вселенную, и наконец голова самого Робеспьера с разбитой челюстью и маленьким, почти детским, упрямым и гордым подбородочком первого ученика.

…Ну и, конечно, чашечка мокко на одноногом столике в тени тента с красными фестонами.

Он пил кофе маленькими глотками, растягивая наслаждение, оттягивая миг возвращения, и его детские глазки видели тень Азраила, несущего меч над графитными плитками парижских крыш…{688}

…А может быть, это и был тот самый косо режущий ледяной ветер во всю длину Елисейских полей, ветер возмездия и смерти…

В расчете на вечную весну мы были одеты совсем легко, а ветер, свистя, как нож гильотины, нес мимо нас уже заметные крупинки снега, и для того, чтобы не схватить пневмонию, нам пришлось укрыться в набитой людьми американской дрог-стори, где с трудом отыскался свободный столик под неизмеримо громадным, длинным, низким потолком, унизанным параллельными рядами светящихся шариков, умноженных до бесконечности зеркалами во всю стену, что угнетало нас какой-то безысходностью.

Мы уже были уверены, что весна никогда не наступит и мы навсегда останемся здесь как в аду, среди беготни обезумевших официанток, знакомых музыкальных звуков бьющихся тарелок,

восклицаний, разноязыкого галдежа, мелодий проигрываемых пластинок, где противоестественно смешивались все музыкальные стили, начиная с древнегалльской музыки и кончая все еще не вышедшим из моды поп-артом.

Мы были в отчаянии.

Но в один прекрасный день, когда наше отчаяние дошло до высшей точки, весна наступила внезапно, как взрыв всеобщего цветения под лучами жгучего солнца в безоблачном и безветренном небе, при температуре воздуха более двадцати девяти градусов в тени, когда вдруг как по мановению черной палочки, перевитой розами, изо всех настежь открытых парижских окон выбросились и косо повисли огненно-желтые, раскаленно-красные маркизы, совершенно меняя облик города, который мы привыкли видеть элегантно-серым, а теперь он превратился в нечто карнавальное, яркое, почти итальянское, где рядом с каменными стенами средневековых церквей горели кусты персидской сирени со всеми ее оттенками, начиная с самого нежного и кончая самым яростным.

Я почувствовал, что в мире произошло нечто имеющее отношение лично ко мне, И в этот же миг из ледяных пещер памяти, совсем живой, снова появился Брунсвик.

Он стоял передо мною, как всегда чем-то разгневанный, маленький, с бровями, колючими как креветки, в короне вздыбленных седых волос вокруг морщинистой лысины, как у короля Лира, в своем синем вылинявшем рабочем халате с засученными рукавами, с мускулистыми руками — в одной руке молоток, в другой резец, — весь осыпанный мраморной крошкой, гипсовой пудрой и еще чем-то непонятным, как в тот день, когда я впервые — через год после гибели Командора — вошел в его студию.

— Наконец я нашел подходящий материал. Нет! Не материал, а вещество! Подходящее вещество для ваших друзей, о которых вы мне столько рассказывали! — закричал он с порога. — Мне доставили это вещество из околозвездного пространства Кассиопеи. Из этого вещества построена Вселенная. Это лучшее из того, что можно было достать на мировом рынке. Вещество из глубины галактики. Торопитесь же!

Он кричал, он брызгал слюной, он топал ногами.

Я понял его с полуслова.

— Теперь пора, — сказал я, и мы с женой побежали в парк Монсо.

— Но прежде мне пришлось прочитать весь гениальный вздор, который написали вы и все ваши друзья. Может быть, у меня дурной вкус, но ваша чепуха мне понравилась, иначе я не

взялся бы за эту работу! — крикнул он нам вдогонку и тотчас исчез, на этот раз навсегда.

За свежевыкрашенными черными пиками железной ограды с ярко позолоченными остриями, за траурными, еще более высокими решетчатыми воротами, за их золочеными вензелями и балдахином, сияющим на солнце, перед нами предстали головокружительно высокие купы цветущих каштанов, белых и розовых, как совершенное воплощение вечной весны.

Мы вошли в парк.

Одно лишь название улицы, со стороны которой мы появились — Бульвар Мальзерб, — как бы погрузило нас в обманчивую тишину девятнадцатого века после франко-прусской войны и Парижской коммуны.

Это был мир Мопассана.

Широкоплечий бюст этого бравого красавца француза с нормандскими усами, которые умели так хорошо щекотать женские шейки и затылки с пушком каштановых волос, что в конце концов и привело его к ужасному преждевременному уничтожению{689}, был установлен на колонне, у подножия которой изваяна фигура полулежащей дамы в широкой юбке, с узкой талией, в кофточке — рукава буфами; она держала перед собой раскрытый томик, самозабвенно замечтавшись над строками Мопассана, и мне почему-то кажется, что эта книга была «Иветта».

В жарком сумраке неистово цветущего каштанового дерева эта хрестоматийная композиция уже заметно потемнела от времени, каждая складка широкой юбки со шлейфом и пятипалая тень какого-то отдельного каштанового листа, лежащая на прямом лбу писателя, — все это было хорошо знакомо и, в окружении цветущих сирени, боярышника, пионов, японской вишни, пронизанное неистовыми лучами солнца, отдаленное от шумящего города высокой решеткой тишины и безветрия, как бы перенесло нас в страну, куда мы наконец после стольких разочарований попали.

Однако на этот раз что-то вокруг изменилось.

Сначала я не мог понять, что именно изменилось. Но наконец понял: недалеко от изваяния замечтавшейся дамы под бюстом Мопассана стояло еще одно изваяние, которого раньше здесь не было.

Фигура конармейца в предпоследний период его земного существования.

Он сидел за маленьким одноногим столиком, перед чашечкой, под сенью каштана, как бы под тентом кафе, взирая вокруг сквозь очки изумленно-детскими глазами обреченного.

Он был сделан в натуральную величину с реалистической точностью и вместе с тем как-то условно, сказочно, без пьедестала.

Я употребил слово «сделан», потому что не могу найти ничего более точного. Изваян — не годится. Вылеплен — не годится. Иссечен — не годится. Может быть, отлит, но и это тоже не годится, потому что материал не был металлом, он был именно веществом. Лучше всего было бы сказать — создан. Но это слишком возвышенно. Нет не создан. Именно сделан. Вещество, из которого он был сделан, не поддавалось определению. Человеческий глаз лишь замечает некоторые его особенности: поразительную, как бы светящуюся неземную белизну, по сравнению с которой лучший каррарский мрамор показался бы сероватым; необъяснимую непрозрачную прозрачность. Скульптура не отбрасывала от себя тени, хотя все предметы вокруг отбрасывали резкие утренние тени: кусты, скамейки, стволы деревьев, из которых одному — сикомору — было сто двадцать лет и оно, кажется, помнило еще автора «Милого друга», детские коляски, фигурки бегающих детей и их нянек, бабушек, матерей с открытыми книгами на коленях. Красно-синие мячики прыгали по уже пыльным дорожкам, отбрасывая прыгающие тени.

Даже маленькие маргаритки, выросшие на газонах, отбрасывали миниатюрные тени.

Я потрогал плечо конармейца, оно обожгло мою ладонь пронзительным, но безвредным холодом. И судя по тому, что почва под изваянием сильно осела, можно было заключить, что материал, из которого был сделан конармеец, в несколько десятков, а может быть, и сотен тысяч раз тяжелее любого известного на земном шаре вещества. Вместе с тем, как это ни странно, материал, сияющий несказанной белизной, казался невесомым.

Мы пошли по парку и заметили, что, кроме знакомых серых статуй, ослепительно белеет несколько новых, сделанных из того же материала, что и статуя конармейца, — ярко-белых и не отбрасывающих теней.

Никто из посетителей парка их не замечал, кроме нас, это были наши сновидения. Они были расставлены прямо на земле и на газонах — без пьедесталов — в каком-то продуманном беспорядке.

На одном из газонов под розовым кустом лежала фигура ключика. Он был сделан как бы спящим на траве — маленький, с поджатыми ногами, юноша-гимназист, — положив руки под голову, причесанную а-ля Титус, с твердым подбородком, и видел

неземные сны, а вокруг него, как некогда он сам написал:

«…летали насекомые. Вздрагивали стебли. Архитектура летания птиц, мух, жуков была призрачна, но можно было уловить кое-какой пунктир, очерк арок, мостов, башен, террас — некий быстро перемещающийся и ежесекундно деформирующийся город»…{690}

Парк Монсо, где лежал ключик, глубоко уйдя в травяной покров, был действительно городом вечной весны, славы и тишины, еще более подчеркнутой возгласами играющих детей.

В романтических зарослях цветущих кустов боярышника, рядом со старым памятником Гуно, возле пробирающегося по камешкам ручейка, дружески обнявшись с Мефистофелем, белела фигура синеглазого — в шляпе с пером, с маленькой мандолиной в руках, поставившего ноги в танцевальную позицию{691}, всего во власти третьего Г — Гуно, но не забывающего и двух первых: Гоголя, Гофмана…

Я сразу узнал его по ядовитой улыбке. И я вспомнил нашу последнюю встречу. Сначала у памятника сидящего на Арбатской площади Гоголя, а потом у него в новой квартире, где он жил уже с третьей своей женой{692}.

Он сказал по своему обыкновению:

— Я стар и тяжело болен.

На этот раз он не шутил. Он был действительно смертельно болен и как врач хорошо это знал.

У него было измученное землистое лицо.

У меня сжалось сердце.{693}

— К сожалению, я ничего не могу вам предложить, кроме этого, — сказал он и достал из-за окна бутылку холодной воды.

Мы чокнулись и отпили по глотку.

Он с достоинством нес свою бедность.{694}

— Я скоро умру, — сказал он бесстрастно.

Я стал говорить то, что всегда говорят в таких случаях, — убеждать, что он мнителен, что он ошибается.{695}

— Я даже вам могу сказать, как это будет, — прервал он меня, не дослушав. — Я буду лежать в гробу, и когда меня начнут выносить, произойдет вот что: так как лестница узкая, то мой гроб начнут поворачивать и правым углом он ударится в дверь Ромашова, который живет этажом ниже.

Все произошло именно так, как он предсказал. Угол его гроба ударился в дверь драматурга Бориса Ромашова…{696}

Его похоронили.

Теперь он бессмертен.

Раскинувши руки в виде распятия, но с ног до головы перекрученное на манер бургундского тирбушона-штопора{697},

как бы перевитое лианами, перед нами мелькнуло и тут же померкло изваяние забытого всеми вьюна{698}, невдалеке от которого под столетним сикомором сидел на камне босой будетлянин, председатель земного шара, с котомкой за плечами, с дорожным посохом, прислоненным к дереву, — нищий с заурядно-уездным лицом русского гения, обращенным к небу, словно бы говоря:

«…Пусть девы поют у оконца меж песен о древнем походе о верноподданном солнца самосвободном народе».

Он сам был верноподданным солнца, сыном самосвободного народа.

На повороте аллеи, не замечаемый играющими детишками — белокожими и чернокожими, — в цилиндре и шелковой накидке, с тростью, протянутой вперед, как рапира, с ужасом, написанным на его почти девичьем лице, стоял, расставив ноги, королевич, как бы видя перед собой собственное черное отражение в незримом разбитом зеркале. Он был сделан все из того же межзвездного материала, но только как-то особенно нежно и грустно светился изнутри.

Птицелов со свернутой охотничьей сетью на плече неподвижно шагал по парку, ведя за руку маленького сына, тоже поэта, чем-то напоминая Вильгельма Телля на фоне каменного декоративного грота, заросшего плющом.

На двух белых железных стульях, повернувшись друг к другу, в почти одинаковых кепках, в позе дружелюбных спорщиков сидели звездно-белые фигуры брата и друга, а остальные десять садовых стульев были заняты живыми посетителями парка в разных местах центральной его аллеи.

Вдалеке парк соприкасался с чьими-то недоступными простым смертным владениями, скрытыми за колючими изгородями, решетками и зарослями дикого винограда, шиповника, терний, тех самых терний, чьи острые чугунно-синие шипы впивались в восковое чело человекобога, оставляя на нем ягоды крови.

Там, на отшибе, отрешенный от всех, как некогда на плотине переделкинского пруда, ждал свою последнюю любовь{699} постаревший мулат, по-прежнему похожий издали на стручок черного перца, но чем ближе мы к нему подходили, тем он все более и более светлел, прояснялся, пока не стало очевидно, что он сделан из самого лучшего галактического вещества, под невесомой тяжестью которого прогнулась почва.

Парк оказался наполненным творениями сумасшедшего ваятеля.

Мы ходили по аллеям, узнавая друзей, пока наконец не

остановились возле фигуры, которую я узнал еще издали.

Перед нами сиял неземной белизной мальчик-переросток, худой, глазастый, длинноволосый, с маленьким револьвером в безнадежно повисшей руке.

…«Без шапки и шубы. Обмотки и френч. То сложит руки, будто молится. То машет, будто на митинге речь… Мальчик шел, в закат глаза уставя. Был закат непревзойденно желт. Даже снег желтел к Тверской заставе. Ничего не видя, мальчик шел. Шел, вдруг встал. В шелк рук сталь… Стал ветер Петровскому парку звонить:

— Прощайте… Кончаю… Прошу не винить… До чего ж на меня похож!..»{700}

Да, это он: Командор в юности. И так — навсегда: мальчик-самоубийца. До чего ж на него похож.

А вокруг горел жгучий полдень вечной памяти и вечной славы.

Внезапно остановившийся взрыв.

В его неподвижном горении, сиянии, в ярких прозрачных красках повсюду вокруг нас белели изваяния, сделанные все из того же неиссякаемого космического вещества белее белого, тяжелее тяжелого, невесомей невесомого.

Неземное на земном.

Мы уже шли к выходу, когда в зарезничной стране парка Монсо увидели фигуру щелкунчика.

Он стоял в вызывающей позе городского сумасшедшего, в тулупе золотом и в валенках сухих{701}, несмотря на то, что все вокруг обливалось воздушным стеклом пасхального полудня.

Он был без шапки.

Его маленькая верблюжья головка была высокомерно вскинута, глаза под выпуклыми веками полузажмурены в сладкой муке рождающегося на бритых губах слова-психеи.

Может быть, таким образом рождались стихи:

«…Есть иволги в лесах и гласных долгота в тонических стихах единственная мера, но только раз в году бывает разлита такая длительность, как в метрике Гомера. Как бы цезурою зияет летний день… Уже с утра покой и трудные длинноты, волы на пастбищах и золотая лень из тростника извлечь богатство целой ноты»…{702}

Он боялся извлечь из своего тростника богатство целой ноты. Он часто ограничивался обертоном слова-психеи{703}, неполным его звучанием, неясностью созревавшей мысли.

Однако именно эта незрелость покоряла, заставляла додумывать, догадываться…

«…Россия. Лета. Лорелея»…{704}

Что это такое? Догадайтесь сами!

Невдалеке от щелкунчика стоял во весь рост, но как-то корчась, другой акмеист — колченогий, с перебитым коленом и культяпкой отрубленной кисти, высовывающейся из рукава: худощавый, безусый, как бы качающийся, с католически голым, прекрасным, преступным лицом падшего ангела, выражающим ни с чем не сравненную муку раскаяния, чему совсем не соответствовала твердая соломенная шляпа-канотье, немного набок сидевшая на его наголо обритой голове с шишкой.

Шляпа Мориса Шевалье.{705}

Издалека волнами долетали мощные, густые, ликующие звуки пасхальных колоколов Нотр-Дам и Сакре-Кёр, гипсовые колпаки которой светились где-то за парком Монсо, на высоком холме Монмартра, царя над празднично-безлюдным Парижем.

Виднелись еще повсюду среди зелени и цветов изваяния, говорящие моему гаснущему сознанию о поэзии, молодости, минувшей жизни.

Маленький сын водопроводчика, соратник, наследник{706}, штабс-капитан и все, все другие.

Читателям будет нетрудно представить их в виде белых сияющих статуй без пьедесталов.

Я хотел, но не успел проститься с каждым из них, так как мне вдруг показалось, будто звездный мороз вечности{707} сначала слегка, совсем неощутимо и нестрашно коснулся поредевших серо-седых волос вокруг тонзуры моей непокрытой головы, сделав их мерцающими, как алмазный венец.

Потом звездный холод стал постепенно распространяться сверху вниз по всему моему помертвевшему телу, с настойчивой медлительностью останавливая кровообращение и не позволяя мне сделать ни шагу, для того чтобы выйти из-за черных копий с золотыми остриями заколдованного парка, постепенно превращавшегося в переделкинский лес, и — о боже мой! — делая меня изваянием, созданным из космического вещества безумной фантазией Ваятеля.

1975–1977

Переделкино — Нижняя Ореанда

comments

Комментарии

1

«Алмазный мой венец» (далее — «АМВ») Валентина Петровича Катаева (1897–1986) был впервые напечатан в № 6 журнала «Новый мир» за 1978 г. Произведение это стремительно завоевало популярность в интеллигентской среде: «Критика обсуждает „Алмазный мой венец“ Катаева и, вообще, „бум“ мемуарной и исторической прозы».[1]

При этом единодушия в оценках «АМВ» не наблюдалось. Сам Катаев (далее — К.) был склонен воспринимать ситуацию драматически: «…не понят „Алмазный мой венец“, клюют, щиплют».[2] Ср. у литератора националиста Н. Переяслова, поощрительно сопоставившего «АМВ» с мемуарной трилогией Ст. Куняева «Поэзия. Судьба. Россия»: «Я хорошо помню, сколько негодования, возмущения и споров вызвали в свое время напечатанные в „Новом мире“ художественные мемуары Валентина Катаева „Алмазный мой венец“ <…> что бы там кто ни говорил и ни писал об этой книге, а для меня она и по сей день остается одной из самых горячо любимых и перечитываемых».[3] И у эмигранта-западника А. Гладилина: «„Алмазный мой венец“ вызвал, мягко говоря, недовольство прогрессивной интеллигенции. До Парижа доходили слухи: Москва возмущена! <…> В советской прессе появились ядовито-кислые рецензии. Парадокс: классика отечественной литературы защищала только [радиостанция — *Коммент.*] „Свобода“ в лице вашего покорного слуги».[4]

Все это явное преувеличение. А точнее будет сказать: достаточно многочисленные частные нелицеприятные оценки «АМВ» лишь в нескольких случаях преобразились в печатные отклики на новое произведение героя социалистического труда (1974), автора официально канонизированных «Сына полка» и «Маленькой железной двери в стене» (В качестве примера отрицательной частной оценки «АМВ» приведем здесь

отзыв поэта Д. С. Самойлова из его письма к Л. К. Чуковской, полученного адресаткой 7.7.1978 г.: «Это набор низкопробных сплетен, зависти, цинизма, восторга перед славой и сладкой жизнью. А завернуто все в такие обертки, что закачаешься. Это, конечно, на первый взгляд. Выручает ассоциативный метод и дешевые парадоксы. Но ведь клюют и на это. Говорят: очаровательно».[5]).

В журнале «Дружба народов» была опубликована жесткая рецензия на «АМВ» Н. Крымовой: «На удивление постоянное, первое и нескрываемое движение героя „Алмазного венца“ — встать рядом, сесть рядом [со своими великими умершими друзьями — *Коммент.*]».[6] Но эта рецензия, по испытанной советской методе, была уравновешена апологетическим откликом на «АМВ» Е. Книпович, помещенным в том же № «Дружбы народов». Е. Книпович писала о «безупречном чувстве меры» К., о его умении говорить о прошлом «с улыбкой и подначкой».[7] «Вопросы литературы» откликнулись на выход «АМВ» язвительной рецензией В. Кардина: «Картинки, подкрепляющие обиходные истины типа „слаб человек“, „все люди, все человеки“, портреты писателей „в туфлях и в халате“, чаще всего потакают обывательским вкусам».[8] Однако, в этом же году «Вопросы литературы» напечатали аналитический обзор Д. Затонским советской романистики, где произведение К. было включено в ряд новаторских современных романов: «…стрелки творческой фантазии перемещаются от образной перестройки, перекомпоновки факта к образному же его прочтению. И типичное для времени и эпохи начинают искать не в массовидности, а в характерном и оттого единичном, даже аутентичном».[9]

Остальные оценки «АМВ» в советской прессе были и того выше. В. Баранов: В «АМВ» писатель «воссоздает такие картины, которые, может быть, читать сегодня и больно, но в истинности которых усомниться мы не имеем ни малейших оснований».[10] В. Перцовский: «Его задача — не высмеять, не развенчать, а просто быть правдивым до конца».[11] Н. Поляков: «АМВ» — «исповедь большого мастера».[12] Решительно взял К. под защиту от «примитивных» читателей (и критиков) Н. Шамота: «…я не говорю здесь о тех, кто из всей книги запомнит „флакончиков“ [так! — *Коммент.*] да две-три шуточные сценки из писательского быта. Таким надо начинать с азбуки эстетического подхода к произведениям художника».[13]

Особо следует отметить отзыв в главной советской государственной газете «Правда», где, помимо всего прочего, указывалось, что «вопреки кажущемуся алогизму» «АМВ»,

«композиция произведения выверена весьма придирчиво и строго».[14]

Осторожно скептически оценил «АМВ» в своей малотиражной книге о советской литературе В. Лавров: «При всем своеобразии катаевской прозы есть в новом произведении писателя существенные идейно-художественные изъяны».[15] Но и это суждение соседствует в советской и постсоветской критике с многочисленными комплиментарными оценками произведения К. Начиная от статьи Дм. Молдавского «Гравитация слова (Перечитывая В. Катаева)»: «Книга эта — рассказ о приобщении художника к Революции»,[16] а также страниц, посвященных «АМВ» в книге Б. Е. Галанова «Валентин Катаев. Размышления о мастере и диалоги с ним» (М., 1989) и завершая главой из не так давно вышедшей монографии М. А. Литовской «Феникс поет перед солнцем. Феномен Валентина Катаева» (Екатеринбург, 1999).

Провинциальная советская пресса также отозвалась на публикацию нового произведения К.: в курортной юрмальской газете была опубликована гневная отповедь Вениамина Каверина автору «АМВ».[17] В газете «Вечерняя Одесса» — добродушная пародия Семена Лившина «Алмазный мой кроссворд (по Валентину Катаеву)»:[18] «Берег. Море. „Белеет парус одинокий…“. Сейчас уже трудно припомнить, кто из нас придумал эту фразу — я или дуэлянт. Да и стоит ли? Ведь позднее один из нас дописал к ней целую повесть». В 1983 г. в Одессе была защищена кандидатская диссертация по творчеству К., где об «АМВ» говорилось: «В. Катаев стремится вернуть читателю, нашим современникам, память о поэтах той поры, своих друзьях и соратниках, причем рассказать о них без приукрашивания».[19]

Свободный от цензурного пресса тамиздат отреагировал на выход «АМВ» памфлетом Майи Каганской «Время назад!»: «… каинова печать на катаевском лбу проступает куда более явственно, чем алмазный нимб над его головой».[20] Самиздат — волной возмущенных открытых писем и критических откликов. Пример далеко не самого резкого из них — статья Б. М. Сарнова «Величие и падение „мовизма“» 1978 г., которую ее автору довелось напечатать лишь многие годы спустя: «Немало хвалебных и даже восторженных слов можно сказать о прозе Валентина Катаева — о ее словесном изяществе, яркой метафоричности, несравненной пластической выразительности. Одного только о ней не скажешь: она стоит на крови и пророчестве. Пророческий дух русской литературы Катаева не коснулся. И только поэтому (а вовсе не потому, что он в

благополучии дожил до глубокой старости) в том воображаемом „пантеоне бессмертных“, куда он справедливо поместил всех героев своей книги, для него самого вряд ли могло найтись место».[21] Ср. со сходным упреком, который был предъявлен К. самиздатовским автором (М. Болховским) по поводу его следующего произведения — «Уже написан Вертер»: «Я обещал выделить малую толику правды из катаевского сновидения. Она, прежде всего, в чувстве брезгливости, с которым закрываешь эту книжку некогда честного журнала <…> Работа Поисков и Памяти требует не только элементарной научной добросовестности, но и того НРАВСТВЕННОГО МАКСИМАЛИЗМА, который неведом Катаеву».[22]

В самиздатовском машинописном журнале «Сумма», выходившем в 1979–1982 гг. в Ленинграде, пародию на произведение К. поместил В. Я. Лакшин. В этой пародии высмеивались характерное для «АМВ» частое цитирование чужих ст-ний, обрывочность повествования и обилие легко разгадываемых «псевдонимов»: «Гусарик, глядя поверх собеседника презрительным взглядом, впервые прочитал свои звонкие, немного фельетонные <…> строфы: „дух изгнанья летел над грешной землей, и лучших дней воспоминанья и снова бой. Полтавский бой!“ Цитирую по памяти, не сверяя с книгой, — так эти стихи запомнились мне, так они, по правде говоря, лучше звучат и больше напоминают людей, которых я забываю».[23]

В 1989 г., в Нью-Йорке вышло обстоятельное исследование о поздней прозе К., где немалое место уделено разговору об «АМВ».[24]

Уже из приведенных откликов на «АМВ» вполне очевидно, что основная полемика развернулась вокруг отношения К. к персонажам своего произведения и (шире) — о степени соответствия событий, описанных в «АМВ» реальным фактам московского, одесского, ленинградского и харьковского литературного быта конца 1910-х — конца 1950-х гг. Сам К. ясности в этот вопрос не внес. В одном из интервью он заявил однозначно и категорично: «…все — правда <…> Все, что я написал, за каждое слово я могу отвечать».[25] В другом — автор «АМВ» воспользовался куда более обтекаемыми формулировками: «У меня была своя задача — написать книгу о Революции, о людях, которые безоговорочно приняли Революцию и вращались в ее магнитном поле. И еще я считал своим долгом говорить правду, такую, как я знал <…> Это свободный полет фантазии, основанный на истинных происшествиях, быть может, и не совсем точно сохранившихся у меня в памяти. В силу этого я избегал подлинных имен и даже выдуманных фамилий».[26] Ср. с

«адвокатскими» рассуждениями А. М. Кузнецова о «праве писателя на свое отношение к прототипам» «АМВ».[27]

Главная цель настоящего комментария состояла в возможно более доказательном и беспристрастном проведении границы на каждой конкретной странице «АМВ» между «истинными происшествиями», описанными К. и «свободным полетом» его фантазии. Важным методологическим подспорьем для нас послужила классическая работа Ю. М. Лотмана, которая (может быть — не случайно) была впервые напечатана через год после первой публикации произведения К.[28]

Пусть несколько запоздало, мы стремились отозваться на призыв О. и В. Новиковых из их юбилейной статьи «Зависть. Перечитывая Валентина Катаева»: «…ученым малым и педантам стоит заниматься своим прямым делом — составлением комментариев к истинно веселым книгам, таким, как „Алмазный мой венец“».[29]

Хочется также надеяться, что из предлагаемого комментария можно вычленить внятные ответы на суровые вопросы того современного исследователя, по мнению которого К. «потерял дар памяти под тяжестью „алмазного венца“ и проехался по покойникам как трактор. Зачем это написано? Для кого?»[30]

Полагая, что «АМВ» занимает свое законное и не последнее место в ряду «памфлетных мемуарных романов» XX столетия (формула из статьи В. Б. Шкловского «Тогда и сейчас» (1929)[31]), мы сочли возможным и необходимым комментировать не только прозвища, имена, факты и прямые цитаты, но и фиксировать многочисленные в «АМВ» ситуативные отсылки к классической и неклассической русской литературе: от «Героя нашего времени» и «Обломова» до «Зависти» Юрия Олеши и «Денискиных рассказов» Виктора Драгунского.

Включить «АМВ» в возможно более широкий историко-литературный контекст эпохи — вот еще одна задача, которую мы ставили перед собой.

В роли полноправной «героини» выступает в «АМВ» Москва — ее архитектурный облик, ее прошлое и настоящее. Московские реалии произведения К. откомментированы Л. М. Видгофом.

Пользуясь случаем, приносим глубокую благодарность всем, кто щедро делился с нами своими знаниями, материалами и библиографическими сведениями. Особое и отдельное спасибо — В. Беспрозванному, Н. А. Богомолову, Стефано Гарзонио, А. И. Ильф, Л. Ф. Кацису, Е. Ю. Литвин, С. З. Лущику, Вл. И. Новикову, А. Е. Парнису, Е. В. и Е. Б. Пастернакам, Л. Рукману, А. Ю. Сергеевой-Клятис (составителю примечаний о Б. Пастернаке для данного комментария), А. Б. Устинову,

организаторам сайта Ruthenia, а также почившему «Гурийскому клубу» в лице А. А. Громова и М. И. Свердлова.

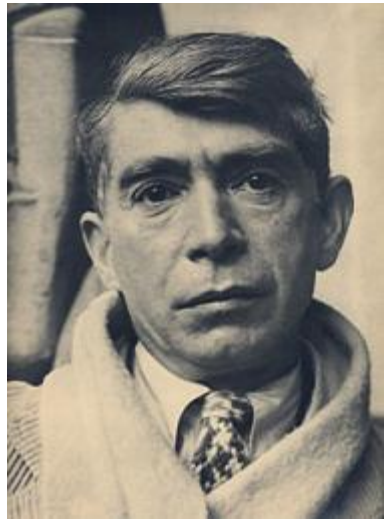
Комментарий выполнен по изданию: *Катаев Валентин.* Трава забвения. М., 2000.

Олег Лекманов, Мария Рейкина, при участии Леонида Видгофа

2

Описывается путешествие К. с женой в Европу в 1974 г.

3



Прототипом Брунсвика послужил всемирно известный ваятель, уроженец Смоленска, Осип (Иосель Аронович) Цадкин (Ossip Zadkine) (1890–1967), с 1909 г. проживавший в Париже (по адресу: 100 bis rue d'Assas). См. реплику К. о том, что образ Брунсвика в «АМВ» «навеян образом парижского скульптора Цадкина».[32] Автор многочисленных монументальных скульптур (одна из самых знаменитых — Большой Орфей в парке Миддельхейм в Антверпене, 1956 г.), Цадкин, как и К., в первую мировую войну добровольцем ушел на фронт. Как и К., он на войне был отравлен газами. Парижскую мастерскую Цадкина К. посетил в 1931 г. С другой стороны, творческая задача, которую ставит перед собой катаевский «сумасшедший скульптор», заставляет счесть его — пусть неполным, но alter ego автора «АМВ»: по-видимому, неслучайно, фамилия «Брунсвик» звучит сходно с фамилией «Брунс» (под этой фамилией в романе «Двенадцать стульев» выведен сам К. о чем упоминается на страницах «АМВ»).

4

Об этой заграничной поездке К. см. в дневнике Вс. Иванова: «Катаев хвастался своей высокой идеологичностью за границей. А сам больше по кабакам ходил. И все знают, и всем скучно слушать его брехню».[33] В свою очередь, К. обозвал Иванова «доморощенным гением» в той своей, так и неопубликованной, заметке, где он указывал, что «с легкой руки бюрократов от литературы, почему-то (?) вошло в практику без зазрения совести и не жалея государственных средств, издавать кого попало, что попало, как попало и куда попало».[34]

5

Parc Monceau — «парк Мечты», разбитый в 1778 г. в 8-ом округе Парижа. Этот парк прославлен множеством архитектурных причуд. Скульптур О. Цадкина в парке Монсо нет.

6

Эстер Давыдовной Катаевой (р. в 1913 г.) — второй женой писателя (с 1934 г.). См. ее рассказ о жизни с К.[35]

7

«— Можно свистеть вальс и не только на двенадцати косточках. Я умею свистеть и ключиком…

— Ключиком! Как? Покажи. У меня есть чудный ключик…». [36] Ср. также в мемуарах Л. Славина о Ю. Олеше (напечатанных в сборнике, который К., без сомнения, штудировал, и где его воспоминания симптоматично отсутствуют): «Как уловить его музыкальный *ключ* [курсив наш — *Коммент.*], весь этот контрапункт ума, изящного лукавства, завораживающего полета мысли?». [37] Ближайший друг-соперник юности и молодости К., Юрий Карлович Олеша (1899–1960), первым из литераторов появляется на страницах «АМВ». Стилистика прозы Олеши кардинально повлияла на поэтику позднего К. Ср. с мнением В. Б. Шкловского о К.: «Он попал под влияние Олеши и никогда не мог от него освободиться» [38] и со свидетельством Б. Е. Галанова: «…мне доводилось слышать от Валентина Петровича, что своей „новой“ прозой он во многом обязан Олеше». [39] Ср. также в конспекте, который вел Н. А. Подорольский на вечере К. 14.03.1972 г.: «Влиял Олеша. Завидовал ему „зеленой завистью“». [40] По воспоминаниям Е. А. Попова, на встрече с молодыми литераторами в 1977 г. К. назвал Олешу «лучшим писателем XX века», «величие которого состоит в том, что он, вместе с» К. «изобрел „ассоциативную прозу“». [41] Об отношении Олеши к писательскому дару К. см., например, в мемуарах В. Ф. Огнева: «Помню <…>, что Юрий

Карлович говорил о Катаеве, приводил его блистательные сравнения».[42] О взаимоотношениях К. и Олеши в конце 1920-х гг. см., например, в мемуарах П. А. Маркова: «Оба они в это время продолжали серьезную в самом существе дружбу, завязавшуюся еще в Одессе, но одновременно хранили в себе нечто заговорщицкое, существовавшее лишь между ними, окрашенное иронией, которой у них было не занимать стать. При всей их дружбе они не только не походили друг на друга, но во многом были прямо противоположны, хотя бы по характеру юмора».[43] «В последние годы отношения между Валентином Петровичем и Юрием Карловичем были, мягко говоря, прохладными»,[44] причем в этом, как правило, винят исключительно К., меж тем, как Олеша якобы «не то что камня, самой крохотной песчинки» никогда не кинул «в друга своей юности».[45] Это не вполне соответствует действительности, как, впрочем, и комическое в своей наивности суждение знакомца обоих писателей Л. И. Гинцберга: «Никакой вины Катаева в том, что он преуспел больше Олеши нет; просто он работал более целеустремленно (и меньше пил)».[46] Так или иначе, но 2.12.1955 г. Олеша писал своей матери о К.: «Я с ним поссорился лет семь тому назад, и с тех пор мы так и не сошлись. Иногда я грущу по этому поводу, иногда, наоборот, считаю, что Катаев плохой человек и любить его не надо. Тем не менее с ним связана заря жизни, мы вместе начинали».[47] Ср. в воспоминаниях И. Кичановой-Лившиц о М. Зощенко: «…для меня навсегда останется загадкой, почему <…> Ю. К. Олеша был почти до робости предан Катаеву».[48] И далее: «М. М. [Зощенко — *Коммент.*] очень огорчало то обстоятельство, что Катаев отвернулся от Олеши, и он хотел их примирить. Катаев обижал, был резок с Олешей. М. М. рассказал <…>, как он шел с Олешей по улице и встретил Катаева. Он взял Олешу за руку и не дал ему сразу уйти. Но примирение не состоялось — Катаев резко свернул в сторону и пошел прочь»,[49] а также в неопубликованных мемуарах И. Я. Боярского: «В наших беседах [с Олешей — *Коммент.*] я почувствовал, что между Юрием Карловичем и Валентином Петровичем Катаевым была старая, неуловимая для постороннего глаза вражда. Юрий Карлович очень часто порицал Катаева за его неуважительное отношение к себе, за присущие ему черты характера — скупость, высокомерие»[50] и в воспоминаниях Б. Ямпольского, где рассказывается о том, как Олеша сообщил автору мемуаров «о каком-то очередном литературном сабантуе, обсуждавшем очередные исторические вопросы <…>:

— Соболев бросал руководящие слова, хорошо поставленным голосом говорил Федин, и Катаев подкинул в общую упряжку

свой грязный хвост».[51] В мемуарах Инны Гофф, в свою очередь, приведена такая реплика К. об авторе «Трех толстяков» и молодых писателях 1930-х гг.: «Олеша окружал себя шпаной, ему нравилось почитание… Он был как подсадная утка, — потом их сажали».[52] Может быть, не лишним будет добавить, что К. не выступал на вечере памяти Олеши, состоявшемся в июне 1962 г., в ЦДЛ.[53] Тем не менее, отвечая, в 1983 г., на вопрос интервьюера: «Кто был самым близким вашим другом?», К. назвал фамилию «Олеша».[54]

8

Ср. описание этого же эпизода в записях Ю. Олеши: «Во время Олимпийских игр Одесского учебного округа состоялся, между другими состязаниями, также и финальный матч на первенство футбольных гимназических команд, в котором принял участие и я как один из одиннадцати вышедших в финал одесской Ришельевской гимназии. Я играл крайнего правого. Я загнал гол — один из шести, вбитых нами Одесской 4-й гимназии, также вышедшей в финал. После матча меня качали выбежавшие на поле гимназисты разных гимназий. Как видно, моя игра понравилась зрителям. Я был в белом — белые трусы, белая майка. Также и бутсы были белые при черных с зеленым бубликом вокруг икры, чулках».[55]

9

Ср. в письме А. С. Пушкина к П. А. Вяземскому (около 7.11.1825 г.): «Трагедия моя кончена; я перечел ее вслух, один, и бил в ладоши и кричал, ай-да Пушкин, ай-да сукин сын!». [56]

10

Речь идет о Григории Григорьевиче Богемском (1895–1957), знаменитом футболисте, выступавшем за одесские клубы «Вега» и «Спортинг-клуб», чемпионе Российской империи 1913 г. См. о нем также в записях Ю. Олеши.[57]

11

Ср. у В. Ф. Огнева: «На другой день я читал крупный, аккуратный почерк Ю. Олеши».[58]

12

А. С. Пушкин — в июле 1823 г., Н. В. Гоголь — зимой 1850–51 гг.

13

В тамбурин (прообраз настольного тенниса) играли круглыми ракетками без ручек.

14

«Я писал под Игоря Северянина, манерно, глупо-изысканно <…> Катаев, к которому однажды гимназистом я принес свои стихи в весенний, ясный, с полумесяцем сбоку вечер. Ему очень понравились мои стихи, он просил читать еще и еще, одобрительно ржал. Потом читал свои, казавшиеся мне верхом совершенства. И верно, в них было много щемящей лирики… Кажется, мы оба были еще гимназисты, а принимал он меня в просторной пустоватой квартире, где жил вдовый его отец с ним и с его братом, — печальная, без быта квартира, где не заведует женщина. Он провожал меня по длинной, почти загородной Пироговской улице, потом вдоль Куликова поля, и нам открывались какие-то горизонты, и нам обоим было радостно и приятно».[59] Адрес семьи К. в Одессе был: ул. Базарная, 4. Мать К., Евгения Ивановна Бачей, умерла в 1903 г. О ранних стихах Ю. Олеши см. в набросках мемуаров о нем вдовы, О. Г. Олеши-Суок: «Писать стихи начал мальчиком. Наиболее раннее было опубликовано в газете „Южный вестник“ 1915 г. под названием „Кларимонда“. К своим стихам относился почти враждебно, никогда их не вспоминал».[60] Приведем здесь одно из самых характерных для раннего Олеши ст-ний:[61]

СИРЕНЕВОЕ РОНДО

Игорю Северянину.

По полям скитался целый день…
Все вокруг так солнечно и молодо…
А вдали, над дымом деревень,
Разлилось сиреневое золото…
Вдалеке кудрявится сирень,
И сирень к груди моей приколота…
Хорошо и сладостно и лень,
И горит негаснущее золото…

1915. Август.

15

К. (автоматически?) припоминает уничижительный эпитет, которым наделил Ф. М. Достоевского В. И. Ленин в письме к И. Ф. Арманд, оценивая роман В. Винниченко «Заветы отцов»: «… архискверное подражание архискверному Достоевскому».[62]

16

Плакат с латинским изречением «Nulla dies sine linea» («Ни дня без строчки») висел у Эмиля Золя над камином. Когда К. писал «АМВ», он по-французски читал монографию Армана Лану «Бонжур, мсье Золя».[63] 1-ое издание книги «Ни дня без строчки», составленной О. Г. Суок-Олешей, М. Громовым и В. Б. Шкловским на основе многолетних записей Ю. Олеши, вышло в 1965 г. Сам Олеша склонялся к заглавию «Слова, слова, слова»;[64] ср. однако «катаевский» вариант заглавия с одной из поздних записей Олеши: «Прощание с миром».[65]

17

См. эту сцену: *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: в 10-ти тт. Т. 5. Л., 1978. С. 283. Дополнительный смысловой оттенок заглавия катаевского произведения выявляется при чтении одного из эпизодов его романа «Разбитая жизнь, или волшебный рог Оберона» (1969–1972). Здесь рассказывается о том, как в детстве К. самостоятельно и с воодушевлением производил известный физический опыт с металлической проволокой и солью, наглядно иллюстрирующий явление кристаллизации. «Каждый раз, когда я читаю „Бориса Годунова“ и дохожу до того места, где Марина говорит своей горничной: „Алмазный мой венец“ — я вижу черный шкаф и на нем стакан с насыщенным раствором поваренной соли, а в этом растворе блестит уже совсем готовая коронка».[66]

18

Среди тех близких знакомых К., о ком он *не* пишет в «АМВ» — композитор Сергей Сергеевич Прокофьев (1891–1953), писатели Константин Георгиевич Паустовский (1892–1968) и Алексей Николаевич Толстой (1883–1945).

19

Ср. у Е. Б. Рейна: «Я однажды спросил Валентина Петровича, почему он так и не выпустил книги стихов. Они ведь нравились Бунину, Мандельштаму, Багрицкому — это ли не путевка в поэзию! Престарелый Катаев только развел руками и вымолвил: „Не судьба“».[67]

20

Семен Иосифович (Осипович) Кесельман (Кессельман) (1889–1940), одесский поэт, некоторые свои стихи подписывавший псевдонимом «Эскесс» — «Эс». «Кес<ельман>».[68] Ср. с шутливым псевдонимом, под которым И. Ильф и Е. Петров спрятали поэта Николая Тихонова в своем романе «Двенадцать стульев»: «Энтих».[69] Имена Кесельмана и К. соседствуют в мемуарах Александра Биска: «Одним из самых слабых считался у нас [в литературном кружке „Среда“ — *Коммент.*] Валентин Катаев: первые его вещи были довольно неуклюжи; я рад сознаться, что мы в нем ошиблись. <Не> все молодые писатели вышли на большую дорогу. Очевидно, кроме таланта нужно и счастье, и уменье подать себя. Что стало, например, с Семеном Кессельманом, очень талантливым поэтом, которого я лично ставил выше всех остальных? Он прекрасно умел передать чувство одиночества в большом городе».[70] Ср. с автоаттестацией К. из альбома А. Крученых: «Нас в Одессе было трое „популярных“ поэтов: Багрицкий, Катаев, Олеша. На этой тройке Одесса и въехала в Москву».[71]

21

Благодаря любезности С. З. Лущика, мы имеем возможность привести полный текст этого ст-ния С. Кесельмана 1914 г. по изд: Шелковые фонари: Стихи. Одесса, 1914. С. 24:

ЗИМНЯЯ ГРАВЮРА

Воздух ясен и деревья голы,
Хрупкий снег, — как голубой фаянс;
По дорогам Англии веселой
Вновь трубит старинный дилижанс.

Вечер тих. За дальней снежной крышей
Гаснет в небе золотая гарь;
У таверны, над оконной нишей
Гном зажег решетчатый фонарь.

У ворот звенит твоя коляска,
Ты взошла на скользкое крыльцо, —
У камина вспыхнувшая сказка
Озарила бледное лицо.

Наше счастье юное так зыбко
В этот зимний, в этот тихий час,
Словно Диккенс с грустною улыбкой
У камина рассказал о нас.

22

Ср.: «А над Невой — посольства полумира» (О. Мандельштам. «Петербургские строфы», 1913).

23

Карл Маркс (1818–1883) жил в Лондоне с 1849 г. и до самой своей смерти.

24

Благодаря любезности С. З. Лущика, мы имеем возможность привести полный текст этого ст-ния С. Кесельмана по изданию: Огоньки. Литературно-художественный еженедельник. Одесса. 1918. 8 июня (27 мая). С. 1:

АГНЕССА

Лишь только в сумраке закроют двери
И грусть моя сольется с полутьмой,
Из синевы далеких повечерий
Плывет в мечтах старинный Кентербери,
Засыпан белой английской зимой.

Я вижу Вас, притихшая Агнесса,
И розы платья Вашего цветут
То в церкви, где звенит простая месса,
То у камина, где школяр-повеса
В скрипучем кресле учит скучный ut.

Я помню голос нежный и несмелый,
Каштанов треск на золотых дровах,
Когда померкнет день оледенелый, —
И ветвь темнозеленую омелы
Над очагом веселым Рождества.

Вы плачете, Агнесса, Вы поете
О юности фарфоровой, — как встарь,
Мелькают дни в стремительном полете:
Над книгой сказок в ветхом переплете
Весна качает голубой фонарь…

Все тише песня синих повечерий;
В глухом снегу сверкающей пурги
Все призрачней старинный Кентербери.
Бледнеет ночь, — и у стеклянной двери
Я слышу Ваши тихие шаги.

25

Предреволюционные стихи Игоря Северянина (1887–1941) настолько часто подвергались пародированию, что это дало повод современной исследовательнице назвать Северянина «пародической личностью».[72]

26

Манера Игоря Северянина читать стихи описана, например, в мемуарах Б. К. Лившица: «Как известно, он пел свои стихи — на два-три мотива из Тома: сначала это немного ошарашивало, но, разумеется, вскоре приедалось».[73] В своей пародии С. Кесельман вышучивает не какое-то конкретное поэтическое произведение Северянина, но сюжеты и экзотический словарь сразу нескольких его ст-ний. Ср., например, в северянинском «Грандиозе» (1910): «Все наслажденья и все эксцессы // Все звезды мира и все планеты // Жемчужу гордо в свои сонеты, — // Мои сонеты — колье принцессы!», а также в его ст-нии «Письмо из усадьбы» (1910), написанном от лица истомившейся по любовнику женщины. Упомянем также о юмористическом рассказе С. Кесельмана «Муж», где сходная ситуация описана от лица любовника.[74] В этом же номере «Молодого журнала» были помещены «Литературные заметки» Г. Цагарели, где творчество Кесельмана характеризовалось следующим образом: «…несмотря на молодость поэта С. Кесельмана, в его стихах можно найти все признаки наличности поэтического темперамента и художественного чутья автора. Обстановка поэзии С. Кесельмана: вечер, сумерки. В полумгле неясные очертания предметов, людей, притихшие звуки. Я люблю стихи С. Кесельмана за их нежность, временами доходящую до сентиментальности, за тонкий, покрытый полупрозрачной дымкой рисунок».[75]

27

Подробнее о «Литературке» (Одесском Литературно-Артистическом обществе) см., например, *Азадовский Константин.* Александр Биск и одесская «Литературка» // Диаспора. Новые материалы. I. Париж—СПб., 2001. «Кружок молодых поэтов» был организован журналистом и фельетонистом Петром Моисеевичем Пильским (1879–1941), который 27 мая 1914 г. напечатал в одесских газетах следующее объявление: «Поэтам Одессы. Этой зимой возникла мысль об устройстве вечера молодых поэтов юга <…>. Я прошу молодых поэтов собраться в литературном клубе сегодня в 9 час. вечера».[76] 15 июня 1914 г. состоялся вечер «Кружка молодых поэтов» в курзале Хаджибейского лимана (дачное место под Одессой).

История знакомства К. с Э. Багрицким подробно описана К. в мемуарном очерке «Встреча».[77] Эдуард Григорьевич (Годелевич) Багрицкий (наст. фамилия Дзюбин, 1895–1934), был одним из ближайших друзей К. одесского периода. Согласно воспоминаниям С. Г. Гехта, Багрицкий «читал наизусть <…> стихи В. Катаева, которые вряд ли помнит сам Катаев».[78] Однако в 1935 г. К. говорил Г. И. Полякову, что Багрицкий «мог сделать безумную гадость человеку, ничего ему не сделавшему».[79] Над своим программным ст-нием «Птицелов» Багрицкий работал с 1918 по 1926 г. Ср. также в его автобиографической поэме «Февраль» (1933–1934): «Как я, рожденный от иудея, // Обрезанный на седьмые сутки, // Стал птицеловом — я сам не знаю!». Заглавие «Птицелов» носит одна из главок мемуаров о Багрицком К. Г. Паустовского.[80]

29

Ср. у Ю. Олеши: «Также был еще в Одессе поэт Семен Кессельман, о котором среди нас, поэтов более молодых, чем он, ходила легенда, что его похвалил Блок… Этот Кессельман, тихий еврей с пробором лаковых черных волос…».[81] Вдова С. Кесельмана уверяла, «что никогда не слышала от мужа о блоковском письме: „Не может быть, чтобы он не сказал бы ей об этом“ (разговор 27 июля 1978)».[82]

30

Эту эпиграмму приводит в своих воспоминаниях об Э. Багрицком и З. Шишова: «Об одесском поэте Семене К., который появлялся в обществе исключительно об руку с мамашей, Эдя написал: [далее следует текст эпиграммы — *Коммент.*]».[83]

31

Благодаря любезности С. З. Лущика, мы имеем возможность привести полный текст этого ст-ния С. Кесельмана 1913 г. по изданию: Одесские новости. 1915. 22 марта (4 апреля). С. 2 (возможно, К. предположил, что именно это ст-ние понравилось Блоку потому, что оно позднее было перепечатано в известном петроградском журнале: Новый Сатирикон. 1916. № 49 (1 декабря). С. 5):

СВЯТОЙ НИКОЛАЙ

Прибой утих. Молите Бога,
Чтоб был обилен наш улов.
Страшна и пениста дорога
По мутной зелени валов.

Печальны песни нашей воли,
Простор наш древен и велик,
Но нас хранит на зыбком поле
Прибитый к мачте темный лик.

Туманны утрение зори,
Плывет сентябрь по облакам;
Какие сны на синем море
Приснятся темным рыбакам?

Темна и гибельна стихия,
Но знает кормчий наш седой,
Что ходят по морю святые
И носят звезды над водой.

32

На самом деле, после революции С. Кесельман работал юрисконсультом в одесском Гостиничном тресте.

33

С. Кесельман умер своей смертью, от сердечной болезни, перед войной. В начале оккупации вдова поэта, Милица Степановна Зарокова, опасаясь надругательства над могилой мужа, убрала с кладбища и спрятала надгробную табличку с именем Кесельмана. Мать поэта скончалась задолго до этого, не позднее самого начала 1930-х гг.[84]

Владимира Владимировича Маяковского (1893–1930), чей «псевдоним» в «АМВ», по замечанию современного исследователя, отразил сочетание в Маяковском «бендеровского озорства с величественностью Каменного Гостя».[85] В «АМВ» о В. Маяковском говорится часто, но понемногу, вероятно, потому, что до этого он уже побывал одним из главных героев катаевской «Травы забвенья».[87] О портрете Маяковского в «Траве забвенья» не жаловавшая Катаева Л. Ю. Брик писала Эльзе Триоле (6.5.1967 г.): «Все наврано!! Все абсолютно не так».[88] См. также иронические строки из ст-ния Маяковского «Соберитесь и поговорите-ка» (1928): «Мы знаем, // чем // фаршировал Катаев, // и какие // формы у Катаева», а также реплику Маяковского об очерке К. «То, что я видел»,[89] прозвучавшую в выступлении поэта на дне комсомола Красной Пресни 25 марта 1930 г.: «Очень часто говорят, что писатель должен войти в производство, а для этого какой-нибудь Катаев покупает за сорок копеек блокнот, идет на завод, путается там среди грохота машин, пишет всякие глупости в газете и считает, что он свой долг выполнил. А на другой день начинается, что это — не так и это — не так».[90] Несмотря на столь жесткую критику, К. все же отстаивал свой очерк. См. его записку в изд-во «Земля и Фабрика»: «В РИО Зиф’а. Согласен на перепечатку очерка „То, что

я видел“ в сборнике о социалистическом соревновании. Валентин Катаев».[91] По сведениям, исходящим от недоброжелателей К., в последний вечер жизни автора «Во весь голос» К. «подсказал Маяковскому *выход*», «крикнув ему вслед: „Не вздумайте повеситься на подтяжках!“».[92]

35

Аллюзия на поэтический цикл В. Маяковского «Париж» (1924–25). В 1925 г. этот цикл вышел отдельной книжкой, причем на обложке работы А. М. Родченко было помещено крупное фото Эйфелевой башни.

Осип Эмильевич Мандельштам (1891–1938). Его отношение к К. было, по-видимому, двойственным. С одной стороны, в своей «Четвертой прозе» (1929/30) О. Мандельштам назвал К. «мерзавцем».[93] С другой стороны, согласно воспоминаниям Н. Я. Мандельштам, «О. М. хорошо относился к Катаеву: „В нем есть настоящий бандитский шик“, — говорил он».[94] Ср. в конспекте, который Н. А. Подорольский вел на вечере К. 14.03.1972 г.: «С Мандельштамом дружили».[95] Заслуживает быть упомянутым то обстоятельство, что в 1930-е гг. К. помогал семье Мандельштамов материально. Свидетельство В. В. Шкловской-Корди: «Осип Эмильевич говорил Катаеву: „Почему ты так… Назначь мне сто рублей в месяц. Тебе это ничего не стоит. Но регулярно. Чтобы мне не просить каждый раз“».[96] В письме-доносе Н. И. Ежову от 16.3.1938 г. ген. секретарь СП СССР В. П. Ставский сообщал: «Его [Мандельштама — *Коммент.*] поддерживают, собирают для него деньги, делают из него „страдальца“ — гениального поэта, никем не признанного. В защиту его открыто выступали Валентин КАТАЕВ, И. ПРУТ и другие литераторы, выступали остро».[97] Появление в «АМВ» прозвища Мандельштама вслед за прозвищем Маяковского было «предсказано» в «Траве забвенья», где описана встреча этих двух поэтов в магазине Елисеева: Мандельштам «был в этот момент деревянным щелкунчиком с большим закрытым ртом, готовым раскрыться как бы на шарнирах и раздавить Маяковского, как орех».[98]

37

Приводимое К. стих. О. Мандельштама 1930 г. на самом деле обращено к жене, Надежде Яковлевне Мандельштам (урожд. Хазиной) (1899–1980).

Ольги Владиславовны Олеша и Ольги Густавовны Суок (о ней см. коммент. {332}).

39

«Донна Анна спит, скрестив на сердце руки, // Донна Анна видит сны…» (Ал. Блок. «Шаги Командора», 1912). Цитата из этого блоковского ст-ния (ключевого подтекста сразу нескольких эпизодов «АМВ») в данном случае предсказывает появление Э. Багрицкого уже в следующем абзаце произведения К. Чтение Багрицким «Шагов Командора» описано многими мемуаристами, например, Г. Н. Мунблитом: «Прочел он „Шаги командора“, в которых по-блоковски волшебно и страшно описаны последние часы „познавшего страх“ Дон-Жуана. В тех местах, где, словно звон погребального колокола, повторяется имя донны Анны, Багрицкий понижал голос и почти пел, раскачиваясь и притоптывая ногой».[99]

40

В своей автобиографии Э. Багрицкий сообщает, что стихи он «начал писать» в 1912–1913 гг.[100] Однако те два ст-ния, которые цитирует далее К., написаны в 1915 г. Речь в этом эпизоде «АМВ» идет о 1914 г.

41

Ср. в мемуарах Б. Б. Скуратова о том, как они с Э. Багрицким посещали одесскую пивную, «обмотав пуговицы ученических тужурок специально изготовленными черными коленкоровыми лентами и запрятав подальше форменные фуражки».[101] В мемуарном очерке К. «Встреча» молодой Багрицкий предстает «юношей в форменной куртке с отрезанными пуговицами».[102]

42

По-видимому, катаевский приятель Владимир фон Дитрихштейн (1889–1967). Его шаржированный портрет см.: «Трава забвенья».[87] С. 226–228.

43

Чуть более обширный отрывок из этого, по-видимому, не сохранившегося ст-ния Э. Багрицкого 1912 или 1913 г. приведен в мемуарах К., напечатанных в сборнике: Эдуард Багрицкий. Альманах. М., 1936. С. 182.

44

Ср. в мемуарах З. Шишовой: «У Багрицкого было всего три изъяна: не хватало переднего зуба, не сгибался палец на правой руке и щеку пересекал шрам („фистула“ — знали мы, „сабельный шрам“ — думали девушки)»[103] и А. Штейнберга: «…на ржавой кровати в белом войлочном ламаистском халате, как буддийский монах из Тибета, поджав под себя ноги, сидел громадного размера мужчина с огромной копной волос цвета перца-соли и с выбитым передним зубом».[104]

45

Ср. с описанием манеры чтения стихов молодым Э. Багрицким в мемуарах П. Ершова: «Багрицкий <…> охотно и блестяще читал свои поэмы (у него и лирические стихи превращались в поэмы), широко размахивая рукой, подчеркивая музыку стиха <,> особо скандируя».[105]

Упрек, которым советские критики отделывались от ранних стихов автора «Смерти пионерки». Ср. с признанием самого Э. Багрицкого, сделанным С. И. Липкину в 1920-м г.: «Я его любил, но теперь с ним прощаюсь, другая жизнь у нас, хочу ею дышать». [106] См. также в «Стихах о поэте и романтике» (1925) Багрицкого: «Депеша из Питера: страшная весть // О черном предательстве Гумилева».

47

Ср., например, у А. Биска: «Самым талантливым мы считали Багрицкого, мы все увлекались его первыми стихами, в них было много силы и красок, бесшабашной удали»[107] и у А. Е. Адалис: «В юности, в Одессе, Эдя считался нашим главарем».[108]

«Шелковые фонари» (1914), *«Серебряные трубы»* (1915), *«Авто в облаках»* (1915) — во всех этих одесских альманахах (кроме первого) Э. Багрицкий печатал свои стихи.

49

Неточно цитируется ст-ние Э. Багрицкого «Креолка» 1915 г. (в котором, отметим, появляется «смеющийся мулат»; эти строки К. намеренно (?) не цитирует. В одной из последующих сцен «АМВ» поэзия Багрицкого будет сопоставлена с поэзией Б. Пастернака — «мулата»).

50

Ср. в рассказе К. «Бездельник Эдуард» об излюбленном времяпрепровождении Э. Багрицкого: «…он совершенно не вставал с постели, с утра до ночи читал романы Стивенсона, отрываясь от чтения лишь для еды».[109]

51

«Крепче Майн-Рида любил я Брэма! // Руки мои дрожали от страсти, // Когда наугад раскрывал я книгу… // И на меня со страниц летели // Птицы, подобные странным буквам, // Саблям и трубам, Шарам и ромбам» (Из поэмы Э. Багрицкого «Февраль», 1933–1934).

52

Ср. в записях Ю. Олеши: «…мне вспомнилась его затхлая еврейская квартира в Одессе, с большими и неуютными предметами мебели, с клеенкой на обеденном столе и окнами, выходящими в невеселый двор <…> Багрицкий болел бронхиальной астмой, унаследованной им от отца, разорившегося, а может быть, не успевшего разбогатеть торгового маклера, которого я видел только один раз, выходящим из дверей с керосиновой лампой в руках».[110] Ср., однако, в записях Г. И. Полякова об имущественном положении отца поэта, Годеля Дзюбина (втор. половина 1860-х — 1919?): «Семья была средней зажиточности, с достатком, имелась домашняя работница».[111] Ср. также в мемуарах Б. В. Бобовича: «Жили Дзюбины на Ремесленной улице в маленькой двухкомнатной квартире, уютной, хорошо прибранной».[112]

53

Неточно цитируются строки из ст-ния Э. Багрицкого «Дионис» (1915).

54

Ср. в цитировавшихся выше в комментарии воспоминаниях З. Шишовой, а также в мемуарах Б. Б. Скуратова: «Он сидел на широкой кровати с черной повязкой на долго не заживающей ране на щеке (последствия флюса)».[113]

В частности, 11 апреля 1974 г., то есть — в том же году, когда К. путешествовал по Европе, террористическая организация Народный Фронт Освобождения Палестины захватила самолет с заложниками в городе Аль-Хаис (Саудовская Аравия).

56

Евгением Петровичем Катаевым (псевдн. Петров, 1903–1942), о взаимоотношениях которого с К. жена автора «АМВ», Эстер Катаева, вспоминала: «Когда Валя откуда-нибудь приезжал, первое, что он делал, это звонил Женьке».[114] Выразительную деталь давнего итальянского путешествия семьи Катаевых в Италию, касающуюся будущего Евгения Петрова, находим в романе К. «Разбитая жизнь, или волшебный рог Оберона», где рассказывается, что «в Милане возле знаменитого собора его сбил велосипедист, и он чуть не попал под машину».[115]

57

Неточно цитируется ст-ние О. Мандельштама 1915 г.

Имена из этого списка кочуют из мемуаров в мемуары об Э. Багрицком. Исключение: свидетельство К. о том, что поэт любил рассказ Н. С. Лескова «Шерамур (Чрева-ради юродивый)» (1879).

59

То есть потомков европейцев, смешавшихся с сирийскими и ливанскими арабами. В данном случае, К. шутливо называет левантинцами одесситов. Ср. в статье В. Б. Шкловского «Юго-Запад» (1933) об Одессе: «Город, когда-то бывший городом анекдотов, город русских левантинцев <…> Одесские левантинцы — люди культуры Средиземного моря — были, конечно, западниками».[116] Ср. также у К. Г. Паустовского: «У нас в Советском Союзе есть свои „левантийцы“. Это „черноморцы“ — <…> люди <…> жизнерадостные, насмешливые, смелые и влюбленные без памяти в свое Черное море».[117]

Сергеем Александровичем Есениным (1895–1925). Достоверность некоторых страниц «АМВ», посвященных взаимоотношениям К. с этим поэтом весьма сомнительна. Создается впечатление, что их шапочное знакомство под пером мемуариста сознательно преображено в закадычную дружбу. Ср., например, с неподтвердившимся (в чем будет иметь возможность убедиться читатель этого комментария) предположением Е. А. Евтушенко: «Может быть, <…> история его [К. — *Коммент.*] драки с Есениным, когда они катились по лестнице из квартиры Асеева, <…> есть плод безудержно щедрой фантазии?»[118]

61

О восприятии С. Есениным поэзии Э. Багрицкого см. в мемуарах В. Б. Шкловского: «Это было на углу Тверской и Леонтьевского переулка. Сюда нас привел с улицы Есенин. Есенин был с молодым, похожим на него, белокурым человеком [Багрицким — *Коммент.*]. Тот был повыше Есенина и с таким же, как будто уже налитым водою, бледным лицом. Багрицкий читал „Стихи о соловье и поэте“ <…> Есенин не слушал, не принимал».[119]

62

Памятник А. С. Пушкину был открыт в начале Тверского бульвара в 1880 г. (скульптор А. Опекушин, архитектор И. Богомолов). На том месте, где сейчас находится Пушкинская площадь, в 1646 г. была построена церковь Страстной Богоматери (в церкви находилась икона Богородицы, где были изображены также орудия, которыми мучили Христа). В 1654 г. был основан Страстной монастырь. В 1937 г. он был снесен, а площадь переименована из Страстной в Пушкинскую в связи со 100-летием со дня гибели поэта. В 1950 г. здесь было закончено устройство сквера и на площади был установлен перенесенный с Тверского бульвара памятник Пушкину.

63

Из ст-ния В. Маяковского «Юбилейное» (1924).

64

Ср. в воспоминаниях И. А. Рахтанова о том, как Э. Багрицкий «в пятнадцать минут», на пари, должен был придумать стихотворение о медведе для детей. «Пари было выиграно».[120] Свой вариант ст-ния о медведе (соревнуясь с Багрицким?) сочинил и Ю. Олеша, горделиво констатировавший в альбоме, составленном А. Е. Крученых: «Медведь. Сонет на заданную тему, написанный в 12 минут (честное слово!)».[121] Приведем здесь текст этого сонета Олеши по автографу:[122]

МЕДВЕДЬ (ЭКСПРОМТ-ШУТКА)

сонет

Его лицо, как бронза или медь —
Сожженное морозом, как пожаром —
Под солнцем, что выкатывалось шаром,
Он шел, чтоб победить, иль умереть…

Его хватал кустарник, точно сеть,
А он шагал, дыша огнем и паром, —
Нож запылал и сломленный ударом
К ногам охотника упал медведь.

И возвращался он, сугробы руша.
Тяжелая за ним влеклася туша,
Он уставал, он падал, изнемог.

О, если бы, ножу слепому веря
Я как охотник, уложил бы зверя
И положил ковром у ваших ног.

В записях Олеши рассказывается, как Багрицкий «в пять минут» сочинил сонет на тему «камень», дабы посрамить одесского «буржуазного профессора». Из этого испытания он также вышел победителем: «— Простите меня! — кричал профессор. — Я верю вам! Верю! Хоть и трудно поверить, но верю!».[123] См. также у Л. Я. Гинзбург: «Одно из проявлений блестящего профессионализма Багрицкого — его пятиминутные сонеты <…> У меня сохранился автограф одного из этих

сонетов-импровизаций. Написан он в Кунцеве, в январе 1928 года, на заданную мною тему: „Одесса“. Багрицкий написал его в шесть с половиной минут, то есть опоздал на полторы минуты. Он был огорчен этим, сердился и говорил, что мы, гости, мешали ему своими разговорами».[124] У К. победителем предстает скорее С. Есенин — его ст-ние о Пушкине запомнилось мемуаристу, а сонет Багрицкого — нет.

65

Экспромт С. Есенина приводится с небольшой неточностью (у Есенина: «Нам не нужно…»). Как «подмалевком» Есенин в данном случае воспользовался собственными строками «Я скажу: „Не надо рая…“» из ст-ния «Гой ты, Русь моя родная…» (1915). К. умалчивает о том, что он тоже принял участие в описываемом поэтическом соревновании. Приведем здесь сонет К. «Разговор с Пушкиным»:[125]

Когда закат пивною жижей вспенен
И денег нету больше ни шиша,
Мой милый друг, полна моя душа
Любви к тебе, пленительный Есенин.

Сонет, как жизнь, суров и неизменен,
Нельзя прожить сонетов не пиша.
И наша жизнь тепла и хороша,
И груз души, как бремя звезд — бесценен.

Нам не поверили в пивной в кредит,
Но этот вздор нам вовсе не вредит.
Доверье… Пиво… Жалкие игрушки.

Сам Пушкин нас благословляет днесь:
Сергей и Валентин и Эдуард — вы здесь?
— Мы здесь. — Привет. Я с вами вечно. Пушкин.

В интервью, опубликованном уже после появления «АМВ» в печати, К. рассказал: «В одном месте (помните?) я цитирую сонет королевича — Есенина? Он в тот вечер был записан на обложке какого-то журнала. И вот, когда вышла книга, я неожиданно получил из Тбилиси от одного из читателей этот журнал».[126]

67

Вероятно, скрытая цитата из хрестоматийно-известного стния Б. Пастернака «Быть знаменитым некрасиво…», 1956 («Не надо заводить архива, // Над рукописями трястись»), «предсказывающая» появление «парного» портрета Есенина и Пастернака на страницах «АМВ».

68

Из 7-ой гл. романа А. С. Пушкина «Евгений Онегин».

69

Из Харькова, в 1922 г.

70

Из ст-ния В. Маяковского «Москва — Кенигсберг» (1923).

71

В конце октября — начале ноября 1917 г. в Москве проходили ожесточенные бои между красногвардейцами и верными Временному правительству формированиями. 28 октября юнкерам удалось взять Кремль (до этого там находились красногвардейцы). С 1 ноября в Кремле действовал штаб сопротивления большевикам — Комитет общественной безопасности. Красногвардейцы обстреливали Кремль из артиллерийских орудий из Китай-города, с Крымского моста, Швивой горки и Воробьевых гор. Подавляя сопротивление юнкеров, большевистские отряды двигались с рабочих окраин к центру Москвы. Упорное противодействие красногвардейцы встретили в ряде мест города, в частности у Никитских ворот. Свидетелем боя за это место Москвы стал К. Г. Паустовский, который жил тогда в доме, стоявшем на месте незастроенной площадки перед нынешним зданием ИТАР-ТАСС. Там, где позднее, в 1923 г., был открыт памятник К. А. Тимирязеву, находился дом Гагарина. Во время боев он был подвергнут артиллерийскому обстрелу, отчего загорелся. Горел и дом Ярославской мануфактуры (Тверской бульвар, 46). Пострадал дом Колокольцева; тяжелые бои шли за здание кинотеатра «Унион» (Б. Никитская, 23 — позднее здесь был «Кинотеатр повторного фильма») и дом Соколова — на его месте теперь стоит здание ИТАР-ТАСС. Какую в точности аптеку имеет в виду К., неясно. Аптека в этом месте города была не одна. В частности, аптека и склад медикаментов находились в упомянутом доме Гагарина в торце Тверского бульвара, но эта аптека не сохранилась. Существует картина Э. Лисснера, запечатлевшая бой у Никитских ворот, причем автор не забыл изобразить и вывеску аптеки. Александровское военное училище находилось на Знаменке, в доме, выстроенном для Апраксиных в конце XVIII века. Юнкера училища приняли активное участие в борьбе с отрядами Красной гвардии и сдались только 3.11.1917 г., в последний день боев (3 ноября революционеры заняли Кремль). После Октября 1917 г. в бывшем Александровском училище расположился Реввоенсовет. В 1944–46 гг. здание было радикально перестроено М. Посохиным и А. Мндоянцем. Ныне принадлежит Министерству обороны РФ.

72

Ср., однако, в мемуарах И. Б. Березарка: «Из-за границы Владимир Владимирович привез автомобиль. Тогда личная машина была редкостью. Маяковский любил катать товарищей. Я ездил на этой машине неоднократно».[127]

73

Речь идет о Лиле Юрьевне Брик (1891–1978), главной адресатке любовной лирики В. Маяковского. 10.11.1928 г., в ответ на многократные просьбы о покупке автомобиля, поэт сообщал ей из Парижа в Москву: «Покупаю рено. Красавец серой масти 6 сил 4 цилиндра кондуит интерьер. Двенадцатого декабря поедет в Москву».[128]

О манере Маяковского сочинять стихи на ходу см., например, у Р. Я. Райт-Ковалевой: «…он часто с утра уходил в лес с записной книжкой и работал, бормоча на ходу, расхаживая взад и вперед по какой-нибудь одной полянке или дорожке, как по своей комнате». [129]

Уже в 1918 г. Моссовет начал разработку плана «Новой Москвы». Руководить этой работой были поставлены А. Щусев и И. Жолтовский. Но до воплощения планов в жизнь тогда было далеко. Новым этапом в проектировании переустройства города стал план, представленный А. Щусевым в 1923 г. Он предусматривал реконструкцию города в сочетании с сохранением его традиционного облика и историко-архитектурного наследия. Однако, несмотря на протесты общественности, уже в 1920-е гг. разрушено было немало. Первый снос церковного здания — уничтожение часовни Александра Невского у Охотного ряда — состоялся в 1922 г.; в 1925 г. была снесена церковь Введения на Лубянке. Начало было положено. В 1931 г. было принято решение о разработке Генерального плана реконструкции Москвы; в 1935 г. он был принят (руководитель проекта — главный архитектор Москвы В. Семенов). Хотя план сформулировал целый ряд вполне правильных направлений развития города, он узаконил и нигилистический подход к городскому наследию. Выполнение этого плана привело к ликвидации многочисленных памятников московской старины и существенному искажению городского лица.

76

Тверская ул. (с 1932 по 1990 гг. — ул. Горького) в советское время подверглась радикальной реконструкции. Масштабные изменения постигли улицу во второй половине 1930-х гг. Она была расширена в два-три раза, некоторые старые дома передвинуты, многие снесены и перестроены.

77

Большинство современных мостов в центральной части города были выстроены после принятия Генерального плана реконструкции Москвы, в 1936–1939 гг.: Большой Краснохолмский, Большой и Малый Устьинские, Большой Москворецкий, Большой Каменный, Крымский; Новоспасский мост был реконструирован.

78

Московский Метрополитен вступил в действие в мае 1935 г. Строительство метро началось тремя годами ранее, весной 1932 г. Первая линия московского метро — от «Сокольников» до «Парка культуры». 20 мая 1937 г. началось движение от «Смоленской» до «Киевской». В марте 1938 г. поезда пошли от «Площади Революции» до «Курской». В этом же году вошла в строй линия «Площадь Свердлова» (ныне «Театральная») — «Сокол».

79

Строительство храма Христа Спасителя было задумано в 1812 г. Он должен был стать зримым свидетельством помощи Провидения в борьбе с нашествием Наполеона и памятником всем погибшим в Отечественной войне. В 1817 г. был утвержден проект А. Витберга, предусматривавший возведение храма на Воробьевых горах. В силу ряда причин проект не был реализован. В 1827 г. Николай I выбрал другое место. В 1831 г. К. Тон создал новый проект храма в «русско-византийском» стиле. Строительство было начато в 1839 г., а в 1883 г. храм был освящен. 5.12.1931 г. он был взорван. На освободившемся месте предполагалось возвести грандиозный Дворец Советов. Строительство было прервано началом Отечественной войны 1941–1945 гг. Позднее котлован использовали для сооружения бассейна «Москва» (вступил в действие в 1960 г.; архитектор Д. Чечулин).

80

Елену Афанасьевну Булгакову (1902–1954) — младшую сестру М. Булгакова. См. о ней в коммент. {242}.

81

Памятник Н. В. Гоголю работы Н. Андреева был открыт на Арбатской площади в торце Пречистенского бульвара в 1909 г., к 100-летию со дня рождения писателя. В 1952 г., когда исполнялось 100 лет со дня смерти Гоголя, андреевский памятник, очевидно, не соответствовавший казенному оптимизму, был отправлен в Донской монастырь — туда, где уже находились некоторые уцелевшие барельефы уничтоженного храма Христа Спасителя. На месте убранного памятника появился новый, работы Н. Томского, с характерной надписью: «От правительства Советского Союза». В 1959 г. андреевский памятник установили у дома, где Гоголь прожил последние годы жизни, сжег рукописи второго тома «Мертвых душ» и умер. В гоголевское время дом на Никитском бульваре принадлежал знакомому писателя, графу А. П. Толстому.

82

Аллюзия на строку из ст-ния О. Мандельштама «На розвальнях, уложенных соломой…» (1916): «Ныряли сани в черные ухабы…».

83

В 1781 г., в царствование Екатерины II, было начато строительство первого московского водопровода, по которому родниковая вода из обильного ключами села Мытищи должна была прийти в первопрестольную. Фактически, мытищинская вода пришла в Москву в 1830 г. В центре города были сооружены водоразборные фонтаны, которые спроектировал И. Витали. Один из них находился на Лубянской площади (установлен в 1835 г., не сохранился). На соседней Театральной площади и сейчас можно видеть другой, сохранившийся фонтан работы Витали — «Играющие амуры» (1835).

84

В пореволюционные годы Мясницкую пытались переименовать в улицу Первого мая. Как ни странно, новое название не удержалось. В 1934 г. по Мясницкой от Ленинградского вокзала к центру Москвы проследовал траурный кортеж с привезенным в Москву гробом убитого С. М. Кирова. Это событие послужило причиной переименования улицы: 14 декабря 1934 г. Мясницкая стала ул. Кирова. С 1990 г. — снова Мясницкой.

85

Видный партийный деятель Сергей Миронович Киров (наст. фамилия Костриков, 1886–1934), пал жертвой убийцы 1.12.1934 г. при загадочных обстоятельствах. Его гибель послужила сигналом к началу «большого террора», развязанного И. В. Сталиным. Ср. впечатления К. с фрагментом анонимного отчета, появившегося в «Правде»: «Медленно движется траурная процессия. Позади — Комсомольская площадь, Гавриков переулок. И вот плавные и торжественные аккорды Шопена заполняют сверху донизу все узкое дефиле Мясницкой. Кажется, мы движемся сквозь исполинский зал, задрапированный в красный и черный цвета и убранный бесчисленным количеством портретов погибшего бойца <…> В 12 часов 15 минут траурное шествие достигло Дома союзов».[130]

86

Тургеневская читальня (читальня имени И. С. Тургенева) была открыта в 1885 г. по инициативе В. А. Морозовой, финансировавшей устройство одной из первых в городе бесплатных и общедоступных библиотек. Здание постройки Д. Чичагова находилось в конце Сретенского бульвара у Мясницких ворот. В этом же месте города проходили Водопьяный и Тургеневский переулки. Водопьяный шел от Мясницкой к Уланскому переулку. В 1972 г. Тургеневская читальня была снесена; в 1970-е гг. были ликвидированы и все остальные постройки в этой части города. Ныне практически все образовавшееся после сноса пространство на Тургеневской площади занято автостоянкой. С сентября 1920 г. Л. Ю. Брик, Осип Максимович Брик (1888–1945) и В. В. Маяковский проживали в Москве по адресу: Водопьяный переулок, д. 3, кв. 4.

Открещиваясь от подобных намеков, Л. Ю. Брик разъясняла: «Только в 1918 году я могла с уверенностью сказать О. М. [Брику — *Коммент.*] о нашей любви [с Маяковским — *Коммент.*]. С 1915-го года мои отношения с О. М. перешли в чисто дружеские, и эта любовь не могла омрачить ни мою с ним дружбу, ни дружбу Маяковского и Брика <…> Мы с Осей больше никогда не были близки физически, так что все сплетни о „треугольнике“, „любви втроем“ и т. п. — совершенно не похоже на то, что было».[131]

88

Ср. в мемуарах П. В. Незнамова: «На столе стоял большой самовар, все пили чай. Время от времени появлялась Аннушка — пожилая домработница. Все съедобное, что было в квартире, находилось на столе».[132] Журнал «Леф» издавался в 1923–25 гг. В его редколлегию входили: В. В. Маяковский (отв. редактор), Б. И. Арватов, Н. Н. Асеев, О. М. Брик, Б. А. Кушнер, С. М. Третьяков, Н. Ф. Чужак. О кондитерской Бартельса — см. коммент. {424}. Кондитерская Дюваля располагалась в д. № 35 по ул. Покровка, на углу с Машковым переулком (ныне — ул. Чаплыгина).

89

Ср. в мемуарах К. Асеевой: «Дверь в нашу комнату была из фанеры, окрашена мелом. Когда кто-нибудь из друзей и знакомых приходил к нам и не заставал дома, то оставлял свою подпись на белой странице двери. Так постепенно с течением времени почти вся дверь заполнилась автографами».[133] Характерная для «АМВ» подмена: изображается дверь в квартиру Асеевых, но поскольку на этой двери выведен стихотворный пасквиль, она предстает как входная дверь несимпатичных Катаеву Бриков. Ср. также в «Двенадцати стульях» И. Ильфа и Е. Петрова: «Когда луна поднялась и ее мятный свет озарил миниатюрный бюстик Жуковского, на медной его спинке можно было ясно разобрать крупно написанное мелом краткое ругательство. Впервые подобная надпись появилась на бюстике 15 июня 1897 года, в ночь, наступившую непосредственно после его открытия, и как представители полиции, а впоследствии милиции, ни старались, хулительная надпись аккуратно появлялась каждый день».[134]

90

Формула из ст-ния В. Маяковского «Пятый интернационал» (1922).

91

Из поэмы В. Маяковского «Про это» (1923).

92

Ср. с описанием П. В. Незнамова: «Комната была небольшая, изрядную часть ее полезной площади занимал диван и письменный стол <…> Здесь им написаны были все варианты „Про это“. Маяковский писал поэму, и тут же в комнате находилась фотография Л. Ю. Брик в балетном костюме».[135] Цитата из поэмы «Во весь голос» (1929–30) («…я себя смирял, // становясь // на горло // собственной песне») употреблена К. не вполне корректно. В. Маяковский в «Во весь голос» полуиронически противопоставляет свою агитпоэзию своей любовной лирике («и мне бы // строчить // романсы на вас»). К. — агитпоэзию Маяковского — его стихам о В. И. Ленине. Приведенная далее строка «Я // себя // под Лениным чищу» взята из поэмы Маяковского «Владимир Ильич Ленин» (1924).

93

Аллюзия на заглавие ст-ния В. Маяковского «Приказ по армии искусства» (1918) и цитата из его ст-ния «Радоваться рано» (1918).

Цитируются стихотворные рекламы В. Маяковского для Моссельпрома (1923–25) и Резинотреста (1923). Никакие не «теоретики из Водопьяного переулка» (=Брики), а сам Маяковский заявлял в автобиографии «Я сам»: «Несмотря на поэтическое улюлюканье, считаю „Нигде кроме как в Моссельпроме“ поэзией самой высокой квалификации».[136]

95

В. Маяковский застрелился 14.4.1930 г.

96

Аллюзия на ст-ние Ал. Блока «Шаги командора» (1912) и на пушкинского «Каменного гостя». Ср. со сходными ассоциациями у Т. В. Толстой: «…он вырос, как каменный гость — громадная фигура в расстегнутом, развевающемся ветром пальто, широкая шляпа».[137]

97

В 1939 г. погиб летчик-испытатель, Герой Советского Союза А. К. Серов. В этом же году Лубянский проезд получил его имя — стал проездом Серова.

98

Современное здание Главпочтамта построено в 1912 г. (арх. О. Мунц и братья Веснины). До его возведения на этом же месте находился старый почтамт — в основе своей дворец начала XVIII в., сооруженный любимцем Петра А. Д. Меншиковым. Меншиковский дворец был отделен от Мясницкой обширным двором. В середине 1780-х гг. в бывшей меншиковской усадьбе расположился Московский почтамт.

99

В 1793 г. В. Баженов построил для генерала Юшкова дом у Мясницких ворот. «Юшков дом» в 1844 г. разместил в своих стенах Московское училище живописи, ваяния и зодчества. В начале XX в. во дворе здания были выстроены вместительные корпуса. В 1921 г. Училище было преобразовано в Высшие художественно-технические мастерские (ВХУТЕМАС). При ВХУТЕМСе существовало студенческое общежитие-коммуна.

100

4.7.1894 г. Леонид Осипович Пастернак (1862–1945) был назначен преподавателем в Фигурном классе Училища живописи, ваяния и зодчества. С осени этого года Пастернаки жили в квартире при училище на Мясницкой, 21. Это был конец улицы, примыкавшей к Тургеневской площади, рядом располагался приход церкви Фрола и Лавра. Дом выходил на улицу и в Юшков переулок. Раньше он принадлежал Демидовым, в нем располагалась масонская ложа, в середине XIX в. здание перешло в казну и было отдано в аренду Московскому художественному обществу. Подробнее о жизни семьи Пастернаков в этом доме см.: *Пастернак А. Л.* Воспоминания. М., 2002. С. 25–41.

Борис Леонидович Пастернак (1890–1960), выведенный в «АМВ» под кличкой «мулат». Ср. в «Траве забвенья» изображение Пастернака возле гроба В. Маяковского: «…я увидел как бы все вокруг заслонившее, все облитое сверкающими слезами скуластое темногубое лицо мулата. Я узнал Пастернака. Его руки машинально делали такие движения, как будто он хотел разорвать себе грудь, сломать свою грудную клетку, а может быть, мне только так казалось».[138] В молодости К. приятельствовал с Пастернаком и восхищался его стихами. Ср. в конспекте, который Н. А. Подорольский вел на вечере К. 14.03.1972 г.: «Два года учился читать Пастернака».[139] Однако, после опубликования за границей пастернаковского «Доктора Живаго» К. повел себя так, что поэт был вынужден резко порвать с ним отношения. 25.6.1958 г. Борис Леонидович просил К. И. Чуковского в письме: «Если хотите помочь мне, скажите Катаеву, что очки его сбили меня с толку, и я не знал, на чей поклон отвечаю. А потом и пошел любезно разговаривать с ним в ответ на приятные новости, которые он мне сообщил. Но, конечно, что лучше нам совершенно не знаться, таково мое желание. И это без всяких обид для него и без каких бы то ни было гражданских фраз с моей стороны. Просто мы люди совершенно разных миров, ничем не соприкасающихся. И ведь скоро все эти „водоразделы“ возобновятся для меня».[140] 27.6.1958 г. Пастернак писал П. П. Сувчинскому: «…один из наших подлецов-путешественников [К. — *Коммент.*] рассказал мне, что познакомился с господином Камю и говорил с ним обо мне. Я не хотел верить этому негодяю и принял это за сказку».[141] И, наконец, 28.6.1958 г. Пастернак сообщал самому Альберу Камю: «Один бесчестный человек, на чье приветствие я случайно ответил, потому что из-за его черных

очков не узнал его, сняв их, поразил меня неприятным известием (если можно ему верить), что у него была возможность познакомиться и говорить с Вами; между прочим, и обо мне. Как это мне неприятно! Я бы предпочел стать жертвой откровенной подлости, чем подать повод к тому, чтобы меня считали ее союзником».[142] Впрочем, еще в 1926 г. Евгения Владимировна Пастернак писала Борису Леонидовичу: «…Ты помнишь, <…> как набрасывалась я на всякого, кто как-то косвенно обесценивал тебя, вроде Катаева у Асеевых».[143]

102

Из поэмы Б. Пастернака «1905 год» (1925–26).

103

Церковь Флора и Лавра в Мясниках была из тех московских храмов XVII столетия, которые во многом определяли облик старой Москвы. День св. Флора и Лавра праздновался 18 августа по старому стилю, и со всей Москвы вели на Мясницкую лошадей, чтобы кропить святой водой. В 1932 г. церковь была закрыта, а в 1934 г. — снесена.

104

«Китайский дом» на Мясницкой улице был выстроен в 1896 г. Р. Клейном и К. Гиппиусом для чаеторговца Сергея Перлова. В 1896 г. в Москву должен был прибыть влиятельный китайский государственный деятель Ли Хунчжан; стремясь принять его у себя, чаеторговец решил превратить свое владение на Мясницкой в некое подобие китайского дворца (Ли Хунчжан, однако, остановился в доме другого московского чаеторговца).

105

Велимир Хлебников (наст. имя Виктор Владимирович, 1885–1922), чтобы избежать употребления слова иностранного происхождения — «футуристы», предпочитал называть себя и своих поэтических соратников «русской» калькой с этого слова — «будетляне». Свидетельств о каких бы то ни было контактах К. с Хлебниковым настолько мало, что это даже дало повод одному из первых рецензентов «АМВ» недвусмысленно усомниться в правдивости «хлебниковского» фрагмента произведения К.: «…об отношениях автора „Растратчиков“ с поэтом-будетлянином, если не ошибаюсь, ничего до сих пор не было известно».[144] В ответ автор апологетической монографии о К. заявил, что беда небольшая, «даже если и не был Хлебников в Мыльниковом переулке».[145] Ср., однако, подпись К. под фотографией Хлебникова из альбома «Футбаза IV-а», составленного А. Е. Крученых в конце 1920-х гг.: «Встречался с Хлебниковым в <1>922 году в Москве. Гениальный человек. И еще более гениальный поэт-речетвор. Валкатаев».[146] Ср. также в записях Ю. Олеши: «Я Хлебникова не видел. У меня такое ощущение, что я вошел в дом и мог его увидеть, но он только что ушел. Это почти близко к действительности, так как он бывал в квартире Е. Фоминой в Мыльниковом переулке, где жил Катаев и где я бывал часто. Катаев его, например, видел и именно у Е. Фоминой. Из рассказа Катаева создавалось впечатление, во-первых, человеческой кротости того и все же такой сильной отрешенности от материального мира, что казалось: это идиот».[147] Возможно, речь у Олеши идет о студентке графического факультета ВХУТЕМАСа Елене Николаевне Фоминой, 1902 г. рождения.[148] Приехав в Москву, в декабре 1921 г., Хлебников поселился в студенческом общежитии ВХУТЕМАСа у художника Евгения Спасского (ул. Мясницкая, д. 21, кв. 39).

Председателем земного шара В. Хлебников провозгласил себя после февральской революции 1917 г. См., например, его ст-ние «Воззвание Председателей земного шара» (апрель 1917).

106

Ходовой набор сведений из мемуаров о В. Хлебникове. Ср., например, в некрологе Владимира Маяковского: «Его пустая комната всегда была завалена тетрадями, листами и клочками, исписанными его мельчайшим почерком. Если случайность не подворачивала к этому времени издание какого-нибудь сборника и если кто-нибудь не вытягивал из вороха печатаемый листок — при поездках рукописями набивалась наволочка, на подушке спал путешествующий Хлебников, а потом терял подушку».[149]

107

Ср. в мемуарах одной из таких «поклонниц», Р. Я. Райт-Ковалевой, относящихся к предыдущему, «харьковскому» периоду биографии Хлебникова: «Мы уже знали о нем, о манифесте Председателей Земного Шара, уже передавали друг дружке зачитанные до дыр сборники ранних футуристов. Но когда мы увидели самого „Велимира“, неприкаянного, голодного, услышали его бормотанье, взглянули в его первобытные, мудрые и светлые глаза, мы приняли его не как Предземшара, а как старшего друга <…> он жил во флигеле, в очень большой, полутемной комнате, куда входили через разломанную, совсем без ступенек террасу. Там стоял огромный пружинный матрас без простыней и лежала подушка в полосатом наперник: наволочка служила сейфом для рукописей и, вероятно, была единственной собственностью Хлебникова».[150]

Это катаевское прозвище каламбурно обыгрывает фамилию Алексея Елисеевича Крученых (1886–1968), «быть может, самого „левого“ из кубофутуристов».[151] Шаржированно изображая А. Крученых, К. следовал уже прочно сложившейся к этому времени в советской мемуарной и критической литературе, традиции. Ср., например, в воспоминаниях Б. К. Лившица 1931 г.: «…крикливые заявления вертлявого востроносого юноши в учительской фуражке, с бархатного околыша которой он тщательно удалял все время какие-то пылинки, его обиженный голос и полувопросительные интонации, которыми он страховал себя на случай провала своих предложений, весь его вид эпилептика по профессии, действовал мне на нервы».[152] Ср. также в дневнике Л. В. Горнунга, 18.2.1919 г. посетившего Крученых по поручению Б. Л. Пастернака: «Поднялся без лифта на восьмой этаж жилого дома во дворе ВХУТЕМАСа. Позвонил. Долго никакого ответа. Потом шаги. Потом голос Крученых. Не сразу открыв дверь, он предстал передо мной в одном нижнем белье, это в пятом-то часу дня. Он провел меня комнату и предложил сесть на ворох книг на диване, а сам начал одеваться».[153]

109

Правильно: «Дыр, бул, щыл» — начальная строка ст-ния А. Крученых, впервые опубликованного в 1913 г.

110

Ср. в мемуарах И. Емельяновой: «Он часто забегал к нам по вечерам <…> поиграть в карты (игрок он был очень азартный и… лукавый), порыться в книгах».[86] За карточным столом К. изображает А. Крученых в «Траве забвенья».[87] С. 353.

111

Ср. со свидетельством художницы Марии Синяковой: «Он — барахольщик, у меня подбирает всякий мусор. Он ходил ко мне годами, забирал всякие ненужные рисунки, и ко всем он так ходил. Он ни на что не обижается, что бы ему ни говорили. Он ходит к каждому писателю и забирает всякие книжечки, автографы».[154] О коллекционерской деятельности А. Крученых, благодаря которой сохранились творческие автографы многих писателей и поэтов (в том числе — самого К.) см.: Сто альбомов (Коллекция А. Е. Крученых). Сообщ. Н. Г. Королевой // Встречи с прошлым. Вып. 3. М., 1980.

112

Ср. в ст-нии В. Нарбута «Пасхальная жертва», 1913 (которое далее цитируется в «АМВ»): «…душа моя ребенка-старичка» (подсказано нам В. Беспрозванным). О голосе А. Крученых см. в шуточной надписи К. на сотенной купюре 1910 г., подаренной им автору строки «Дыр, бул, щыл»: «Не имей сто рублей, имей сто друзей — большевиков. Алеше Крученых < —> мудрый Валентин Катаев в 1928 году. Ах, отчего не в 1914 году простонал Алеша рыбьим голосом».[155] Ср. также в воспоминаниях М. Н. Бурлюк: «Крученых производил впечатление мальчика, которому на эстраде хочется расшалиться и то бросать в публику графином с водой или же вдруг начать кричать, развязав галстух, расстегнув манжеты и взъерошив волосы. Голос Алексей Елисеевич в то время имел пискливый, а в характере особые черты чисто женской сварливости».[156]

113

Ср. с мнением О. Мандельштама, высказанным в заметке «Литературная Москва» (1922): «Что же происходит в лагере чистого изобретенья? Здесь, если откинуть совершенно несостоятельного и невразумительного Крученых, и вовсе не потому, что он левый и крайний, а потому, что есть же на свете просто ерунда (несмотря на это, у Крученых безусловно патетическое и напряженное отношение к поэзии, что делает его интересным как личность)».[157]

114

См., например, экспериментальную работу Пабло Пикассо «Мужчина со скрипкой» (1911–12).

115

Подробно о деятельности Василия Васильевича Кандинского (1866–1944) и его взаимосвязях с молодыми русскими авангардистами см., например, *Hahl-Koch J.* Kandinsky's Role in the Russian Avant-Garde // The Avant-Garde in Russia. 1910–1930. New Perspective. Los Angeles, 1980.

116

Лавинский Антон Михайлович (1893–1968), Родченко Александр Михайлович (1891–1956), Клюн Иван Васильевич (наст. фамилия Клюнков, 1873–1943) — художники-авангардисты. Лавинский и Родченко входили в ближайшее окружение В. Маяковского.

117

Визит В. И. Ленина и Н. К. Крупской в коммуну студентов ВХУТЕМАСа 25.02.1921 подробно описан в мемуарах: *Сонькин С. Я.* // В. Маяковский в воспоминаниях современников. М., 1963.

118

На самом деле — на девятом. Бессознательная (или сознательная) ошибка К. возможно восходит к шутке Н. Асеева, запомнившейся современникам: «Я знал корпус, где на „верхотурье“, как он сам говорил: „на седьмом небе“, жил Асеев». [158] Ср. далее в «АМВ» о квартире Асеева: «с поднебесной высоты седьмого этажа». Точный адрес Асеевых был: Мясницкая, 21, кв. 18.

119

На самом деле — Ксенией Михайловной Асеевой (урожд. Синяковой) (1893–1985). Имя «Лада» попало в «АМВ» из ст-ния Н. Асеева «Русская сказка» (1927), обращенного к Ксении Синяковой (где оно, впрочем, именем не является): «Говорила моя забава, // моя лада, любовь и слава…».

Николай Николаевич Асеев (1889–1963). Ср. в письме Н. Асеева к Ф. Ф. Майскому (от 28.9.1943 г.): «…знакомство и молодая дружба с Б. Пастернаком. Но все затмило знакомство с Маяковским, сразу как-то пришедшимся по душе».[159] Издательство «Центрифуга», объединившее группу младофутуристов, отколовшихся от изд-ва «Лирика», было основано в феврале-марте 1914 г. по инициативе Сергея Павловича Боброва (1889–1971). О взаимоотношениях Пастернака и Асеева в позднесоветскую эпоху см. в мемуарах В. Т. Шаламова: «Асеев. — Борис Леонидович говорит грустно и негромко. — Асеев. Бывший товарищ. Чужой, совсем чужой человек. Лефовские круги я вспоминаю с отвращением. Пусть переводы, пусть случайная работа — только не лефотворчество. Искусство гораздо серьезней и требует совсем других качеств, чем думали Маяковский и Асеев».[160] Ср. также фрагмент об Асееве (чье имя деликатно не называется) в автобиографическом очерке Б. Пастернака «Люди и положения» (1956–57): «…один будущий слепой его [Маяковского — *Коммент.*] приверженеец показал мне какую-то из первинок Маяковского в печати. Тогда этот человек не только не понимал своего будущего бога, но и эту печатную новинку показал мне со смехом и возмущением, как заведомо бездарную бессмыслицу».[161] Тем не менее, Асеева уже в послевоенные годы попрекали дружбой с Пастернаком. Из выступления А. А. Фадеева 1946 г. на заседании Президиума правления ССП СССР, посвященном Постановлению ЦК о

журналах «Звезда» и «Ленинград»: «Н. Асеев высказал здесь много прекрасных мыслей. Но возьмите его отношение к Пастернаку — вот пример, когда ради приятельских отношений мы делаем уступки. Б. Пастернак не такой старый человек, как Ахматова, — почти наш сверстник, он рос в условиях советского строя, но в своем творчестве он является представителем того индивидуализма, который глубоко чужд духу нашего общества. С какой же стати мы проявляем своего рода угодничество по отношению к человеку, который в течение многих лет стоит на позиции неприятия нашей идеологии».[162]

121

Из ст-ния В. Маяковского «Юбилейное» (1924). В «Траве забвенья» приводится недобрая шутка Маяковского о Н. Асееве: «— Коля — звезда первой величины.

— Вот именно. Первой величины, четырнадцатой степени». [163]

122

Два корпуса так называемого «дома „России“» и поныне господствуют на Сретенском бульваре (д. № 6). Страховая компания «Россия» выстроила доходный дом в 1902 г. (арх. Н. Проскурнин). Решетка ограды, соединяющей корпуса здания в Боброве переулке, и сейчас украшена вензелем «СОР» — «страховое общество „Россия“». После Октября 1917 г. в здании разместились многочисленные советские учреждения. С 1920 по 1925 гг. здесь работал Наркомпрос; в доме помещались Главлит, Главполитпросвет, Главное артиллерийское управление, редакции некоторых журналов (в том числе тех, где сотрудничал К.).

123

«На заседании коммунистической фракции Всероссийского съезда металлистов 6 марта 1922 г. Владимир Ильич очень одобрительно отозвался о стихотворении Маяковского „Прозаседавшиеся“, напечатанном тогда в „Известиях“. „Не знаю, как насчет поэзии, — сказал Владимир Ильич, — а насчет политики ручаюсь, что это совершенно правильно“».[164]

124

Анатолий Васильевич Луначарский (1875–1933) был наркомом просвещения в советском правительстве, начиная с 1917 г. В мемуарной новелле М. Б. Чарного описано посещение К., Ю. Олешей, Б. Пастернаком и другими советскими литераторами квартиры Луначарского в мае 1933 г.[165]

125

Товарный двор главного Почтамта находился позади самого здания почтамта. Неслучайно «Меншикову башню» именовали церковью на дворе почтамта.

126

Так называлась тяжеловозная порода лошадей, выведенных во Франции, в XIX в., в районе Перш.

127

Большой Харитоньевский переулок соединяет Чистопрудный бульвар и Садовое кольцо. Название получил по церкви св. Харитония XVII в., которая была снесена в 1935 г. В переулке сохранились замечательные памятники московской старины: палаты Ратманова (XVII в.), позднее принадлежавшие Сухово-Кобылиным, и палаты П. Шафирова, владельцами которых в 1727–1917 гг. были князья Юсуповы — здесь в 1801–1803 гг. проходили ранние детские годы А. С. Пушкина (вообще московское детство поэта связано в первую очередь с этим местом города). Неслучайно именно «у Харитонья в переулке» поселил Пушкин в «Евгении Онегине» приехавшую в Москву Татьяну Ларину. Еще в 1930-е гг. в Большом Харитоньевском переулке стоял старый дворянский дом, который местные жители считали «домом Лариных» (не сохранился). Некоторое время в переулке жил Е. Боратынский; в 1826 г. он венчался в церкви Харитония.

128

Мыльников переулок (ныне — ул. Жуковского) расположен параллельно Чистопрудному бульвару и соединяет Большой Харитоньевский переулок и ул. Макаренко (бывший Лобковский переулок). «Мыльниковым» переулок был назван по фамилии одного из домовладельцев (имя Н. Е. Жуковского, одного из отцов российской авиации, переулок получил в 1936 г.). Точный адрес К. в Мыльниковом переулке был: д. 2, кв. 2а. Ее описание см. в мемуарах А. И. Эрлиха: «…квартира из двух маленьких, но настоящих и вполне благоустроенных комнат с гардинами и занавесками, с мебелью, с чайным и обеденным сервизами, даже с домашней работницей, ведавшей всем холостым хозяйством».[166] Доходный дом, где проживал К. был построен в 1905 г., архитектором П. Ушаковым.

129

Илья Арнольдович Ильф (наст. фамилия Файнзильберг, 1897–1937), который был знаком с К. еще по одесскому кружку «Коллектив поэтов». Членами этого кружка были также Ю. Олеша, Э. Багрицкий, Л. Славин, З. Шишова, А. Фиолетов и др. Ю. Олеша вспоминал: «Существовал в Одессе в 1920 году „Коллектив поэтов“. Это был своего рода клуб, где, собираясь ежедневно, мы говорили на литературные темы, читали стихи и прозу, спорили, мечтали о Москве <…> Однажды появился у нас Ильф. Он пришел с презрительным выражением на лице, но глаза его смеялись, и ясно было, что презрительность эта наигранна».[167] В Москве дружба К. с Ильфом еще более окрепла, и продолжалась эта дружба до самой смерти Ильфа, свидетелм которой К. довелось стать.[168] Некролог К. об умершем писателе назывался «Добрый друг».[169]

Лев Исаевич Славин (1896–1984), чей самый известный роман назывался «Наследник» (1930). Со Славиным К. был знаком еще в Одессе. В Москву Славин переехал в 1924 г. и так же как К. начал активно печататься в газете «Гудок». Приятельские отношения К. со Славиным длились всю его жизнь. Ср. в мемуарах И. Гофф: «Лев Славин, живший через дорогу, в маленькой, похожей на сторожку, даче, приходил поговорить, повспоминать».[170]

131

Квартира Е. П. Пешковой находилась в солидном шестиэтажном доходном доме в Машкове переулке (д. № 1а). Дом построен в 1911 г. архитекторм Г. Гельрихом. В 4-комнатной квартире на 4-м этаже М. Горький периодически жил и работал в начале 20-х гг.

132

Отсылка к соответствующему фрагменту очерка М. Горького «В. И. Ленин» (1924).[171]

133

Максим Горький (наст. имя и фамилия Алексей Максимович Пешков, 1868–1936) высоко оценил раннюю прозу К. 9.01.1927 он писал Д. А. Лутохину из Сорренто: «Вы не обратили внимания на повесть Валентина Катаева „Растратчики“, помещенную в 10–12-й книгах „Кр<асной> нови“? Очень талантливая вещь».[172] В Москву из Италии Горький впервые после 1917 г. прибыл 28.5.1928 г. «В час дня приезжает в Москву. На перроне Белорусского вокзала в честь Горького выстроен почетный караул красноармейцев и пионеров. Горького встречают представители партии и правительства: К. Е. Ворошилов, С. Орджоникидзе, А. В. Луначарский, Ем. Ярославский, М. М. Литвинов, А. С. Бубнов, писатели А. С. Серафимович, Ф. В. Гладков, Вс. Иванов, Л. М. Леонов и др. <…> С вокзала Горький едет на квартиру Е. П. Пешковой — Машков переулок, № 1, кв. 16».[173] Ср. в мемуарах Ф. Ф. Раскольникова: «Однажды в Машковом переулке, на квартире Екатерины Павловны Пешковой, где тогда останавливался Горький во время приезда в Москву, в небольшой столовой собралась группа писателей <…> Всеволод Иванов, Юрий Олеша, Валентин Катаев и Владимир Лидин расположились вокруг стола и на широкой низкой тахте».[174]

134

Первые трамваи начали движение по улицам Москвы в 1899 г. Линия «А» вступила в действие в 1911 г. Маршрут трамвая «А» был первоначально одним из самых длинных. До 1995 г. маршрут пролегал от ул. Зацепа до «Мясницких ворот». «Аннушка» вновь пошла по Москве в 1997 г.; конечные остановки — «Мясницкие ворота» и «Калужская площадь».

135

До 1924 и вновь с 1994 г.: Архангельский переулок, — получивший свое название по знаменитой «Меншиковой башне», церкви архангела Гавриила. В переулке можно видеть два интереснейших храма — Меншикову башню и церковь Феодора Стратилата, построенную И. Еготовым в начале XIX в. Переулок связан с жизнью ряда выдающихся деятелей русской культуры. Так, в д. 13/11, в 20-е — 30-е гг. проживал инженер В. Г. Шухов, автор первой московской телебашни на Шаболовке, «Шуховой башни», навеса-перекрытия над путями Киевского вокзала и других сложных конструкций.

136

В доме № 14. В. И. Ленин дважды печатался в научно-публицистическом отделе этого журнала.

137

Ср., например, у И. В. Ильинского: «…та часть молодежи, которая признавала Маяковского, отворачивалась от Есенина и наоборот <…> разница усугублялась диспутами и поэтическими спорами-поединками между этими поэтами с выпадами друг против друга».[175]

138

Неточно цитируется ст-ние С. Есенина «Разбуди меня завтра рано…» (1917).

139

С. Есенин женился на Айседоре Дункан (1877–1927) в 1921 г. «В 22 году вылетел на аэроплане в Кенигсберг. Объездил всю Европу и Северную Америку».[176] О танцевальном выступлении Дункан под пение залом (а не «под звуки оркестра») «Интернационала» на сцене Большого театра 7 ноября 1921 г., см., например, в мемуарах И. И. Шнейдера.[177] Студия Дункан в Москве находилась по адресу: Пречистенка, 20.

140

По-видимому, «большой остряк»,[178] поэт-сатирик Арго (наст. имя и фамилия Абрам Маркович Гольденберг, 1897–1968). Приведем здесь шуточное стихотворение Арго 1928 г., обращенное к Ю. Олеше («Зубило») и сохранившееся в альбоме, составленном А. Е. Крученых:[179]

Гип-гип-гип-ура Зубило
Чтоб тебя хоть
раз
убило!

141

«Дункан показалась мне крупной и монументальной, с гордо посаженной царственной головой, облитой красноватой медью густых, гладких, стриженых волос»;[180] «Пожилая, отяжелевшая, с красным, некрасивым лицом»;[181] «…увядающее лицо, полное женственной прелести».[182]

Ср., например, у Н. В. Крандиевской-Толстой: «— Любит, чтобы ругал ее по-русски, — не то объяснял, не то оправдывался Есенин, — нравится ей. И когда бью — нравится. Чудачка!

— А вы бьете? — спросила я.

— Она сама дерется, — засмеялся он уклончиво».[183]

143

Из 1-ой главы романа А. С. Пушкина «Евгений Онегин».

Как на широко растиражированной фотографии, где Василий Казин снят рядом с С. Есениным.

145

Начальные строки ст-ния В. Казина 1923 г.

146

Василий Васильевич Казин (1898–1981) жил в Москве по адресу: Девкин переулок, д. 20, кв. 11. Девкин пер. (с 1922 г. официально назывался Бауманский пер.) — один из переулков Немецкой слободы, у Покровской улицы (с 1918 г. — Бакунинская ул.). Ср. в письме С. Есенина к Казину из Ленинграда (от 28.6.1924 г.): «Ах, если бы сюда твой Девкин переулок».[184]

147

Начальные строки ст-ния В. Казина «Рубанок» (1920).

148

Ср. с признанием самого В. Казина: «Настоящим наставником своим я назвал бы Андрея Белого. Он вел курс стихосложения в литературной студии Пролеткульта, где я учился в 1918–1920 годах <…> Как он рассказывал о Пушкине! Заставлял вслушиваться в звукопись:

Шипенье пенистых бокалов
И пунша пламень голубой…

Ему, Андрею Белому, обязан я своим [далее Казин приводит первую строфу ст-ния „Живей, рубанок, шибче шаркай…“ — *Коммент.*]».[185] Отметим, что Андрей Белый в письме к П. Н. Зайцеву от 1.6.1933 г. чрезвычайно высоко оценил роман К. «Время, вперед!»: «В совершенном восторге от романа В. Катаева „Время, вперед“; непременно прочтите».[186]

149

Дебютной книги стихов С. Есенина, вышедшей в Петрограде, в 1915 г.

150

Этот портрет С. Есенина подозрительно напоминает известную фотографию поэта 1925 г.[187]

151

Расхожее сравнение: «…окружающие по первому впечатлению окрестили его вербочным херувимом».[188]

152

Которое было впервые напечатано не в 1916, а в 1917 г.: в 10 номере «Нивы» (от 18 марта). На первую мировую войну К. пошел добровольцем зимой 1915 г. Ср. в его автобиографии: «В 1915 г., наскоро развязавшись с гимназией, я поступил вольноопределяющимся в действующую армию, в 64-ю артиллерийскую бригаду, где и пробыл с небольшим перерывом до лета 1917 г.».[189]

153

Из ст-ния «Хулиган» (1920).

154

Из ст-ния «Да! Теперь решено. Без возврата…» (1922–23).

155

К.-поэт считал себя учеником Ивана Алексеевича Бунина (1870–1953) — главного героя катаевской мемуарной книги «Трава забвенья». В своих «Окаянных днях» Бунин писал о К.: «Был В. Катаев (молодой писатель). Цинизм нынешних молодых людей прямо невероятен. Говорит: „За 100 тысяч убью кого угодно. Я хочу хорошо есть, хочу иметь хорошую шляпу, отличные ботинки…“».[190]

156

Еще одно ходовое сравнение из мемуаров о поэте. Ср., например, у Пимена Карпова о «златокудром Леле — Есенине»[191] и еще более близкое к катаевскому прозвищу — у Б. Л. Пастернака: «Есенин к жизни своей отнесся как к сказке. Он Иван-царевичем на сером волке перелетел океан и, как жар-птицу, поймал за хвост Айседору Дункан».[192] Ср. с наблюдением из дневника композитора националиста Георгия Свиридова 1978 года: очерк Пастернака «Люди и положения» «является *конспектом* [курсив Г. Свиридова — *Коммент.*] несравненно более талантливым и несравнимым в художественном отношении с романом Катаева „Алмазный мой венец“. В этой последней книге, как выясняется, нет ни одной собственной мысли. Все оценки взяты из статьи Пастернака».[193] За указание на этот источник приносим благодарность С. И. Субботину.

157

Это произведение К. было опубликовано в литературном приложении № 54 к № 343 газеты «Накануне» (от 27.5.1923 г.), с подзаголовком: «рассказ мрачного романтика».

158

Церковь архангела Гавриила была построена А. Меншиковым в своей усадьбе в 1704–1707 гг. Руководил работами, скорее всего, известный зодчий Иван Зарудный. В строительстве храма принимали участие швейцарские и итальянские архитекторы и мастера. «Башня» превзошла по высоте на 1,5 сажени Ивана Великого и стала самым высоким сооружением в Москве. В 1723 г. в церковь ударила молния, начался пожар и вся верхняя часть храма сгорела. Восстановительные работы были проведены лишь в 1773–1779 гг. по инициативе масона Г. З. Измайлова. В интерьере церкви появилась масонская символика. Церковь, видимо, служила местом проведения масонских собраний. В середине XIX в. масонские знаки в «Меншиковой башне» были ликвидированы по предписанию митрополита Филарета. Недалеко от этого места была расположена знаменитая масонская «Новиковская» типография (дом в Кривоколенном переулке не сохранился).

159

Платаны в Москве, действительно, не растут. О них см. в мемуарном очерке Т. Тэсс, посвященном К.: «В одном рассказе я упомянула о Приморском бульваре в Одессе, на котором цвели каштаны <…> Бросив на меня беглый взгляд узких внимательных глаз, он сказал:

— А на Приморском бульваре, между прочим, не каштаны, а платаны».[194]

160

В несохранившемся здании на Чистопрудном бульваре у Мясницких ворот, примерно там, где сейчас находится входной вестибюль на станцию метро «Чистые пруды», располагалась пивная И. Малинникова (Чистопрудный бульвар, д. 28, пом. 10).

161

Ср. с репликой С. Есенина из мемуаров А. И. Тарасова-Родионова: «— Нет, Дункан я любил. Только двух женщин я любил, и второю была Дункан <…> Эту Зинаиду Райх и Дункан».[195]

162

«И какую-то женщину // Сорока с лишним лет, // Называл скверной девочкой // И своею милою» (Из поэмы Есенина «Черный человек», 1925).

163

Памятник Грибоедову был установлен в начале Чистопрудного бульвара в 1959 г. (скульптор А. Мануилов, арх. А. Заварзин).

Э. Багрицкий переехал в Москву не «года за полтора до самоуничтожения» С. Есенина, а в том же 1925 г., в котором Есенин покончил с собой. Согласно свидетельству С. И. Липкина, «Багрицкий рассказывал, что как-то к нему пришел Катаев и сказал: „Я купил тебе билет до Москвы“. И он поехал. Единственное, что взял из Одессы, это клетку со щеглом».[196] «Когда мы жили в Кунцеве, я заметил, что Катаев при мне у Багрицкого не бывал — они были в ссоре, хотя именно Катаев сыграл большую роль при переезде Багрицкого в Москву. Ни с одним, ни с другим я никогда не обсуждал эту тему».[197] Все же, Липкин предположил, что Багрицкого и К. рассорил рассказ последнего «Бездельник Эдуард» (1925), где иронически изображена история женитьбы Багрицкого (в рассказе — Эдуарда Точкина) на Л. Г. Суок.[198] Ср. об этом рассказе в мемуарной заметке П. Г. Антокольского: «Еще не зная его стихов, мы познакомились с Багрицким, с „бездельником Эдуардом“, как с героем литературного произведения, — в рассказе В. Катаева».[199] Ср. в мемуарной книге Э. Л. Миндлина: «Земляки Катаева — писатели-одесситы — предупреждали, что прототип Эдуарда Точкина» — «поэт Эдуард Багрицкий — скоро прибудет в Москву и мы все увидим тогда, что это за поэт! И ахнем <…> Мы зачитывались рассказами Катаева о бездельнике Эдуарде и ждали приезда Багрицкого».[200] Если принять версию С. И. Липкина, получается, что Багрицкий и К. не общались, начиная с самого переезда автора «Птицелова» в Москву.

165

Э. Багрицкий женился на Лидии Густавовне Суок (1895–1969) в 1920 г. С Суок его познакомил К. См. портрет Л. Суок в «Бездельнике Эдуарде»: «…скромно зачесанная, толстенькая, с розовыми ушками, похожая на большую маленькую девочку в пенсне».[201]

166

Всеволод Эдуардович Багрицкий (1922–1942), впоследствии также ставший поэтом.

167

Воспроизводится литературная ситуация «Обломов» (Багрицкий) — «вдова Пшеницына» (Лидия Суок).

168

Ср. в «Бездельнике Эдуарде»: «Эдуард был одет в чистенькую рубашечку и детские брючки, сшитые из старой Лидочкиной юбки. Кокетливый дешевенький галстучек висел у него на тощей шее».[202]

В эти годы Э. Багрицкий печатался в газетах «Одесские известия», «Моряк», «Шквал», «Станок» и др.

170

Ср. в записях Ю. Олеши: «От бронхиальной астмы лечатся так называемым абиссинским порошком, который курят, как табак. Запах этого курения стоял в московской квартире Багрицкого. Припадки астмы повторялись у него довольно часто, и, приходя к нему, я почти всегда застигал его в неестественной, полной страдания позе. Он сидел на постели, упершись руками в ее края, как бы подставив упоры под туловище, готовое каждую секунду сотрястись от кашля и, казалось, изо всех сил удерживаемое от этого человеком».[203]

171

«Швейная машинка была продана».[204]

172

Ср. в мемуарах одного из молодых тогда одесских стихотворцев: «…я принял отважное решение, отправился на Пушкинскую улицу, в редакцию „Одесских новостей“ <…> меня принял высокий, с седым вихром, чуть сутулый консультант в мятых парусиновых брюках и толстовке, — одет не по-зимнему. Рукой с необычайно длинными ногтями он отстранил мою тетрадку, сказал, хрипло дыша: „Стихи надо читать вслух“ <…> „Так слушайте. Багрицкий буду я. Вы ничего не знаете. Приходите ко мне в воскресенье вечером на Дальницкую. Вам известно, где находится джутовая фабрика?“ — „Да, в конце Молдаванки, за Степовой“. Я пришел по указанному адресу. Халупа. Прихожей не было. Дверь вела сразу в комнату. Она освещалась сверху, фонарем, под которым стояло корыто (или лоханка): видимо фонарь протекал, южные зимы часто дождливые. Постепенно я привыкал к темноте. Увидел Лидию Густавовну, молодую, в пенсне, возившуюся у „буржуйки“ <…> Маленький мальчик Сева пытался выстрелить из игрушечного ружья. Багрицкий, полулежа на чем-то самодельном, стал мне читать поэтов двадцатого века — Блока, Анненского, Ходасевича, Мандельштама, Клюева, Гумилева <…> Его чуть хриплый, задыхающийся голос стал неожиданно звонок, певуч, крепок. До сих пор этот голос живет в моих ушах блоковскими „Шагами командора“, „Коллежскими асессорами“ Случевского».[205]

173

Литературный кружок «Потоки» — (полное название — «Потоки Октября») был организован при Одесских железнодорожных мастерских в первой половине 1920-х гг. «…к названию кружка „Потоки“» Багрицкий «прибавлял два слова и говорил: „Потоки патоки и пота“».[206]

174

Каламбурно обыгрываются пушкинские строки из ст-ния «Разговор книгопродавца с поэтом» (1824): «Что слава? — Яркая заплата // На ветхом рубище певца».

175

Ср. в мемуарах З. Шишовой: «…мы <…> вели себя как передравшиеся щенки. Ругали друг друга за каждую слабую (по нашим тогдашним понятиям) строку, подмечали слащавость, подражательность. Писали друг на друга пародии».[207] Ср. также в мемуарах П. Ершова: «Катаев обычно рубил с плеча, безжалостно критикуя слабые места. Олеша же, маленький, коренастый, ширококостный, задирал дрыгающие ножки в несоразмерно больших ботинках, морщился не то от смеха, не то от боли и жалобно стонал: ой, плохо! ох, как плохо…».[208]

176

В рассказе К. «Бездельник Эдуард» фигурирует «большой портрет» Лидочкиного «покойного мужа, бородатого военного врача с портупеей через плечо».[209] Ср., однако, в записях Г. И. Полякова: «Багрицкая вспоминает, как в первые годы военного коммунизма, когда нечем было топить печь, [Багрицкий — *Коммент.*] без всякого сожаления сжег портрет ее первого мужа».[210]

177

Из ст-ния Ал. Блока «На железной дороге» (1910).

178

Ср. с рассказом Л. Г. Багрицкой в изложении Г. И. Полякова: «В период жизни в Одессе был один знакомый литератор по фамилии Харджиев. Багрицкий донашивал его старые вещи. Когда Багрицкий уезжал с Катаевым в Москву, Катаев взял два билета в международный вагон. Жена постаралась одеть Багрицкого получше, сшила ему брюки. Но нижнего белья не было. И вот, в последний момент, когда Багрицкий должен был ехать на вокзал, он с ужасом подумал о том, что в международном вагоне нужно будет, по всей вероятности, раздеваться на ночь, а он едет без нижнего белья. Харджиев, который был с ним в это время, срочно поехал домой и привез ему на вокзал кальсоны и нижнюю рубашку, их Багрицкий должен был одеть [так! — *Коммент.*] в поезде, вечером в уборной».[211] Николай Иванович Харджиев (1903–1996) — видный советский филолог и искусствовед. Стоит обратить внимание на то, как тщательно и предусмотрительно Багрицкие и Харджиев скрывали от насмешливого К. факт отсутствия у Багрицкого нижнего белья: в результате эпизод с кальсонами не вошел в «АМВ».

179

Об этой яхте и, может быть, об этой же прогулке, состоявшейся летом 1918 г., написано ст-ние Зинаиды Шишовой «Чайка» (обращенное к А. Фиолетову). Процитируем его полностью:[212]

Пахнут липовыми сотами
Золотые облака.
Не следит за поворотами
Утомленная рука.

Мысли золотом расплавлены,
Будто все навеселе,
Будто ты поешь, поставленный
Самый пьяный на руле!

180

Ср. с изумленным свидетельством С. И. Липкина: «Оказалось, что певец моря не умеет плавать».[213]

181

Ср. с рассказом К., записанным Г. И. Поляковым: «Как-то (это было примерно в 1918 г.) поехали в небольшой яхте в открытое море. Когда начался шквал, Багрицкий безумно испугался, лег на палубу, невозможно было его вытащить».[214] Ср., однако, со свидетельством Л. Г. Багрицкой о своем муже: «Не был совершенно подвержен морской качке. Мог переносить сильную морскую качку, например, во время бури, без всяких неприятных ощущений».[215] Ср. также в мемуарной заметке Б. В. Бобовича о Багрицком: «Лежа в лодке, он декламировал. Было тихо, совсем тихо… Лишь однотонно и скупо поскрипывали борта нашей лодки».[216]

182

Из ст-ния Э. Багрицкого «О Пушкине» (1924).

183

Упоминаемое К. ст-ние Э. Багрицкого, по-видимому, не сохранилось. История, рассказанная в этом эпизоде, послужила сюжетной основой для поэмы Багрицкого «Февраль» (1933–1934). Ср. в мемуарах Ф. М. Левина, где приводится такой монолог поэта: «Я пишу поэму. Поэма эта о себе самом, о старом мире. Там почти все правда, все это со мной было <…> когда я увидел эту гимназистку, в которую я был влюблен, которая стала офицерской проституткой, то в поэме я выгоняю всех и лезу к ней на кровать. Это, так сказать, разрыв с прошлым, расплата с ним. А на самом-то деле я очень растерялся и сконфузился и не знал, как бы скорее уйти».[217] Отметим также, что Еленой звали возлюбленную самого К. (о которой рассказывается в «АМВ»).

184

Цитируется ст-ние Э. Багрицкого «Контрабандисты» (1927).

185

Неточно цитируется ст-ние Э. Багрицкого «Птицелов» (1918–1926). И «Контрабандисты», и «Птицелов» были написаны Багрицким уже в Москве.

186

В 1917 г. Э. Багрицкий служил в одесской милиции, «главным образом из-за любви к оружию».[218] Близким приятелем Багрицкого и К. был одесский чекист Яков Бельский. О взаимоотношениях К. с одесской ЧК подробнее см. в фундаментальном комментарии С. З. Лущика в изд.: *Катаев В. П.* Уже написан Вертер / Реальный коммент. к повести С. З. Лущика. Одесса, 1999.

187

Неточно цитируется ст-ние Э. Багрицкого «Баллада о Виттингтоне» (1923).

188

Ср. в ст-нии О. Мандельштама «Полночь в Москве. Роскошно буддийское лето…» (1931).

189

Разумеется, памятника, открытого 4.11.1923 г. Этот памятник находится на месте дома Гагарина, разрушенного и выгоревшего во время Октябрьских боев 1917 г. Авторы памятника — скульптор С. Меркуров и арх. Д. Осипов.

190

Об этой сцене с синеглазкой см. в комментарии {273}.

191

Название «Сухаревка» происходит от фамилии полковника Л. Сухарева, чей стрелецкий полк располагался в конце XVII в. в этом месте Москвы. В 1690–1701 гг. здесь была сооружена Сухарева башня, где Петр I разместил школу, обучавшую математике и навигации. Башню снесли в 1934 г. В XIX—начале XX в. на Сухаревке находился обширный рынок; шла торговля съестным, мебелью, антиквариатом, книгами, одеждой, обувью и многим другим. В 1925 г. рынок был вытеснен к кинотеатру «Форум», а в 1930 г. закрыт.

192

В мемуарах Е. Плетневой описано, как только что приехавшего в Москву Э. Багрицкого приводит в редакцию одного из столичных журналов Г. А. Шенгели.[219] Подобные воспоминания о Багрицком и К. нам неизвестны.

193

В народном университете А. Л. Шанявского, на историко-философском отделении, с 1913 по 1915 гг.

«Есенин не говорил ни на одном из европейских языков».[220]

195

Речь идет, в первую очередь, об А. А. Блоке, С. М. Городецком и чете Мережковских.

196

Ср. у А. Б. Мариенгофа: «К отцу, к матери, к сестрам (обретавшимся тогда в селе Константинове Рязанской губернии) относился Есенин с отдышкой от самого живота, как от тяжелой клади <…> За четыре года, которые мы прожили вместе, всего один раз он выбрался в свое Константиново. Собирался прожить там недельки полторы, а прискакал через три дня обратно, отплевываясь, отбрыкиваясь и рассказывая, смеясь, как на другой же день поутру не знал, куда там себя девать от зеленой тоски. Сестер же своих не хотел вести в город, чтобы став „барышнями“, они не обобычнели его фигуры».[221] Ср. также с репликой хмельного С. Есенина в мемуарах А. И. Тарасова-Родионова: «Вот ты знаешь, друг, ведь у меня никого нет близких. Ты скажешь: сестра Катька. К черту! Ты слышишь: к черту! Плевать я хочу на эту дрянь. Сквалыга, каких свет не рожал».[222]

197

Ср. в ст-нии С. Есенина «В хате» (1914): «Пахнет рыхлыми драченами». Драчены — блины, сдобренные яйцами, молоком и маслом.

198

В журнале «Красная новь» (1923–1941), главным редактором которого в то время был Александр Константинович Воронский (1884–1943), С. Есенин опубликовал более 40 своих произведений. О деятельности Воронского на посту главного редактора «Красной нови» подробнее см., например, *Флейшман Л. С.* Борис Пастернак в двадцатые годы. СПб., 2003 (по именному указателю) и: *Динерштейн Е. А.* А. К. Воронский: В поисках живой воды. М., 2001. С. 67–85.

199

Евгением Евгеньевичем Лансере (1875–1946) вместе с художником Ал. Бенуа в 1916–17 гг.

Источником этого описания, по-видимому, послужили мемуары С. Г. Гехта: «Пил Есенин мало, и только пиво марки Корнеева и Горшанова, поданное на стол в обрамлении семи розеток с возбуждающими жажду закусками — сушеной воблой, кружочками копченой колбасы, ломтиками сыра, недоваренным горошком, сухариками черными, белыми и мятными».[223]

201

Николаевский (в наст. время — Ленинградский) — 1-ый железнодорожный вокзал Москвы. Выстроен в 1851 г., арх. К. Тон. Рязанский (нынешний — Казанский) вокзал построен в основном в 1913–1926 гг. Полностью строительство было завершено только в 1940 г. Проектируя здание вокзала, А. Щусев использовал мотивы средневековой архитектуры Москвы и Казани.

202

Написанную в 1925 г.

203

Ироническая реминисценция из финальной строки есенинского «Письма к матери» (1924): «В старомодном ветхом шушуне».

То есть, Садового кольца. Кольцевая дорога вокруг центральной части Москвы была проведена после пожара 1812 г. и победы над Наполеоном. Некогда по линии нынешнего Садового кольца проходил сооруженный еще при Борисе Годунове земляной оборонительный вал. К началу XIX в. он полуразрушился и потерял всякое оборонное значение. Восстанавливая сгоревшую в огне Отечественной войны Москву, власти города и архитекторы приняли решение снести остатки вала и провести на его месте дорогу. Владельцев домов вдоль кольца обязали развести сады и палисадники. В первое время своего существования ширина Садовых улиц не превышала 25 м. В 1908 г. по кольцу пошел трамвай линии «Б» («букашка»). В 1930-е гг. Садовое кольцо расширяется, сады и палисадники сносятся. В 1937 г. трамвайные пути на Садовом были разобраны, вместо трамвая был пущен троллейбус (маршрут «Б»).

205

10-тиэтажный «дом Нирензее» (Бол. Гнездниковский пер, д. 10) был возведен в 1912–1914 гг. архитектором Э.-Р. Нирнзее. Московский «небоскреб» строился как дом «маленьких квартир» — в нем, по замыслу создателя, преимущественно должны были жить холостяки и небольшие семьи. В 1915 г. в дом Нирнзее переселился театр миниатюр Н. Балиева «Летучая мышь» — он давал свои спектакли в полуподвале здания. Впоследствии в доме Нирнзее помещались кабаре «Кривой Джимми», театр Сатиры, цыганский театр «Ромэн» и другие театральные коллективы. В 1915 г. на крыше дома был устроен съемочный павильон кинорежиссера В. Гардина. В годы НЭПа на крыше находились ресторан и кинотеатр. На первом этаже дома Нирнзее в 1922–24 гг. располагалась московская контора берлинской сменовеховской газеты «Накануне».

206

Магазин петербургского купца Г. Елисеева был открыт в нынешнем доме 14 на Тверской улице в 1901 г. «Магазин Елисеева и погреба русских и иностранных вин» привлекали покупателей изобилием самой разнообразной снеди и питья. Интерьер торгового зала поражал буржуазной роскошью. Елисеев открыл свое заведение в старинном московском доме, где некогда помещался салон Зинаиды Волконской (для Елисеева дом перестраивал арх. Г. Барановский). В советское время магазин продолжал работать, став гастрономом № 1.

207

Фирменный хлебный магазин Филиппова находился на Тверской ул. в д. № 10 по современной нумерации (собственно, и сам дом был выстроен фирмой Филиппова в конце XIX в.). Филипповский хлеб (особенно черный) славился не только на всю Москву, но и далеко за ее пределами. В 1905 г. рядом с магазином была оборудована кофейня-кондитерская, в отделке интерьера которой принимали участие П. Кончаловский и С. Коненков; позднее здесь был устроен ресторан «Центральный». В годы НЭПа, как и до революции, широта ассортимента в бывшей Филипповской булочной радовала покупателей.

208

Речь идет о ст-нии «Грустная повесть из жизни Филиппова» (1924), опубликованном в № 23 «Красного перца» за 1924 г. (в 1924–25 гг. К. заведовал литературным отделом этого журнала).

То есть Михаилом Афанасьевичем Булгаковым (1891–1940). Пробразом дома из его рассказа «№ 13. — Дом Эльпит-Рабкоммуна» послужил д. № 10 на Большой Садовой улице, принадлежавший до Октябрьской революции И. Пигиту, владельцу табачной фабрики «Дукат». Здание выстроено Э. Юдицким и А. Милковым в 1903 г. М. Булгаков жил в этом доме в 1921–1924 гг., сначала в кв. 50 («нехорошая квартира», попавшая позднее под своим реальным № в роман «Мастер и Маргарита»), а затем — в кв. 34. Рассказ «Дом Эльпит-Рабкоммуна» был опубликован не в газете «Накануне», а в № 2 (декабрьском) «Красного журнала для всех» за 1922 г. Газета «Накануне» издавалась в Берлине в 1922–1925 гг. Редактором литературного приложения к ней был «сменовеховец» А. Н. Толстой, убеждавший эмигрантов возвращаться в советскую Россию. Сам он вернулся туда летом 1923 г. Ср. в дневнике М. А. Булгакова от 2.9.1923 г.: «Сегодня я с Катаевым ездил на дачу к Алексею Толстому (Иваньково). Он сегодня был очень мил <…> Он смел, но он ищет поддержки и во мне и в Катаеве».[224] Э. Л. Миндлин вспоминал, что А. Толстой, вернувшись в Москву, «вообще не отпускал Катаева от себя».[225] См. также следующее письмо автора «Аэлиты» к К.:

> 2 января 24 г.
> Ждановская набережная
> д.3. кв.24.
>
> Милый Катаев, с Новым Годом. Спасибо Вам за письмо. Вы думаете неприглядно когда хвалят — очень приглядно. Возьмите в Госиздате «Аэлиту» отд<ельное> изд<ание>, прочтите и напишите мне по совести. Мне нужно Ваше мнение. Сейчас у меня острый роман с «Бунтом машин» — пьесой, которая идет здесь в феврале, в Москве — в марте.

Театр, театр, — вот угар.

Из Вас выйдет **очень** хороший драматург, если только Вы серьезно возьметесь за работу.

Серьезность работы складывается из следующих основных вещей:

1) архитектура 3) разработка характеров

2) динамика 4) чувство зрителя.

Архитектура — это есть последовательное развитие сюжета по линии нарастающих: страсти и интереса. Всякая скидка в сторону болезненна.

Динамика — это есть непрерывно увеличивающиеся: страсть и интерес. Падение на минуту интереса производит впечатление чудовищной скуки. Уменьшение страсти — верное обеспечение провала пьесы.

Разработка характеров: в пьесе всегда одно главное лицо, фокус пьесы. Остальные разработаны в степени отдаления перспективы. Вести сюжет пьесы может не главное лицо, но второстепенное. Но храни Вас боги Олимпа, чтобы внимание (фокус) перескочил с одного на другого.

Чувство зрителя. Это основа. Тайна тайн, энергия пьесы. Вы должны быть во время написания пьесы одновременно автором, актером и зрителем.

Автор — творческая сила.

Актер — матерьял, к которому сила прилагается.

Зритель — это непереставаемый проверщик, корректор, советчик и моралист.

Драматург должен сотворить (из действительности) своего зрителя и, когда он сотворен, взять его в сотрудничество. Вселите в себя призрак идеального зрителя.

Все что пишу — это найдено — много из своего опыта. Может быть Вам пригодится.

Я редактирую «Звезду», лит<ературную> часть. Присылайте рассказ. Передайте Булгакову, что я очень прошу его прислать для <«>Звезды<»> рукопись. Я напишу ему в ту минуту, когда буду знать его адрес.

Обнимаю Вас, целую мадам Мухе руки.

Наташа <нрзб.> Вам шлет привет.

Всегда Ваш. А. Толстой.[226]

К этому посланию, вклеенному в альбом, составленный А. Е. Крученых, К. позднее сделал приписку: «Спасибо! Научил на свою голову. В. Кат<аев> <1>929 г.».[227] «Мадам Муха» —

первая жена К. — Анна Сергеевна Коваленко, которую также называли «Мусей» и «Мусиком». В приложении к газете «Накануне» печатались такие писатели и поэты, как Б. Пильняк, О. Мандельштам, Н. Асеев, Г. Шенгели и др. М. Булгаков начал сотрудничать с газетой «Накануне» летом 1922 г. (в литературном приложении к № 68 от 18.7.1922 г. появились его «Записки на манжетах») и сразу же стал «любимцем редакции и читателей „Накануне“».[228] Э. Миндлин вспоминал, что «Булгаков очаровал всю редакцию светской изысканностью манер».[229] Рассказы и очерки писателя появлялись почти в каждом № «Накануне», и тем не менее А. Толстой просил Миндлина: «Шлите побольше Булгакова».[230] В 1922–1924 гг. Михаил Афанасьевич опубликовал в «Накануне» «Записки на манжетах», «Красную корону», «Чашу жизни», «Сорок сороков», «Самогонное озеро», «Псалом», серию очерков «Столица в блокноте» и др. произведения.[231] Сам автор «Записок на манжетах» относился к сменовеховцам с неприязнью — 26.9.1923 г. он записал в своем дневнике: «Компания исключительной сволочи группируется вокруг „Накануне“. Могу себя поздравить, что я в их среде. О, мне очень туго придется впоследствии, когда нужно будет соскребать грязь со своего имени. Но одно могу сказать с чистым сердцем перед самим собою. Железная необходимость вынудила меня печататься в нем. Не будь „Накануне“, никогда бы не увидали света ни „Записки на манжетах“, ни многое другое».[232] С К. Булгаков познакомился, по-видимому, в 1922 г. и, скорее всего, именно в редакции «Накануне». Заведующая редакцией газеты Е. Кричевская 29.12.1922 писала Булгакову: «У меня был П. Садыкер и говорил, что он виделся с Вами и с Катаевым и сговорился с Вами о постоянной работе».[233] Далее М. О. Чудакова пишет: «Накануне нового 1923 г. [к Булгаковым — *Коммент.*] зашел Валентин Катаев, звал встречать вместе Новый год».[234] Долгое время К. и Булгаков были близкими приятелями — К. называл автора «Записок на манжетах» Мишунчиком и Мишуком, а Булгаков К. — Валюном. В альбом К., составленный А. Е. Крученых, вклеена общая фотография К., Олеши и Булгакова 1920-х гг. с шуточными пояснениями К. Под своей частью фото он написал: «Это я, молодой, красивый, элегантный». А под изображениями Олеши и Булгакова: «А это обезьяна Снукки Ю. К. Олеша, грязное животное, которое осмелилось гримасничать, будучи принятым в такое общество. В. Катаев. Это Мишунчик Булгаков, средних лет, красивый, элегантный»[235].[236] В 1925 г. К. подарил Булгакову сборник своих рассказов «Бездельник Эдуард» с такой дарственной надписью: «Дорогому Михаилу Афанасьевичу Булгакову с неизменной дружбой <,>

плодовитый Валюн. 2 мая <1>925 г. Москва».[237] Отметим, что опечатки в этом экземпляре книги К. выправил только в рассказе «Медь, которая торжествовала» (в котором шаржировано изображен автор «Дьяволиады»), обратив, таким оригинальным способом, особое внимание Булгакова на свой шарж. Вероятно, именно в ответ на это, Булгаков в повести «Роковые яйца» с иронией упомянул некоего «Валентина Петровича», «заведующего литературной частью», который правит безграмотные статьи газетного репортера Альфреда Аркадьевича Бронского.[238] Вышедшую отдельным изданием пьесу «Квадратура круга» К. также преподнес Булгакову с дружеским инскриптом: «В память театральных наших похождений. Мишуку от Валюна. 12 июня <1>928 г. Москва».[239] Однако, женитьба Булгакова на Л. Е. Белозерской (отмечает М. О. Чудакова) «совпала, по свидетельству самого Катаева, с охлаждением их отношений. В тридцатые годы они все более отдалялись друг от друга».[240] По воспоминаниям Е. С. Булгаковой, Михаил Афанасьевич «считал Катаева талантливым писателем, давшим неверное употребление своему таланту и в значительной степени растратившим его»[241] (ср. с заглавием катаевской повести «Растратчики»).

210

«Гудок» издавалась в Москве с 1917 г. Эта газета была органом Народного комиссариата путей сообщения СССР и ЦК профсоюза рабочих железнодорожного транспорта. Подробнее о писателях-«гудковцах» см., например, *Овчинников И.* // Воспоминания о Михаиле Булгакове. М., 1988. С. 131–145. М. Булгаков поступил на службу в «Гудок» в 1923 г.[242] В его дневниковых записях за 1923 г. упоминания о «Гудке» неизменно окрашены негативно: «„Гудок“ изводит, не дает писать <…> Я каждый день ухожу на службу в этот свой „Гудок“ и убиваю в нем совершенно безнадежно свой день <…> ехать в проклятый „Гудок“ <…> Сегодня в „Гудке“ в первый раз с ужасом почувствовал, что я писать фельетонов больше не могу. Физически не могу. Это надругательство надо мной и над физиологией».[243]

Фельетоны для «Гудка», а также для журналов «Красный перец», «Бич», «Бузотер» и др., с которыми сотрудничал М. Булгаков, он подписывал псевдонимами: М. Булл, Тускарора, Г. П. Ухов, Ф. С-ов, М. Неизвестный, Михаил, Эмма Б., М. Б., Ф. Скитайкин и др.[244] Псевдоним «Крахмальная манишка» комментаторами этого изд. не упоминается, как и в специальном обзоре: Алфавитный перечень произведений М. А. Булгакова. Материалы к библиографии / Сост. Б. С. Мягков // Творчество Михаила Булгакова. Исследования. Материалы. Библиография. Л., 1991. С. 427–444. Ср., однако, с воспоминаниями самого К.: «Работая в „Гудке“, Булгаков подписывал свои фельетоны, очень смешные и ядовитые, „Крахмальная манишка“. Несколько лет назад этот псевдоним приписывали мне, и один булгаковский фельетон попал в сборник моих сочинений. Думали, что „Крахмальная манишка“ — это я».[245] Действительно, один из фельетонов Булгакова, «Главполитбогослужение», «был ошибочно приписан В. П. Катаеву и включен в сборник его рассказов и фельетонов „Горох в стенку“».[246] Но этот фельетон в газете был подписан инициалами «М. Б.», а не псевдонимом «Крахмальная манишка». Возможно, псевдоним «Крахмальная манишка» для К. служил своеобразной эмблемой внешнего облика маниакально аккуратного Булгакова. Ср. у М. О. Чудаковой: «Костюм в те годы был для него прежде всего напоминанием об утраченной социальной принадлежности <…> он был исполненным смысла, рассчитанным на *прочтение* — и в трудных обстоятельствах Булгаков собирал его по частям, оповещая друзей о деталях».[247]

212

Первой женой — Татьяной Николаевной Булгаковой (Лаппа) (1889–1982), супругом которой М. Булгаков стал в апреле 1913 г. О своей комнате в кв. № 50 будущий автор «Мастера и Маргариты» писал сестре Вере 24.3.1922 г.: «Комната скверная, соседство тоже».[248] См. также запись в булгаковском дневнике от 29.10.1922 г.: «Первая топка ознаменовалась тем, что знаменитая Аннушка оставила на ночь окно в кухне настежь открытым. Я положительно не знаю, что делать со сволочью, что населяет эту квартиру».[249] Будни коммунальной кв. № 50 Булгаков также описал в фельетоне «Самогонное озеро» (1923).

213

Ср. с портретом М. Булгакова в рассказе К. «Медь, которая торжествовала» (1923): «…у него — синие глаза. Правда, синеют они только вечером или когда он сердится. Но они синие, с чернильными зрачками».[250]

214

Ко времени поступления на работу в «Гудок» М. Булгакову было немногим более 30 лет. Ср. с воспоминаниями К. о Булгакове: «Он был старше нас всех — его товарищей по газете, — и мы его воспринимали почти как старика. По характеру своему Булгаков был хороший семьянин. А мы были богемой».[251] Ср. также в мемуарах Э. Л. Миндлина: «С точки зрения двадцатидвухлетнего юноши „четвертый десяток“ Булгакова казался почтенным возрастом <…> Сам он очень серьезно относился к своему возрасту — не то чтобы годы пугали его, нет, он просто считал, что тридцатилетний возраст обязывает писателя».[252] Стремление Булгакова к устоявшемуся быту и спокойной жизни, ярко проявлялось в его манере одеваться, описание которой стало общим местом мемуарной литературы о писателе. См., например, у Ю. Л. Слезкина: «Булгаков… купил будуарную мебель, заказал брюки почему-то на шелковой подкладке. Об этом он рассказывал всем не без гордости».[253] Ср., однако, в воспоминаниях К. об авторе «Записок на манжетах»: «Булгаков, например, один раз появился в редакции в пижаме, поверх которой у него была надета старая потертая шуба. И когда я через много лет ему это напомнил, он страшно обиделся и сказал: „Это неправда, никогда я не позволил бы себе поверх пижамы надевать шубу!“».[254]

Ср. с воспоминаниями К.: «Вообще мы тогда воспринимали его [Булгакова — *Коммент.*] на уровне фельетонистов дореволюционной школы, — фельетонистов „Русского слова“, например, Амфитеатрова <…> мы были настроены к этим фельетонистам критически. А это был его идеал. Когда я как-то высказался пренебрежительно о Яблоновском, он сказал наставительно: — Валюн, нельзя так говорить о фельетонистах „Русского слова“!».[255] Об отношении большинства «гудковцев» к творчеству режиссера Всеволода Эмильевича Мейерхольда (1874–1940) красноречиво свидетельствует, например, следующая запись Ю. Олеши (20.1.1930 г.): «Будущим любителям мемуарной литературы сообщаю: замечательнейшим из людей, которых я знал в моей жизни, был Всеволод Мейерхольд».[256] М. Булгаков же в своей сатирической повести «Роковые яйца» (1927) издевательски «похоронил» режиссера-экспериментатора, упомянув театр «имени покойного Всеволода Мейерхольда, погибшего, как известно, в 1927 году, при постановке пушкинского „Бориса Годунова“, когда обрушились трапеции с голыми боярами».[257] Л. Е. Белозерская вспоминала, как Булгаков вместе с ней ездил на генеральную репетицию «Ревизора» Мейерхольда («в начале зимы 1926/1927 года») и по пути домой доказывал ей, «что такое самовольное вторжение в произведение искажает замысел автора и свидетельствует о неуважении к нему. По-моему, мы, споря, кричали на всю Москву».[258] Об отношении большинства катаевских и булгаковских молодых современников к творчеству Владимира Евграфовича Татлина (1885–1953) красноречиво свидетельствует, например, следующий фрагмент из мемуаров Валентины Ходасевич: «Ни на кого не похож ни внешне, ни внутренне. Излучает талант во всем, за что бы ни брался».[259] Булгаков же иронически упоминает о знаменитой башне Татлина в очерке «Биомеханическая глава» (1923): «А перед стеной сооружение. По сравнению с ним проект Татлина может считаться образцом ясности и простоты».[260] О взаимоотношениях М. Булгакова с В. Маяковским см., например, в мемуарах Л. Е. Белозерской: «В бильярдной зачастую сражались Булгаков и Маяковский <…> Думаю, что никакой особенной симпатии они друг к другу не питали, но оба держались корректно, если не считать того, что Михаил Афанасьевич терпеть не мог, когда его называли просто по фамилии <…> Он считал это неоправданной фамильярностью»,[261] М. М. Яншина: «Они стояли как бы на

противоположных полюсах литературной борьбы тех лет. Левый фланг — Маяковский, правый — Булгаков. Настроение в этой борьбе было самое воинствующее, самое непримиримое. И вот они время от времени встречаются. <…> Они уважали друг друга и, мне кажется, с удовольствием подчеркивали это. Лишь каждый из них в отдельности, разговаривая со мной, мог между прочим съязвить. Булгаков: „Хм. Маяковщина, примитивная агитация, знаете ли…“ Маяковский: „Тети Мани, дяди Вани, охи-вздохи Турбиных…“»[262] и С. А. Ермолинского: «Если в бильярдной находился …Маяковский и Булгаков направлялся туда, за ним устремлялись любопытные. Еще бы — Булгаков и Маяковский! Того гляди разразится скандал. Играли сосредоточенно и деловито, каждый старался блеснуть ударом <…> Независимо от результата игры прощались дружески. И все расходились разочарованные».[263] См. также у самого К., который вспоминал, как он привел В. Маяковского в редакцию журнала «Красный перец», где и состоялась встреча автора «Облака в штанах» с Булгаковым: «Маяковскому не нравились вещи Булгакова, он ругал „Дни Турбиных“, хотя тогда еще их не видел. Маяковский посмотрел на Булгакова ершисто <…> Маяковского он [Булгаков — *Коммент.*] тоже не очень признавал, но ценил <…> Юмор сблизил Маяковского и Булгакова. Они очень мило беседовали. Но все-таки они тогда стояли по разную сторону театральных течений. Маяковский — это Мейерхольд, а Булгаков — Станиславский».[264] См. также: *Петровский М.* Михаил Булгаков и Владимир Маяковский // М. А. Булгаков-драматург и художественная культура его времени. Сб. статей. М., 1988. С. 369–391.

216

Ср. в воспоминаниях К., записанных М. О. Чудаковой: «Мы были против нэпа — Олеша, я, Багрицкий. А он мог быть и за нэп. Мог <…> Вообще он не хотел колебать эти струны (это Олеша говорил — „Не надо колебать мировые струны“)».[265]

217

Ср. с замечанием М. О. Чудаковой, не в последнюю очередь, относящимся именно к К.: «Здесь [в покупке Булгаковыми будуарной мебели, не подходившей для его комнаты — *Коммент.*] узнается тот легкий налет безвкусицы, который настойчиво подчеркивается многими мемуаристами, — правда, как правило, недоброжелательными. Москвичи охотно видят в этом провинциализм (любопытно, что особенно — те из москвичей, которые сами приехали из провинции одновременно с Булгаковым)».[266] Будущий автор «Дней Турбиных» приехал в Москву из Киева в конце сентября 1921 г.

Ранимость М. Булгакова отмечалась, например, его второй женой, Л. Е. Белозерской, которая однажды обидела писателя насмешками над его обувью.[267]

219

Антон Павлович Чехов приехал в Москву в 1879 г. В разговорах с М. О. Чудаковой К. тоже отметил, что М. Булгаков «с виду был похож на Чехова».[268] Ср. также в статье об авторе «Мастера и Маргариты», которую К. читал: «Булгакову как бы пришлось повторить судьбу Антоши Чехонте».[269]

Широкая известность пришла к М. Булгакову после публикации его повести «Дьяволиада» в 1924 г. В отзыве на 4 кн. альманаха «Недра» рецензент, поставивший на 1-ое место в альманахе повесть А. Серафимовича «Железный поток», так отозвался о новом произведении Булгакова: «И совсем устарелой по теме (сатира на советскую канцелярию) является „Дьяволиада“ М. Булгакова, повесть-гротеск, правда, написанная живо и с большим юмором».[270] Ср. также в отзыве Е. И. Замятина, помещенном в № 2 «Русского современника» (1924 г.), где, наоборот, с нескрываемой иронией говорится о «Железном потоке» Серафимовича, и высоко оценивается булгаковский «верный инстинкт в выборе композиционной установки: фантастика, корнями врастающая в быт».[271] В 1925 г. сначала в журнале «Красная панорама», а затем в 6 кн. альманаха «Недра» была напечатана повесть Булгакова «Роковые яйца». 5.10.1926 г. состоялась премьера пьесы Булгакова «Дни Турбиных» во МХАТе, а 28.10.1926 г. — пьесы «Зойкина квартира» в Театре им. Е. Б. Вахтангова. Э. Л. Миндлин: «…на время — но только на недолгое время, пока „Дни Турбиных“ еще не были сняты с репертуара, — положение Булгакова изменилось. Он мог позволить себе уже не писать фельетон за фельетоном чуть ли не каждый день <…> Появились деньги — он сам говорил, что иногда даже не знает, что делать с ними».[272]

221

Монокль М. Булгаков приобрел 13 сентября 1926 г., незадолго до премьеры «Дней Турбиных».[273] В этом монокле автор пьесы сфотографировался, а фотографии потом дарил друзьям и знакомым, которые были буквально ошарашены такой покупкой. Вскоре появилась карикатура Кукрыниксов, на которой Булгаков также был изображен в монокле.[274] См. также у А. И. Эрлиха: «Однажды в комнату „Четвертой полосы“ [газеты „Гудок“ — *Коммент.*] занесена была странная весть: в витрине художественного ателье на Кузнецком мосту выставлен некий портрет, — новый, прежде его не было… Если бы не монокль с тесемкой, не аристократическая осанка в повороте головы, не легкая надменная гримаса левой половины лица <…> можно было бы побиться об заклад, что это <…> Булгаков! <…> Не помню, кто из нас заметил тогда: — Какой экспонат! <…> Находка. Лучшее украшение для нашей выставки, — последовало разъяснение. — Купим? Один экземпляр в „Сопли и вопли“ [— стенная „гудковская“ газета всевозможных курьезов — *Коммент.*]. Так мы и сделали <…> бывший врач и нынешний литератор, скромный труженик <…> и вдруг эта карикатурная стекляшка с тесемкой!.. В предательскую минуту, слишком упоенный собственным успехом, он потерял чувство юмора, так глубоко ему свойственное… Как могло случиться, что он не заметил, не почувствовал всей смехотворности своей негаданной барственной претензии? Однажды он зашел в комнату „Четвертой полосы“ и тотчас увидел собственный портрет среди прочих подробностей нашей веселой выставки. Была долгая пауза. Потом он обернулся, вопросительно оглядел всех нас и вдруг расхохотался. — Подписи не хватает, — сказал он. — Объявить конкурс на лучшую подпись к этому портрету!.. Где достали? У Наппельбаума? Мы никогда больше не видели его с моноклем».[275] Ср. также у М. О. Чудаковой: «Об этом монокле Катаев упоминал и ранее — в одной из наших бесед в июле 1976 года в Переделкине еще до того, как им была задумана и начата повесть: „Он стал совершенно другой! Абсолютно! Появился монокль, ботинки с прюнелевым верхом“; затем — в ноябре 1977 года: „Я говорю: „Что такое? Миша! Вы что, с ума сошли?“ Он говорит: а что? Монокль — это очень хорошо!“»[276]

222

Ср. в «Двенадцати стульях» И. Ильфа и Е. Петрова: «Княгиня Белорусско-Балтийская, последняя пассия графа, была безутешна».[277] Т. Н. Лаппа и М. Булгаков разошлись в апреле 1924 г. В ноябре Булгаков окончательно ушел от своей первой жены и поселился с Любовью Евгеньевной Белозерской (1895–1987) сначала в школе, где преподавала Н. А. Земская,[278] а с осени 1924 г. — в доме № 9 по Обухову (Чистому) переулку.[279] Свой брак с Л. Е. Белозерской Булгаков зарегистрировал 30 апреля 1925 г.[280] Подробнее об этом периоде жизни писателя см. также: *Белозерская-Булгакова Л. Е.* Воспоминания. М., 1989. С. 87–192.

223

Л. Е. Белозерская вспоминала, что у нее было много прозвищ, придуманных Булгаковым: Топсон, Любанга, Любан, Любаня,[281] однако прозвище «Напси» нам не встречалось ни в письмах М. Булгакова, ни в его дневнике, ни в мемуарах об авторе «Белой гвардии».

Ср., например, у Е. А. Земской: «Любимым писателем Михаила Афанасьевича был Гоголь»,[282] С. А. Ермолинского: «Особой любовью он любил Гоголя»,[283] а также — в письме самого М. Булгакова к В. В. Вересаеву от 2.8.1933 г.: «…просидел две ночи над Вашим Гоголем [над книгой Вересаева „Гоголь в жизни“ — *Коммент.*]. Боже! Какая фигура! Какая личность!»[284] О влиянии Э. Т. А. Гофмана на раннюю прозу К. см., например, в рецензии В. Красильникова на сб. катаевских рассказов «Бездельник Эдуард».[285]

225

Ср. с заглавием рассказа М. Зощенко «Гримасы нэпа», напечатанным в № 38 журнала «Бегемот» за 1927 г. Ср. также в предисловии К. М. Симонова к избранным произведениям М. Булгакова о «среде 20-х годов, с ее, как тогда говорили, „отрыжками нэпа“».[286]

Ср., например, у Е. С. Булгаковой: «У него были необыкновенные ярко-голубые глаза, как небо, и они всегда светились. Я никогда не видела у него тусклых глаз»[287] и у К. Г. Паустовского: «…и даже в его глазах — чуть прищуренных и светлых — сверкал, как нам казалось, некий гоголевский насмешливый огонек».[288] Здесь и далее К. подчеркивает связь М. Булгакова с демоническими силами, прозрачно намекая на самый знаменитый булгаковский роман «Мастер и Маргарита».

227

Слово «гофманиада» нередко встречается в воспоминаниях современников о писателе. Ср., например, у К. Г. Паустовского: «Гофманиада сопутствовала Булгакову всю его жизнь»[289] и у С. А. Ермолинского: «Своеобразная гофманиада разыгрывалась перед читателем».[290] В альбоме, составленным А. Е. Крученых и посвященном Ю. Олеше, кто-то из друзей автора «Зависти» приписал слово «гофмани<а>да» рядом со строками вырезанного из журнала и вклеенного в альбом стихотворения Олеши «В цирке»: «…О, волшебная минута! // Это детство… // Это сон… // Музыкант трубой опутан // Флейтой черною пронзен! // Тут действительность исчезла // Скажем снова: это — сон! // Марш, как слон, ломает кресла, // Вальс летает, как серсо! // Где найдешь такие краски? // Недоступная уму // Ходит лошадь в полумаске — // Неизвестно // Почему!»[291]

228

«Булгаков поверил в себя как в писателя поздно — ему было около тридцати, когда появились первые его рассказы» — начальная фраза предисловия: *Лакшин В. Я.* О прозе Михаила Булгакова и о нем самом // Булгаков М. А. Избранная проза. М., 1966. С. 3.

229

М. Булгаков закончил медицинский факультет Киевского университета в 1916 г. и потом был практикующим врачом, но, приехав в Москву, в анкетах и автобиографиях об этом, как и о своем участии в войнах 1914–1917 г., не упоминал — уже тогда расспросы об этом периоде жизни Булгакова могли серьезно ему повредить.[292]

230

Повесть «Дьяволиада» была закончена М. Булгаковым к лету 1923 г. и напечатана в марте 1924 г. в 4 кн. альманаха «Недра». Затем она была включена писателем в сборник «Дьяволиада» (изд. 1925 и 1926), а в последующие годы выдержала еще ряд переизданий.

231

Следов издательской деятельности М. Булгакова сохранилось немного. Но в январском номере журнала «Корабль» за 1923 г. в разделе «Жизнь искусства. Литературная хроника» под заголовком «Ревизор» было помещено объявление: «Группой беллетристов возбуждено ходатайство о разрешении издания сатирического журнала „Ревизор“. Журнал, согласно проэкта, не будет иметь ничего общего с желто-бульварными „юмористическими изданиями“. Редактировать журнал будет М. Булгаков».[293]

232

Сомнения К. в данном случае вполне объяснимы: попытки М. Булгакова издавать собственный журнал и первая публикация повести «Дьяволиада» разделены всего 2 месяцами.

К замене подлинных имен и фамилий героев «выдуманными» К. прибегнул, например, в рассказе «Вечная слава» (1953), где издевательски изображенных Максимилиана Волошина и его жену — Марью Степановну — зовут, соответственно, Аполлинарий Востоков и Ольга Ивановна.[294]

234

В ст-нии Ф. И. Тютчева «Silentium» (1830).

235

Главный политико-просветительный комитет Наркомпроса РСФР (1920–1930). Он был образован в 1920 г. «для правильной организации политической просветительной работы среди взрослых и юношества в Республике <…> Главный Комитет объединяет политическую просветительную работу следующих отделов Н.К.П. [Народного Комиссариата по Просвещению — *Коммент.*] и организаций: А. Отделы Н.К.П.: 1) Политпросвет отдел (б. Внешкольный); 2) Тео, 3) Изо, 4) Музо, 5) Фото-кино, 6) Лито, 7) Центрагит, 8) Роста, 9) Пролеткульт, 10) Центропечать. Б. Агитпросвет отделы: 1) Пура [Политуправление Реввоенсовета Республики — *Коммент.*], 2) Главполитпути и политвода, 3) профсоюзов В.Ц.С.П.С., 4) по работе в деревне при Ц.К.Р.К.П., 5) По работе среди женщин, 6) Ц.К. Союза Молодежи, 7) инструкторских агитпоездов и пароходов при В.Ц.И.К.».[295] С самого основания Главполитпросвета и до его закрытия председателем этой организации была Н. К. Крупская. М. Булгаков работал секретарем Лито Главполитпросвета с 1.11.1921 и 1.12.1921 был уволен в связи с расформированием Лито 23.11.1921 г. Вместо Лито Главполитпросвета организовали Литературное бюро, а затем оно было «переформировано в издательский отдел Главполитпросвета под названием Издательство „Красная Новь“».[296]

236

Сергей Борисович Ингулов (1893–1938? репрессирован в 1937 г.) — партийный работник, журналист. Согласно разысканиям С. З. Лущика, Ингулов в 1919–1920 г. в Одессе был членом подпольного Областкома, секретарем Губкома.[297] В это время Ингулов и К. поддерживали дружеские отношения, а в 1921 г. они вместе перебрались из Одессы в Харьков.[298] В Москву Ингулов приехал в 1922 г. Здесь он поступил в Главполитпросвет на должность зам. завагитотдела.[299] Также он работал в подотделе печати ЦК РКП.[300] В 1928 г. Ингулов был зам. Заведующего АППО (отдел агитации, пропаганды и печати ЦК ВКП (б),[301] а с июня 1935 г. по декабрь 1937 г., вплоть до ареста — он пребывал в должности начальника Главлита.[302]

К. не случайно упоминает здесь журнал «Рупор». В этом московском издании, выпускавшемся на протяжении 1922 г. (всего вышло 5 выпусков), он напечатал несколько стихотворных фельетонов.[303] М. Булгаков опубликовал в «Рупоре» рассказы «Необыкновенные приключения доктора»[304] и «Спиритический сеанс».[305] Двухнедельный юмористический журнал «Тачка прокатывает всех!» (выходил в газетном формате) издавался в Москве в 1922–1923 гг. С. Ингулов действительно публиковал многочисленные фельетоны и очерки в провинциальных газетах. См., например, его рассказ «Девушка из совпартшколы» в харьковской газете «Коммунист» (от 2.10.1921. С. 1; в этом же № газеты был напечатан рассказ самого К. «Золотое перо»). Ср. портрет Ингулова в «АМВ» с его изображением в «Траве забвенья»: «Как сейчас вижу сердитое лицо моего старшего товарища и друга Сергея Ингулова <…> В пенсне с толстыми стеклами без ободков, с несколько юмористически сжатыми губами провинциального фельетониста, слегка подражающего Аркадию Аверченко».[306]

238

Елены Афанасьевны Булгаковой (1902–1954) — младшей сестры М. Булгакова. См. о ней в коммент. {242}.

Достоверность этого эпизода весьма сомнительна. Если поверить К., получается, что идея издания журнала была отвергнута уже при первом разговоре с С. Б. Ингуловым. Но в таком случае непонятно, с какой стати анонс «Ревизора» был помещен в журнале «Корабль». Ср. также в воспоминаниях Э. Л. Миндлина: «Каким-то издателям пришла в голову мысль пригласить Булгакова на пост секретаря редакции нового литературного журнала <…> Редакция была создана, Булгаков стал ее полноправным хозяином и, разумеется, привлек нас всех к сотрудничеству <…> Мы пришли — Слезкин, Катаев, Гехт, Стонов, я… <…> на столе стояли стаканы с только что налитым горячим крепким чаем — не меньше чем по два куска настоящего сахара в каждом стакане! <…> Возле каждого стакана лежала свежая французская булка! <…> Уже на следующий день всю молодую (стало быть, не больно сытую) литературную Москву облетело радостное известие: Михаил Булгаков в своей новой редакции каждому приходящему литератору предлагает стакан сладкого чая с белой булкой! <…> А недели через две или три незадачливая редакция прекратила свое существование».[307] Предположение о том, что в «АМВ», в мемуарах Э. Миндлина и в журнале «Корабль» речь идет об одном и том же журнале, было высказано М. О. Чудаковой.[308] Далее исследовательница пишет: «Возможно, впрочем, это было другое издание — то, о котором упоминал Булгаков в письме к Ю. Слезкину от 31 августа 1923 года: „В „Накануне“ намечается иллюстрированный журнал“».[309] 28.7.1923 г. в № 396 газеты «Накануне» было помещено объявление «От редакции»: «…с 1 октября в качестве приложения к газете „Накануне“ начнет выходить литературно-художественный еженедельный журнал под ред. А. Н. Толстого». Отметим также, что вопреки скептицизму С. Ингулова в отношении заглавия «Ревизор» для советского периодического издания, одноименный журнал сатиры и юмора благополучно выходил в Ленинграде в 1929–1930 гг., в изд. «Красной газеты».

240

Ср. в воспоминаниях К. о М. Булгакове: «Нас он подкармливал, но не унижая, а придавая этому характер милой шалости. Он нас затаскивал к себе и говорил: „Ну, конечно, вы уже давно обедали, индейку, наверное, кушали, но, может быть, вы все-таки что-нибудь съедите?“ У Булгаковых всегда были щи хорошие, которые его милая жена нам наливала по полной тарелке, и мы с Олешей с удовольствием ели эти щи, и тут же, конечно, начинался пир остроумия».[310] Ср. с репликой Булгакова, приводимой В. Я. Лакшиным: «„У нас лучший трактир в Москве“, — восклицал, развеселившись, Булгаков».[311] Более или менее сносно жить Булгаков начал лишь в 1922 г., когда он стал печататься в газете «Накануне». Положение писателя в 1921 — первой половине 1922 гг. было весьма плачевным — см. описание его быта в письме к В. М. Булгаковой-Воскресенской от 17.11.1921: «Бедной Таське приходиться изощряться изо всех сил, чтоб молотить рожь на обухе и готовить из всякой ерунды обеды», [312] а также записи в дневнике Булгакова от 25.1.1922 г.: «Я до сих пор еще без места. Питаемся с женой плохо»,[313] от 26.1.1922 г.: «Питаемся с женой впроголодь»[314] и от 9.2.1922 г.: «Идет самый черный период моей жизни. Мы с женой голодаем». [315]

241

Неточно цитируется ст-ние Э. Багрицкого «Ночь» (1926). МСПО — Московский союз потребительских обществ.

242

По мнению дочери Е. А. Булгаковой (в замужестве — Светлаевой) В. М. Светлаевой, Леля (так называли Елену Афанасьевну домашние) впервые появилась в Москве в 1924 г., после окончания Киевского университета.[316] Тем не менее, есть все основания полагать, что в декабре 1922 г. или в январе 1923 г. Леля приезжала на несколько дней в Москву к брату — именно 1923 г. датированы ст-ния К., посвященные Леле и его автобиографический рассказ «Медь, которая торжествовала» (в котором идет речь о любви К. к Леле и неудачной катаевской попытке жениться на сестре приятеля). Рассказ датирован самим К. — «Зима 1923. Москва». Он был впервые напечатан в № 48 «Литературного приложения» к № 310 (апрельскому) газеты «Накануне» за 1923 г. Позднее, в 1925 г., рассказ вошел в сборник «Бездельник Эдуард». Он послужил основой для изложения истории любви К. и синеглазки в «АМВ». В комментарии мы будем приводить отчетливые цитатные переклички между «АМВ», рассказом «Медь, которая торжествовала» (далее — «Медь…») и любовной лирикой К. 1923 г.

243

В своих мемуарах о М. Булгакове Л. Е. Белозерская упоминает «письменный стол (бессменный „боевой товарищ“ в течение восьми с половиной лет)».[317] Ср. также в рассказе «Медь…»: «Этого достаточно, чтобы я приходил к нему вечером и садился на диван против зеленого абажура лампы, висящей над писательским письменным столом <…> Он подымает ножницы, которыми вырезывал из газеты одобрительную о себе рецензию».[318] Ср., однако у А. Явича: «…письменный стол, совершенно пустынный, — ни карандаша, ни листка бумаги, ни книжки, словом, никаких признаков писательского труда. Похоже, все складывалось в ящики стола, как только прекращалась работа».[319] Автор «Белой гвардии» собирал печатные отзывы о своих произведениях и вклеивал их в специальные альбомы. Ср. у Л. Е. Белозерской о том, что на книжных полках у Булгакова хранились «журналы, газетные вырезки, альбомы с многочисленными ругательными отзывами».[320] М. М. Яншин также вспоминал, что «на стенах его кабинета [в доме на Пречистенке — *Коммент.*] и столовой висело очень много газетных вырезок, это были наиболее ругательные рецензии и в адрес Булгакова, и в адрес Художественного театра».[321] Ср. также в записях Ю. Л. Слезкина: «По стенам висели старые афиши, вырезки из газет, чудаческие надписи».[322] Упоминаний о заглавии газеты «Накануне» с переставленными слогами в мемуарах о Булгакове мы не встречали.

М. О. Чудакова дополняет этот фрагмент «АМВ» свидетельством Т. Н. Булгаковой: «Дома у него была пижама — Костя [двоюродный брат Булгакова — *Коммент.*] подарил ему заграничную — ему родители часто пересылали посылки из Японии <…> Пижама была коричневая, в среднюю клетку, кажется, синюю с красным — как бывают шотландские юбки. И он всегда ходил дома в этой пижаме, и потом один знакомый — Леонид Саянский — даже изобразил его на карикатуре в этой пижаме…».[323]

245

В ходе реформы 1924 г. старые совдензнаки были изъяты из обращения после их обмена по курсу 1 новый рубль за 50 000 старых. Итогом реформы стало введение советской твердой валюты — червонца, имеющего золотое содержание.

М. О. Чудакова приводит этот фрагмент «АМВ», а также дополняющие его воспоминания Т. Н. Булгаковой: муж будит «в час ночи: — Идем в казино — у меня чувство, что я должен сейчас выиграть! — Да куда идти, я хочу спать! — Нет, пойдем, пойдем! Все проигрывали, разумеется. Наутро я все собирала, что было в доме, — несла на Смоленский рынок».[324]

247

В 1901 г. антрепренер Шарль Омон перестроил под театр здание на углу Тверской и Большой Садовой. Здесь давали представления развлекательные труппы Буфф и Зон. После Октября 1917 г. дом перешел во владение ГОСТИМа — театра им. В. Мейерхольда. В 1937 г. тут начато было строительство нового здания для театра. Однако, поскольку театр Мейерхольда был закрыт, вместо театра был возведен Концертный зал им. Чайковского (арх. Д. Чечулин и К. Орлов, 1940 г.). Омон же с 1898 г. был арендатором соседнего увеселительного сада «Чикаго», который он переименовал в «Аквариум». В 1920–30-е гг. в саду имелись театр и ресторан, был кинозал. Имелось здесь, на Большой Садовой, в нэповское время и казино. Увеселительный сад «Эрмитаж» у Каретного ряда был открыт Я. Щукиным в 1894 г. В годы НЭПа здесь процветали азартные игры, что вызвало «Стих резкий о рулетке и железке» (1922) В. Маяковского: «Есть одно учреждение, // оно // имя имеет — „Казино“. // Помещается в тесноте — в Каретном ряду… <…> Воры, воришки, // плуты и плутики // с вздутыми карманами, // с животами вздутыми // вылазят у „Эрмитажа“, оставив „дутики“». В 1911 г. архитектор Б. Нилус построил на Большой Садовой, рядом с площадью Триумфальных ворот, здание для цирка братьев Никитиных. Несмотря на позднейшие перестройки, и в настоящее время можно видеть венчающий сооружение цирковой купол. В 1926 г. цирк был перестроен, и с 1926-го по 1936 гг. здесь работал московский Мюзик-холл. Дав ему в романе «Мастер и Маргарита» название «Варьете», М. Булгаков устроил здесь «сеанс черной магии» прибывшего в Москву Воланда. В Мюзик-холле выступали В. Хенкин и Г. Ярон, демонстрировали свое искусство фокусники, гимнасты, эксцентрики, мимы. На сцене Мюзик-холла шли спектакли-обозрения, комедийные представления. Шел здесь и спектакль «Под куполом цирка» по пьесе И. Ильфа, Е. Петрова и К. (премьера состоялась 23.12.1933 г.; позднее на основе театральной версии был снят фильм «Цирк», но авторы пьесы, не согласные с трактовкой режиссера Г. Александрова, заявили, что снимают свои имена из титров). В 1962–1965 гг. здание радикально перестраивается для театра Сатиры.

248

В 1826 г. француз Т. Яр открыл ресторан на Кузнецком мосту. Когда в 1830-е гг. был разбит полюбившийся москвичам Петровский парк за Тверской заставой, Яр открыл в парке филиал своего ресторана. Вскоре «Яр» на Кузнецком был закрыт, а вот в ресторане за Тверской заставой дела шли вполне успешно. Особого размаха достиг «Яр» в конце XIX—начале XX вв. при владельце А. Судакове. В 1909 г. архитектор А. Эрихсон начинает строить для Судакова роскошное здание ресторана, в измененном виде сохранившееся до наших дней. В «Яре» выступали, помимо прочих артистов, лучшие московские цыганские хоры, выдающийся цыганский гитарист Федор Соколов, Олимпиада («Пиша») Федорова, Варя Панина. В 1950–52 гг. дом был перестроен для гостиницы «Советская». В доме расположен также цыганский театр «Ромэн».

249

Ср. в рассказе «Медь…»: «…и рысак в капоре, скалящий, как злая красавица времен Директории, острые зубы и косящий ревнивым глазом».[325]

250

Подразумевается 2-я сцена 2-й картины 3-го действия оперы П. И. Чайковского «Пиковая дама»: Лиза ждет Германна на набережной Зимней канавки. Мысли Германна всецело заняты богатством, которое ему сулят три карты графини — он отталкивает девушку и убегает. Лиза бросается в реку.

251

О любви М. Булгакова к опере и, в частности, к «Фаусту» Шарля Гуно (1818–1893) писали многие мемуаристы. См., например, приводимый В. Я. Лакшиным рассказ Е. С. Булгаковой о том, как «Булгаков, расхаживая по комнате, под впечатлением только что прочитанной газетной статьи, случалось, напевал на мотив „Фауста“: „Он — рецензент… убей его!“»,[326] а также материалы из собрания Н. А. Булгаковой-Земской, опубликованные ее дочерью, Е. А. Земской: «Например, Михаил, который умел увлекаться, видел „Фауст“, свою любимую оперу, 41 раз — гимназистом и студентом. Это точно».[327] Первая жена Булгакова вспоминала, что он «больше всего любил „Фауста“ и чаще всего пел „На земле весь род людской“ и арию Валентина — „Я за сестру тебя молю…“».[328] На свой счет К. относил эти слова, видимо, еще и потому, что Булгаков был против его женитьбы на Елене Афанасьевне. Ср. в «Записках писателя» Ю. Л. Слезкина: «Катаев был влюблен в сестру Булгакова <…>, хотел на ней жениться — Миша возмущался. „Нужно иметь средства, чтобы жениться“, — говорил он».[329] В рассказе «Медь…» влюбленный герой приходит к некоему Ивану Ивановичу (=Булгакову) и сообщает, что хочет жениться на его сестре. «Он хватает ручку и быстро набрасывает на узенькой бумажке инвентарь-рецепт, дающий мне право на любовь. Он похож на доктора. Две дюжины белья, три пары обуви (одна лаковая), одеяло, плед, три костюма, собрание сочинений Мольера, дюжина мыла, замшевые перчатки, бритва, носки и т. д., и т. д. и библия.

— Два года, минимум. Вот-с выполните эту программу — тогда мы с вами поговорим.

Да. Еще одна вещь. Он совсем и забыл. Золото, золото. Золотые десятки. Это самое главное. Он преклоняется перед золотом! Купите себе, ну, скажем, десять десяток. Тогда с вами можно будет поговорить даже… о сестре. Он уверен, что это невыполнимо».[330] Ср. также у Ю. Слезкина: «Был Булгаков стеснен в средствах, сутулился, подымал глаза к небу, воздевал руки, говорил: „Когда же это кончится!“, припрятывал „золотые“. Рекомендовал делать то же».[331]

То есть — о максимальной ставке, когда фишками одного игрока заполняется шестиклеточная горизонталь рулетки.

253

Центральная комиссия помощи голодающим при ВЦИК была создана декретом ВЦИК от 18.7.1921 в связи с неурожаем в Поволжье, где голодало 30 млн. Основными задачами Помгола были: выяснение размеров голода, изыскание средств для борьбы с ним и переселение жителей пострадавших районов. Председателем Комиссии был М. И. Калинин. Центральные и местные комиссии Помгола были упразднены 15.10.1922 согласно постановлению ВЦИК от 7.9.1922.

Ср. в рассказе «Медь…»: «Беленький шарик с сухим треском ринулся по краю деревянного бассейна, по красным и черным цифрам <…> У меня ставка на „чет“. Выпадает „чет“. Удваиваю и ставлю на вторую дюжину. Выиграл. Трансверсаль. Выиграл. Долго везти не может и все в жизни имеет конец. Я это знаю. В последний раз. На цифру. Не помню, на какую. Но золото у меня должно быть: десять десяток. Сегодня. Плещет бассейн рулетки и пощелкивает шарик. Стоп. Моя цифра выиграла. Достаточно. У меня в руках куча денег и фишек».[332] Ср. также в воспоминаниях К., записанных М. О. Чудаковой: «Однажды я выиграл 6 золотых десяток… Две я проел, а на 4 купил в ГУМе прекрасный английский костюм. Ну, прекрасный… Цвета маренго… Но не было ни рубашки, ни галстука, ни ботинок. (Смеется). Ну ничего, я носил свитер! Мы мало придавали этому значения… А ему [Булгакову — *Коммент.*] все это было важно. Разное отношение наше к этому — это была разная возрастная психология».[333] Ср., однако, в мемуарах Н. Я. Мандельштам о 1930-х гг.: «„Я люблю модерн“, — зажмурившись говорил Катаев, а этажом ниже Федин любил красное дерево целыми гарнитурами. Писатели обезумели от денег».[334]

255

Ср. в рассказе «Медь…», где Иван Иванович (=Булгаков) «не может себе простить этого рокового знакомства. Зачем он позвал меня к себе в сочельник? Ну да. Он один во всем и виноват. Вот здесь, в этом углу стояла елочка, вот тут — на диване сидела она, сестра, приехавшая на праздники в первый раз в Москву».[335]

256

Нынешнее здание Академии художеств на Пречистенке (д. № 21) было куплено в в 1890-х гг. купцом И. А. Морозовым, который в начале следующего века начал приобретать произведения западноевропейской живописи. В коллекции Морозова были полотна Гогена, Матисса, Сезанна, Ван Гога, Боннара и др.; в русской части собрания (около 300 работ) были представлены Левитан, Коровин, Врубель и др. После Октября 1917 г. коллекция была национализирована и превращена во Второй музей нового западного искусства. Великолепную коллекцию новой французской живописи собрал в своем доме в Бол. Знаменском переулке (ныне — ул. Грицевецкая, д. 8) и С. И. Щукин. Ему удалось приобрести произведения Моне, Гогена, Матисса, Пикассо и других выдающихся живописцев. В 1918 г. собрание Щукина было объявлено Первым музеем нового западного искусства. В 1929 г. щукинское собрание было переведено на ул. Кропоткинскую (бывшая Пречистенка) в д. 21 — объединено с морозовской коллекцией. В 1947 г. музей был расформирован, часть его фондов была отправлена в Музей изобразительных искусств им. Пушкина, часть — в ленинградский «Эрмитаж».

257

Ср. в ст-нии К. «В кино» (1923): «В фойе ресниц дул голубой сквозник: // Сквозь лелины развеерены Мери. // Но первый кто из чьих ресниц возник — // Покрыто мраком двух последних серий».[336]

Ср. в рассказе «Медь…»: «Вот там стоял [К. — Коммент.] и читал стихи. Затем опера. „Гугеноты“ с плохим ансамблем» (БЭ. С. 49). Жених из Киева также упоминается в рассказе К.: «Она не может не уехать. Дома ее ждут. Ждут родные, ждут словари, ждет мальчик, обещавший застрелиться, если она не приедет».[337] Отметим, что в начале 1920-х гг. было как минимум два коллектива, носивших название «театр оперетты». 1-ый — Театр оперетты на Бол. Дмитровке в д. 17 (в помещении известного до революции кабаре «Максим», устроителем которого был известный антрепренер «московский мулат» Томас). В труппе этого театра, в частности, выступал Г. Ярон. Второй театр оперетты «Эрмитаж» — работал в одноименном саду, в Каретном ряду (в труппу этого театра входил Л. Утесов). Оперная труппа С. Зимина давала спектакли в д. 6 на Большой Дмитровке, построенном в 1894 г. арх. К. Терским для частного театра купца Г. Солодовникова. С 1896 по 1904 гг. на этой сцене можно было видеть представления оперы Саввы Мамонтова. Затем она перешла в руки третьего частного театрального коллектива — оперы С. Зимина. После Октября 1917 г. «театр акционерного общества С. И. Зимина» (именно так он назван в справочнике «Вся Москва» на 1923 г.) продолжал некоторое время работать там же, где и раньше — в доме № 6 на Большой Дмитровке. Сейчас в этом здании — московский Театр оперетты.

К. без ошибок цитирует свое ст-ние «Опера» (1923).

Ср. с позднейшим признанием К.: «Мандельштам браковал все, что я написал, но находил одну-две настоящие строчки, и это было праздником и наградой».[338]

261

О. Мандельштам проживал там с апреля 1922 по начало октября 1923 гг.

262

Стихотворение «Нашедший подкову» было написано в 1923 г.

Ср. в мемуарах художника В. А. Милашевского: «„Верблюдик“ — назвал его [Мандельштама — Коммент.] один из наших писателей [К. — Коммент.], который не всегда, но иногда бывает метким. Не „верблюд“ — это совсем не смешно, а вот „верблюдик“ — забавно».[339] Ср. также в «Воспоминаниях» Н. Я. Мандельштам: «В Ташкенте во время эвакуации я встретила счастливого Катаева. Подъезжая к Аральску, он увидел верблюда и сразу вспомнил Мандельштама: „Как он держал голову — совсем, как О. Э.“».[340]

264

Ср. в дневниковой записи Ал. Блока от 22.10.1920 г.: «Сначала невыносимо слушать общегумилевское распевание».[341]

265

Ср. в воспоминаниях Н. Я. Мандельштам: «…требовал, чтобы я скорее чинила карандаши и записывала <…> Окончательные тексты обычно записывались мной под диктовку».[342]

266

Письма О. Мандельштама К. из Воронежа (где поэт отбывал ссылку с конца июня 1934 г. по середину мая 1937 г.), по-видимому, не сохранились.

267

Из ст-ния О. Мандельштама «Ветер нам утешенье принес…» (1922).

268

Полностью цитируется ст-ние О. Мандельштама 1922 г.

269

Цитата из пушкинского «Моцарта и Сальери», начинающая «моцартовскую» тему «AMB».

Ср. в «Меди…»: «И простудился я на Патриарших Прудах, возле десятого дерева с краю, если считать от грелки, откуда выбегают косые конькобежцы. Меня продуло парадным ветром оркестра, этой медной отдышкой труб, тарелок и барабана. Это случилось вчера <…> Прохожу мимо десятого дерева с краю, мимо единственной в мире колючей проволоки <…> Возле него она сказала мне — люблю. За последние пять лет никто не говорил мне ночью, в снегу, возле колючей проволоки, у черного деревца „люблю“».[343] См. также ст-ние К. «Каток» (1923): «В атаку, конькобежцы! // Раскраивайте звезды по небу // Пускай „норвежками“ раскосыми // Исполосован в свист каток! // <…> // Над Чистыми и Патриаршими // Фаланги шарфов взяты в плен. // — Позвольте, я возьму вас об руку. // Ура! Мы в огненном кольце! // Громите фланг. // Воруйте маршами // Без исключенья всех Елен!»[344]

Ср. в рассказе «Медь…»: «— Не отпускай меня, — говорила она, и снег налипал на ее ресницы. — Зачем ты отпускаешь меня? Что без тебя я буду делать?

Но вокзал уже грозил циферблатом, поезда уже кричали в метели, и бляхи носильщиков гремели номерами, как щиты героев. Билет был прострелен навылет, и никакая сила в мире не могла заставить его выжить.

— Зачем ты меня отпускаешь? — спросила она на площадке вагона, когда уже дважды прозвонил колокол. — Увези меня отсюда к себе. Я не могу без тебя жить. Ты потеряешь меня.

Я молчал. Я знал, почему ее отпускаю. Мне нужна была любовь на всю жизнь. Или — к чорту! На меньшее я был не согласен. Весной она приедет, и уже все время мы будем вместе. Проклятая жадность. Все или ничего».[345] Ср., однако, в мемуарной заметке дочери Елены Афанасьевны Булгаковой: «Факт знакомства с В. П. Катаевым раздут до невероятных размеров. А спрашивал ли кто-либо саму Елену Афанасьевну, как она относится к этому знакомству? Если бы Валентин Петрович Катаев не был писателем, встреча с которым „престижна“ <…>, то этот эпизод жизни Лели не был бы даже упомянут».[346] Современное здание Брянского вокзала (с 1934 г. — Киевский вокзал) было возведено в 1913–1917 гг. по проекту арх. И. Рерберга. Вокзал выстроен в модном в начале XX в. неоклассическом стиле.

Герой рассказа «Медь…» приехал в Киев к Леле, где и сжег свои письма к ней, а Леля сожгла свои письма к герою. В Киеве же они навсегда расстаются — Леля отказывает герою рассказа. Ср. также в ст-нии К. «Разрыв» (1923): «Затвор-заслонка, пальцы пачкай! // Пожар и сажа, вечно снись им. // Мы заряжали печку пачкой // Прочитанных, ненужных писем»[347] и во все той же «Меди…»: «— Кстати, о печке: вот ваши письма. Их четыре, они всегда со мной. Два любимые, старые. Два — новые, в цветных отвратительных конвертах, лживые и колеблющиеся. Кроме того, случайная записка и вязаная перчатка с левой руки, которую я клал себе под подушку, ложась спать.

— Возьмите свои игрушки и отдайте мне мои.

Она, не глядя, выдвигает ящик стола.

Заслонка открывается как затвор гаубицы и глотает пачки заряда, огонь гудит в колене трубы. Она опускает ресницы. Ну, вот и все».[348]

Леля Булгакова (3-я слева, в нижнем ряду).

Ср. в ст-нии К. «Киев»: «Я взорвать обещался тебя и твои словари, // И Печерскую лавру, и Днепр, и соборы, и Киев. // Я взорвать обещался. Зарвался, заврался, не смог».[349] В апреле 1923 г. К. женился на Анне Сергеевне Коваленко. Летом 1924 г. Е. А. Булгакова окончила Киевский институт народного образования и переехала в Москву, поселившись у Н. А. Земской.[350] В Москве Леля Булгакова познакомилась с другом мужа Н. А. Земской Михаилом Васильевичем Светлаевым, за которого 4.02.1925 г. вышла замуж.[351] Остается невыясненным, летом какого года К. мог встречаться с Лелей и гулять с ней по Москве, учитывая, что ко времени ее приезда в Москву в 1924 г. он был женат уже несколько месяцев. Возможно, отрывок о пионерах и летних прогулках с Лелей был целиком вымышлен К.

27 4

«Московский дождик» — ст-ние О. Мандельштама 1922 г., полностью цитируемое К.

275

Точный адрес Главполитпросвета был: Сретенский бульвар, д. 6, 4-й подъезд, 2 эт. Портрет Н. К. Крупской (1869–1939) см. также в очерке К. и Л. В. Никулина «Крупская на трибуне»: «Мы увидели впервые Надежду Константиновну на трибуне, и ее человеческий облик был в тысячу раз замечательнее, чем тот монументальный, который мы себе представляли <…> Речь Крупской не суха, не дидактична, у нее есть самые теплые, можно сказать лирические ноты в голосе <…> соратница Ленина живет и работает в дни осуществления его великих идей, тех идей, которые в наши дни воплощаются в жизнь лучшим учеником Ленина т. И. В. Сталиным».[352]

Ср. в мемуарах С. И. Липкина: «Мандельштам (не на словах, конечно) то преувеличивал свою известность, то видел себя окончательно затерянным в толпе»[353] и Э. Г. Герштейн: Мандельштам «внезапно остановился, пораженный догадкой: — „А вы читали мои стихи?“ — „Нет“. Он рассердился ужасно. <…> — „Но, кажется, только что вышла Ваша книга?“ — растерялась я. „Там нет новых стихов!! Я уже много лет их не пишу. Пишу… написал… прозу…“ — гневно кричал Мандельштам и, задыхаясь от раздражения, бросил меня одну на пустынной аллее».[354]

277

В ст-нии О. Мандельштама «Мне Тифлис горбатый снится…» (1920): «Если спросишь „Телиани“ — // Поплывет Тифлис в тумане».

Жанр крыловской басни О. Мандельштам позднее пародийно стилизовал в своих «дурацких баснях» (авторское определение). Например: «Однажды из далекого кишлака // Пришел дехканин в кооператив, // Чтобы купить себе презерватив. // Откуда ни возьмись, мулла-собака, // Его нахально вдруг опередив, // Купил товар и был таков. Однако!». Ср. с шуточным ст-нием самого К. 1928 г., помещенным в стеклографированной малотиражной брошюре, составленной Алексеем Крученых: «Граждане, запомните! // Не сидите в комнате, // Не пейте аперитив, // Ходите в кооператив // Историю опередив».[355]

279

Ср. в ст-нии О. Мандельштама «Ахматова» (1914): «Спадая с плеч, окаменела // Ложноклассическая шаль».

В записи О. Мандельштама или Н. Я. Мандельштам этот текст не сохранился. Доверие, с которым составители и комментаторы мандельштамовских сочинений в данном случае отнеслись к К., публикуя приведенное четверостишие в качестве шуточного ст-ния Мандельштама,[356] представляется чрезмерным.

Мотив голода возникает в одной из строф харьковского стихотворения К. «Молодежи», напечатанного под инициалами В. К.: «И вот теперь, когда на нас // Идет неумолимый голод, // Все на работу в добрый час, // Кто сердцем тверд и духом молод».[357] К. служил в Харькове в должности секретаря журнала «Коммунарка Украины». Литературную жизнь города этого периода описал журналист В. Яськов со слов Б. В. Косарева. В частности, Косарев рассказал о своем посещении, вместе с К. и Ю. Олешей, харьковского вечера поэзии В. Маяковского: «…сидели в 6-м ряду <…> Когда Маяковский кончил читать и наклонился, чтобы поднять лежащие на просцениуме записки, Катаев громко сказал: „Маяковский, вы знаете Алексея Чичерина?“ — „Знаю“. — „А он читает ваши стихи лучше, чем вы“. „И тут я не поверил своим глазам, — говорит Б. В., — Маяковский густо побагровел и как-то беспомощно ответил: „Ну, что ж, я ведь не профессиональный чтец…““».[358] Восторженное описание этого вечера и чтения Маяковским стихов содержится в «Траве забвенья»:[87] С. 368–371. См. также в мемуарах А. И. Эрлиха, со слов К.: «Однажды в Харькове Маяковский давал свой открытый вечер, читал „Левый марш“, „150 000 000“. Катаев и еще несколько молодых, совсем еще безвестных в ту пору литераторов послали поэту записку. Полная самых пламенных восторгов, она заканчивалась робкими надеждами на встречу <…> ответа на записку не последовало».[359] Ср. также в «Воспоминаниях» Н. Я. Мандельштам, о своем и Осипа Эмильевича знакомстве с К.: «Мы впервые познакомились с Катаевым в Харькове в 22 году. Это был оборванец с умными живыми глазами, уже успевший „влипнуть“ и выкрутиться из очень серьезных неприятностей».[360] Приведем здесь стихотворные экспромты, которыми обменялись К. и Олеша в 1921 г., после временного переезда К. из Харькова в Одессу. Они сохранились в альбоме Г. И. Долинова.[361]

Экспромт К.:

Покинув надоевший Харьков,
Что б поскорей друзей обнять,
Я мчался тыщу верст отхаркав,
И вот — нахаркал здесь в тетрадь.

Ответ Ю. Олеши:

Прочтя стихи твои с любовью
Скажу я, истину любя, —
От них я скоро харкну кровью,
Иль просто харкну на тебя!

25/ октя<бря> <1>921 Одесса.

К., без сомнения, имеет в виду мемуарную книгу Эмилия Миндлина «Необыкновенные собеседники», фрагмент которой автор «АМВ», в комментируемом эпизоде, по обыкновению, «творчески переосмысливает». Миндлин сначала вспоминает о своем знакомстве с К. и Ю. Олешей в Харькове: «Один — повыше и почернее, был в мятой шляпе, другой — пониже, с твердым крутым подбородком, вовсе без головного убора. Оба в поношенных костюмах бродяг, и оба в деревянных сандалиях на босу ногу <…> Тот, что повыше, оказался Валентином Катаевым, другой — Юрием Олешей».[362] Затем мемуарист переехал в Москву: «Зимой 1922 года я снова встретился со своими странными харьковскими знакомыми — Катаевым и Олешей. К этому времени я уже был секретарем „Накануне“. Как ни убого выглядели наши, молодых „наканунцев“, наряды, однажды появившиеся у нас Катаев и Олеша вызывающей скромностью своих одеяний смутили даже нашего брата. Не знаю, приехали ли они из Харькова поездом или пришли пешком, но верхнее платье на них выглядело еще печальнее, чем в Харькове! А ведь и в Харькове они походили на бездомных бродяг! Наш заведующий конторой редакции возмутился появлением в респектабельной редакции двух подозрительных неизвестных.

— Вам что? Вы куда? — Полами распахнутой шубы он было преградил им дорогу. Но маленький небритый бродяга в каком-то истертом до дыр пальтеце царственным жестом отстранил его и горделиво ступил на синее сукно, покрывавшее пол огромного помещения».[363]

283

Ср. со свидетельством О. Г. Олеши-Суок, относящимся к более раннему, «одесскому» периоду биографии Ю. Олеши, К. и Э. Багрицкого: «Все трое (Катаев, Олеша, Багрицкий) ходили очень „экстравагантно“ одетыми, под босяков <…> Все трое: Багрицкий, Олеша и Катаев — пользовались академическими пайками».[364]

Ср. со свидетельством Л. Г. Суок-Багрицкой о том, что ее муж «ходил в казенной рубашке с большим штампом на груди».[365]

285

Ср. с описанием обеда главного героя повести К. «Уже написан Вертер» (1979), действие которой разворачивается в Одессе, в начале 1920-х гг.: «Когда они, Дима и его сотрапезница, заканчивали обед, состоящий из плитки спрессованной ячной каши с каплей зеленого машинного масла, к ним сзади подошли двое».[366]

286

Река Лопань.

287

Александр Александрович Блок умер 7.08.1921 г.

288

В этот «центон» вошли фрагменты следующих стихотворных произведений Ал. Блока: «На железной дороге» (1910), «Нет имени тебе, мой дальний…» (1906), «О доблестях, о подвигах, о славе…» (1908), «Двенадцать» (1918), «Скифы» (1918), «Шаги Командора» (1910–1912), «Незнакомка» (1906), «Равенна» (1909), «Окна ложные на небе черном…» (1909), «В голубой далекой спаленке…» (1905), «Возмездие» (1910–1921).

289

Сходное впечатление смерть Ал. Блока произвела едва ли не на всех молодых почитателей русской поэзии начала XX века. Ср., например, в мемуарах Н. Н. Берберовой: «Я шла по Бассейной в Дом Литераторов. Было воскресенье (и канун дня моего рождения), часа три <…> Я вошла в парадную дверь с улицы <…> И тогда я увидела в черной рамке объявление, висевшее среди других: „Сегодня, 7 августа, скончался Александр Александрович Блок“. Объявление еще было сырое, его только что наклеили. Чувство внезапного и острого сиротства, которое я никогда больше не испытала в жизни, охватило меня. Кончается… Одни… Это идет конец. Мы пропали… Слезы брызнули из глаз».[367] См. также некрологическую заметку В. Рожицына «Александр Блок», опубликованную в харьковской газете «Коммунист» 11.8.1921 г.

Источник цитаты установить не удалось.

291

«Разговорами» на военном жаргоне называли клапаны с прорезанными отверстиями для пуговиц на красноармейской форме.

292

Игра на сходстве звучания слов «командарм» и «командор». «Серьезное» оплакивание Ал. Блока неожиданно разрешается бурлескным эпизодом, травестирующим тему блоковских «Шагов Командора» (1910–1912).

293

Между нами говоря (фр.).

То есть — по кувшинчику.

295

Декокт — отвар, медицинское снадобье.

296

Речь идет о гостинице «Лондонская», располагающейся в Одессе по адресу: Приморский бульвар, 11.

297

Воспроизводится литературная ситуация: «Агафья Тихоновна» (Олеша) — «женихи» («харьковский дурак»), подкрепленная неудачным заказом «дурака»: «…командир нашего полка как раз послезавтра выдает замуж старшую дочь Катю».

298

Ср. в ст-нии О. Мандельштама «Холодок щекочет темя…» (1922), цитировавшемся в «АМВ» выше: «И меня срезает время, // Как скосило твой каблук».

299

Ср. в мемуарах В. Лидина об отце писателя: «По внешности он был так схож с сыном, что всегда можно было представить себе, каким будет Юрий Олеша в старости».[368]

300

Воспроизводится литературная ситуация: «княжна Мэри» (сестра Олеши) — «Грушницкий» (К.).

301

Ср. в записях Ю. Олеши: «Я родился в 1899 году в городе Елисаветграде, который теперь называется Кировоград. Я ничего не могу сказать об этом городе такого, что дало бы ему какую-либо вескую характеристику. Я прожил в нем только несколько младенческих лет, после которых оказался живущим уже в Одессе <…> Отец, которого в те годы я, конечно, называл папой, пьет, играет в карты. Он — в клубе. Клуб — одно из главных слов моего детства <…> мама моя была красивая. Говор стоял об этом вокруг моей детской головы, да и вот передо мною ее фотография тех времен. Она в берете, с блестящими серыми глазами — молодая, чем-то только что обиженная, плакавшая и вот уже развеселившаяся женщина. Ее звали Ольга <…> В детстве говорили, что я похож на отца <…> Сестра была для меня существом удивительным. Нет, вернее, в отношении моем к сестре было много такого, что сейчас удивляет меня: я, безусловно, например, видел в ней женщину <…> Она умерла в сочельник. Я видел момент смерти».[369] Здесь же говорится о бабушке, Мальвине Францевне Герлович, «с ее поэтической душой».[370] «Родители Ю. К. Олеши — Карл Антонович и Ольга Владиславовна Олеша. Со времени их отъезда в Польшу Ю. Олеша их больше не видел. Отец умер в 1940-х годах, матери было суждено пережить сына (она умерла 1 февраля 1963 г.)».[371] Сестра будущего писателя, Ванда, умерла в 1919 г. (родилась она в 1897 г.).

Ср. в мемуарах А. К. Гладкова: «Утром в газетах было объявление о шестидесятилетии писателя К. К. — многолетний друг Ю. К., товарищ юности, свидетель его первых литературных дебютов. Их связывало очень многое, но что-то и разделяло; не берусь сказать, что именно, хотя Олеша и рассказывал об этом, но как-то странно и недостоверно. Но в этот день, о чем бы мы ни говорили, он все время возвращался к этому юбилею К., возвращался по-разному — то драматически, то элегически, то с задором, то с какой-то тихой грустью. Уже вечером и довольно поздно Ю. К. вдруг вскочил с места и заявил, что немедленно едет поздравлять К. Он попросил бутылку коньяку, засунул ее почему-то во внутренний карман пиджака и пошел к выходу. Через минуту он вернулся и предложил нам ехать с ним. Это было нелепо — все сидевшие за столом были незнакомы с К. Олеша уговаривал, настаивал, требовал, потом как-то неожиданно легко согласился, что ехать действительно не стоит. Бутылка коньяку была водружена на стол. Дальше в разговоре Ю. К. назвал К. „братом“, но тут же начал говорить злые парадоксы о братской любви. На короткое время мы остались вдвоем. Он вдруг спросил меня: кто лучше писатель — К. или он? Я промолчал и подумал, что это молчание его рассердит. Но он не рассердился и, наклонившись ко мне, сказал:

— Пишу лучше я, но… — он выдержал длинную театральную паузу — …но его демон сильнее моего демона!..»[372] Сравнение своей прозы с прозой К. — лейтмотив размышлений позднего Ю. Олеши о своем писательском даре. Свидетельство М. В. Ардова: «У Юрия Карловича появилось нечто, что можно было бы назвать „комплексом Катаева“».[373] См. также в записях Олеши: «Читал „Белеет парус одинокий“. Хорошо. Катаев пишет лучше меня. Он написал много. Я только отрывочки, набор метафор»;[374] «Словом, мне кажется, что я мог бы написать о Куприне не хуже, чем написал Катаев».[375] Олеша имеет в виду очерк: *Катаев Валентин.* Творчество Александра Куприна // Огонек. 1954. № 22. С. 16.

303

Отсылка к соответствующему эпизоду, по-видимому, — не столько шекспировской трагедии «Ромео и Джульета», сколько одноименного фильма Ф. Дзефирелли, снятого в 1968 г.

304

Ср. в «Трех толстяках»: «Тибул задержался секунду на карнизе. Ему нужно было перебраться на противоположную сторону площади. Тогда он мог бы бежать с площади Звезды в сторону рабочих кварталов».[376] Центральная площадь Парижа — Place de Charles de Gaulle-Étoile («Площадь Шарля де Голля-Звезды»).

305

Здесь и далее с небольшими неточностями цитируется «Равенна» (1909) Ал. Блока. Ср. в мемуарах Б. В. Бобовича о Ю. Олеше: «Помню, как некогда он упивался четырехкратным рокотаньем буквы „р“ в блоковском стихотворении „Равенна“». [377]

306

Ср. в письме Ал. Блока к матери от 13.5.1909 г. из Флоренции: «В Равенне мы были два дня. Это — глухая провинция, еще гораздо глуше, чем Венеция. Городишко спит глухо, и всюду — церкви и образа <…> Мы видели могилу Данта, древние саркофаги, поразительные мозаики, дворец Теодориха. В поле за Равенной — среди роз и глициний — могила Теодориха».[378]

307

Речь идет о ст-нии Б. Пастернака «Рождественская звезда» (1947), вошедшем в «Стихотворения Юрия Живаго»: «Мерцала звезда по пути в Вифлеем. // Она пламенела, как стог, в стороне // От неба и Бога».

308

Одесский Ришельевский лицей, ко времени обучения в нем Ю. Олеши, преобразованный в Ришельевскую гимназию, был открыт в 1817 г. Будущий автор «Зависти» окончил ришельевскую гимназию в 1917 г. О его гимназических успехах ср. у Б. В. Бобовича: «Окончив в Одессе Ришельевскую гимназию с золотой медалью, Олеша уже в гимназические годы обладал знаниями, далеко превосходившими те, что давало учебное заведение. Он был отличным латинистом и всю жизнь мог вам на выбор цитировать Горация, Вергилия, Тита Ливия, Овидия Назона. В историю он был влюблен горячо и неизменно, знал ее досконально, непоказно и, смело наслаждаясь своей эрудицией, нередко ставил в тупик самых знающих».[379]

309

Исподволь обыгрывается звуковое сходство слова «зубрила» с будущим псевдонимом Ю. Олеши — «Зубило».

310

Ср. в мемуарах З. Шишовой: «С удивлением я вспоминаю, что совсем недавно кто-то сказал, что Олеша „один из таких *больших* маленького роста людей, как, например, Наполеон и еще кто-то“. Мне Юра никогда не казался маленьким или низеньким».[380]

311

Ср. с впечатлениями А. Н. Старостина о Ю. Олеше: «Меня удивило, что для того, чтобы поцеловать женщину, мужчине пришлось приподняться на носках. Помнится, что я ощутил какую-то обиженность. Такая породистая голова требовала более крупного постамента»,[381] а также с автопортретом писателя: «Я росту маленького; туловище, впрочем, годилось бы для человека большого, но коротки ноги, — потому я нескладен, смешон; у меня широкие плечи, низкая шея, я толст».[382] Ср. также с портретом Олеши из мемуаров Л. И. Славина, где к писателю примеривается прозвище, которое К. дал другому персонажу «АМВ»: «Широкогрудый, невысокий, с большой головой гофмановского Щелкунчика, с волевым подбородком, с насмешливой складкой рта».[383]

Хотя внешность писателя сравнивали с обликом Бетховена многие мемуаристы, выпад К. наверняка целил в Виктора Борисовича Шкловского (1893–1984), отмечавшего в своих воспоминаниях об Олеше: «Он был похож, я убедился, на Бетховена».[384] См. отрывок из рецензии К. на «Ни дня без строчки»: «В досадном несоответствии с блистательным текстом всей книги находится вялое вступление В. Шкловского».[385] «У них старые счеты». Так Л. Ю. Брик охарактеризовала взаимоотношения К. и Шкловского в письме к Э. Триоле от 6.5.1967 г.[386] См. также в мемуарах И. Гофф о Шкловском и К.: «Меня всегда удивляло их ожесточенное взаимное неприятие. Оно сочеталось с жгучим и взаимным интересом одного к другому».[387] После выхода в свет «АМВ» Шкловский написал на К. такую, ходившую в списках, эпиграмму: «Из десяти венцов терновых // Он сплел алмазный свой венец. // И очутился гений новый. // Завистник старый и подлец».

313

К. пользуется своим званием «литературного генерала», чтобы (не называя имени автора) процитировать запрещенного в СССР Николая Гумилева (ст-ние «Слоненок» из гумилевской книги «Огненный столп» 1921 г.). Может быть, не лишним будет указать на то обстоятельство, что пушкинская строка, ставшая заглавием комментируемого произведения К. цитировалась и Гумилевым в ст-нии «Песня о купце и короле»: «Однажды сидел я в порфире златой, // Горел мой алмазный венец».

Ср. в рассказе К. «Бездельник Эдуард», где о Ю. Олеше говорится как о «молодом лирике, стяжавшем себе флорентийскими поэмами завидную популярность у городских барышень».[388]

315

Здесь К. начинает «краткую прогулку» по тем страницам записей Ю. Олеши, которые сам автор «Трех толстяков» условно объединил заглавием «Золотая полка». Ср. в этих записях: «В юности я подражал Ростану (опять-таки Щепкиной-Куперник) — сочинял комедию в стихах».[389]

316

Ср. у Ростана в переводе Т. Щепкиной-Куперник: «Я… я… ламповщиком служу я… у… Мольера» (реплика Рагно, V действие, VI явление).

317

Приводим полный текст этого ст-ния Ю. Олеши по автографу: [390]

БЕАТРИЧЕ

Г. А. Шенгели

Данте:
«Ты, Боже, герцог… Но каких владений?
Какое имя из других нежней?
Перебираю сладкие, земные
и руки отряхаю и гляжу:
текут, текут… <нрзб>
и падают, сияя и звеня.
Тоскана? —
Видишь: это Твой Георгий!
Смотри: смеется, шлем раскрылся розой…
Ему не страшно биться в день такой,
меж лютиков, на зелени, в траве,
когда на небе — облак или плод,
архистратиг — садовник или воин?
Конь бел, как горлинка, как рыба, —
он плещется и вьется от сиянья
двух длинных шпор, двух золотых комет!
Дракон не страшен воину такому,
дракон для грешников — исчадье ада,
для праведников — ящерица лишь,
для рыцаря святого — только сердце
иссохшее и черное, как боб!
Тоскана — ты не хочешь? Есть другие…
Вот слушай: Роза. Роза.
Был инок, неумелый в ремеслах:
ни киноварью алой, драгоценной
заглавия по золоту писать,
ни рисовать, как круглою рукою
Подносит Ева яблоко Адаму,
и с пальмы змей качается над ней,
ни сочинять, в сладчайший лад псалма,
о том, как лань зеленою тропою
из мокрых кущ явилась,

и сиял
крест на челе —
весенним смутным утром, —
так ничего не знал он, не умел,
но только пел, как ветер пел:
Мария! —
и Богоматерь, Деву Пресвятую,
из братьи всей усердней почитал.
Смеялись иноки, но ты, о Боже,
Ты знаешь все — кому удел какой…
И вот, когда он умер,
на устах,
Покрывшихся смертельной чернотою,
пять алых роз Паникадилом дивным
вдруг расцвели —
пять страстных букв: Мария,
стеблями от замолкнувшего сердца,
Чей весь златой Ты пробовал в тот час».

Так говоря, что видит Алигьери:
Куст розовый, где листья — латы, розы —
<нрзб> без рукавиц слабеющие руки:
пять лепестков — персты сложились купно,
отягчены сияющей пчелою:
она уйдет, уйдет звеня — с венца
в ладонь —
в темнеющую кровью сердцевину,
где листья вкруг — военные зубцы
железных нарукавников доспеха!
Где головы — когда так много рук?
Кто их поверг и смял под конским брюхом
и улетел, сияя стременами,
стремительный, как искра из меча?
И поднимает очи Алигьери
и узнает, кто рыцарей поверг:
там, над кустом,
шумел, сиял и раскрывался Рай…
Струился свет, стекая, как Архангел,
меняя драгоценные цвета, —
огромный свет,
свет конницы небесной,
свет плата Вероники,
свет от одежд, лица, очей, от рук
там, над кустом,

представшей Беатриче.
И Алигьери знал, какое имя
дать Господу владениям Его.
Он так сказал:
«Как к Господу, умерши, прихожу,
и спросит он:
„Чего тебе я не дал?“
„Что мне хотеть? — тогда Ему скажу:
Раз я любовь великую изведал.“
И покажу: „Гляди по темным странам, —
там в высоте, в текучей смутной мгле,
горит звезда. Ее Альдебараном
живущие назвали на земле.
Когда бы вдруг с небес рука Твоя
меня совсем забыла б меж другими, —
то и тогда что требовал бы я,
раз женщины нежнее было имя?“»

318

Об увлечении Ю. Олеши Метерлинком см. в его записях.[391]

319

Уолтер Патер (1839–1894) — см., например, издание: *Патер У.* Воображаемые портреты. — Ребенок в доме. М., 1908.

320

Марсель Швоб (1867–1905) — речь идет об издании: *Швоб М.* Крестовый поход для детей. СПб., 1910.

321

Об отношении Ю. Олеши к Эдгару По см. в его записях.[392]

322

Из песенки Александра Николаевича Вертинского (1889–1957) «Аллилуйя» (1916–1917).

323

В мемуарах Л. Ю. Брик рассказывается о том, что В. Маяковский любил напевать юмористически переиначенные строки из песенки А. Вертинского «Лиловый негр» (1916).[393] См. также в записях Ю. Олеши: «Я хочу вспомнить здесь, в этом некрологе ушедшему артисту и, безусловно, поэту, мнение о нем Владимира Маяковского, не оставшееся у меня в памяти в точности, но сводившееся к тому, что он, Маяковский, очень высоко ставит творчество Вертинского».[394]

Об отношении Ю. Олеши к Г. Уэллсу см. в его записях.[395]

325

Ср. с репликой изобретателя Чудакова из «Бани» Маяковского: «Смотри, фейерверочные фантазии Уэльса, футуристическая мощь Эйнштейна, звериные навыки спячки медведей и иогов — всё, всё спрессовано, сжато и слито в этой машине».[396]

326

Ср. однако в мемуарах Л. И. Славина: «Есть мнение, особенно распространенное в актерской среде, что Достоевского с его визионерством, с его мучительными резекциями души, с его обостренным вниманием, направленным на самого себя, Олеша предпочитал всем другим художникам. Это заблуждение основано на неполном знании Олеши. Толстой — вот к кому тянулось все то доброе и ясное, что было в Олеше. Признаки неприязни к Достоевскому и прежде проскальзывали в печатных высказываниях Олеши».[397] Об отношении Ю. Олеши к Достоевскому см. в его записях.[398]

327

Это ст-ние Ю. Олеши было впервые опубликовано Е. Розановой.[399] Приводим его полный текст по автографу:[400]

В СТЕПИ

Вал. Катаеву.

Иду в степи под золотым закатом…
Как хорошо здесь! Весь простор — румян,
И все в огне, а по далеким хатам
Ползет, дымясь, сиреневый туман…

Темнеет быстро. Над сухим бурьяном
Взошла и стала бледная луна
И закачалась в облаке багряном.
Все умерло. Бескрайность. Тишина.

А вдоль межи — подсолнечники-астры…
Вдруг хрустнет сзади, будто чьи шаги,
Трещит сверчок, а запоздалый ястреб
В зеленом небе зачертил круги…

Легко идется без дневного зноя,
И пахнет все, а запахи остры…
Вдали табун, другой: идут «в ночное»
И запылали в синеве костры…

1915. Июль.

Об отношении Олеши к И. Бунину и о знакомстве с ним через посредничество К., см.: *Олеша Ю. К.* Книга прощания. М., 2001. С. 304–309.

Ср. в «Автобиографии» Ю. Олеши: «Литературой стал заниматься поздно, лет восемнадцати. Стихи. Написал пьесу — „Маленькое сердце“. Ставилась в Одессе. Один раз. Провалилась. Подражал Пшибышевскому».[401] Об увлеченности молодого Олеши творчеством польского модернистского прозаика и драматурга Станислава Пшибышевского (1868–1927) свидетельствует и то обстоятельство, что эпиграфом из него сопровождается одно из ст-ний Олеши 1916 г.[402] О пьесе Олеши «Маленькое сердце» ср. в мемуарах Б. В. Бобовича: «Много лет назад Олеша читал нам свою юношески трогательную лирическую пьесу „Маленькое сердце“. Уже тогда она свидетельствовала об авторском вкусе, протестующем против шаблона и литературной приземленности. Было в этой пьесе что-то от Стриндберга, но собственное ощущение явлений, влечение к прекрасному в этой пьесе светилось совсем по-олешински. Мы, участники литературного кружка „Зеленая лампа“, разыграли „Маленькое сердце“ на сцене Одесской консерватории. Часто потом Юрий Олеша об этом своем раннем драматургическом опыте и говорил о нем и грустно, и, может быть, чуть иронически, но всегда с щемящей жалостью об ушедшей юности, с чуть звучавшей в его голосе болью и добротой»[403] и П. Ершова: «Под влиянием жеманного стихотворения З. Шишовой о самоубийстве юноши из-за любви Юрий Олеша внезапно и стремительно написал трехактную пьесу в стихах — „Маленькое сердце“, — каждый акт минут на десять на пятнадцать. Это был его первый драматургический опыт, где слышались отзвуки и Метерлинка, и Леонида Андреева и всё было зыбко, неясно, загадочно: „Маленькое Сердце“ надо было не понимать, а „чувствовать“. Не долго думая, вся братия поставила этот спектакль и доставила себе больше удовольствия, чем публике. Олеша ходил то именинником, то омрачался: — Театр удивительная вещь, — качал он головой, — у него дьявольские тайны и законы. Пишешь и воображаешь так, а выходит этак…».[404] См. также в неопубликованном очерке Г. И. Долинова «Литературный путь Юрия Олеши», написанным в конце 1920-х гг.:[405] «…в Апреле 1918-го года появился журнал „Южный огонек“ <…> [в № 1 которого — *Коммент.*] помещена заметка о постановке в зале консерватории 11-го апреля пьесы Юрия Олеши „Маленькое сердце“ <…> Пьеса была поставлена и разыграна силами того же студенческого лит<ературного> кружка и частично членами организованного тогда же Валентином Катаевым, на

коммерческих началах, кружка „Зеленая лампа“. Ставил пьесу лектор кружка Петр Ершов. Во 2-м № <„>Ю<жного> огонька<“> помещен снимок всего ансамбля, игравшего пьесу во главе с Ю. Олешей. Пьеса, помнится, была написана на сюжет стихотворения одной из поэтесс кружка <—> Шишовой. Цитируем:

Смерть.

Коротенький звонкий выстрел. Как будто хлопнула пробка…
Мелькнули тени драпри [так в тексте — *Коммент.*]…
На круглом столике рядом зеленая с белым коробка,
Кажется от папетри [так в тексте — *Коммент.*].
В темном пролете парадной мелькнули испуганно лица, —
Значит, дело с концом, —
Сейчас невеста и сестры будут плакать и биться
Над Вашим скорбным лицом.
Бедненький бледный мальчик, умерший слишком рано —
В двадцать с немногим лет.
Только я имею, как это им ни странно,
Ваш последний портрет.
Бедненький мертвый мальчик, я, как черная злая кошка,
была на Вашем пути…
Хрупкий такой и нежный, подождите меня немножко —
Я тоже должна уйти…

<…> Пьеса дальше зала консерватории не пошла, но в дальнейшем Олеша не раз возвращался к драматическим формам».

329

Воспроизводится литературная ситуация: из рассказа В. Ю. Драгунского «Смерть шпиона Гадюкина» — «шпион Гадюкин» («золотоволосый Антек») — Дениска Кораблев (К.).

330

Ср. с замечанием М. Б. Чарного о том, что на карикатуре Кукрыниксов Ю. Олеша «похож на хитрого слона, напялившего на себя огромную шляпу».[406]

Ср. о Ю. Олеше у С. И. Липкина: «Он вообще был очень скрытным и ни на что не жаловался».[407] Тем не менее, в неопубликованном письме Олеши к Эмилии Львовне Немировской содержится отчетливый для адресата намек на любовную драму будущего автора «Зависти»:[408]

> Милая Милечка!
>
> Нужно скорее приезжать в Москву. Довольно Одессы. Но с какой любовью и нежностью я вспоминаю об Одессе, — о всем: о коллективе, о «Пеоне IV», о Хламе, об университетских вечерах. Кончилась какая-то чудесная жизнь: молодость, начало поэзии, революция, любовь. Начинается другая жизнь. Для меня это дырявая, ненужная жизнь. У меня есть и деньги, и дело, и возможность работать по-настоящему. Но мне очень плохо живется. Жду. Может быть, будет лучше.
>
> Вы, вероятно, знаете причину этого скверного моего состояния.
>
> Как живете Вы? Как Ваше здоровье, которое, я помню, хромало. Поправляйтесь. Приезжайте. Спасибо за память обо мне. А то уже очень многие забыли обо мне.
>
> Целую руку
> с преданностью и уважением
> Ю. Олеша.
> Спасибо за рецензию об «Игре в плаху».
> Москва 12-III-23 г.
> Чистые пруды.

Отметим, что это послание писалось в квартире К.

332

Суок Серафима Густавовна (1902–1982) — гражданская жена Ю. Олеши, а с 1922 г. — Владимира Нарбута, а потом Н. И. Харджиева, а еще потом (с 1956 г.) — В. Б. Шкловского. Ее сестра Лидия Густавовна Суок (1896–1969) была женой Э. Багрицкого. Сестра Ольга Густавовна (1899–1978) — женой Ю. Олеши. М. О. Чудакова, автор книги об Олеше, которая не понравилась Ольге Густавовне, приводит ее реплику, прозвучавшую в разговоре с исследовательницей 29.2.1972 г.: «— Я уверена, что и Катаев вступится… Он очень любил Олешу».[409] 9 марта 1930 г. Олеша писал О. Г. Суок: «Не обижай Симу. Я ее очень люблю. Вы две половинки моей души».[410] См. портрет Серафимы Суок в рассказе К. «Бездельник Эдуард»: «…прелестная девятнадцатилетняя шатенка <…> со смуглыми обнаженными руками и завитками распущенных волос».[411] См. в этом же рассказе идиллическое изображение отношений Олеши и Серафимы Суок: «Симочка подсела на клеенчатый диван к своему лирику, и они долго полулежали, опутанные голубоватым табачным дымом».[412] О реакции Серафимы Суок на «АМВ» см. в мемуарах В. Ф. Огнева: «Прочитав „Алмазный мой венец“, С. Г. <…> плакала, Катаев в романе расправился и с ней самой. Шкловский кричал, что „пойдет бить ему морду“. Вытерев нос и сразу перестав плакать, С. Г. сказала: „Этого еще не хватало! Пойдем спать, Витя“».[413] В этих же воспоминаниях описаны поздние визиты Олеши к Шкловским: «Юрий Олеша появлялся на Черняховского [у Шкловских — *Коммент.*] не часто. Но паника в семье Шкловских была большая. Витя, открыв дверь, спрашивал: „Ты к Симе?“ — и уходил в кабинет, плотно прикрыв дверь. Нервничал. Из другой комнаты доносился разговор. Громкий — Симочки, тихий — Олеши. Минут через пять Олеша выходил в коридор, брезгливо держа в пальцах крупную по тем временам купюру. Сима провожала его заплаканная».[414]

333

Ср. с катаевской подписью под фотографией А. Н. Толстого в альбоме, составленном А. Е. Крученых: «Автор письма граф Ал. Н. Толстой за утренним туалетом. С почтением, разночинец В. Катаев»[415] и с отрывком из рассказа К. «Медь, которая торжествовала»: «А я разночинец, у меня нет быта и правил, нет семьи, нет ничего, кроме молодости, закаленной дочерна в пламени великого пятилетия».[416] Вероятный источник этой автохарактеристики К. — автобиографическая фраза О. Мандельштама из его книги «Шум времени» (1923): «Разночинцу не нужна память, ему достаточно рассказать о книгах, которые он прочел, — и биография готова».[417]

334

Неточная цитата из ст-ния А. С. Пушкина «Он между нами жил…» (1834). У Пушкина: «…народы, распри позабыв // В великую семью соединятся».

335

Речь идет о «Коллективе поэтов».

Деятельность одесской губчека подробно воссоздана в повести К. «Уже написан Вертер» (1979). Главному герою этой повести — художнику Диме, арестованному по доносу сексотки Инги, удается затем выйти на свободу. О том, что творилось в особняке, принадлежавшем одесской губчека, К. знал не понаслышке — в 1920 г. он проходил по делу о польско-английском заговоре и провел в тюрьме несколько месяцев: арестованный в марте К. был освобожден между 5 и 14 сентября. [418] В комментарии С. З. Лущика сообщается, что точный адрес особняка одесской губчека был: Маразлиевская, д. 40. Он же отмечает, что этот особняк состоял не из семи этажей (как у К. в «АМВ» и в повести «Уже написан Вертер»), а из пяти. Упомянутая в «АМВ» афишная тумба со списками расстрелянных — ключевой образ повести «Уже написан Вертер». Здесь художника Диму тайно выпускает из тюрьмы друг его матери, но в список расстрелянных Диму все же вносят, чтобы не вызывать подозрений у других чекистов. Матери Димы суждено разминуться с сыном, прочесть его имя в списке расстрелянных на афишной тумбе и покончить с собой.

337

Из 4-ой песни «Руслана и Людмилы» А. С. Пушкина.

338

Из романа «Анна Каренина»: «Месяц, еще светивший, когда он выходил, теперь только блестел, как кусок ртути».[419]

339

Семья ключика уехала в Польшу в 1922 г.

340

Антуан Франсуа Прево (1697–1763) «История кавалера де Гриё и Манон Леско» (1731). Легкомысленная героиня романа переходит из объятия в объятье, пользуясь великодушием и благородством своего многолетнего верного поклонника.

341

Ср. у Л. И. Славина: «„Король гномов“ — так назвал его когда-то Борис Ливанов».[420]

342

Ср. у К. Г. Паустовского: «На эстраде, набитой до отказа молодыми людьми и девицами, краснела феска Валентина Катаева».[421]

Ср. с изложением этого эпизода Г. И. Поляковым, в 1935 г., со слов С. Г. Суок, Л. Г. Суок, Ю. Олеши и К.: «Познакомились на одном из литературных вечеров с одним бухгалтером, который питал слабость к стихам и даже сам пописывал стихи под псевдонимом Мак (начальные инициалы). Попавши к Багрицким и Олешам <…> он сразу влюбился в Симу <…>, бывшую в то время женой Олеши. В это время Багрицкие и Олеши успели уже распродать почти все вещи, и становилось туго, у бухгалтера же водились кое-какие запасы продовольствия — он служил и получал паек. Решили использовать знакомство с ним для того, чтобы подкормиться. Вначале у него несколько раз были в гостях одни сестры, затем они привели с собой мужей, причем бухгалтеру не было известно, что они являются мужьями сестер <…> В дальнейшем любовь бухгалтера настолько возросла, что он предложил Симе руку и сердце. Легкомыслие компании было настолько велико, что для того, чтобы позабавиться и как следует „погулять“, решено было согласиться на это предложение, причем сам Олеша совершенно не протестовал против такого оборота». [422] После заключения брака С. Г. Суок и Мака «Багрицкий и Олеша сидели вдвоем в подавленном состоянии. Решено было идти выручать Симу и забрать ее домой. Пошел Олеша. Однако хозяин даже не пустил его на порог. В это время пришел В. Катаев. Узнав, в чем дело, он принялся за него более решительно. Придя к бухгалтеру, с которым не был знаком, он вызвал его якобы по делу. Вошел в комнату и сказал: „Ну, Сима, собирайтесь“. Бухгалтер даже не протестовал, настолько он был ошеломлен такой решительностью <…> Сима быстро собрала свои вещи, прихватив попутно также и кое-что из вещей бухгалтера <…> Бухгалтер не прекратил после этого знакомства с Багрицким и Олешей. Он временами приходил к друзьям, садился в уголок комнаты и восторженно смотрел на Симу, прося в качестве особой милости позволить ему посидеть и полюбоваться ею еще несколько минут. В таких случаях Катаев, если он был при этом, брал на себя роль распорядителя и говорил: „Вам разрешается пробыть еще 10 минут, Мак“ или: „Ваш срок истек“. В последнем случае бухгалтер беспрекословно вставал и уходил». [423]

Вероятно, в той же шляпе, которая запечатлена на воронежской фотографии В. Нарбута 1918 г.[424]

Владимир Иванович Нарбут (1888–1938), чей портрет в «АМВ» квалифицированный биограф поэта расценивает как «недоброжелательный шарж».[425] Другой исследователь отмечал, что Нарбут в «АМВ» изображен «довольно неприязненно, хотя и выразительно».[426] «— Не огорчайся, Роман, — будто со стороны утешал сына Нарбута друг покойного отца Валентин Петрович Катаев, — это просто такой стиль».[427] Ср. также у Т. Р. Нарбут и В. Н. Устиновского: «Недобросовестные и недоброжелательные, падкие на сенсации мемуаристы, сумели исказить даже те факты, которые были известны».[428]

По аналогии с западным французским департаментом Вандея, где в марте—декабре 1793 г. развернулась гражданская война между частью населения, поддерживавшей Великую французскую революцию и выступавшей против нее.

347

В повести К. «Уже написан Вертер» приводится слегка иной вариант одной из строк этой агитки: «и песню предсмертную пел».[429]

В. Нарбут прибыл в Одессу 15 мая 1920 г. Одесское украинское отделение РОСТА, которое он возглавлял с 1920 по 1921 гг., К. позднее назвал «школой политического воспитания беспартийных поэтов».[430] В Одессе Нарбут организовал также выпуск литературных журналов «Лава» и «Облава».[431] О Ю. Олеше и К. в Одукросте вспоминал Б. В. Косарев: «…в Одессе в РОСТА художники часто насмехались над ними. Принесут Катаев и Олеша какие-нибудь стихотворные подписи к плакату, который надо нарисовать — что-то про Петлюру и халтуру и натуру <… >, а те и говорят: „Ну, покажите, как это должно выглядеть“, а потом смеются над их беспомощными, „гимназическими“ рисунками».[432]

349

От кит. хунхухцзы, букв. краснобородый, — так называли участников вооруженных банд в Маньчжурии. Ср. в ст-нии В. Нарбута «Большевик» (1920): «Обритый наголо хунхуз безусый, // хромая, по пятам твоим плетусь».

350

Воспроизводится литературная ситуация из «Зависти» Ю. Олеши — Андрей Бабичев (Нарбут) — машинистки: «Девушек, секретарш и конторщиц его, должно быть, пронизывают любовные токи от одного его взгляда».[433] Ср. также в рассказе К. «Бездельник Эдуард», опубликованном при жизни В. Нарбута: «… заведующий „Югростой“, демонический акмеист и гроза машинисток».[434]

351

В. Нарбут происходил из старинного украинского дворянского рода, имевшего литовские корни. В Черниговской губернии поэт родился и провел детство. К большевикам он примкнул после Февральской революции 1917 г., выйдя из партии левых эсеров. Кисти руки Нарбут лишился в 1918 г., в новогоднюю ночь. Сам он следующим образом сообщал об этом в письме к М. А. Зенкевичу: «Ничего особенного со мной не было — кроме того, что я в январе прошлого года вследствие несчастного случая (описывать его крайне тяжело мне) потерял кисть левой руки».[435] См. также сообщение в газете «Глуховский вестник»: «В дер. Хохловка, Глуховской волости, в усадьбе Лесенко было совершено вооруженное нападение неизвестных злоумышленников на братьев Владимира Ивановича и Сергея Ивановича Нарбут <…> Нарбут ранен выстрелом из револьвера. Ему ампутирована рука».[436] Эти же авторы сообщают со ссылкой на семейное предание: «Никто не сомневался, что нападение было политическим, покушались на Нарбута-большевика».[437]

В. Нарбут официально вступил в РКП в 1919 г. К. — 49 лет спустя: «…в 1958 году вступил в партию, что явилось логическим завершением всей моей духовной жизни».[438]

Первое издание книги вышло в 1912 г., в Петербурге, второе — в Одессе, в 1922 г.

354

В синодальной типографии был выполнен набор для обложки «Аллилуйя». 1-ое изд. этой книги было конфисковано из продажи департаментом полиции постановлением суда за порнографию. Ср. в рассказе К. «Фантомы» о поэме В. Нарбута «Александра Павловна» (1914–1922): «В стихах, которые я прочел, точек было больше, чем слов. И клянусь, я эти точки яростно заполнил».[439] Ср. с шутливым инскриптом самого Нарбута на издании «Александры Павловны»: «А это — более древние плоды порнографии и пр. Насладись, приятель Соловьев! 11/22 В. Нарбут».[440]

355

Неточно цитируется начало ст-ния В. Нарбута «Годовщина взятия Одессы» (1921).

356

Сервильная отсылка к заглавию известной работы В. И. Ленина «Детская болезнь „левизны“ и коммунизм» (1920).

357

Цитируется начало ст-ния В. Нарбута «Россия» (1918). Отчетливо христианская символика нарбутовского образа «пяти хлебов» побудила К. упрекнуть поэта в «несколько мистическом изображении революции» (См. следующий абзац «АМВ»).

358

Знаменитая «поправка» из толстовских «Воспоминаний».[441] А цитировал Толстой ст-ние А. С. Пушкина «Воспоминание» (1828).

359

В. Нарбут заведовал харьковским Укроста в 1921 г. Из Одессы он уехал 14 апреля 1921 г.

Георгием Аркадьевичем Шенгели (1894–1954), которого в катаевском окружении упрекали в «аккуратном классицизме».[442] Ср. в автобиографии Шенгели: «…я пробрался в Керчь, а затем в Одессу, где прожил почти два года <…> К этому времени относится мое знакомство с Багрицким, Олешей, Катаевым, Верой Инбер, Л. Гроссманом и др. Осенью 21 г. я возвратился в Харьков».[443] В 1940 г., в заметке «Слово надо любить!» К. заклеймил один из фрагментов послесловия Шенгели к переводам из Байрона как «потрясающий по своему цинизму и полной нелюбви к слову».[444]

Ср. у современного стиховеда о том, что в нарбутовском «6-ст. ямбе нет опорных ударений, ритм становится трудноуловимым, и стих кажется тяжел и громоздок».[445] На эту параллель, свидетельствующую о филологическом таланте К., указал нам В. Беспрозванный.

362

С голландской живописью поэзия В. Нарбута сравнивалась, например, в рецензии, напечатанной в: Искусство и театр. Ташкент, 1922. № 2. С. 9.

363

Ср. в письмах самого В. Нарбута к М. А. Зенкевичу: «Антиэстетизм мной, как и тобой, вполне приемлем, при условии его живучести. На днях я пришлю тебе стихи, из которых ты увидишь, что я шагнул еще далее, пожалуй, в отношении грубостей <…> Бодлер и Гоголь, Гоголь и Бодлер. Не так ли?». [446]

Подразумевается знаменитое ст-ние Бодлера «Падаль» (1843).

365

Ср. с портретом читающего свои стихи поэта из мемуаров К. Г. Паустовского: «Не обращая внимания на аудиторию, Нарбут начал читать свои стихи угрожающим, безжалостным голосом. Читал он с украинским акцентом <…> Но неожиданно в эти угрюмые строчки вдруг врывалась щемящая и невообразимая нежность».[447]

366

В эту книгу, изданную в Одессе, в 1920 г., вошли стихи В. Нарбута, писавшиеся в 1912–14 гг.

В ст-нии В. Нарбута «Предпасхальное» (1913) «убой скота и аутопсия преломлены через христианский мотив смерти, попирающей смерть».[448]

368

Неточно цитируются строки из ст-ния В. Нарбута «Самоубийца» (1914).

369

Издевательская отсылка к заглавию романа Федора Сологуба «Мелкий бес».

8 октября 1919 г., в Ростове-на-Дону, В. Нарбута арестовала белая контрразведка как коммунистического редактора и члена Воронежского губисполкома. «Несмотря на пытки, никаких тайн он не раскрыл».[449] По счастливой случайности, поэт вскоре был освобожден из тюрьмы при налете красной конницы. Обстоятельства ареста и заключения Нарбута стали достоянием гласности в 1928 г., когда партийные инстанции рассмотрели вопрос о скрытии Нарбутом своих показаний белым в Ростове-на-Дону. В результате поэта исключили из партии.[450] 26.10.1936 г. Нарбут был арестован по доносу, осужден на 5 лет, повторно судим тройкой НКВД 7.4.1938 г. и расстрелян 14 апреля. См. в его деле 1936 г. утверждение о том, что из партии Нарбут был исключен «за предательское поведение во время ареста его деникинской контрразведкой в 1919 г.»[451]

371

С небольшими неточностями цитируется ст-ние В. Нарбута «После грозы» (1913).

К эвфемизму «исчезновение» К. прибегнул, чтобы избежать слова «расстрел» (Н. С. Гумилев был казнен большевиками по сфабрикованному обвинению 25.8.1921 г.).

К. слегка перевирает формулу из очерка Марины Цветаевой «Световой ливень» (1922): «Внешнее осуществление Пастернака прекрасно: что-то в лице зараз и от араба и от его коня».[452]

«То, обливаясь слезами, мы клялись друг другу в верности, то завязывали драки до крови, и нас силою разнимали и растаскивали посторонние».[453] То столкновение, которое изображено в комментируемом фрагменте «АМВ» произошло после того, как Б. Пастернак, грубо оскорбленный репликой С. Есенина, дал ему пощечину.

375

Из письма Б. Л. Пастернака к Г. Ф. Устинову от 24.1.1926 г.: «Мы с Есениным далеки. Он меня не любил и этого не скрывал». [454] См. также в мемуарах А. К. Гладкова: «За две недели до смерти С. Есенина Н. Асеев разговаривал с ним о призвании поэта и о многом другом. Есенин защищал право поэта на писание ширпотребной лирики романсного типа. Асеев записал слова Есенина: „Никто тебя знать не будет, если не писать лирики: на фунт помолу нужен пуд навозу — вот что нужно. А без славы ничего не будет, хоть ты пополам разорвись — тебя не услышат. Так вот Пстернаком и проживешь!..“». [455]

Ср. в пастернаковской «Охранной грамоте» фрагмент, соседствующий с тем, который К. цитировал в «АМВ» страницей выше: «Есенин в период недовольства имажинизмом просил меня помирить и свести его с Маяковским, полагая, что я наиболее подхожу для этой цели».[456]

377

В 4 номере за 1924 г., где было помещено ст-ние К. «Война».

378

Ср. в мемуарах Л. Ю. Брик: «При жизни Есенина Маяковский полемизировал с ним, но они знали друг другу цену. Не высказывали же свое хорошее отношение — из принципиальных соображений. Есенин переносил свое признание на меня и при встречах называл меня „Беатрисочкой“, тем самым приравнивая Маяковского к Данте».[457] Ср., однако, с эпиграммой на Осипа Брика, которая обычно приписывается С. Есенину: «Вы думаете, кто такой Ося Брик? // Исследователь русского языка? // А на самом-то деле он шпик // И следователь ВЧК».

Иллюстрацией к этому суждению могут послужить, например, следующие строки из загадочного, но весьма красноречивого письма Л. Ю. Брик к В. Маяковскому от 31.7.1929 г. из Москвы в Ялту: «Володик, очень тебя прошу не встречаться с Катаевым. У меня есть на это серьезные причины. Я встретила его в Модпике [Московском обществе драматических писателей и композиторов — *Коммент.*], он едет в Крым и спрашивал твой адрес. Еще раз прошу — *не встречайся с Катаевым* [подчеркнуто Л. Ю. Брик — *Коммент.*]».[458]

Как скоро станет ясно — поцелуем Иуды.

381

«До первой мировой войны наша семья жила в Харькове».[459] Ср. с портретом Ксении Асеевой из мемуаров О. Петровской: «… юная золотоволосая музыкантша, любительница стихов <…> ее эмалевые глаза, тоненькая фигурка, высокие каблуки».[460]

382

Очередная неточность К. (если учесть, что этот эпизод разворачивается в 1925 г.). С Дальнего Востока в Москву Асеевы выехали 28 января 1922 г.

383

«Асеев Н. Н. — живет с женой в темной сырой комнате. Над комнатой детский сад, вследствие чего исключается почти всякая возможность работать».[461]

То есть — рояля прославленной берлинской фирмы «Бехштейн» (Bechstein), открытой в 1853 г.

385

Ср. с описанием из мемуаров О. Петровской: «В комнате Асеевых, огромной, почти пустой, будто два производственных станка в мастерской, стояли рояль и письменный стол, заваленный бумагами и книгами».[462]

386

Ср. в мемуарах И. В. Грузинова: «Есенин нападал на существующие литературные группировки — символистов, футуристов и в особенности на „Центрифугу“».[463]

Издевательски воспроизводится ситуация плача Ярославны из «Слова о полку Игореви».

Не вполне удавшаяся попытка дезавуировать следующий фрагмент новеллы Николая Асеева «Три встречи с Есениным», где поэт в пьяном покаянном бреду рассказывает Н. Асееву: «… маляры. Они подговорены. Их Н. подговорил меня побить. Ты не знаешь. Как мы вышли от тебя — жена твоя осердилась, ну, а нам же нужно было докончить: мы же ведь честно дрались — боксом. Вот мы и зашли туда, где был ремонт. Я бы его побил, но он подговорил маляров, они на меня навалились, все пальто в краску испортили, новое пальто, заграничное».[464]

389

Ср. с репликой поэта, приводимой в мемуарах В. И. Эрлиха: «— Интересно… Как вы думаете? Кто у нас в России все-таки лучший прозаик? Я так думаю, что Достоевский! Впрочем, нет! Может быть, и Гоголь. Сам я предпочитаю Гоголя».[465]

390

Аллюзия не столько на название одной из икон Богоматери, сколько на заглавие сборника Ал. Блока «Нечаянная радость» (1907).

391

Из поэмы Н. В. Гоголя «Мёртвые души»: «дороги расползались во все стороны как пойманные раки, когда их высыпят из мешка». [466]

392

Из повести Н. В. Гоголя «Вий»: «Леса, луга, небо, долины — все, казалось, как будто спало с открытыми глазами».[467]

393

Из поэмы Н. В. Гоголя «Мёртвые души»: «Чичиков увидел в руках его графинчик, который был весь в пыли, как в фуфайке». [468]

С. Д. Спасский: «Шла речь и об имажинизме и имажинистах. Есенин был осторожен в оценках своих товарищей».[469]

Весь этот эпизод, по-видимому, представляет собой пересказ мемуарной новеллы Николая Асеева «Три встречи с Есениным», приспособленный для собственных целей К. Характерен выбор источника для пересказа — свою новеллу Асеев напечатал единственный раз, в 1926 г. Сначала поэт сообщает, что они с женой, Ксенией Асеевой, познакомились с Есениным зимой 1924 г.: «Он говорил, что любит Маяковского <…> Я шутя предложил ему вступить в „Леф“».[470] «Затем я увидел Есенина в редакции „Красной нови“. Он сидел в кабинете А. К. Воронского совершенно пьяный, опухший и опустившийся <…> Голос звучал сипло и прерывисто. Он читал „Черного человека“».[471] Затем Асеев рассказывает о той своей встрече с Есениным, которая описана в «АМВ»: «Однажды в последних числах октября 1925 г. мне пришлось вернуться домой довольно поздно. Живу я на девятом этаже, ход ко мне по неосвещенной лестнице. Здоровье жены, долго перед тем лечившейся, которое за последнее время пошло на поправку, явно ухудшилось. Она рассказала мне. Днем, в мое отсутствие, забрались ко мне наверх двое посетителей: С. А. Есенин и один беллетрист [по всей вероятности, — К., хотя доказательством этому может послужить только „АМВ“ — *Коммент.*]. Пришел Есенин ко мне в первый раз в жизни. Стали ждать меня. Есенин забыл о знакомстве с женой в „Стойле Пегаса“. Сидел теперь тихий, даже немного застенчивый, по словам жены. Говорили о стихах. Есенин очень долго доказывал, что он мастер первоклассный, что технику он знает не хуже меня с Маяковским <…> Сидел он, ожидая меня, часа четыре. И переговорив все, о чем можно придумать при малом знакомстве с человеком, попросил разрешения сбегать за бутылкой вина. Вино было белое, некрепкое. И только Есенин выпил — начался кавардак. Поводом послужил носовой платок. У Есенина не оказалось, он попросил одолжить ему. Жена предложила ему свой маленький шелковый платок. Есенин поглядел на него с возмущением, положил в боковой карман и начал сморкаться в скатерть. Тогда „за честь скатерти“ нашел нужным вступиться пришедший с ним беллетрист. Он сказал ему:

— Сережа! Я тебя привел в этот дом, а ты так позорно ведешь себя перед хозяйкой. Я должен дать тебе пощечину.

Есенин принял это, как программу-минимум. Он снял пиджак и встал в позу боксера. Но беллетрист был сильнее его и меньше захмелел. Он сшиб Есенина с ног и они клубком покатились по комнате. Злополучная скатерть, задетая ими, слетела на пол со

всей посудой. Испуганная женщина, не зная, чем это кончится, так как дрались с ожесточением, подняла крик и полунадорвавшись, заставила их всё-таки прекратить катанье по полу. Есенин даже успокаивал ее, говоря:

— Это ничего! Это мы боксом дрались честно!

Жена была испугана и возмущена; она потребовала, чтобы они сейчас же ушли. Они и ушли, сказав, что будут дожидаться на лестнице».[472] История примирения Асеева и Есенина (безо всякого участия «беллетриста») изложена в новелле так. Есенин просит: «— Я должен к тебе приехать извиниться. Я так опозорил себя перед твоей женой».[473] «Я ответил ему, что лучше бы не приезжать извиняться, так как дело ведь кончится опять скандалом».[474]

В мемуарах о В. Маяковском Н. Асеев упоминает «Валентина Катаева, печатавшего в „Лефе“ свои стихи, которые он потом превратил в прозу».[475]

397

В ст-нии «Дружба» (1825).

Ср. с портретом Н. Асеева в мемуарах П. В. Незнамова: «…он — подтянутый и стройный, какой-то пепельно-светлый, потому что рано поседевший — шел своей летящей походкой».[476] Ср. также у Ю. Олеши: «Одно из первых посещений пивной у меня связано с воспоминанием об Асееве <…> Асеев, тогда, разумеется, молодой, но с тем же серым лицом, все предлагал заказать целый ящик пива. Причем не ради того, чтобы побольше выпить, а только из желания позабавиться — тащат ящик, ставят у ног. Незримо присутствует в этом воспоминании Катаев».[477]

399

По-видимому, речь идет о Якове Петровиче Овчаренко (псевд.: Иван Приблудный) (1905–1937). Ср. в мемуарах С. Д. Спасского о С. Есенине: «Он сидит в „Стойле Пегаса“, вокруг сторонники, подражатели. Какой-нибудь Ваня Приблудный, которому кажется, что так легок есенинский путь»[478] и у А. Б. Мариенгофа: «Как-то не дочитав стихотворения, он схватил со стола тяжелую пивную кружку и опустил ее на голову Ивана Приблудного — своего верного Лепорелло. Повод был настолько мал, что даже не остался в памяти».[479]

400

Здесь и далее неточно цитируются фрагменты «Черного человека».

401

См. комментарий {358}.

402

«[В Петрограде, спасаясь от дождя — Коммент.] бегали из магазина в магазин, умоляя продать нам без ордера шляпу. В магазине, по счету десятом, краснощекий немец за кассой сказал:

— Без ордера могу отпустить вам только цилиндры.

Мы, невероятно обрадованные, благодарно жали немцу пухлую руку <…> Вот правдивая история появления на свет легендарных и единственных в революции цилиндров» (А. Б. Мариенгоф).[480]

403

«Есенин разговаривает с извозчиком» — еще одна ходовая тема для авторов мемуаров о поэте. См., например, у И. И. Старцева.[481]

404

Новое здание ТАСС построено в 1977 г. (арх. В. Егерев, А. Шайхет и др.) на месте дома Соколова.

405

Еще одна «пастернаковская» подсветка образа С. Есенина — аллюзия на заглавие книги Б. Пастернака «Второе рождение» (1932).

406

По адресу: д. 1/22, кв. 24 по Сретенскому переулку. Ср. в мемуарном очерке Ю. Олеши об И. Ильфе: «Комната была крошечная. В ней стояли две широкие, так называемые тахты — глаголем, — то есть одна перпендикулярно вершине другой. Просто два пружинных матраца на низких витых ножках».[482] Квартира находилась на втором этаже, а первый был занят колбасным производством (может быть, неслучайно в «Зависти» Олеши именно изготовлением усовершенствованной колбасы поглощен Андрей Бабичев). Дом снесен в 2003 г.

407

Мария Николаевна Ильф (1904–1981) была уроженкой Одессы, ученицей худож. студии Д. Кардовского. Женой И. Ильфа она стала в 1924 г.

408

«Я жил в одной квартире с Ильфом. Вдруг поздно вечером приходит Катаев и еще несколько человек, среди которых Есенин. Он был в смокинге, лакированных туфлях, однако растерзанный, — видно, после драки с кем-то. С ним был некий молодой человек, над которым он измывался, даже, снимая лакированную туфлю, ударял ею этого человека по лицу <…> Потом он читал „Черного человека“. Во время чтения схватился неуверенно (так как был пьян) за этажерку, и она упала» (Ю. Олеша).[483]

409

Ср. в мемуарах И. И. Старцева: «Не раз с обидой за себя заговаривал о своей прежней жене».[484] Брак Есенина с его первой женой — Зинаидой Николаевной Райх (1894–1939) был расторгнут 5 октября 1921 г. Вторым мужем Райх стал Всеволод Эмильевич Мейерхольд.

З. Райх и В. Мейерхольд.

410

Из поэмы В. Маяковского «Облако в штанах» (1914–15).

В. Э. Мейерхольд играл Треплева в первой МХАТовской постановке чеховской «Чайки». Судя по приводимому монологу С. Есенина (направленному, прежде всего, против еврея Мейерхольда), К. знал или догадывался о подлинных причинах расставания поэта с Зинаидой Райх. Ср. в письме сына поэта и актрисы, Константина Есенина, к М. Д. Ройзману: «…сыграли роль и „друзья“ отца из группы „мужиковствующих“, неприязненно относившиеся к моей матери. Она и сама относилась к ним неприязненно, видя их тлетворное влияние на отца. Видимо, сыграла во всем этом деле роль и нерусская фамилия матери — Райх, которую она получила от своего отца — моего деда».[485]

«…так „крыть“ большевиков, как это публично делал Есенин, не могло и в голову прийти никому в советской России; всякий, сказавший десятую долю того, что говорил Есенин, давно был бы расстрелян. Относительно же Есенина был только отдан в 1924 году приказ по милиции — доставлять в участок для вытрезвления и отпускать, не давая делу дальнейшего хода. Вскоре все милиционеры центральных участков знали Есенина в лицо. Конечно, приказ был отдан не из любви к Есенину и не в заботах о судьбе русских писателей, а из соображений престижа: не хотели подчеркивать и официально признавать „расхождения“ между „рабоче-крестьянской“ властью и поэтом, имевшим репутацию крестьянского» (В. Ф. Ходасевич).[486]

413

Приведем здесь только знаменитые строки из поэмы В. Маяковского «Флейта-позвоночник» (1915): «Все чаще думаю — // не поставить ли лучше // точку пули в своем конце». Можно также напомнить о следующем факте: в 1919 г. Р. О. Якобсон сказал Л. Ю. Брик, что он не в состоянии «представить себе Володю старым», на что она ответила: «Володя до старости? Никогда! Он уже два раза стрелялся, оставив по одной пуле в револьверной обойме. В конце концов пуля попадет».[487]

414

В. Нарбут жил в Марьиной роще. См., например, во «Всей Москве» на 1927 г.: «Нарбут Владимир Ив. Александровская ул., 8, кв. 18. Т.: 1–26–46» (Изд-во «Земля и фабрика и ЦК ВКП»). Александровская ул. в 1934 г. стала Октябрьской.

415

С 1922 г. В. Нарбут работал в Наркомпросе в Москве, с 1924 г. — зам. отделом печати при ЦК РКП (б), с января 1927 г. — одним из руководителей ВАПП. Был редактором журналов «30 дней» и «Вокруг света», основателем и председателем правления изд. «Земля и фабрика». В этом изд-ве были выпущены книги К. «Приключения паровоза» (1925), «Отец» (1928), «Птички божьи» (1928), «Растратчики» (два изд.: 1928 и 1929) и др. М. Л. Спивак отмечает, что «состоявшийся в 1922 году перевод В. Нарбута в Москву, в отдел печати ЦК РКП (б) открыл дорогу в столицу его одесским подчиненным».[488] По едкому выражению мандельштамовской вдовы «одесские писатели» «ели хлеб» «из рук» Нарбута.[489] См. в ее же мемуарах о манере Нарбута держаться с подчиненными: «…по всем коридорам издательства гремел его голос и пугал и так запуганных служащих, редакторов всех чинов и мастей».[490] В Африку Нарбут ездил не с Н. Гумилевым, но по протекции Гумилева в октябре 1912 — январе 1913 гг. Нужно заметить, что бравирование собственной трусостью и моральной небрезгливостью характерно не только для «АМВ», но и для жизненной стратегии К. в целом. Ср. с изумленной записью в дневнике К. И. Чуковского от 15.8.1959 г.: «Катаева на пресс-конференции спросили: „Почему вы [Советское государство — Коммент.] убивали еврейских поэтов?“

— Должно быть, вы ответили: „Мы убивали не только еврейских поэтов, но и русских“, — сказал я ему.

— Нет, все дело было в том, чтобы врать. Я глазом не моргнул и ответил:

— Никаких еврейских поэтов мы не убивали».[491]

Это издание, выпущенное в Петрограде, в 1919 г., стало настольной книгой для целого поколения советской молодежи. Ср., например, в мемуарах Д. Д. Шостаковича: «Я начал увлекаться поэзией Маяковского с раннего возраста. Есть такая книжка „Все сочиненное Владимиром Маяковским“. Она была издана на плохой бумаге в 1919 году»[492] и В. М. Саянова: «Его книгу „Все сочиненное Владимиром Маяковским“ я постоянно носил с собой».[493]

417

Из ст-ния В. Маяковского «Наш марш» (1917).

418

Из ст-ния В. Маяковского «Левый марш» (1918). Ср. в мемуарах Л. Н. Сейфуллиной: «Поздней ночью, возвращаясь в свое холодное убежище Гензеля, с его „благородными сиротами и вдовами“, мы хором декламировали:

Кто там шагает правой?
Левой!
Левой!
Левой!

И не показался нам длинным обратный пеший путь с Лубянки на Усачевку. Мы устали и были голодны, но чувствовали себя счастливыми, сытыми, прекрасно одетыми, богатыми».[494]

419

Цитируются фрагменты поэмы В. Маяковского «150 000 000» (1919–20). В отличие от ст-ний «Наш марш» и «Левый марш», поэма «150 000 000» не вошла и не могла войти в книгу «Все сочиненное Вл. Маяковским», поскольку первое изд. этой поэмы вышло без имени ее автора (предполагалось, что все желающие будут ее дописывать). Поэму «150 000 000» Ю. Олеша и К. впервые услышали в чтении Э. Багрицкого, на одной из встреч одесского «Коллектива поэтов»: «Рыча и задыхаясь, Багрицкий читает нам последнюю новинку революционной Москвы — поэму Маяковского „150.000.000“».[495]

Ср. с портретом поэта в воспоминаниях Э. Г. Герштейн: «Нарбут, высокий, прихрамывающий, с одной рукой в перчатке — трофеи времен гражданской войны, носил прекрасный английский костюм и имел гордый вид барина-чудака. Я про себя называла его „князь“».[496]

421

Неточно цитируются первые строки ст-ния В. Нарбута «Совесть» (1919).

422

Ср. в воспоминаниях Э. Г. Герштейн: «Она [Н. Я. Мандельштам — *Коммент.*] по-своему пересказывала известную в литературной Москве историю первого брака Серафимы Густавовны с Юрием Олешей, о ее бегстве наподобие Настасьи Филипповны от Олеши к Нарбуту и назад от Нарбута к Олеше, о женитьбе Олеши на ее сестре, одним словом, о сестрах Суок, отчасти знакомых читателям по <…> повести В. Катаева. Иногда Мандельштамы таинственно говорили о возобновившейся ревности Нарбута или о какой-нибудь новой выходке Олеши, и тон Осипа Эмильевича приобретал при этом неописуемую важность».[497] Отметим, что в одном из сохранившихся писем из лагеря (от 9.3.1938 г.) Нарбут называет Серафиму Густавовну «дружком».[498] В другом (от 29.10.1937 г.) — интересуется здоровьем «Юрия Карловича» Олеши.[499]

423

«Я помню, как с Ильфом мы ходили в кино, чтобы смотреть немецкие экспрессионистские фильмы с участием Вернера Крауса и Конрада Вейдта и американские с Мэри Пикфорд или с сестрами Толмэдж. Кино „Уран“ на Сретенке» (Ю. Олеша).[500]

Говоря о «большом пряничном доме», К. имеет в виду д. № 14 на Чистопрудном бульваре, выстроенный П. Микини и С. Вашковым в 1900-х гг. Это был доходный дом, созданный расположенной по близости церковью Троицы на Грязях. Дом интересен декором, напоминающим о древней владимирской архитектуре. Кондитерские Бартельса охотно посещались москвичами как в предреволюционное время, так и после Октября 1917 г. Так, А. И. Цветаева, рассказывая о своем и сестры детстве, упоминает кондитерскую у Никитских ворот: «У Никитских ворот был Бартельс. Его мы ужасно любили: небольшой, невысокий, уютный. Круглые столики. Мы пили чай, кофе, иногда шоколад». [501] В начале 1920-х гг. «бартельсовские» кафе-кондитерские были, в частности, и в самом центре города — на Тверском бульваре в д. 35/47 и на Тверской (д. 46). Аптека петровских времен, упомянутая Катаевым, находилась на Покровке в д. 14 («аптека № 11»). По преданию, аптека на этом месте была открыта еще в 1703 г. неким «Гаврилой Саульсом», выходцем из австрийских земель. Кинотеатр «Волшебные грезы» (так он назывался до 1930 г., а позднее — носил название «Аврора») находился в д. 16 по ул. Покровка, в здании, замыкающем Покровский бульвар. В этом же доме находилась и пивная Селиверстова, где очевидно и выступали упомянутые К. цыгане. «Гренадерская казарма» — Покровские казармы, один из центров левоэсеровского мятежа 6 июля 1918 г.

425

Ср. в мемуарах М. Зорина: «Юрий Карлович вспоминает, как однажды он читал рассказ [„Вишневая косточка“ (1929) — Коммент.] Маяковскому. В тексте была фраза: „Собака попала в солнечный протуберанец“. Олеша и сам не мог объяснить, почему ему понравилось это слово „протуберанец“. Это из астрономии. Маяковский нахмурился, попросил повторить. Олеша с некоторой гордостью снова прочитал эту фразу. „Что такое протуберанец?“ — спросил Маяковский. Олеша начал объяснять, что английский писатель и астроном Джинс в книге „Вселенная вокруг нас“ описывает протуберанец. „Объясните, чтобы я, читатель понял“, — сердился Маяковский. „Представьте себе сумрак в глубоких каменных воротах, и неожиданно вырывается солнечный рукав — этот самый протуберанец, в который попала собака“. — „Какая чепуха, какое издевательство над читателем, ученость хочется показать, — рассвирепел Маяковский. — Напишите об этом просто и ясно, а не щеголяйте, как попугай, разноцветными перьями“.

— Знаете, прошло два года, я неожиданно встретил Маяковского. Он шел мне навстречу. Маяковский снял шляпу и на всю улицу крикнул: „Здравствуйте, Олеша, как протуберанец?..“ Злопамятный был на этот счет…».[502]

426

Строки из неканонического варианта известного романса «Гайда, тройка! Снег пушистый…», упоминающегося в произведениях Ал. Блока, И. Бунина и самого К.

427

«Белая гвардия», «Дни Турбиных», «Три толстяка», «Зависть», «Двенадцать стульев», «Роковые яйца», «Дьяволиада», «Растратчики», «Мастер и Маргарита» — автором 1-го, 2-го, 6-го, 7-го и 9-го произведений был М. А. Булгаков; 3-го и 4-го — Ю. Олеша; 5-го — И. Ильф и Е. Петров; 8-го — сам К.

428

Изображается старая большевичка «искровка» Розалия Самойловна Землячка (урожд. Залкинд, 1876–1947), которая в эти годы занимала руководящие должности в РКИ (Рабоче-крестьянская инспекция) и НКПС (Народный комиссариат путей сообщения).

429

«Его имя [„Зубило“ — Коммент.], как воинский клич, могло двигать людьми и подчас заменяло уголь в паровозах. Чуть ли не какая-то станция носит это имя» (К. Зелинский).[503]

Ср. в мемуарах заведующего культурно-бытовым отделом «Гудка», И. Овчинникова: «В коридорах редакции все чаще стал появляться невысокого роста, слегка сутуловатый молодой человек в поношенном пальтишке.

— Одессит, поэт, живой человек, пишет стихотворные фельетоны, — аттестовала незнакомца Фомина. — Разрешите, я дам ему какую-нибудь нашу тему? Талантище из парня так и прет.

<…> На другой же день новичок пришел в редакцию с готовым фельетоном:

— Олеша, — назвал он себя, подавая маленькую крепкую ладонь, и положил на стол листок со стихами <…> В стихах говорилось о капитане, который, командуя небольшим пароходиком, частенько возил на нем свою возлюбленную спекулировать по прибрежным городам <…> Под стихами подпись: „Касьян Агапов“.

Фельетон мне понравился.

— А вот подпись, — говорю, — мне не нравится. Нашему читателю хорошо бы что-нибудь деповское, железнодорожное, с металлом!

— А вы что предлагаете? <…>

— Есть у наших слесарей универсальный инструмент — зубило: им рубят железо, зачищают на литье раковины и заусеницы, срубают головки и гайки болтов, когда они не поддаются ключу.

Не дослушав до конца моей тирады, Олеша взял ручку, пропахал жирную черту по Касьяну Агапову, а сверху крупно и четко вывел: „Зубило“».[504] В этих же мемуарах приводится фраза прославленного советского баснописца Демьяна Бедного (Ефима Алексеевича Придворова, 1883–1945) о фельетонистах «четвертой полосы» «Гудка»: «— А в этом анафемском „Гудке“ сидит чертова дюжина фельетонистов».[505]

Изображенная К. ситуация зеркально отражена в записи Ю. Олеши от 9.4.1954 г.: «…по середине Горького в ЗИМе, как в огромной лакированной комнате, прокатил Катаев… Я склонен забыть свою злобу против него. Кажется, он пишет сейчас лучше всех».[506] Ср. также выразительную сценку из мемуаров М. Кушнеровича: «Катаев с женой и Олеша. Катаевы длинные, Олеша маленький. Катаевы одеты великолепно — явно „на выход“, — особенно Эстер <…>, светлоглазая, худая, с красивым хищноватым лицом. Олеша, как всегда, невзрачен, в каком-то помятом плащике, с непокрытой головой — остроносая, мохнатая птица. У Катаевых собственный автомобиль. Подержанный, но иностранный. Он небольшой, трехместный, с задним карманом на покатом багажнике и этот карман, если его открыть, и есть третье место. Его открывают и туда молчаливо забирается Юрий Карлович. Поднимает ворот плаща».[507] О местоположении К. и Олеши в официальной «табели о рангах» послевоенной советской литературы выразительно свидетельствует, например, разъясняющий комментарий к карикатуре И. Игина «Пароход „Союз писателей СССР“»: «Белеет парус одинокий быстроходной яхты В. Катаева. Хоть суденышко по сравнению с кораблем и невелико, однако не отстает! Вслед за ним спешит на спасательном круге инсценировок Ю. Олеша».[508]

432

Ср. в мемуарах И. Овчинникова: «Олеша стоит в стороне на эстраде и карандашиком помечает у себя что-то на листке. Но вот сказана последняя рифма, Олеша выступает вперед, на авансцену, и начинает без запинки читать стихи, построенные им на точно тех самых рифмах, которые только что предложил зал. Эффект получался ошеломляющий. С этим номером Олеша выступал и за пределами Москвы — перед железнодорожниками Киева, Харькова, Ростова. Под такое необычное собрание местные власти уважительно предоставляли, как правило, здание своего цирка». [509]

Ср. в мемуарах Л. И. Славина: «В пору молодости, в 20-х годах, Ильф увлекался более всего тремя писателями: Лесковым, Рабле и Маяковским».[510] Ю. Олеша отмечал не только увлеченность Ильфа французской живописью, но и его осведомленность о «каких-то литературных настроениях Запада», неизвестных молодым одесским поэтам, но уже освоенных Ильфом.[511] В числе авторов, которыми зачитывался Ильф в то время, Е. Б. Окс назвал Стерна, Диккенса, Конан-Дойля, Флобера, Мопассана, Франса и др.[512]

Ср. в мемуарной заметке К. и Ю. Олеши об И. Ильфе: «Коричневая ворсистая кепка спортивного покроя и толстые стекла пенсне без ободков интриговали нас не меньше, чем его таинственное молчание»,[513] а также в воспоминаниях Олеши об Ильфе: «Ему нравилось быть хорошо одетым. В ту эпоху достигнуть этого было довольно трудно. Однако среди нас он выглядел европейцем <…> На нем появлялся пестрый шарф, особенные башмаки, — он становился многозначительным».[514]

О дружбе Л. Славина и И. Ильфа в Одессе см. в мемуарах С. А. Бондарина: «Чаще всего Ильф появлялся там [в „Коллективе поэтов“ — Коммент.] вместе с Львом Славиным. За Славиным в кружке тоже укрепилась репутация беспощадного и хлесткого критика».[515] Т. Лишина рассказывает в своих мемуарах, что она часто видела Ильфа на собраниях, где «он обычно сидел молча, не принимая никакого участия в бурных поэтических дискуссиях».[516] Сходно описывает посещения Ильфом поэтических вечеров Л. Славин: «Ильф воздерживался от выступлений и в одесской писательской организации „Коллектив поэтов“, где наша литературная юность протекала <…> в обстановке вулканически-огненных обсуждений и споров».[517]

Л. Славин так описал впечатление молодых одесских поэтов от знакомства с творчеством В. Маяковского: «Его поэзия прогремела, как открытие нового мира и в жизни и в искусстве», а И. Ильф «первую юношескую влюбленность в Маяковского <…> пронес через всю жизнь».[518] Е. Б. Окс видел сходство с Маяковским в следующей строке Ильфа: «Выньте лодочки из брюк».[519]

Ср. в мемуарах Т. Лишиной: «…стоило только кому-нибудь прочесть плохие стихи, как он делал с ходу меткое замечание, и оно всегда било в самую точку. Как-то не очень одаренный поэт прочел любовные стишки, где рифмовалось „кочет“ и „хочет“, Ильф с места переспросил: „Кто хочет?“ И восклицание это надолго пристало к поэту. Ильфа побаивались, опасались его острого языка, его умной язвительности».[520] Ср. также об Ильфе в мемуарах С. А. Бондарина: «Он не читал, но его мнением дорожили: предполагалось, что он пишет какие-то исключительные, не похожие ни на что вещи. Он больше молчал, сидя в углу, в пенснэ».[521]

Ср. с впечатлениями Ю. Олеши: «Он прочел стихи. Стихи были странные. Рифм не было, не было размера. Стихотворение в прозе? Нет, это было более энергично и организованно. Я не помню его содержания, но помню, что оно состояло из мотивов города».[522] Оригинальность поэзии Ильфа отмечал и Л. Славин: «Высоким голосом Ильф читал действительно необычные вещи, ни поэзию, ни прозу, но и то и другое, где мешались лиризм и ирония, ошеломительные раблезианские образы и словотворческие ходы, напоминавшие Лескова».[523]

439

Согласно свидетельству А. И. Ильф (устное сообщение), стние, которое припоминает К. не сохранилось. Е. Б. Окс по памяти приводит такой фрагмент одной из поэм И. Ильфа:

На Вандименовой земле,
Что в самом низу географической карты.
Бидеино сердце познало любовь.
И вот души Биде стропила
Трещат под тяжестью любви…
Комнату своей жизни он оклеил мыслями о ней,
С солнца последние пятна очистил…[524]

И. Ильф приехал в Москву в 1923 г. Сначала он поселился у К., а затем ему дали комнату при типографии «Гудка», где он жил вместе с Ю. Олешей. Ср. в воспоминаниях С. Г. Гехта об Ильфе: «Сперва он жил в Мыльниковом переулке, на Чистых прудах, у Валентина Катаева. Спал на полу, подстилая газету… Летом двадцать четвертого года редакция „Гудка“ разрешила Ильфу и Олеше поселиться в углу печатного отделения типографии, за ротационной машиной».[525]

441

Об Августе Владиславовиче Потоцком (1892–1940, репрессирован) ср. у М. Л. Штиха (М. Львова): «Это был человек необычайной судьбы. Граф по происхождению, он встретил революцию как старый большевик и политкаторжанин <…> Атлетически сложенный, лысый, бритый, он фигурой и лицом был похож на старого матроса».[526] Ю. Олеша посвятил А. Потоцкому, заведующему редакцией «Гудка», такое четверостишие:

Коль на душе вдруг станет серо,
Тебя мы вспомним без конца, —
Тебя, с улыбкой пионера
И с сердцем старого бойца.[527]

История о том, как К. привел И. Ильфа в «Гудок», несколько расходится с версией этого события из мемуаров А. И. Эрлиха. Согласно Эрлиху, Ильф первоначально поступил в «Гудок» на должность библиотекаря и лишь позднее, когда «редакция газеты <…> задумала в ту далекую пору выпускать еженедельный литературно-художественный журнал», Ильф принес фельетон, написанный им специально для этого нового журнала.[528] Вот как Эрлих описывает роль К. в этой истории: «Несколько авторов написали по фельетону, но пришлось забраковать их все без исключения. В. Катаев объявил тогда:

— У меня есть автор! Ручаюсь!

Спустя два дня он принес рукопись.

— Отличная вещь! Я говорил! <…>

Фамилия автора — короткая и странная — ничего нам не говорила.

— Кто это Ильф?

— Библиотекарь. Наш. Из Одессы, — не без гордости пояснил Валентин Катаев.

Мы настояли, чтобы редактор подобрал другого работника для библиотеки и перевел Ильфа в газету, в „обработчики“ четвертой полосы».[529]

443

Московская биржа труда была торжественно закрыта 13.3.1930 г.

444

Аллюзия на хрестоматийные строки из пушкинского «Поэта» (1827).

445

Здание Благородного дворянского собрания было построено М. Ф. Казаковым в 1770-х гг. Большой зал собрания (Колонным его назвали уже в советское время) украшают 28 колонн почти 10-метровой высоты. После Октября 1917 г. Совнарком передал здание профсоюзам. В Колонном зале Дома союзов проходили громкие политические процессы конца 1920-х—начала 1930-х гг.: 18.05.–6.07.1928 г. здесь слушалось «Шахтинское дело» (о так называемом «вредительстве» на предприятиях Шахтинского района Донбасса); 25.12.1930–7.01.1931 г. — дело «Промпартии» (подсудимые обвинялись в целенаправленной антисоветской деятельности в области планирования экономики); 1.03.–9.03.1931 г. — процесс по делу Союзного бюро меньшевиков. Все эти процессы стали прообразами многочисленных процессов 1930-х гг. См., в итоге, не попавший в печать, отклик К. на один из подобных процессов (дело Зиновьева/Каменева): «Нет слов для выражения моей ярости. И подумать только, что некоторые из этих мерзавцев имели наглость смотреть нам, писателям, в глаза и протягивать руку <…> в то время, когда в другой руке сжимали нож подлого террора против самых дорогих и близких нам людей! Расстрелять сволочей! Без пощады!»[530]

446

В воскресенье, 19.08.1923 г. в Москве открылась Первая Всероссийская сельскохозяйственная и кустарно-промышленная выставка. На берегу Москвы-реки на обширной территории, занятой ранее огромной свалкой, неподалеку от Крымского моста, под руководством ведущих архитекторов были выстроены многочисленные павильоны. Автором Генплана выставки и главных павильонов был И. Жолтовский, в планировании, проектировании и украшении выставочных объектов приняли участие А. Щусев, М. Гинзбург, Н. Колли, В. Мухина, А. Экстер, С. Коненков и др. Выставка отличалась разнообразием архитектурных решений: в восточном стиле спроектировал среднеазиатский павильон Ф. Шехтель, в конструктивистском выстроил павильон «Махорка» К. Мельников и т. д. Знакомиться с экспонатами можно было с 8 утра до 12 ночи. Выставка завершила свою работу 21.10.1923 г. В 1928 г. на объединенной территории бывшей выставки, Нескучного сада и прилегающей части Воробьевых гор был образован Центральный парк культуры и отдыха, в 1932 г. получивший имя Горького. Крымский мост — один из 9 новых мостов через Москву-реку, построенных по Генеральному плану реконструкции города. Сооружен в 1936–38 гг. по проекту А. Власова и Б. Константинова. Принадлежит к разряду висячих мостов, основной элемент его несущей конструкции — две мощные цепи, каждая длиной 297 м. Старый Крымский мост был выстроен инженером В. Шпейером в 1872 г. Как и современный мост, его предшественник также относился к типу мостов с ездой понизу, хотя и имел совершенно иной вид.

447

Ср. в записях Ю. Олеши: «Я постарел, мне не очень хочется писать. Есть ли во мне еще сила, способная рождать метафоры? Иногда хочется проверить себя в этой области».[531]

Название «Миусы» до сих пор не имеет точного объяснения. По одному из преданий здесь был казнен видный казак-разинец Миуска. Долгое время территория здесь не была застроена. В первой половине XIX в. на Миусах торговали лесом. Активное строительство началось только в конце позапрошлого столетия. В 1906 г. появляется бесплатный родильный приют, сооруженный на деньги А. Абрикосовой; С. Рябушинский финансирует возведение Археологического института (1914). Капитал золотопромышленника А. Шанявского послужил для строительства здания Народного университета (1912). В 1913 г. на Миусах начали строить огромный собор Александра Невского в честь отмены крепостного права в России. К октябрю 1917 г. собор был возведен, но отделать храм не успели. Не подобрав ему никакого применения (проекты были разные; например, вносилось предложение устроить здесь крематорий), собор разрушили в 1940–41 гг. В начале 1920-х гг. на Миусы переехал с Трубной площади знаменитый птичий рынок. Здесь продавали певчих птиц, устраивали петушиные бои, торговали щенками.

449

Ср. «зеркальную» метафору в рассказе Ю. Олеши «Лиомпа» (1928): «Флакон был бракосочетающейся герцогиней».[532]

450

Из «Зависти» Ю. Олеши.[533] Ср. в мемуарах И. Б. Березарка: «Московские молодые люди объяснялись в любви словами знаменитого романа: „Вы прошумели мимо меня, как ветвь, полная цветов и листьев“».[534]

451

Под названием «Цветущий миндаль».

452

Неканонический вариант начальных строк известного романса «Белая акация» на слова Волин-Вольского (Тодди).

453

См.: *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: в 10-ти тт. Т. 10. С. 62.

454

Знаменитый ресторан «Метрополя» со световым фонарем проектировал А. Эрихсон.

455

Подразумевается картина Анри Матисса (1869–1954) «Красные рыбы» (1911).

456

Неточная цитата из ст-ния Н. Асеева «Работа» (1923).

457

Ср. в «Траве забвенья»: «Таракуцка — это маленькая высушенная тыквочка, которой обычно играли на Украине деревенские дети. Этим же словом в шутку называли хорошенькую, круглолицую девушку»[535] и в романе К. «Разбитая жизнь, или рог Оберона»: «…сухие карликовые тыквочки называются „таракуцки“».[536]

Это определение, по-видимому, было придумано И. А. Ильфом: «Девушки-фордики. Челка, берет, жакетик, длинное платье, резиновые туфли».[537] Параллель между цитируемой записью и комментируемым фрагментом «АМВ» отмечена А. И. Ильф. Быстрые и маневренные «форды» были заметным явлением на улицах Москвы 1920-х–30-х гг. Так, в очерке И. Ильфа «Москва от зари до зари» (1928) «бородатые извозчики» с грустью смотрят на «победный бег широкозадых автобусов [первые автобусы английской фирмы „Лейланд“ пошли по Москве в 1924 г. — *Коммент.*], низкорослых такси и легковых машин», причем называются именно «черные фордики» и «реввоенсоветовский паккард». В «Любителях футбола» (1930) И. Ильф и Е. Петров упоминают о полулегендарном случае, когда толпы болельщиков затоптали попавшийся им на пути к стадиону «Динамо» «фордик, модель „А“». «Такси-фордики» вспоминает, рассказывая о своем московском детстве, Ю. Нагибин, встречаются они и в произведениях других писателей.

459

Так именовали (и не только во Франции) работниц шляпных и портновских заведений.

460

Михаил Арнольдович Файнзильберг (1896–1942) — старший брат И. Ильфа. По воспоминаниям Е. Б. Окса, «его кличка была Мифа. Его еще звали близкие друзья „рыжий Миша“ <…> Он носил ирландскую бороду, то же пенсне».[538] Ср. также у Л. Славина: «…зачастил брат Ильфа, художник Маф — Михаил Арнольдович, за глаза больше известный под именем Миша Рыжий, а впоследствии — в Москве — Лорд-хранитель Дома печати».[539] Мемуаристы отмечали незаурядный ум М. Файнзильберга, его необычную внешность, «он буквально оглушал собеседника оригинальностью, парадоксами».[540] В альбоме «Ильф-Петров. „Эти двое“ за 10 лет<.> /1923–1933/», составленном А. Е. Крученых, под одной из групповых фотографий, рукой Ю. Олеши написано: «В 1923 <году> Тверской бульвар. Москва». А еще ниже М. А. Файнзильберг приписал: «Это произошло в лето 1924. Юра врет про 23 год. Меня тогда на Тверском бульваре (в частности, в Москве не было еще). Миша».[541] Следовательно, изображаемые в этом эпизоде «АМВ» события можно приурочить к 1924 г. Впоследствии, М. Файнзильберг, как и многие друзья К., подрабатывал в «Гудке»: «Около художественного отдела „Гудка“ имели пропитание художники: Д. Даран, Маф (Михаил Арнольдович Файнзильберг) <…> выполняли текущую работу по номеру — ретушь, перерисование, заголовки, иллюстрации».[542] Ср. также у В. Е. Ардова: «Михаил Арнольдович, обитал в Москве. Он печатал свои рисунки в московских изданиях, подписывая их псевдонимом „Маф“».[543]

461

В альбоме А. Крученых «Ильф-Петров. „Эти двое“ за 10 лет<.> /1923–1933/» наклеены вырезанные с фотографии силуэты Ю. Олеши и И. Ильфа с куклой на коленях. Слева от изображения Олеши нарисована стрелка и написано «Ю. Олеша», а справа, рядом с фотографией Ильфа — «И. Ильф. 1924 г.»[544] Ниже, под фотографией, рукой Олеши сделана подпись: «Дитя Катаева // в руках негодяев'а?». Еще ниже рукой М. А. Файнзильберга приписано: «Этот Андрюшка подарен мною Ильфу (брату) в Петрограде».[545]

Одной из них была Валентина Леонтьевна Грюнзайд. Ср. о ней в мемуарах А. И. Эрлиха: «Однажды в весенний день Олеша увидел в раскрытом окошке одного из домов в Мыльниковом переулке девочку с книжкой. Ей было лет одиннадцать-двенадцать, не больше. Она читала с самозабвением, губы ее быстро и беззвучно шевелились».[546]

463

Пользуясь своим положением «литературного генерала», К. не просто называет имя запрещенного в СССР Владимира Владимировича Набокова (1899–1977), но и ссылается на самый скандальный набоковский роман «Лолита» (1961).

464

Речь идет о «Трех толстяках» (1924) Ю. Олеши. См. в альбоме А. Е. Крученых «Ильф-Петров. „Эти двое“ за 10 лет<.> /1923–1933/» подпись Олеши под фотографией В. Л. Грюнзайд: «Нужно помнить также, что В. Л. Катаевой-Петровой-Грюнзайд был посвящен (вернее написан для нее, когда она была дитя) роман „Три толстяка“. Ю. Олеша».[547] См. также запись Е. Петрова в рукописном альманахе К. Чуковского: «Моя жена Валентина в шестилетнем возрасте выучила Вашего „Крокодила“ и помнит его до сих пор наизусть <…> Евг. Петров. 1 декабря <1>929 г. Ленинград»[548] и обиженно-ироничное примечание к этой записи рукой Олеши: «Евгений Петров <…> умалчивает, что его жене, Валентине, когда она была тринадцатилетней девочкой, был посвящен роман „Три толстяка“. Она выросла и вышла замуж за другого».[549] О своей работе над «Тремя толстяками» Олеша вспоминал: «Я писал их совсем юным — то в маленькой комнате при типографии „Гудка“, где жил с таким же юным Ильфом, то у Катаева в узкой комнате на Мыльниковом, то в „Гудке“ в промежутках между фельетонами. В комнате при типографии, которая была крохотная — один пол! — я и писал, лежа на полу… Я писал, пользуясь типографским рулоном — несколько, правда, отощавшим, но все же целым бочонком бумаги».[550]

465

То есть — как Гумберт Гумберт за Лолитой в романе В. В. Набокова «Лолита».

466

Гарри Пиль (1892–1963) — популярный немецкий актер и режиссер. Он ставил, в основном, приключенческие фильмы со сложными трюками — «Летающее авто» (1920), «Странствующий Унус» (1920), «Всадник без головы» (1921) и др. Особой популярностью у зрителей пользовался фильм Гарри Пиля «Лжепринц» (другое название «Знатный иностранец»), шедший в советском прокате как раз в 1924 г.

467

Роман «Три толстяка» был закончен в 1924 г., но первое отдельное его изд. вышло лишь в 1928 г. в издательстве «Земля и Фабрика».

468

Добужинский Мстислав Валерианович (1875–1957, умер в эмиграции). В письме от 26.12.1927 г. он сообщал Ф. Нотгафту: «Представь себе, получил предложение от Вл. Нарбута из Москвы („Земля и фабрика“) сделать книжку — конечно, возьмусь».[551] В январе 1928 г. художник исполнил иллюстрации к сказке «Три толстяка». В том же году на выставке книжного искусства в Москве ему был присужден диплом за ее оформление.[552] Ср. шутливую надпись Ю. Олеши на титульном листе 1-го изд. «Трех толстяков», наклеенном в альбом А. Е. Крученых: «Рисунки из Парижа (Добужинский), бумага из Нью-Йорка (Бурлюк) <,> текст из Одессы. Олеша».[553] На титульном листе 1-го изд. книги значилось: «Посвящается Валентине Леонтьевне Грюнзайд». Еще ниже на том же титульном листе в альбоме Крученых рукой Олеши написано: «Все кончено (?) Олеша 1933».[554]

Ср. с (не во всех деталях достоверным) рассказом внучки Е. Петрова и В. Грюнзайд, Екатерины Катаевой: «В старой Москве жила девочка Валя Грюнзайд, из очень хорошей семьи: ее отец был поставщиком чая Его Императорского Двора <…> Она была очень избалованным ребенком, и в нее был влюблен Юрий Олеша. Девочка Валя очень часто выглядывала в окно, и Юрий Карлович, проходя мимо и видя ее, говорил друзьям: „Я ращу себе невесту!“ А чтобы девочке Вале не было скучно, он написал для нее сказку <…> Первый экземпляр книжки он подарил ей с надписью: „Всегда Ваш, Валя!“ Бабушка нередко рассказывала мне эту историю. В ней фигурировала кукла, которую ей привез ее отец, впоследствии, в революционные времена, репрессированный. Эта большая говорящая кукла сидела у Вали на окне. Именно о ней написал в своей сказке Олеша <…> В один прекрасный день Юрий Олеша провел своего друга Женечку Катаева мимо окна и показал ему девушку Валю… Любовь у дедушки с бабушкой была умопомрачительная».[555] Ср. также у В. Е. Ардова: «Брак их состоялся на моей памяти. Помнится, Валентина Леонтьевна, выходя замуж в 1928 году, была еще очень молода, и пришлось, кажется, обмануть регистраторшу в загсе, прибавив невесте возраст. Петров оказался превосходным семьянином, и брак был вообще крайне удачным».[556]

470

Церковь Рождества Богородицы в Столешниках помещалась на углу Петровки и Столешникова переулка (Петровка, 13). Храм XVII–XIX вв. был снесен в 1927 г. Модное кафе рядом называлось «Густые сливки». Это было кооперативное заведение, руководимое М. Каменевым; оно находилось в д. 10 по Столешникову переулку. В рекламном объявлении, помещенном в справочнике «Вся Москва» на 1927 г., сообщается об ассортименте заведения: «Сливки сбитые / несбитые / кофе» (3-й отдел справочника. С. 715).

Ср., например, в мемуарах Б. Ефимова: «…как несправедливо и капризно разделила между ними природа (или Бог) человеческие качества. Почему выдающийся талант писателя был почти целиком отдан Валентину Петровичу, а такие ценные черты, как подлинная порядочность, корректность, уважение к людям, целиком остались у Евгения»[557] и в повестях К. «Белеет парус одинокий» (1936) и «Хуторок в степи» (1956), где противопоставлены друг другу два брата — старший «двоечник» Петя и младший «отличник» Павлик: «— Не понимаю, чего же ты радуешься? Сплошные двойки! Петя с досады топнул ногой. — Вот так я и знал! <…> Как вы, тетя, не понимаете? Важно, что *отметки!* Понимаете: от-мет-ки! <…> В ранце у Павлика находился табель с отличными оценками за вторую четверть <…> Павлик благодаря своим невинным, шоколадно-зеркальным милым глазкам обладал счастливой способностью всегда выходить сухим из воды».[558] Ср., впрочем, с несколько иным мнением о братьях Катаевых, зафиксированным в дневнике Вс. Иванова от 5.10.1942.[559]

Ср. у Н. А. Подорольского: «Вышел Катаев, потребовал, чтобы убрали со стола микрофон — для „интима“, что ли?»[560]

473

Ср. в конспекте, который Н. А. Подорольский вел на вечере К. 14.03.1972 г.: «О родителях. Мама — полтавская девушка. Пушкин, Гоголь. Мама юмористична (отец — меньше). Лесков. „Лесковщина“. Отсюда — Евгений Петров».[561] Подробно о свое семье К. рассказал в романе «Разбитая жизнь, или рог Оберона».

Кондаков Николай Павлович (1844–1925). См. его книгу: Кондаков Н. П. Воспоминания и думы. М., 2002. Отец К., кандидат историко-филологических наук Петр Васильевич Катаев, преподавал в одесском женском епархиальном училище. Его выразительный портрет см. в «Траве забвенья».[562]

475

Евгений Катаев приехал в Москву в 1923 г. Классическую одесскую гимназию он окончил в 1919 г.

Ср. в набросках Е. Петрова к книге об И. Ильфе: «Я переступал через трупы умерших от голода людей и производил дознания по поводу 17 убийств. Я вел следствия, так как следователей судебных не было. Дела сразу шли в трибунал».[563]

Отец умер в 1921 г.

Беллетризованное изображение этих погонь см. в приключенческой повести А. Козачинского «Зеленый фургон», где Евгений Катаев выведен под именем Володи Бойченко.[564]

Ср. в набросках Е. Петрова к книге об И. Ильфе: «До сих пор я жил так: я считал, что жить мне осталось дня три, четыре, ну максимум неделя. Привык к этой мысли и никогда не строил никаких планов. Я не сомневался, что <…> должен погибнуть для счастья будущих поколений. <…> Я твердо знал, что очень скоро должен погибнуть, что не могу не погибнуть».[565]

480

Ср. в набросках Е. Петрова к книге об И. Ильфе: «Мой брат Валя. Его комната с примусом и домработницей в передней».[566]

481

Бутырская тюрьма была выстроена М. Ф. Казаковым в конце XVIII в. Первоначально постройка представляла собой крестообразное здание с церковью посередине, окруженное стеной с четырьмя башнями по углам. Тюрьма не раз перестраивалась и расширялась. В начале XX в. она вмещала около 2500 человек. В Бутырской тюрьме содержался Е. Пугачев, революционеры XIX в., эсер-бомбист И. Каляев, участники восстания 1905 г. (в частности, Николай Шмидт), многие большевики (например, Ф. Дзержинский). В 1908–1909 гг. в Бутырках сидел В. Маяковский. В пореволюционное время тюрьму наполнили, помимо уголовников, анархисты, не согласные с большевиками социалисты разных толков, «старорежимные» чиновники и полицейские, пленные поляки, православные священники и др. В 1938 г. в Бутырской тюрьме дожидался отправки в лагерь О. Мандельштам.

482

Ср. в набросках Е. Петрова к книге об И. Ильфе: «Я еду в Москву переводиться в Моск<овский> угол<овный> розыск. В кармане у меня револьвер. Я очень худой и гордый молодой человек. И провинциальный».[567] Провинциализм Е. Петрова отметил и В. Ардов: «Он казался неуверенным в себе, как и полагается провинциалу, недавно прибывшему в столицу».[568]

483

Ср. в набросках Е. Петрова к книге об И. Ильфе: «Как Валя убедил меня писать рассказ. Работа профессионального журналиста»;[569] и далее: «Валя водит меня по редакциям <…> Знакомство первого дня <…> „Крокодил“, „Накануне“».[570] Ср. также в «Воспоминаниях» Н. Я. Мандельштам о К.: «Он приходил к нам в Москве с кучей шуток — фольклором Мыльникова переулка, ранней богемной квартиры одесситов. Многие из этих шуток мы прочли потом в „Двенадцати стульях“ — Валентин подарил их младшему брату, который приехал из Одессы устраиваться в уголовный розыск, но, по совету старшего брата, стал писателем».[571]

Ср. в мемуарах Э. Л. Миндлина: «Самолеты „Дерулюфт“ ежедневно доставляли в Москву газету „Накануне“ и ее приложения».[572]

Ср. в мемуарах В. Е. Ардова: «…по щепетильности своей Евгений Петрович полагал нужным уступить свою настоящую фамилию старшему брату, В. П. Катаеву, который в то время „завоевывал“ Москву смелой поступью многообразного и сочного дарования».[573] Ср. в записях самого Е. Петрова: «Я пишу рассказ и придумываю неудачный псевдоним. Первый гонорар».[574] Э. Л. Миндлин в своих воспоминаниях иначе, без драматических подробностей, описывает историю появления рассказа Е. Петрова в «Накануне»: «Однажды Катаев привел в редакцию очень скромного юношу в серой кепочке.

— Знакомьтесь. Это мой брат Женя Петров. Он вам сейчас даст свой рассказ, и вы с удовольствием его напечатаете. Женя, знакомься!

Женя Петров вынул из кармана переписанный от руки рассказ „Гусь и украденные доски“ — рассказ был тут же одобрен, перепечатан нашей машинисткой и на следующий день отправлен в Берлин. В марте 1924 года он был напечатан и с удовольствием прочитан читателями».[575] К. пристраивал в «Накануне» не только произведения своего брата Евгения, но и рассказы своего земляка — Семена Гехта.[576]

486

Рассказ «Уездные очерки. Гусь и украденные доски» за подписью «Евг. Петров» был опубликован в «Литературной неделе» (приложении к газете «Накануне») 9.03.1924. (№ 58 (575)).

Свои стихотворные фельетоны Е. Петров подписывал псевдонимом «Шило в мешке» и печатал, в основном, — в 1924 г., в сатирическом журнале «Красная оса».

Е. Петров с 1924 г. стал выпускающим, а потом и ответственным секретарем сатирического журнала «Красный перец», а в 1926 г. перешел в газету «Гудок». В одном из набросков к своей мемуарной книге об И. Ильфе он писал: «… нужна служба. Денег нет. Я поступаю в „Красный перец“. Как я стал выпускающим».[577] Ср. у В. Е. Ардова: «Как будто оно вышло так: Валентин Петрович Катаев, который одно время фактически вел „Красный перец“, уходя из журнала, оставил за себя брата».[578]

489

Московский комитет ВКП (б) находился в доме 15 «а» на Большой Дмитровке.

490

Этот эпизод, по-видимому, вымышлен К. — в полном собрании сочинений В. Маяковского (которое К. консультировал), никакие стихотворные лозунги Маяковского к годовщинам Октябрьской революции не приводятся и не упоминаются.

491

Каменный, 3-ий по счету Мавзолей В. И. Ленина был построен из красного гранита и черного лабрадорита в 1929–1930 гг. Первые два мавзолея были временными и, соответственно, деревянными. Автор всех трех сооружений — А. В. Щусев.

Ср. в «Траве забвенья»: «…мы <…> встретились с ним случайно на Большой Дмитровке, против ломбарда, — он сразу же сказал:

— Только что написал. Именно то, чего не хватало.

Он достал из бокового кармана вчетверо сложенный лист графленой бумаги, но не стал в нее смотреть, даже не развернул, а, продолжая идти по улице, под ногу прочел „Марш времени“ [из пьесы „Баня“, 1929–30 — *Коммент.*] <…>

— Как вы думаете, Мейерхольду понравится?

— Он будет в восторге. В этом же самая суть нашей сегодняшней жизни. Время, вперед! Гениальное название для романа о пятилетке.

— Вот вы его и напишите, этот роман. Хотя бы о Магнитострое. Названье „Время, вперед!“ дарю, — великодушно сказал Маяковский, посмотрев на меня строгими, оценивающими глазами».[579]

Подробное описание совместной работы Александра Дюма-отца с многочисленными соавторами (О. Маке, Ж. Нерваль и др.), которым он платил деньги за предоставление рукописей, а затем эти рукописи перерабатывал, см., например: *Моруа А.* Три Дюма. М., 1965. С. 150–164. Ср. шутливое катаевское уподобление Ильфа и Петрова литературным неграм с возмущенной репликой Эжена де Мирекура, автора памфлета «Фабрика романов „Торговый дом „Александр Дюма и К°“»: продажные литераторы «унижают себя, работая, как негры под свист плетки надсмотрщика-мулата».[580] Ср. в мемуарах Е. Петрова о том, как К. однажды вошел в комнату четвертой полосы «Гудка» «со словами: „Я хочу стать советским Дюма-отцом“ <…> — Почему же это, Валюн, вы вдруг захотели стать Дюма-пером? — спросил Ильф. — Потому, Илюша, что уже давно пора открыть мастерскую советского романа, — ответил Старик Собакин, — я буду Дюма-отцом, а вы будете моими неграми».[581]

И. Ильф и Е. Петров.

Ср. в статье В. Б. Шкловского «Юго-Запад» (1933): «Валентин Катаев, с моей точки зрения, хорош не там, где он старается, написал превосходнейший приключенческий роман „Растратчики“ на нашем материале. С новой линии — бесполезности приключений — он дал сюжет Ильфу и Петрову для книги „Двенадцать стульев“. Сюжет он взял недалеко. У Конан Дойля есть рассказ „Шесть Наполеонов“».[582] В «АМВ» К. задним числом признал правоту Шкловского.

495

Лев Натанович Лунц (1901–1924) и Вениамин Александрович Каверин (наст. фамилия: Зильбер, 1902–1989) входили в литературную группу «Серапионовы братья»; оба они в то время стремились возродить сюжетную прозу. В июне 1923 г. смертельно больной Лунц уехал из Петрограда лечиться в Гамбург; в мае 1924 г. он умер в гамбургском госпитале от эмболии мозга. К. пересказывает сюжет повести Лунца «Через границу», которая предположительно датируется концом 1922–началом 1923 гг.[583] Таким образом, К. мог услышать чтение этой повести Лунцем не ранее зимы 1923 г. и не позднее июня того же года. Мы не располагаем другими свидетельствами о знакомстве К. с Лунцем, а также о чтении последним повести «Через границу» в Мыльниковом переулке. Сведения о повести Лунца автор «АМВ» мог почерпнуть из статьи В. Б. Шкловского «Современники и синхронисты», опубликованной в № 3 журнала «Русский современник» за 1924 г. В частности, Шкловский рассказывал: «Лунц писал веселый роман в письмах о том, как едут почтенные люди через границу и везут с собой деньги в платяной щетке. Щетку крадут. Тогда начинается бешеная скупка всех щеток на границе. Роман кончается письменным заказом одного лавочника: „Еще два вагона платяных щеток прежнего образца“».[584] Полностью повесть см.: *Лунц Л.* Через границу / Предисл., публ. и примечания А. Л. Евстигнеевой // Лица: Биографический альманах. 5. М., СПб.,1994. С. 358–374. Отметим, что В. А. Каверин в своих воспоминаниях о Б. Пастернаке назвал «АМВ» «грязной и кокетливой книгой», чья главная черта — «развязная ложь».[585]

К. обыгрывает свой псевдоним «Старик Саббакин». Согласно М. П. Одесскому и Д. М. Фельдману, И. Ильф и Е. Петров начали писать «Двенадцать стульев» не позднее сентября 1927 г., а уже через месяц авторы показали К. одну из частей романа и он отказался от соавторства. В январе 1928 г. «Двенадцать стульев» были закончены и в том же месяце начинается его публикация в журнале «30 дней». По версии М. П. Одесского и Д. М. Фельдмана, договоренность о печатании журналом романа «Двенадцать стульев» была достигнута задолго до его окончательного завершения, причем имя К. послужило гарантом появления романа в печати.[586] Не случаен и выбор журнала, в котором был напечатан роман — ответственным редактором «30 дней» был В. Нарбут. Таким образом, совместный дебют Ильфа и Петрова правомерно было бы назвать не «удачным экспромтом», а «отлично задуманной и тщательно спланированной операцией».[587] На это косвенно указывает и скорость, с которой Ильф и Петров писали роман: «…соавторы торопились, работая ночи напролет, не только по причине природного трудолюбия, но и потому, что вопрос о публикации был решен, сроки представления глав в январский и все последующие номера журнала — жестко определены».[588]

497

К моменту начала работы над романом (сентябрь 1927 г.) И. Ильф и Е. Петров были знакомы гораздо лучше, чем это хочет представить К. — в начале июня 1927 г. они вместе путешествовали по Кавказу.[589]

Ср. в мемуарах Е. Петрова: «— Давайте так, — сказал я, — начнем сразу. Вы — один роман, а я — другой. А сначала сделаем планы для обоих романов.

Ильф подумал.

— А может будем писать вместе?

— Как это?

— Ну, просто вместе будем писать один роман. Мне понравилось про эти стулья. Молодец Собакин».[590]

499

Ср. с подписью К. под фотографией в альбоме А. Е. Крученых, посвященном автору «Растратчиков»: «<1927> Осень под Батумом на Зеленом мысу, где я писал второй акт „Квадратуры“. Сидят первые слушатели. Средний — комсомолец Юрочка Иванов <,> служивший парт<?>компасом».[591]

500

Сладкая нега (итал.).

501

Эта пьеса К. была опубликована в майском номере «Красной нови» за следующий, 1928 г. Отдельным изданием она вышла также в 1928 г., а осенью этого же года в Московском Художественном театре состоялась премьера «Квадратуры круга». О своей работе над «Квадратурой круга» К. рассказал в интервью сотруднику журнала «Современный театр».[592] Комедия пользовалась большой популярностью у публики — к марту 1929 г. было дано 100 представлений, хотя даже близкие друзья К. не очень высоко ее оценили. См. отзыв о «Квадратуре круга» Ю. Олеши: «Пьеса Катаева несколько схематична. Уже с середины первого акта можно предсказать дальнейшее развитие. Тайна раскрывается ранее, чем зритель находит вкус к ее поискам».[593] Приведем также шуточное ст-ние Олеши, посвященнное К.-драматургу и сохранившееся в альбоме, составленном А. Е. Крученых:[594]

ДРАМАТУРГУ КАТАЕВУ.

Ходил я в театры в порыве алканий
Бинокль розоватый на нос нацепив…
Я видел «Блоху»…
Там блоха
на аркане,
Я «Зойкину» видел…
Там вошь на цепи!

3. (Зубило = Ю. О. 1927 г.)

502

Цитируются фрагменты из ст-ния Б. Пастернака «Волны» (1931). В городе-курорте Кобулеты в Аджарии на берегу Черного моря Пастернак со своей второй женой Зинаидой Николаевной Пастернак (урожд. Еремеевой, в первом браке Нейгауз, 1897–1966) жил летом 1931 г.

503

Скорее всего — Тициан Табидзе (1895–1937) и Паоло Яшвили (1895–1937).

504

Анафорический синтаксис этого отрывка заставляет вспомнить о «Зверинце» (1909–11) Велимира Хлебникова. Крекинг — переработка нефти или ее фракций для получения моторного топлива.

505

К. приехал в Москву примерно в октябре 1927 г. Ср. в мемуарах Е. Петрова: «Все-таки мы окончили первую часть [романа — *Коммент.*] вовремя. Семь печатных листов были написаны в месяц. <…> Мы торжественно понесли рукопись Дюма-отцу, который к тому времени уже вернулся».[595]

506

Ср. в мемуарах Е. Петрова: «Мы готовились к самому худшему. Но он прочел рукопись, все семь листов прочел при нас».[596]

507

Ср. в набросках Е. Петрова к книге об И. Ильфе: «Остап Бендер был задуман как второстепенная фигура <…> Но Бендер постепенно стал выпирать из приготовленных для него рамок, приобретая все большее значение. Скоро мы уже не могли с ним сладить»,[597] а также у В. Б. Шкловского в «Юго-Западе»: «В схеме, предложенной Катаевым, Остапа Бендера не было. Героем был задуман Воробьянинов и, вероятно, дьякон, который теперь почти исчез из романа».[598]

508

Ср. с диалогом, приведенным в мемуарах Е. Петрова: К. «очень серьезно сказал: — Вы знаете, мне понравилось то, что вы написали. По-моему, вы совершенно сложившиеся писатели. — А как же рука мастера? — спросил Ильф. — Не прибедняйтесь, Илюша. Обойдетесь и без Дюма-пера. Продолжайте писать сами. Я думаю, книга будет иметь успех».[599]

509

Строка из ст-ния А. К. Толстого «Средь шумного бала, случайно…» (1851).

510

Это обещание было выполнено. См. в 1-ом и во всех последующих изд. «Двенадцати стульев»: «Посвящается Валентину Петровичу Катаеву».

511

Другой информацией об этом золотом портсигаре мы не располагаем. Представляется весьма вероятным, что К. в данном случае просто отослал внимательного читателя ко второму роману двух соавторов о великом комбинаторе — «Золотой теленок». Ср. в тексте этого романа: «Великий комбинатор готовился всю зиму. Он покупал североамериканские доллары с портретами президентов в белых буклях, золотые часы и портсигары».[600] Возможно, впрочем, что это авторы «Золотого теленка» столь оригинальным способом передавали привет «старику Саббакину».

512

О цензурных препятствиях на пути прохождения романа см.: *Одесский М. П., Фельдман Д. М.* Комментарий // Двенадцать стульев. 1-ое отдельное изд. романа вышло в 1928 г. в изд-ве «ЗиФ». В журнальном варианте романа было 37 глав, в первом отдельном издании — 41 глава.

513

К. пересказывает популярный анекдот о Льве Ивановиче Яшине (1929–1990). Фильм «Леди Гамильтон», с участием Вивьен Ли и Лоуренса Оливье, был поставлен А. Корде в 1941 г. В СССР он попал в качестве так называемого «трофейного» фильма.

514

Ср. со следующей репликой персонажа «Двенадцати стульев» — Брунса: «— Мусик!!! Готов гусик?! — Андрей Михайлович! — закричал женский голос из комнаты. — Не морочь мне голову! Инженер, свернувший уже привычные губы в трубочку, немедленно ответил: — Мусик! Ты не жалеешь своего маленького мужика!».[601]

515

Осип (домашнее прозвище — «Остап») Беньяминович Шор (1899–1978) был не старшим, а младшим братом Натана Беньяминовича Шора (1894–1918), писавшего под псевдонимом «Анатолий Фиолетов». Ср. о Фиолетове в мемуарах С. А. Бондарина: «Я не раз слышал <…> признания от старших товарищей Багрицкого или Катаева, — что они многим обязаны Анатолию Фиолетову-Шору, его таланту, смелому вкусу».[602] «А. Фиолетову» посвящены «драматические сцены» Э. Багрицкого «Трактир» (1919). Отметим, что по версии А. Пчхеидзе (на наш взгляд, — не очень убедительной) прототипом Остапа Бендера послужил сам К.[603]

516

Приведем это ст-ние полностью по сб. «Зеленые агаты» (Одесса, 1914):

АГАТЫ И ЛЯГУШКИ

Зеленые Агаты! Зеленочерный вздох
Вам посылаю тихо, когда Закат издох,
Средь темноты певучей, Агатами пленен,
Я дал им цвет Лягушек, и гордо восхищен.
Агаты — Символ Ночи, Лягушки — тишь болот,
А в общем сочетаньи узорный Переплет.
Прелестно элегантен чернозеленый цвет,
Зеленовым Агатам мой радостный привет…
И матовые строки Мечтой своей назвав,
Конечно, о, конечно, Я безусловно прав…

517

Приведем это ст-ние полностью по сб. «Серебряные трубы» (Одесса, 1915):

ВИКОНТ

Изысканно-вежлив и мягок
Гордо-стройный виконт,
В манто из лягушачьих лапок
И в руке красный зонт.

Он бродит по плитам бульвара
И с ним пудель «Парис».
В аллеях печальных и старых
Томно пахнет нарцисс.

Виконт переходит с панели
В тишь, где шорох песка.
Он ждет черноглазую Нелли
И туманит тоска…

О Нелли, терзаешь ты снова! —
Ах, в толпе не она ль?..
Моноклем на ленте лиловой
Он лорнирует даль.

518

Именно так в советской печати было принято искажать фамилию поэта Михаила Алексеевича Кузмина (1872–1936), причем делалось это едва ли не намеренно. Интересно, что в катаевской «Траве забвенья» фамилия «Кузмин» воспроизводится правильно — без мягкого знака.[604]

519

Благодаря любезности Н. А. Богомолова, мы имеем возможность привести здесь полный текст этого и еще двух стихотворений А. Фиолетова по автографам:

* * *

Не архангельские трубы —
Деревянные фаготы
Пели мне о жизни грубой,
О печали и заботах.
Не скорбя и не ликуя,
Ожидаю смерти милой,
Золотого «аллилуя» [так! — *Коммент.*]
Над высокою могилой.
И уже, как прошлым летом,
Не пишу и не читаю,
Озаренный тихим светом,
Дни прозрачные считаю.
Мне не больно. Неужели
Я метнусь в благой дремоте?
Все забыл. Над всем пропели
Деревянные фаготы.

520

Приводим полный текст этого ст-ния по автографу из собрания Н. А. Богомолова:

ХУДОЖНИК И ЛОШАДЬ

(Из японских преданий)

Есть нежное преданье на Нипоне
О маленькой лошадке, вроде пони,
И добром живописце Канаоко,
Который на дощечках, крытых лаком,
Изображал священного микадо
В различных положеньях и нарядах.

Лошадка жадная в ненастный день пробралась
На поле влажное и рисом наслаждалась.
Заметив дерзкую, в отчаянье великом,
Погнались пахари за нею с громким криком.
Вся в пене белой и вздыхая очень тяжко,
К садку художника примчалась вмиг бедняжка.

А он срисовывал прилежно вид окрестный
С отменной точностью, для живописца лестной.
Его увидевши, заплакала лошадка:
«Художник вежливый, ты дай приют мне краткий:
За мною гонятся угрюмые крестьяне,
Они побьют меня, я знаю уж заране…»

Подумав, Канаоко добродушный
Лошадке молвил голосом радушным:
«О бедная, войди в рисунок тихий,
Там рис растет и красная гречиха…»
И лошадь робко спряталась в картине,
Где кроется, есть слухи, и поныне…

26—XI—15

521

Приводим полный текст этого ст-ния по автографу из собрания Н. А. Богомолова:

В ФРУКТОВОЙ ЛАВКЕ

Как холодно розовым грушам!
Уж щеки в узорах румянца.

Прильнувши к витрине послушно,
Их носики жалко слезятся.

Октябрь злой сыростью дышит,
А у груш тончайшая кожа

И было б, бесспорно, не лишним
Им сшить из сукна, предположим,

Хоть маленький китель, пальтишко —
В одежде всегда ведь теплее!

Но к вам невнимательны слишком…
Ах, как я вас, груши, жалею!..

X. 1915

Отсылка к той сцене из «Двенадцати стульев», где изображено жилище молодоженов Коли и Лизы: «В комнате из мебели был только матрац в красную полоску».[605] К. неточно излагает обстоятельства гибели Фиолетова. Как и брат, он служил в одесском уголовном розыске. В заметке, опубликованной в газете «Одесская почта» от 28(15).11.1918 г., сообщалось: «Около 4 часов дня инспектор уголовно-розыскного отделения, студент 4 курса Шор в сопровождении агента Войцеховского, находились по делам службы на „Толкучке“, куда они были направлены для выслеживания опасного преступника». «Следом за ними, — рассказывал Осип Шор, — туда вошли двое неизвестных. Один из них подбежал к Анатолию. Анатолий сделал попытку вынуть из кармана пистолет, но незнакомец, который стоял в стороне, опередил его».[606] См. также в газете «Южная мысль» от 25(12).12.1918 г.: «…состоится вечер поэтов памяти Анатолия Фиолетова. В вечере примут участие Л. П. Гроссман, Ал. Соколовскиий, Ю. Олеша, Э. Багрицкий, В. Инбер, А. Адалис, И. Бобович, С. Кесельман, В. Катаев».

523

Подробнее об этом кружке одесских поэтов, возникшем в 1918 г., см., например, в мемуарах П. Ершова. Здесь же набросан выразительный портрет К. того времени: «Катаев все еще ходил в военных рейтузах и френче, весело щурил монгольские глаза, походя острил и сыпал экспромтами. Всегда шумливый, категоричный, приподнятый, он любил читать свои стихи, тоже приподнятые, патетические. И когда начинал читать, глаза его расширялись, голос звучал сочно и глубоко».[607] Приведем также шуточное ст-ние, сохранившееся в ГЛМ, в альбоме Ю. Олеши, составленном А. Е. Крученых. Автором этого ст-ния, по предположению Олеши, был Лев Славин:[608]

(ПОЭТИЧЕСКОЕ СОДРУЖЕСТВО) ЗЕЛЕНАЯ ЛАМПА

Небритый, хмурый, шепелявый
Скрипит Олеша лилипут.
Там в будущем — сиянье славы
И злая проза жизни — тут.

За ним, кривя зловеще губы,
Рыча, как пьяный леопард,
Встает надменный и беззубый
Поэт Багрицкий Эдуард.

Его поэма — совершенство.
Он не марает даром лист,
И телеграфное агентство
Ведет, как истинный артист.

Но вот, ввергая в жуткий трепет,
Влетает бешеный поэт —
Катаев — и с разбега лепит
Рассказ, поэму и сонет.

Экзакустодиан Пшенка.

524

Зинаида Константиновна Шишова (Брухнова, 1898–1977), автор стихотворного сборника «Пенаты» (Одесса, 1918). В своих мемуарах поэтесса упоминает о «золотом обруче, который» она «купила на последние деньги».[609] Приводим полный текст стихотворения З. Шишовой, цитируемого К.:[610]

SPLEEN

Радикальное средство от скуки
Ваш мотор — небольшой landaulet…
Я люблю Ваши смуглые руки
на эмалевом белом руле.
Ваших губ утомленные складки
И узоры спокойных ресниц…
— Ах, скажите, ну разве не сладко
Быть, как мы, быть похожим на птиц.
Я от шляпы из старого фетра
Отколю мой застенчивый газ…
Как-то душно от солнца, от ветра
И от ваших настойчивых глаз.
Ваши узкие смуглые руки,
Профиль Ваш, отраженный в стекле…
— Радикальное средство от скуки
Ваш мотор — небольшой landaulet.

Процитируем также несколько фрагментов из неопубликованной «Автобиографии» З. Шишовой:[611] «В 8-ой аудитории Юридического факультета зародился первый Одесский Союз Поэтов. Там я впервые выступила с чтением стихов. Там я познакомилась, а впоследствии сдружилась с Багрицким, Олешей, Катаевым и Адалис <…> Освободившиеся от влияния „ахматовщины“, „гумилевщины“, „северянинщины“, мы назвали свой кружок „Зеленая лампа“. Если вспомнить, что враги наши сгруппировались вокруг о<бщест>ва „Бронзовый гонг“ — станет понятным, представителями каких враждующих литературных течений мы были <…> В 1934 г. я умирала от белокровия <…> Катаеву написали об этом в Москву. Мы не виделись много лет, но в молодости товарищи находили у меня кое-какие способности. Катаев выслал мне деньги на поездку в Москву. Я

оставила сына у родственников и поехала. После очень трудной и горькой жизни я впервые попала в человеческие условия. Катаев устроил меня в санаторий, на несколько месяцев снял для меня комнату. От белокровия моего не осталось и следа. Даже беспокойство о сыне не мешало мне быть счастливой. И вдруг в один прекрасный день Катаев потребовал, чтобы я занялась литературой. Был к этому и очень удобный случай, готовился к выходу альманах памяти Багрицкого. Катаев предложил мне написать воспоминания о Багрицком. Я пятнадцать лет ничего не писала и была уверена, что никогда не смогу писать.

— Каждая „дамочка“ имеет право писать воспоминания. Это необязательно должно быть высоким произведением искусства — убеждал меня Катаев. Я робко протестовала. В глубине души я была убеждена, что опозорюсь <…>.

История о том, как Катаев буквально вытолкнул меня в литературу, заслуживает того, чтобы об этом рассказать подробно:

В ту пору я жила на Бронной и ежедневно завтракала, обедала и ужинала у Катаева на Тверской. Перед тем, как придти, я обычно звонила ему по телефону. Какой же был мой ужас, когда позвонив однажды ему, я вдруг услышала:

— Приходи, но только после того, как напишешь статью о Багрицком.

— Я не могу, — протестовала я, — т. е. я могу, но я должна обдумать.

— Ну так обдумай! — был неумолимый ответ.

Я решилась на хитрость. Я знала, что после завтрака Катаев обычно уходит из дому. Я переждала и позвонила Любе, катаевской домработнице.

— Любочка, — говорит Зинаида Константиновна. — Я сейчас приду завтракать, там у вас осталось что-нибудь?

— Зина Константиновна, — ответила Люба смущенно, — для вас все оставлено, но Валентин Петрович сказал, чтобы не давать, пока вы не принесете какую-то рукопись.

Тогда я засела и за три часа написала статью о Багрицком».

525

Хавира (жарг.) — квартира, жилище.

То есть беспримесный, дистиллированный спирт.

527

Из хлебниковского «Куска» (1921).

528

Из ст-ния В. Хлебникова «Весны пословицы и скороговорки…» (1919).

529

Пятистишие В. Хлебникова 1922 г.

530

Неточно цитируется ст-ние В. Хлебникова 1917 г. из его цикла («поэмы») «Война в мышеловке». Одним из живописных подтекстов этого ст-ния послужила картина Сандро Ботичелли «Весна» (1480).[612] «Весна» Ботичелли (упоминаемая в «АМВ») — источник ключевого для катаевского произведения образа «вечной весны».

531

Реализация метафоры из процитированного К. чуть выше пятистишия В. Хлебникова «Мне мало надо!..».

532

Хлебниковские «Доски судьбы» готовили к печати близкие и самоотверженные друзья поэта, художники С. П. Исаков и П. В. Митурич. В результате крохотным тиражом была выпущена книга: *Хлебников В.* Доски судьбы. М., <1922–1923>. Экземпляра этой книги «с дарственной надписью» В. Хлебникова у К. быть не могло, поскольку «Доски судьбы» были напечатаны уже после хлебниковского отъезда из Москвы. Только в настоящее время, наконец, появилось издание (текстологически не вполне надежное): *Хлебников Велимир.* Доски судьбы / Реконструкция текста, сост., коммент., очерк В. Бабкова. М., 2001.

533

Речь идет об апреле или мае 1922 г. В эти и предшествующие месяцы В. Хлебников усиленно занимался перепиской и подготовкой к печати своих произведений («Доски судьбы», «Зангези», «Ночной обыск», «Настоящее» и др.). В «Известиях» от 5 марта 1922 г. было опубликовано программное ст-ние поэта «Не шалить!» — без заглавия, при посредничестве В. Маяковского. Важный фон эпизода «АМВ», повествующего о попытке К. напечатать Хлебникова: в 1919 г. поэт вручил Маяковскому свои рукописи для издания. Маяковский сочинений будетлянина не напечатал, а с возвращением рукописей тянул. Р. О. Якобсон: «Я на него очень сердился, что он не издавал Хлебникова, когда мог и когда получили деньги на это».[613] В апреле 1922 г. Хлебников писал матери: «Мне живется так себе, но вообще я сыт-обут, хотя нигде не служу. Моя книга [вероятно „Доски судьбы“ — *Коммент.*] — мое главное дело, но она застряла на первом листе и дальше не двигается».[614] Государственное издательство РСФСР (1919–1930) в 1919–1923 гг. помещалось в особняке С. Рябушинского, стоящем на углу Малой Никитской ул. и Спиридоновки (д. 6/2). Дом в стиле модерн был построен Ф. Шехтелем в начале XX в. Во главе Госиздата стоял сначала В. Воровский, затем И. Скворцов, М. Покровский и О. Шмидт. Здесь, при Госиздате, летом 1922 г. начала выходить первая московская литературная газета «Московский понедельник». В январе 1923 г. Госиздат перебрался в д. 4/6 на ул. Рождественка.

В этот период на Большой Никитской находились многочисленные книжные лавки и магазины (улица была одним из центров книготорговли в Москве): «Артели художников слова» — в д. 15; лавки Амвросиева, Бровкина, Васильева, Блоха и Ечнетова — в д. 24; в этом же здании — магазины «Дельфин» и «Деятель искусства»; 3-й магазин Госиздата — в д. 13; «Колос» — в д. 22; лавки Кривова — в д. 9 и 15 и др.

535

Эта книга рассказов, стихов и пьес Елены (Элеоноры) Генриховны Гуро (1877–1913) вышла в 1909 г., в Петербурге. Гуро и В. Хлебников высоко ценили творчество друг друга. «…образ Елены Генриховны многими нитями связан со мной» (В. Хлебников).[615]

В этом описании К. смешивает 1-ый и 2-ой выпуски «Садка судей»: вышедший в Петербурге, в апреле 1910 г. 1-ый «Садок судей», действительно, правомерно назвать «одним из самых ранних изданий футуристов». В этом сборнике В. Хлебников был представлен внушительной подборкой, хотя его поэтический дебют состоялся на 2 года раньше: в октябрьском номере петербургского журнала «Весна» Хлебников напечатал ст-ние в прозе «Искушение грешника». Сведения о том, что Хлебников дебютировал в «Садке судей» К., вероятно, почерпнул из некролога В. Маяковского, где упомянут «„Садок судей“ (1908 г.) с первыми стихами Хлебникова».[616] 2-ой выпуск «Садка судей» вышел в феврале 1913 г. «Издатели, Матюшин и Гуро, желали и внешностью сборника и составом участников подчеркнуть его преемственную связь с первым „Садком Судей“. Но об обойной бумаге, на которой вышел первый „Садок“, напоминала только обложка, а из зачинателей недоставало Василия Каменского <… > Зато появились новые лица: Маяковский, Крученых и я» (Б. К. Лифшиц).[617]

537

Михаил Александрович Врубель (1856–1910) написал свой знаменитый портрет Валерия Яковлевича Брюсова (1873–1924) в 1906 г.

В мемуарной книге Андрея Белого «Начало века»: «… складывая на груди свои руки, с глазами египетской кошки…». [618]

В. Я. Брюсов.

539

С 1919 г. по февраль 1921 г. В. Брюсов был председателем Президиума Всерос. союза поэтов; с 1921 г. — зав. лит. подотделом Отдела худож. образования при Наркомпросе, членом Гос. ученого совета, профессором 1-го МГУ.

540

Ср. в ст-нии В. Маяковского «Сергею Есенину» (1926): «Чтобы разнеслась // бездарнейшая погань, // раздувая // темь // пиджачных парусов, // чтобы // врассыпную // разбежался Коган, // встречных // увеча // пиками усов». Петр Семенович Коган (1872–1932) в описываемый период был председателем Гос. художественного комитета Наркомпроса и президентом Государственной Академии художественных наук. «Маяковский в то время, если человек был не Коган, хорошо к нему относился. Когана, вероятно, он не читал».[619] Ср. также запись в дневнике К. Чуковского от 24.06.1964: «Петра Семеновича Когана Маяк. презирал, как воплощение всяческой тупости. Издевался над ним в стихах».[620]

541

В Астрахань В. Хлебников прибыл в августе 1918 г. В марте 1919 г. он уехал из Астрахани в Москву. Из Москвы в Харьков Хлебников перебрался в середине апреля 1919 г. С 28 декабря 1921 г. — поэт снова в Москве.

Этот фрагмент подозрительно схож со следующим эпизодом из «Второй книги» (1970) Н. Я. Мандельштам: «Незадолго до своего отъезда [из Москвы — *Коммент.*] Хлебников пожаловался, что не хочет уезжать, но вынужден из-за отсутствия жилья <…> Мандельштам, человек с быстрыми реакциями, услыхав жалобу Хлебникова, тотчас потащил его на Никитскую — в книжный магазин группы писателей, чтобы поговорить с Бердяевым, который тогда был председателем Союза писателей <…> Бердяева застали на месте, и Мандельштам обрушился на него со всей силой иудейского темперамента, требуя комнаты для Хлебникова <…> Требование свое Мандельштам мотивировал тем, что Хлебников величайший поэт мира, перед которым блекнет вся мировая поэзия, а потому заслуживает комнаты хотя бы в шесть метров <…> Хлебников, слушая хвалу, расцвел, поддакивал и, как сказал Мандельштам, бил копытом и поводил головой [ср. с метафорой „цыган и медведь“ у К. — *Коммент.*] <…> Хлебников согласился бы и на темный угол. Только никто ради него не пошевелил пальцем, Бердяев не зашел, как просил Мандельштам, проверить возможность перестройки, и Хлебников уехал. Его просто выбросили из Москвы в последнее странствие». [621] Ср. в «Литературной Москве» (1922) О. Мандельштама: «В Москве Хлебников, как лесной зверь, мог укрываться от глаз человеческих и незаметно променял жестокие московские ночлеги на зеленую новгородскую могилу». [622]

В. В. Хлебников.

К. путает (или сознательно совмещает в один) 2 разных эпизода из биографии В. Хлебникова. Первый эпизод описан в мемуарах Дмитрия Васильевича Петровского (1892–1955), а К. запомнился, скорее всего, в пересказе Ю. Олеши: «Однажды, когда Дмитрий Петровский заболел в каком-то странствии, которое они совершали вдвоем, Хлебников вдруг встал, чтобы продолжить путь.

— Постой, а я? — спросил Петровский. — Я ведь могу тут умереть.

— Ну что ж, степь отпоет, — ответил Хлебников.

Степь отпела как раз его самого! Мы не знаем, где и как он умер, где похоронен».[623] Взаимоотношения К. и Петровского выразительно характеризует письмо-донос В. П. Ставского в Отдел печати ЦК от 23.4.1938 г.: «Поэту Петровскому Дм. было отказано в приемы в члены [писательского — *Коммент.*] клуба „потому что у него не клубный характер“, как выразился Валентин Катаев».[624] В свое предсмертное странствие Хлебников пустился с художником Петром Васильевичем Митуричем (1887–1956). Приведем здесь выдержки из дневника Митурича этого времени. Запись от 29.5.1922 г.: «Велимир рассказал [врачу — *Коммент.*], что он спал на земле, что у него лихорадка персидская».[625] Запись от 27.6.1922 г.: «Утром на вопрос [больничной сиделки — *Коммент.*] Федосьи, трудно ли ему? — ответил: „Да“.

Сделал глоток воды и вскоре потерял сознание. На зов мой не отвечал и на касание не реагировал никак. Напряжение в дыхании заметно ослабевало. Правая рука трепетала. Я делал портрет».[626] Запись от 28.6.1922 г.: «Велимир ушел с земли в 9 часов 28 июня 1922 года в деревне Санталово Новгородской губернии Крестецкого уезда».[627] Отметим, что болезнь Хлебникова и К., и сам поэт определили неверно.

544

В группу ничевоков входили Рюрик Рок (наст. имя Геринг Рюрик Юрьевич, 1898–1930-е?), Сусанна Мар (наст. имя Чалхушьян Сусанна Георгиевна, 1900–1965), Олег Эрберг (1898–1956) и некоторые другие поэты. Активная деятельность группы приходится на период с 1920 по 1923 гг. 1-ое изд. сб. декретов-манифестов «Собачий ящик, или Труды Творческого Бюро Ничевоков в течение 1920–1921 гг.» вышло в 1922 г. В конце этого года появилось второе изд. сборника, в приложении к которому было опубликовано «Открытое письмо Маяковскому» П. Митурича, в котором В. Маяковский обвинялся в утаивании рукописей Хлебникова (может быть, поэтому фрагмент о ничевоках следует в «АМВ» за фрагментом о Хлебникове). Подробнее об этой группе см.: *Никитаев А. Т.* Ничевоки: материалы к истории и библиографии // De visu. 1992. № 0. С. 59–64.

«Для этой пьесы я водил артистов труппы Художественного театра со Станиславским и Немировичем-Данченко во главе по притонам Хитрова Рынка, а художника Симова даже в самые трущобные подземелья Кулаковки, в тайные притоны „Сухого оврага“, которые Симов увековечил в своих прекрасных декорациях» (В. А. Гиляровский).[628] Название «Хитров рынок» произошло от фамилии генерал-майора Н. Хитрово, которому принадлежала обширная усадьба в этой части Москвы в 1820-е гг. Место было пустое и неухоженное. По инициативе Хитрово здесь в 1824–25 гг. был устроен рынок. Во второй половине XIX в. Хитровская площадь стала местом, где обретались безработные, нищие, бродяги, воры и барышники. «Хитрованцы» ютились в местных ночлежных домах, пили и обсуждали свои дела в местных трактирах с неофициальными названиями «Пересыльный», «Сибирь» и «Каторга». В конце XIX—начале XX вв. Хитровскую площадь окружали ночлежки Ромейко (потом Кулакова), Степанова (Ярошенко), Бунина, Румянцева, братьев Ляпиных. По примерным подсчетам, в этих домах помещалось в начале XX в. 6000–7000 человек. В центре площади находился обширный навес для защиты от ненастья, здесь же торговали едой и дешевой одеждой. Рядом устроили водогрейню. Ликвидирован рынок был в 1924 г. Помещения ночлежек отремонтировали и переделали под квартиры для рабочих и служащих.

546

Аллюзия на начальную строку ст-ния С. Есенина 1914 г.: «Пойду в скуфье смиренным иноком».

547

Очевидная отсылка к знаменитой есенинской строке из «Письма к матери»: «Не такой уж горький я пропойца».

548

Цитируются строки из ст-ния С. Есенина «Клен ты мой опавший, клен заледенелый…» (1925).

549

Полностью цитируется ст-ние С. Есенина «Слышишь — мчатся сани, слышишь сани мчатся…» (1925).

550

Деревянная скульптурная группа «Степан Разин с дружиной» Сергея Тимофеевича Конёнкова (1874–1971) украшала Красную площадь в 1918 г. К этой группе примыкала фигура персидской княжны, вылепленная Конёнковым из цемента. Ныне фигура персидской княжны утрачена, а деревянная скульптура помещается в корпусе Бенуа Русского музея в Санкт-Петербурге.

551

Брак С. Есенина с Софьей Андреевной Толстой (1900–1957) был заключен 18.09.1925 г. Жила Софья Андреевна между Пречистенкой и Остоженкой, в Померанцевом переулке, д. 3, кв. 8. В. Ф. Наседкин: «Квартира С. А. Толстой в Померанцевом переулке, со старинной, громоздкой мебелью и обилием портретов родичей, выглядела мрачной и скорее музейной».[629] Сходство С. А. Толстой с Л. Н. Толстым — общее место мемуаров о Есенине. См., например, у Н. Н. Никитина: «…обликом она поразительно напоминала Льва Николаевича».[630]

552

Неточно цитируется ст-ние И. Ф. Анненского «Два паруса лодки одной» (1904).

553

23.12.1925 г. С. Есенин приехал в Ленинград и остановился в гостинице «Англитер». 27.12.1925 он рассказал В. И. Эрлиху, что утром хотел записать ст-ние «До свиданья, друг мой, до свиданья…», а так как в номере гостиницы не оказалось чернил, он разрезал себе руку и написал стихи кровью. 28.12.1925 поэт покончил с собой. Предположение К. (пусть даже сколь угодно гипотетическое) о том, что предсмертное ст-ние Есенина обращено к нему, выглядит совершенно фантастическим. Близкий приятель Есенина В. Г. Шершеневич полагал, что его последнее ст-ние «написано к несуществующему другу, в пространство».[631]

554

Ср. в мемуарах Ю. Н. Либединского: «Москва с плачем и стонами хоронила Есенина <…> Перед тем как отнести Есенина на Ваганьковское кладбище, мы обнесли гроб с телом его вокруг памятника Пушкину. Мы знали, что делаем, — это был достойный преемник пушкинской славы».[632] Рассказ о С. Есенине в «АМВ» начинается у памятника А. С. Пушкину; здесь же он и завершается.

555

Речь идет об украинском мускатном вине «Ай-Даниль Токай».

Николай Семенович Тихонов (1896–1979). Ср. в его, написанной от третьего лица, автобиографии «Моя жизнь»: «…[в детстве — Коммент.] он любит драку. У него 2000 бумажных, деревянных, оловянных солдат, пушек, лошадей, паровозов и кораблей».[633] В 1946 г. Н. Тихонов следующим образом характеризовал творчество К.: «Катаев имеет талант веселого и занимательного рассказчика. Но под этой веселостью и занимательностью скрыты очень глубокие вещи».[634]

Павел Григорьевич Антокольский (1896–1978), начинавший как актер Вахтанговской студии. Интересно, что М. Цветаева, согласно мемуарам своей сестры, сопоставляла с портретом Павла I именно внешность П. Антокольского (а не Н. Тихонова, как это делает К.): «— Ты понимаешь, он ни на кого не похож. Нет, похож — но в другом цвете на Павла Первого. Такие же огромные глаза. Тяжелые веки. И короткий нос».[635]

558

Письмо Гнедичу от 29 апреля 1822 года; из ранних редакций. [636]

559

Из 6-ой главы романа А. С. Пушкина «Евгений Онегин».

Ср. в «Моей жизни» Н. Тихонова: «…любимыми авторами — спутниками уже [в детстве — *Коммент.*] намечены четыре, с которыми он не расстается и потом; под их влиянием он пишет многие стихи предвоенного периода; эти авторы — Пушкин, Гейне, Киплинг и Ш. де-Костер <…> Человек, видавший лошадь близко только проходя мимо извозчика, попадает в Кавалерийский полк <…> Очень кратковременное личное знакомство его с Н. С. Гумилевым заставляет его сильно сосредоточиться и задуматься над своей работой».[637] Об устных рассказах Тихонова см. у В. А. Каверина: «…те, кто впервые посетил этот гостеприимный дом, слушали новые импровизированные романы. Он рассказывал их не очень умело, прямолинейно, грубовато, но зато с истинным воодушевлением, хотя слушать Николая Семеновича было подчас утомительно».[638] Сопоставление дарований Тихонова и Б. Пастернака — общее место литературной критики 1920-х гг. См., прежде всего, у Ю. Н. Тынянова,[639] а также записные книжки самого Тихонова.[640] О тихоновских переводах из грузинских поэтов см., например,.[641] После своего первого путешествия в Грузию, в 1924 г., Тихонов начал бывать там ежегодно.

561

Ср. эту не очень доброжелательную отсылку К. к пушкинскому «Моцарту и Сальери» со следующим фрагментом «Охранной грамоты» самого Б. Пастернака: «Есенин был живым, бьющимся комком той артистичности, которую вслед за Пушкиным мы зовем высшим моцартовским началом, моцартовской стихиею».[642]

О манере Б. Пастернака читать свои стихи см., например, у Н. Н. Вильмонта: «Читал он тогда не так, как позднее, начиная со „Второго рождения“ <…>, не просто и неторопливо-раздумчиво, а стремительно-страстно, поражая слух яростно гудящим словесным потоком. Я не сразу потом привык к его новому, приглушенному, способу „подавать свои стихи“. Но тогда даже pianissimo было напоено патетической полнозвучностью. Начал он с „Разрыва“, и, словно грозно взревевший водопад, обрушились на нас и на меня его стихи… Там, где на краткий срок спадал его голос, „шуму вод подобный“, стихи начинали звучать — mezza voce — по-особому нежной, благородной мужской страстностью»[643] и у Д. С. Данина: «Он <…> стал читать, не сдерживая коротеньких приступов внезапной смешливости, словно попутно прихлебывал нечто горячее и вкусное».[644]

563

Ср. с автохарактеристикой собственной поэзии Э. Багрицким: «…мои стихи сложны, и меня даже упрекают в некоторой непонятности. Это происходит оттого, что я часто увлекаюсь сложными образами и сравнениями».[645] О влиянии поэзии Б. Пастернака на поэзию Багрицкого сказано довольно много. О влиянии поэзии Багрицкого на поэзию Пастернака — ничего. Однако повод для такого разговора есть. Ср., например, в пастернаковском «Гамлете» (1946): «Прислонясь к дверному косяку» и в ст-нии Багрицкого «Тиль Уленшпигель» (1926): «И, прислонясь к дверному косяку, // Веселый странник…» и проч.

564

Длившийся с 1925 по 1930 гг., пока писалась одноименная стихотворная повесть. Разрозненные фрагменты повести Б. Пастернака «Спекторский» цитируются в «АМВ» далее.

565

Ср. в ст-нии Б. Пастернака «Балашов» из «Сестра моя — жизнь»: «Юродствующий инвалид // Пиле, гундося, подражал».

566

Ср. у Л. Я. Гинзбург: «Н. говорит, что Пастернак — поэт не стихов, даже не строф, но строчек. Что у него есть отдельные удивительные строки, которые контекст может только испортить».[646]

567

Ср. со сходным упреком-требованием, выдвинутым участником «дружеской пирушки», Н. Тихоновым: «„Спекторский“, идя к синтезу, должен отказаться от лирических отступлений, он изолирует сюжет».[647]

568

Поэма «Братья» писалась Я. Полонским в 1866–1870 гг. В комментируемом фрагменте у К. идет речь о явлении, которое получило в филологической науке наименование «семантический ореол метра».[648] Вряд ли нужно специально оговаривать, что «механизм культурной памяти» и «вторичность» понятия отнюдь не синонимические. Впрочем, во вторичности «Спекторского» упрекнул и Н. Тихонов: «О Пастернаке он [Тихонов — *Коммент.*] говорит сложно, и заинтересованно, и враждебно; говорит как глубоко и лично задетый человек. Он признается, что продирался через Пастернака <…> Тихонов добавляет: „В самом деле, за что боролись… „Спекторский“ похож на поэмы Фета. Не на стихи, а именно на поэмы“».[649] Подробнее о «Спекторском» см., прежде всего,.[650]

569

Ср. в мемуарах А. И. Цветаевой: «Как забыть невысокую легкую фигуру Павлика — на эстраде, в позе почти полета, читающего стихи! Как забыть его пламенные интонации, его манеру чтения стихов <…> цветут над залом имена Робеспьера, Марата с их зловещей и грозной судьбой — и так уже переехал Павлик в тот век, что уж будто не в России мы, а во Франции». [651] Куда злее и ближе к К. о манере Антокольского держаться на людях писал К. И. Чуковский: «Антокольский с мнимой энергией прокричал свой безнадежно пустопорожний доклад, так и начал с крика, словно возражая кому-то, предлагая публике протухшую, казенную концепцию». [652]

570

Из ст-ния Б. Пастернака «Волны» (1931).

571

Б. Пастернак, вместе с первой женой, Евгенией Владимировной Пастернак (урожд. Лурье, 1899–1965) и сыном Женей (р. в 1923 г.) проживал тогда по адресу: Волхонка, 14, кв. 9, на втором этаже не существующего ныне особняка на месте Музея частных коллекций. Здесь Борис Леонидович со своими родителями, сестрами и братом жил с 1911 г. В самом начале 1920-х гг. квартиру уплотнили, а после отъезда родителей в 1921 г. за границу — еще больше. Ко времени женитьбы Бориса Леонидовича на Евгении Владимировне в распоряжении молодой семьи была только одна комната — бывшая мастерская отца.

572

Имеется в виду церковь св. Пимена в Старых Воротниках (Старопименовский переулок). Храм был выстроен в 1682 г., в XIX в. перестраивался. Церковь закрыли в 1923 г. и в ней был устроен комиссионный магазин. Проводились распродажи. В 1932 г. «Старый Пимен» снесли.

573

Поэма Э. Багрицкого 1926 г.

Ст-ние Э. Багрицкого 1925 г.

Любовь Э. Багрицкого к рыбам и птицам — наиболее часто встречающаяся подробность из мемуаров о поэте. Специально об этом см.:.[653] См. также эпиграмму А. Архангельского на Багрицкого: «Романтики оплот, // Биологизма бард, // Почетный рыбовод // И птичник — Эдуард».

576

В XIX—начале XX вв. Трубный рынок («Труба») славился продажей певчих птиц и других домашних животных — тут сложился «птичий рынок». Он был упразднен в 1924 г. и на какое-то время переместился на Миусы.

577

С перестановками сток и неточностями цитируются «Стихи о соловье и поэте» Э. Багрицкого.

Федор Федорович Раскольников (наст. фамилия Ильин, 1892–1939), с 1924 г. ставший главным редактором журнала «Красная новь», хороший знакомый К. и Ю. Олеши.

Ф. Ф. Раскольников.

579

Аллюзия на знаменитый фрагмент «Зависти» Ю. Олеши: «Меня не любят вещи. Мебель норовит подставить мне ножку. Какой-то лакированный угол однажды буквально укусил меня» и т. д. См. в той же «Зависти»: «— Я ничего не понимаю в механике, — молвил Кавалеров, — я боюсь машин».[654]

Процитируем здесь фрагмент заметки Вл. Соболева «Изгнание метафоры» (1933), где пересказывается монолог К. о Ю. Олеше: К. «говорил <…> о нарочитости начальных строк олешинской „Зависти“, <…> о нарочитости олешиного стиля вообще».[655] Далее Соболев дословно приводит обширный монолог К.: «Весь в декадентстве — Олеша <…> Проза Мандельштама — проза декадента. Я хочу сказать об Олеше, потому что часто думаю об этом талантливом, но — пусть будет резко! — малокультурном писателе [ср. с рассуждениями самого Олеши: „Наше поколение (тридцатилетних интеллигентов) — необразованное поколение. Гораздо умней, культурней, значительней нас были Белый, Мережковский, Вячеслав Иванов“. [656] — *Коммент.*]. Смотрите: Олеша нигде не переведен. Разве только случайно кто полюбопытствовал. Это писатель, который не выйдет за пределы одного языка. Олешу не переведут, ибо в Париже — к примеру, в Париже — он выглядел бы провинциалом. Там дети говорят метафорами Олеши, и часто говорят лучше Олеши. Там рядовые журналисты приносят в газету десятифранковые заметки с метафорами Олеши».[657] Олешу эта заметка задела за живое. Уже в следующем номере «Литературной газеты» Вл. Соболев напечатал свою беседу с автором «Зависти» под названием «Гуляя по саду», где едва ли не каждая реплика Олеши адресовалась К.: «…„посвящается Катаеву“ Олеша произносит всякий раз, когда метафорическая напряженность речи готова оборваться под собственной тяжестью».[658] А еще через некоторое время «Литературная газета» (одним из редакторов которой, напомним, в это время был Э. Багрицкий) опубликовала заметку В. Б. Шкловского «Простота — закономерность» в защиту Олеши: «Катаев отказывается от метафор Олеши, сам уходя от метафор».[659]

Ср. у С. А. Герасимова: «Он говорил с неуловимым литовским акцентом, необыкновенно изящным и трогательным».[660] О том же чтении «Зависти», что и К., вспоминал Л. В. Никулин: «Олеша положил перед собой рукопись, сказал:

— „Зависть“. Так это называется. — И начал читать.

Часто говорят: писатель читал свои произведения превосходно, — даже в тех случаях, когда он заика и не выговаривает двадцать букв алфавита. Но Олеша действительно читал превосходно. Когда Олеша произнес первую фразу повести: „Он поет по утрам в клозете“, мне показалось, что редактор „Красной нови“ слегка вздрогнул. Но Олеша читал дальше, на одном дыхании, без актерского нажима, прекрасно оттеняя диалог».[661]

582

Ср. в мемуарах А. И. Эрлиха: «…на квартире у Катаева однажды вечером собралось несколько писателей и критиков, в том числе и тогдашний редактор журнала „Красная новь“. Олеша прочитал им свою новую повесть „Зависть“. Гости, немногословно похвалив повесть, разошлись. Редактор журнала не сказал, что он почтет за честь напечатать у себя это новое произведение».[662] Ср., однако, у Л. В. Никулина: судьба повести «была решена мгновенно».[663] «Зависть» появилась в №№ 7 и 8 «Красной нови» за 1927 г. Вот как эту повесть оценивал сам ее автор: «У меня есть убеждение, что я написал книгу „Зависть“, которая будет жить века. У меня сохранился ее черновик, написанный мною от руки. От этих листов исходит эманация изящества. Вот как я говорю о себе!»[664]

По устному наблюдению В. Беспрозванного, К. здесь лукаво отсылает внимательного читателя к работам З. Фрейда, о которым выше в «АМВ» говорилось, скорее, иронически. Ср. также в мемуарах Л. В. Никулина указание на возможность соотнесения фабулы «Зависти» с жизненной драмой самого Ю. Олеши (изображенной и в «АМВ»): «В „Зависти“ было что-то болезненно пережитое. Позднее называли подлинные имена персонажей и ситуации, схожие с теми, что были в жизни».[665] Ср. также с прозрачным (для посвященных) намеком самого Олеши на то, что главным прототипом для Андрея Бабичева послужил Владимир Нарбут: «Если бы он был не „колбасником“, а, скажем, заведующим издательством, — это было бы пресно».[666] О поэтике «Зависти» см., прежде всего,.[667]

584

См. комментарий {450}.

585

То есть в пиджаке из люстрина — жесткой безворсовой ткани.

586

Подразумевается следующий фрагмент пастернаковской «Охранной грамоты», написанной в 1930 г. и никак не могущей считаться «первой пробой» Б. Пастернака в прозе: «За занавеской, протянутой во всю ширину чердака, слышался стук и шелест сапожной щетки. Он слышался уже давно. Это, верно, чистили обувь на всю гостиницу».[668]

587

Каток на Патриарших прудах был впервые залит в конце XIX в. по инициативе Русского гимнастического общества. Вопрос о том, ходил ли у Патриарших прудов трамвай, остается нерешенным. С одной стороны, сведения о маршруте предполагаемого трамвая в соответствующих московских справочниках и архивах не обнаружены. С другой стороны, действительно имелся проект пустить трамвай по Малой Бронной и Спиридоновке. Кроме того, есть свидетельства (в том числе и старожилов этих мест), что трамвай у Патриарших ходил. Высказывалось предположение, что здесь некоторое время существовала линия грузового трамвая. По утверждению булгаковеда Б. Мягкова, исследования с помощью метода биолокации подтвердили, что у Патриарших прудов некогда были проложены трамвайные пути.

588

«Я никогда не был в Европе. Побывать там, совершить путешествие в Германию, Францию, Италию — моя мечта. Вижу во сне иногда заграницу» (Ю. Олеша).[669]

589

В мемуарах Б. Ямпольского приводится реплика Ю. Олеши об ушах А. А. Фадеева: «…костяные уши Каренина».[670]

590

Ср. в «Траве забвенья» об И. Бунине: «Однажды и я попал в поле его дьявольского зрения. Он вдруг посмотрел на меня, нарисовал указательным пальцем в воздухе на уровне моей головы какие-то замысловатые знаки, затем сказал:

— Вера, обрати внимание: у него совершенно волчьи уши. И вообще, милсдарь, — обратился он ко мне строго, — в вас есть нечто весьма волчье.

…А у самого Бунина тоже были волчьи уши, что я заметил еще раньше!»[671]

591

Перечисляемые К. шахматисты: Х. Р. Капабланка (1888–1942), Э. Ласкер (1868–1941), Е. Д. Боголюбов (1889–1962), Р. Рети (1889–1929) упоминаются в романе И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев». 1-ый московский международный шахматный турнир проходил с 10.11.1925 по 8.12.1925 г. в Фонтанном зале 2-го Дома Советов (гостиница «Метрополь»). 1-ое место занял Е. Боголюбов, чемпион СССР 1924–25 гг. На 2-ое место вышел экс-чемпион мира Э. Ласкер, 3-им стал чемпион мира Х. Р. Капабланка. Капабланка был удостоен и приза за наиболее красивую игру (в партии против Н. Зубарева).

592

Ср. в мемуарах И. Овчинникова: «По поводу шахматной игры Олеша немедленно же создал свою не лишенную оригинальности теорию.

— Шахматы себя изжили, — говорил он совершенно серьезно. — Сейчас опытный шахматист может любую партию свести вничью. Шахматы себя изжили. Игру надо модернизировать…

И так же серьезно предлагает проект этой модернизации:

— В шахматы надо ввести новую фигуру. Название я ей уже придумал — дракон. Этот предлагаемый мною дракон ходит куда хочет и бьет любую фигуру, какую хочет. Тогда игра обновится на несколько столетий, пока шахматные умники не разработают теоретические рогатки и против дракона…»[672] Ср. также в записях самого Ю. Олеши: «Я не понимаю игры в шахматы <…> Единственное, что есть интересное в них, это кривой ход коня и свист проносящегося по диагонали ферзя».[673]

593

Не только проезжал, но и однажды, в 1910 г., был сбит автомобилем. Потерпевший отделался легким испугом и поломкой велосипеда.

К. приводит широко известные факты из биографии Ги де Мопассана (1850–1893), обожавшего свою яхту «Милый друг» и ненавидевшего Эйфелеву башню, «с ее отвратительными ресторанами, с ее тошнотворной толпой».[674] Последние полтора года своей жизни Мопассан провел в парижской психиатрической лечебнице.

595

В 1814 г. на площади Тверской заставы для торжественной встречи частей русской армии, победительницы Наполеона, была возведена деревянная арка. Именно под ней проходили войска, вернувшиеся в Москву из Западной Европы. В 1827–1934 гг. на этом же месте построили каменную триумфальную арку, спроектированную О. Бове. Скульптуры для нее выполнили И. Витали и И. Тимофеев. В 1936 г. «мешавшая движению» арка была разобрана, а в 1966 г. воссоздана по обмерам и с включением сохранившихся деталей на Кутузовском проспекте — «дороге воинской славы». Памятник М. И. Кутузову работы Н. Томского был открыт в 1973 г.

Как и Ю. Олеша, К. был близким другом Михаила Михайловича Зощенко (1894–1958), который при встречах именовал его Валечкой. Зощенко и К. познакомились примерно в середине 1920-х гг. и дружили до конца жизни автора «Перед восходом солнца», несмотря на то, что в 1946 г. К. предал своего друга, выступая на собрании московских писателей, посвященном Постановлению ЦК ВКП (б) «О журналах „Звезда“ и „Ленинград“»: «Отвратительное содержание и жалкая форма. Он деградировал как литератор».[675] См. также неопубликованный фрагмент выступления К., цитируемый нами по «Стенограмме общемосковского собрания писателей по вопросу Постановления ЦК ВКП (б) о журналах „Звезда“ и „Ленинград“»: «Зощенко был моим большим другом в течение многих лет <…> но у нас было разное отношение к литературе <…> Когда Зощенко в последнее время начал подготовлять книгу „Перед восходом солнца“, он мне показывал куски книги, и я сказал: или ты сумасшедший, нельзя эту книгу выпускать. Это неприлично. Там не только аполитичность, как у Ахматовой, а скрытое злопыхательство, какая-то патология <…> Я развел руками. Я до сих пор не уверен, что Зощенко не просто больной человек. Нельзя в твердом уме и доброй памяти так писать. Он стал деградировать, как художник».[676] Напомним, что постановление ЦК ВКП (б) «О журналах „Звезда“ и „Ленинград“», а также соответствующий доклад А. Жданова были опубликованы в № 7–8 журнала «Звезда». В докладе Жданова Зощенко был назван «подонком», «пошляком», «беспринципным и бессовестным литературным хулиганом» и награжден еще множеством подобных эпитетов.[677] А. Ахматову Жданов записал в ряды

«представителей… безидейного реакционного литературного болота» и назвал «блудницей и монахиней, у которой блуд смешан с молитвой».[678] В своей депутатской речи по поводу принятия Верховным Советом государственного бюджета РСФСР на 1947 г., К., не называя имен А. Ахматовой и М. Зощенко, снова подверг Анну Андреевну и Михаила Михайловича резкой критике: «В нашу крепкую литературную среду стали проникать нездоровые, враждебные настроения. Появились произведения упадочнические, аполитичные, полные тошнотворного мещанского пессимизма, сугубо эстетские. А иногда были и просто хулиганские выходки против советских людей».[679] По воспоминаниям В. А. Каверина, «через полгода [после Постановления — *Коммент.*] (или раньше) пьяный Катаев, вымаливая прощение, стоял перед ним [Зощенко — *Коммент.*] на коленях <…> Зощенко простил его и даже (судя по манере, с которой это было рассказано мне) отнесся к этому поступку с живым интересом».[680] Ср. также в дневнике К. И. Чуковского запись от 14.1.1965 г. о вечере памяти Зощенко: «В программе: Вал. Катаев, Шкловский, Чуковский, Каверин, Ильинский. И Катаев, и Шкловский побоялись приехать, да и стыдно им: они оба, во время начальственного гонения на Зощенко, примкнули к улюлюкающим, были участниками травли».[681]

Ср. о М. Зощенко у К. И. Чуковского: «Стоило ему появиться на каком-нибудь людном сборище, и толпа начинала глазеть на него, как глазела когда-то на Леонида Андреева, на Шаляпина, на Вяльцеву, на Аркадия Аверченко».[682] Чуковский также вспоминает, как однажды на Сестрорецком курорте он сидел с Зощенко на скамейке, когда к ним вдруг подошла молодая женщина, которая стала восхищаться талантом писателя: «Зощенко не дослушал ее и сказал ей „по методу Гоголя и Репина“:

— Вы не первая совершаете эту ошибку. Должно быть, я действительно похож на писателя Зощенко. Но я не Зощенко, я — Бондаревич.

И, повернувшись ко мне, продолжал начатый разговор».[683]

Ср. в воспоминаниях М. Л. Слонимского: «„Зощенковский персонаж“ в течение каких-нибудь четырех-пяти лет стал столь знаменит, что людей стыдили:

— Ты прямо из Зощенко! Вот ровно такой же!»[684]

К. сотрудничал со многими юмористическими журналами и газетами, в частности, с журналами «Крокодил», «Смехач», «Чудак».[685] Свои фельетоны он подписывал псевдонимами «Старик Саббакин», «Оливер Твист», «Валяй Катаев» и др. Зощенко также работал во многих сатирических журналах, а из перечисленных наиболее часто помещал свои рассказы в «Смехаче», подписываясь «Назар Синебрюхов», «М. З.» и «Гаврила».[686]

600

Повесть К. «Растратчики» впервые была опубликована в № 10–12 журнала «Красная новь» за 1926 г. В 1928 г. была написана и поставлена пьеса с одноименным названием. Ср. запись в дневнике Вс. Иванова, относящуюся к концу 1920-х гг.: «Катаев задумчиво ходит по комнате, рассказал, что получил из Англии за перевод „Растратчиков“ десять фунтов и затем добавил: „А как вы думаете, получу я „Нобелевскую премию“?“». [687] Описываемая сцена знакомства с М. Зощенко вымышлена К. Автор «Аристократки» ездил отдыхать в Ялту почти каждый год, но его первая ялтинская встреча с К. могла состояться не ранее лета 1927 г. (после публикации повести «Растратчики») и не позднее 1929 г., так как в 1929 г. Зощенко и К. уже были хорошо знакомы. В письме А. Крученых к Зощенко от 7.1.1929 г., карандашом внизу страницы приписано: «Горячий привет от В. Катаева <,> Ю. Олеши и всех всех!». [688] В альбоме, собранном А. Е. Крученых и посвященном К., под групповой фотографией рукой К. написано: «В Никитинском Ботаническом саду под Ялтой летом 1926 года. Крайний слева — я, четвертый — Зощенко». Еще ниже Зощенко сделал приписку: «Действительно, как будто я. М. Зощенко». [689] Таким образом, летом 1926 г. Зощенко — задолго до публикации «Растратчиков» (ноябрь—декабрь 1926 г.) — уже был знаком с К. Видимо, автор «Аристократки» впервые встретился с К. не позднее начала 1926 г. и произошло это в Москве, а не в Ялте, о чем косвенно свидетельствуют мемуары В. Е. Ардова. В его воспоминаниях изображен вечер «Кружка друзей литературы и искусства», участники которого собирались в подвале дома № 7 по Воротниковскому переулку: «„Кружок“ обладал хорошим рестораном, биллиардной, небольшим залом для мероприятий культурного плана <…> Однажды явившись в „Кружок“, я обнаружил за одним из столов ресторана компанию литераторов <…> Там были Л. В. Никулин, В. П. Катаев и кто-то еще. С ними вместе ужинал неизвестный мне человек лет тридцати, небольшого роста брюнет с внимательным и спокойным взглядом больших черных глаз. Нас познакомили. <…> гость назвал свою фамилию:

— Зощенко.

И произошло это в начале 1926 года». [690]

601

Этот знаменитый рассказ М. Зощенко был написан в 1923 г.

602

М. Зощенко участвовал в первой мировой войне и дослужился до чина штабс-капитана. Ср. с подписью Е. Петрова под своим шаржем, нарисованным кукрыниксами: «…посвящаю свое изображение певцу русских сумерек — штабс-капитану Михаилу Михайловичу Зощенко»[691] и с портретом Зощенко из письма Л. Харитон к Л. Лунцу от 27.09.1923 г.: «Пополнел, похорошел — совсем штабс-капитан».[692] Свое участие в первой мировой войне и отравление газами под Сморгонью в 1916 г. писатель часто отмечал в автобиографиях.[693] Сюжет об отравлении газами лег в основу одной из новелл «Рассказов Назара Ильича господина Синебрюхова» (1921).

603

Ресторан этой гостиницы упоминается в записной книжке Е. Петрова: «Старик официант из ресторана „Ореанда“. Помнит Шаляпина, Горького, Чехова, Савину, Вяльцеву. <…> О великих людях он судил с точки зрения чаевых, которые ему оставляли. „Шаляпин был грубый человек. Мужик. Да и Вяльцева тоже. Из горничных“».[694]

К. излагает реальные факты из биографии М. Зощенко и из своей биографии. Впечатлениями о войне К. делился, например, с писателем Александром Митрофановичем Федоровым (1868–1949). Так, в письме к нему от 20.02.1916 г. К. сообщал: «Сейчас я пишу в канцелярии, потому что в избе, где я живу со взводом помещается около 60 человек. Духота. Теснота. Тоска… Подумайте — 60! При переводе нас с передовых позиций в резерв мы попали в переделку о которой я напишу Вам подробно на днях!».[695] См. также в письме К. к Федорову от 13.05.1916 г.: «С самого моего приезда на фронт попал в такие переплеты, что не дай Боже!».[696] О взаимоотношениях К. с Федоровым см.:,[697] .[698]

Ср., например, в воспоминаниях В. А. Каверина: «За годы многолетней дружбы я никогда не слышал его смеха»,[699] Г. Н. Мунблита: «…в этой самой практической жизни он был человеком печальным и неразговорчивым»[700] и И. С. Эвентова: «В жизни он был деликатным, медлительным, осторожным, даже несколько меланхоличным».[701] Но и в воспоминаниях Е. Ю. Хин: «В какой-то час он как будто просыпался, потягивался, сбрасывая с себя чары, и сразу бросался к людям. И тут начинался фейерверк разговоров, расспросов, шуток».[702]

Ср. в записях Олеши о К.: «Ему очень понравились мои стихи, он просил читать еще и еще, одобрительно ржал».[703]

607

В своих автобиографиях М. Зощенко неоднократно указывал, что отец его происходил «из потомственных дворян».[704] 12 декабря 1885 г. Полтавское Дворянское Депутатское собрание определило: «…просителей Михаила и Николая Ивановичей Зощенков причислить к роду дворян Зощенков, внесть в 3 часть дворянской родословной книги Полтавской губернии».[705] Местом своего рождения Зощенко называл Полтаву, хотя на самом деле он родился в Петербурге. Ср. в воспоминаниях Носкович-Лекаренко: «Михаил Михайлович говорил мне, что фамилия Зощенко происходит от слова „зодчий“. Кто-то из предков, то ли дед, а вернее — прадед, был архитектор-итальянец, работавший в России — на Украине».[706] Зощенко придавал огромное значение своим украинским корням, так как отождествлял собственную судьбу с судьбой Н. Гоголя. Об этом см. запись в дневнике В. В. Зощенко (жены писателя) за 1923 г.: «Как он часто любит делать, проводил параллель между собой и Гоголем, которым очень интересуется и с которым находит много общего. Как Гоголь, так и он, совершенно погружен в свое творчество. Муки Гоголя в поисках сюжета и формы ему совершенно понятны. Сюжеты Гоголя — его сюжеты».[707] О Гоголе и Зощенко см. также:;[708] .[709]

608

Кроме Н. В. Гоголя в «соседях» у К. (Бачея по матери) и М. Зощенко оказался великий украинский философ Григорий Сковорода (1722–1794).

609

Группе петроградских писателей, образованной в 1921 г., в которую входили Мих. Слонимский, Вс. Иванов, Конст. Федин, Мих. Зощенко, Ник. Тихонов, В. Каверин, Ел. Полонская, И. Груздев, Лев Лунц и Ник. Никитин. Расцвет группы приходится на 1921–1924 гг., в дальнейшем Серапионы собирались редко, но ежегодно праздновали годовщины своего литературного рождения.

Серапионы регулярно устраивали литературные вечера, на которых читали свои произведения. Сведениями о посещении одного из таких собраний Ю. Олешей мы не располагаем. Ю. В. Томашевский датой знакомства Олеши и М. Зощенко считает 14 марта 1928 г.[710] Отметим также, что с одним из Серапионов (Михаилом Слонимским) Олешу в самом начале 1924 г. познакомил К., что отчасти противоречит рассказу из «АМВ» об авторе «Зависти», как о «посреднике» между «Серапионовыми братьями» и писателями-москвичами.[711]

611

Имитирующим устную речь человека, не умеющего, но очень любящего рассказывать о себе и своих приключениях. О зощенковском сказе см., например, у М. О. Чудаковой.[712]

Едва ли именно Ю. Олеша, даже если он побывал на вечере Серапионовых братьев, открыл москвичам новую звезду литературного Петрограда. Скорее, это заслуга М. Горького, который очень тепло относился к Серапионам и пропагандировал их творчество как на Западе, так и в России. Особенно часто Горький хвалил произведения М. Зощенко. Он даже предполагал выпустить альманах Серапионов «1921 год», где собирался поместить три рассказа Зощенко, но издание это в итоге не осуществилось.[713]

М. Зощенко действительно иногда останавливался в маленьких гостиницах, но это было вызвано не столько «скромными привычками», сколько желанием спрятаться от людей, особенно во время приступов хандры и меланхолии. Ср. с воспоминаниях К. И. Чуковского: «По словам В. Стенича, однажды в Крыму Зощенко прожил целый месяц инкогнито, под прикрытием фамилии „Бондаревич“, спасаясь от докучливых поклонников обоего пола».[714]

По адресу: Охотный ряд, д. 7. Когда, в декабре 1943 г., М. Зощенко вывели из редколлегии «Крокодила» К. явился к нему со словами: «Ну, Миша, ты рухнул».[715] Этот же эпизод описывает в своих воспоминаниях Л. Чалова.[716]

615

Мы не располагаем сведениями о подобных подарках. Ср., однако, в воспоминаниях Ю. П. Анненкова: «Зощенко <…> никогда не расстававшийся с живописной табакеркой времен Екатерины Великой, сразу же выделялся из этой группы [Серапионовых братьев — *Коммент.*] своим редким и едким остроумием <…> Зощенко пользовался большим успехом среди женщин и был всегда окружен молодыми девушками интеллигентской среды. Смущенно Зощенко говорил, что им, вероятно, больше всего нравится его табакерка».[717]

Ср., например, у В. А. Каверина, отмечавшего, что М. Зощенко «любил женщин, к которым относился по офицерски легко <…> Эта легкость не мешала ему, однако, нежно заботиться о них после неизменно мягкого, но непреклонного разрыва. Он <…> оставался другом семьи, если муж не был человеком особенно глупым. Женщины были хорошенькие, иногда красивые, но, за редкими исключениями, средние, без блеска ума или чувства». [718]

617

М. Зощенко ездил в Харьков с выступлениями несколько раз: в середине октября 1925 г., а также в апреле 1926 г.; в мае 1933 г. он отправился в турне с чтением своих рассказов по маршруту — Харьков — Ростов — Баку — Тифлис — Минеральные воды — Пятигорск — Кисловодск. О какой из поездок идет речь у К. — неясно. Ср. в воспоминаниях о Зощенко И. Слонимской: «Он рассказывал нам о своих поездках на выступления в разные города, о том, как его там торжественно встречали, но все это не хвастаясь, а как друзьям, просто как факты».[719]

Ср. описание одного из таких кутежей в письме М. Зощенко к Ю. Олеше от 7.4.1930 г.: «Засим — прибыл в новом костюме — конь [К. — *Коммент.*]. В любом кармане у него деньги. Он усталой ручкой выгребает оттуда червонцы и кидает куда попало <…> Приехал в Европейку, остановился в 8а. Сразу потребовал черноморских устриц. Жрет их ежедневно. Дела вокруг немыслимые. Левушка Никулин со своим членом остановился рядом в роскошных апартаментах. Господин Сметанич почувствовал трубные звуки разгула победителей жизни и ринулся на все прелести существования <…> Конь от жирной пищи вовсе очумел. И от прежних девушек воротит морду <…> он увел из чьих-то конюшен прелестную девушку. <…> Словом этот драматург и автор нашумевшей оперы „Универмаг“, этот жуткий Катаев такую отхватил девушку, что народ ахнул. Девушка по всем видимостям принадлежит коню. Левушка колбасится не меньше коня. Вообще дым стоит коромыслом. А обо мне ведайте, что жизнь эта мне недорога. Я не вхож в ихние дела».[720] Письма Олеши, адресованные Зощенко и предшествующие этому письму, см.:.[721] Упоминаемый Зощенко выдающийся переводчик Валентин Осипович Стенич (наст. фамилия Сметанич) (1898–1938, репрессирован) был близким другом всех троих писателей. Еще не зная о гибели Стенича, Зощенко в 1940 г. направил в НКВД письмо с просьбой пересмотреть его дело. К этому посланию сделал приписку К.: «Присоединяюсь к отзыву Михаила Михайловича Зощенко о писателе-переводчике Валентине Осиповиче Стениче (Сметаниче), которого я знаю тоже с 1927 года. Считаю нужным просить о пересмотре дела».[722] Подробнее о Зощенко и Стениче см.:.[723]

619

Из ст-ния Ал. Блока «В ресторане» (1910), написанного после встречи поэта с М. Нелидовой в ресторане «Вилла Родэ».

620

Ср. у Ф. М. Достоевского в «Преступлении и наказании»: «Свидригайлов вынул револьвер и взвел курок <…> Он приставил револьвер к своему правому виску.

— А-зе здеся нельзя, здеся не места! — встрепенулся Ахиллес, расширяя все больше и больше зрачки. Свидригайлов спустил курок».[724]

621

В. М. Гаршин (1855–1888) покончил с собой, кинувшись в пролет лестницы.

622

Из ст-ния А. Ахматовой «В Царском Селе» (1911). Назначение этой цитаты состояло в том, чтобы исподволь напомнить читателю о ждановском Постановлении 1946 г., «антигероиней» которого Ахматова была наряду с М. Зощенко (более отчетливые намеки на это Постановление вновь возникают через несколько абзацев «АМВ»).

623

Подразумевается Алексей Николаевич Толстой, который, после возвращения из эмиграции в 1923 г., летние месяцы 1924–27 гг. проводил в Детском (бывш. Царском) Селе. В мае 1928 г. Толстой с семейством переехал в Детское Село на постоянное жительство. Сначала он поселился в верхнем этаже дома Цыганова (ул. Московская, 8/13), потом — в отдельном большом особняке на ул. Церковной, 6.

К. имеет в виду доклад А. Жданова «О журналах „Звезда“ и „Ленинград“», после которого М. Зощенко исключили из Союза писателей и имя его с тех пор, если и упоминалось в печати, то лишь в негативном контексте (О докладе см. комментарий {596}).

625

«Прошло пять лет, — и залечила раны, // Жестокой нанесенные войной, // Страна моя» (А. Ахматова, «Прошло пять лет, — и залечила раны…», 1950).

Ср. в воспоминаниях С. С. Гитович о М. Зощенко: «Он нам рассказывал, как в Ленинград приехал Валентин Катаев, позвонил ему и бодро закричал в телефонную трубку: „Миша, друг, я приехал, и у меня есть свободные семь тысяч, которые мы с тобой должны пропить. Как хочешь, сейчас я заеду за тобой“ <…> Действительно, очень скоро катаевская машина появилась перед домом. В открытой машине, кроме него самого, сидели две веселые раскрашенные красотки в цветастых платьях, с яркими воздушными шариками в руках <…>.

— Миша, друг, — возбужденно говорил Катаев, — не думай, я не боюсь. Ты меня не компрометируешь.

— Дурак, — сказал Михаил Михайлович, — это ты меня компрометируешь.

„Вот в этом-то и сказалась вся темная душа Вальки Катаева“, — грустно усмехнувшись, сказал Михаил Михайлович». [725] Ср. также у М. Левитина: «Потом, когда опала была снята, некоторые из вчера отрекшихся от него, каялись и просили прощения. Помню, Михаил Михайлович говорил, что из Москвы приезжал В. П. Катаев и убеждал, что он не виноват, что его вынудили, заставили, что самому ему в голову не пришло бы написать такое… Свой рассказ о его приезде добрейший Михаил Михайлович закончил так: „И я его простил. А что с него возьмешь?“». [726] Вяч. Вс. Иванов в своих мемуарах также описывает этот эпизод, рассказанный ему самим Зощенко: «После постановления о журналах „Звезда“ и „Ленинград“ Катаев выступил с одной из самых резких речей против Зощенко. Через некоторое время он пришел к Зощенко с повинной, привезя с собой для ресторанного кутежа сумму, во много раз превосходящую ту, с помощью которой он пытался запить предыдущее предательство». [727] См. также запись в дневнике Вс. Иванова от 19.4.1948: «Катаев и Зощенко в Ленинграде. Катаев позвонил: „Миша. У меня есть 10 тысяч, давай их пропьем“. Приехал на одной машине, она ему не понравилась — велел найти „Зис–110“. Нашли. За обед заплатил 1200. Уезжая, вошел в купе и поставил три бутылки шампанского. — Объясняя свое поведение в инциденте с Зощенко, Катаев ему сказал: „Миша. Я думал, что ты уже погиб. А я — бывший белый офицер“». [728] Представительская машина ЗИС–110 выпускалась на Московском автозаводе имени И. В. Сталина. 11 августа 1945 г. первый автомобиль отправился на испытания, а с июля 1946 г. ЗИС–110 стали выпускать небольшими партиями. [729]

Опубликованный в № 6–8 «Нового мира» за 1949 г. роман К. «За власть Советов» (1949) подвергся серьезной критике в печати. Так, известный проработчик, В. В. Ермилов, указывал в своей рецензии, что «из романа выпало главное: формирование сознания, характера, психологии людей партии большевиков <…> отсутствие этого решающего звена является серьезной идейно-художественной ошибкой автора <…> застилизовав пятидесятилетнего Гаврика под одесского дореволюционного мальчика, автор не заметил, что он исказил *облик партийного работника* [курсив Ермилова — *Коммент.*]».[730] Еще более сильно по К. и его роману ударила разносная статья М. С. Бубеннова, напечатанная с продолжением (!) в 2-х номерах «Правды» (за 16 января и 17 января 1950 г.): «…чтобы это произведение вообще могло жить в литературе, его нужно подвергнуть коренной, решительной, глубокой переделке. Валентин Катаев не должен жалеть для этого ни времени, ни труда».[731] Санкцию на публикацию этой рецензии в «Правде» дал лично И. В. Сталин: «— Я прочитал вашу статью, — сказал Сталин, — мне кажется, статья правильная, дельная статья. Впечатляет место, где вы пишете о так называемом Гаврике. Правильно пишете. Гаврик по-русски — это мелкий жулик, мелкий мошенник. Встает вопрос — случайно ли такое имя, Гаврик, товарищ Катаев дал партийному руководителю?».[732] К. печатно признал правоту своих зоилов: «После появления критических статей, справедливо указавших мне на недостатки моего романа „За власть Советов“, я в письме в редакцию „Правды“ заявил, что считаю для себя делом чести исправить эти недостатки».[733] 2-я редакция романа «За власть Советов» была официально признана удачей К.: «После значительной переработки, в новом варианте романа (1951) автор правдиво показал оборону Одессы в Великой Отечественной войне, организацию партизанской борьбы под руководством Коммунистической партии».[734] Но даже и критическая компания против 1-ой редакции романа «За власть Советов» не идет ни в какое сравнение с теми мучениями и унижениями, которым подвергли в 1946 г. М. Зощенко и А. Ахматову.

628

К. продолжает здесь скрытые отсылки к блоковским «Шагам командора»: «Пролетает, брызнув в ночь огнями, // Черный, тихий, как сова, мотор».

629

Еще одна многозначительная цитата из А. Ахматовой, из ее ст-ния «Долго шел через поля и села…» (1915).

В автобиографии 1953 г. М. Зощенко писал о Михаиле Ивановиче Зощенко (1857–1908): «Отец — художник-передвижник. (Его картины имеются в Третьяковской галерее и в Суворовском музее)».[735] 16.03.1893 г. отец писателя был определен на службу в Мозаическое отделение при Императорской Академии Художеств младшим художником-мозаичистом.[736] По свидетельству В. В. Зощенко, легенда о том, что Зощенко в детстве, помогая отцу, сам набрал елочку на полотне «Отъезд А. В. Суворова из села Кончаковского в поход 1799 года» была своего рода семейным преданием.[737] Ср. также в воспоминаниях Арк. Минчковского: «Зощенко окинул взглядом хорошо знакомую ему картину „Отъезд Суворова из села Кончанского“ и, показав мне на елки в левом углу на переднем плане, сказал:

— А вот эту елочку собирал я. Было мне, кажется, лет семь. Но папа доверил мне ее и сам в елочке ничего не поправлял. Видите, какая она неладная?».[738]

631

Ошибка памяти К.: кондитерская «Норд» была переименована в «Север» в 1951 г., в разгар борьбы с космополитизмом (Сообщено А. А. Кобринским).

632

Ай-Петри — вершина Главной гряды Крымских гор. Ее высота — 1233 м. Чатырдаг — платообразный известняковый массив в Главной гряде Крымских гор. Его высота до 1527 м. По-видимому, К. намекает: пусть вершина Ай-Петри (то есть — М. Зощенко) более знаменита; Чатырдаг (то есть — К.) — выше. О веришине Ай-Петри см. шутливое двустишие К. в стеклографированной брошюре, составленной А. Е. Крученых: «Что Левидов написал бы на вершине Ай-Петри:

> Люблю я этих крымских видов
> В чем расписуюсь — Мих. Левидов».[739]

Журналист и драматург Михаил Юльевич Левидов (1892–1942) некоторое время заведовал московской редакцией «Накануне».

633

Наиболее высокая (1545 м.) вершина в Главной гряде Крымских гор.

634

Вновь цитируются строки из ст-ния А. С. Пушкина «Разговор книгопродавца с поэтом» (1824).

635

Речь идет о картине Луиса де Моралеса (ок. 1509–1586) «Скорбящая мадонна».

636

Останкинская телебашня была выстроена в 1960–67 гг. по проекту инженера Н. Никитина. Высота этого сооружения — 533 м.

637

Откуда на электричке можно доехать до писательского поселка Переделкино, где располагалась дача Б. Пастернака (а также самого К. и многих других литераторов). Этому месту автор «АМВ» посвятил очерк: *Катаев Валентин.* Мое родное Переделкино // Советская культура. 1985. 8 января. С. 6.

638

В 1954 г. старые постройки у Киевского вокзала снесли, на площади был разбит сквер и заложен памятник в честь 300-летия воссоединения Украины с Россией.

639

Он же — Переделкинский пруд, он же — Измалковский пруд. Самаринским именуют его по названию имения Самарина, в котором расположился писательский Дом творчества. В деревне «на той стороне Самаринского пруда» снимала жилье Ольга Всеволодовна Ивинская (1912–1995).

640

Подсолнечники упоминаются у Б. Пастернака, например, в стнии «Mein liebchen, was willst du noch mehr?» из сборника «Сестра моя — жизнь»: «Иль подсолнечники в селах // Гаснут — солнца — в пыль и ливень?».

Переделкинской церкви Преображения (XV в.), родового храма Колычевых.

642

Речь идет об одном из первых авторских чтений романа Б. Л. Пастернака «Доктор Живаго» (1945–1955). «Работа над романом подходила к концу. Боря собирал людей и читал им первую часть. На первом чтении присутствовали Федин, Катаев, Асмусы, Генрих Густавович, Вильмонт, Ивановы, Нина Александровна Табидзе и Чиковани. Все сошлись на том, что роман написан классическим языком. У некоторых это вызвало разочарование. Поражались правдивостью описания природы, времени и эпохи» (З. Н. Пастернак).[740] 27 октября 1958 г. К. выступил против Пастернака и его романа на том совместном заседании президиума правления Союза писателей СССР, бюро Оргкомитета Союза писателей РСФСР и президиума правления Московского отделения Союза писателей, где было принято решение исключить Бориса Леонидовича из Союза писателей СССР (в скобках, но все же отметим, что К. был одним из тех 4-х литераторов, кто проголосовал против исключения из Союза советских писателей Александра Галича в 1971 г.).

643

С 1937 г. адрес Б. Пастернака в Москве был: Лаврушинский переулок, д. 17, кв. 72. О своих ночных дежурствах поэт рассказывал З. А. Масленниковой: «Некоторое время я жил в Лаврушинском. Во время налетов я подымался на крышу дежурить. Эти ночные дежурства вызывали у меня состояние, близкое к опьянению. Я подымался вверх по лестнице в полной темноте, а вниз спускались в убежище люди, и я, встречаясь с ними, вдруг проводил рукой по чьему-нибудь лицу — так мне весело было! — и вообще позволял себе разные озорные выходки. Семьи писателей уехали в Чистополь, я остался один, проходил на ополченском пункте военную подготовку».[741]

Книга «На ранних поездах» вышла в 1943 г.

645

Из ст-ния Б. Пастернака «Страшная сказка» (1941).

Б. Пастернак был действительно склонен к шуткам подобного рода. Так, в свое письмо к сыну Жене от 23.7.1926 г. он вставил известное детское двустишие: «Дядя Федя // Съел медведя».[742]

647

Приводятся строки из ст-ния Б. Пастернака «Попытка душу разлучить…» (1917). Московский университет Борис Леонидович окончил весной 1913 г.

648

Из ст-ния Б. Пастернака «Из суеверья» (1917).

649

Цитируется пастернаковский «Хмель» (1953), вошедший в «Стихотворения Юрия Живаго». Трудно поверить, что, рассуждая о «чувственности», как об «основной черте» Пастернака, К. не помнил о «Гамлете», «Сказке», «Августе» и многих других ст-ниях Юрия Живаго (и, разумеется, — о многих других ст-ниях раннего и позднего Пастернака).

Сходные рассуждения К. отражены в дневниковой записи К. И. Чуковского от 15.8.1959 г.: «О Пастернаке он сказал:

— Вы воображаете, что он жертва. Будьте покойны: он имеет чудесную квартиру и дачу, имеет машину, богач, живет себе припеваючи — получает большой доход со своих книг».[743] Выразительное представление о подлинном материальном положении Пастернака в этот период дают следующие фрагменты из мемуаров З. А. Масленниковой: «Он рассказывал о себе, говорил, что его гнетет неопределенность положения.

— Лучше бы самое страшное, но поскорей. А то после моих писем ничего неизвестно. Известно только, что меня исключили из Союза.

— А как ваши материальные дела?

— Мне ничего не платят» (1 января 1959).;[744] «— Ничего не изменилось, ничего не стало яснее. Деньги мне по-прежнему не платят. Я переводил Словацкого, вы знаете.

— Заплатили за перевод?

— Нет.

— Но ведь у вас договор.

— Они не отказывают, но и не платят. У Зинаиды Николаевны есть сбережения, мы их уже тронули» (11 февраля 1959).[745] См. также у Е. Б. Пастернака фрагмент, описывающий самое начало 1959 г.: «Мы приехали к папе 1 января <…> В его словах сквозило мучительное чувство неуверенности и неустойчивости его положения, выбитость из работы. Рассыпан набор „Марии Стюарт“ Шиллера в издательстве „Искусство“, из юбилейного многотомного собрания Шекспира выкинули все его переводы, и „Генриха IV“ заказали переводить кому-то заново. Упоминание его имени в чужих статьях ведет к их запрету, в театрах сняты спектакли с его переводами».[746] Статьи (не монографии) о Пастернаке к этому времени написали английские критики Э. Уилсон и Д. Линдси. Обеими этими статьями автор «Доктора Живаго» остался недоволен.[747] Из грузинских поэтов в 1956–59 гг. Пастернак переводил ст-ния А. Абашели, Г. Леонидзе, Т. Табидзе, С. Чиковани, П. Яшвили. Однако при жизни автора «Доктора Живаго» эти переводы опубликованы не были.

651

Подразумеваются и цитируются «Драматические сцены» Б. Пастернака, писавшиеся не после октябрьской, а после февральской революции — в июне—июле 1917 г.

652

Ср. в ст-нии Э. Багрицкого «Знаки» (1920): «Текли века потоком гулким, // И новая легла тропа, // Как по парижским переулкам // Впервые ринулась толпа, // Чтоб, как взволнованная пена, // Сметая золото палат, // Зеленой веткой Демулена // Украсить стены баррикад». Образ «зеленой ветки Демулена» — ошибка эрудиции Багрицкого. Правильно было бы — «зеленой ленте» деятеля Великой французской революции Камиля Демулена (1760–1794), который 13 июля 1789 г. призвал всех сторонников революции украсить свои шляпы зелеными лентами. Б. Пастернак писал о Демулене в отброшенном позднее предисловии к «Охранной грамоте»: «Едва ли сумел я, как следует, рассказать Вам о тех вечно первых днях всех революций, когда Демулены вскакивают на стол и зажигают прохожих тостом за воздух. Я был им свидетель».[748]

653

Поэт Леонид Иоакимович Каннегисер (1896–1918) — с которым К. возможно встречался в Одессе — 30 августа 1918 г. застрелил председателя петроградской ЧК М. С. Урицкого (1873–1918). В это время Каннегисер уже давно не был гимназистом.

30 августа 1918 г. «Даже если бы пули были отравлены ядом кураре, как предполагали, то и это отравление не могло иметь последствий, так как яд кураре страшен и смертелен на стрелах у дикарей, но если им отравляется пуля, то этот яд, легко разлагающийся под влиянием высокой температуры, при выстреле разлагается и теряет свои ядовитые свойства» (Врачи о болезни Ильича. Проф. В. Н. Розанов // Известия. 1924. 28 января). Интересно, что разговаривая с Б. А. Бабиной о Фанни Ефимовне Ройтблат (Каплан) (1890–1918) и ее покушении на В. И. Ленина, старый эсер Д. Д. Донской (как и К. в «АМВ») демонстративно отказался от напрашивающихся ассоциаций с Великой французской революцией: «Помню, похлопал я ее по плечу и сказал ей: „Пойди-ка проспись, милая! Он — не Марат, а ты — не Шарлотта Корде.“»[749]

655

Исаак Эммануилович Бабель (1894–1940). «Помню, что написал Бабелю в Одессу письмо <,> в котором была такая фраза: „Слава валяется на земле. Приезжайте в Москву и подымите ее“. Что Бабель и сделал. В<.> Кат<аев> <1>928 год. Ноябрь<.> Москва».[750]

И. Бабель принимал участие в Польской компании Красной армии в период с 3 июня по 15 сентября 1920 г. Свои репортажи и сводки он печатал в армейской газете «Красный кавалерист» под псевдонимом «К. Лютов». Этот опыт стал основой для 34 рассказов бабелевской «Конармии» (1923–25), удостоившейся гневной инвективы командарма 1-й конной армии Семена Михайловича Буденного (1883–1973): «Гражданин Бабель рассказывает нам про Конную армию бабьи сплетни, роется в бабьем барахле-белье».[751]

В журнале «Леф» (1923. № 4. — фактически вышел в свет в 1924 г.) были опубликованы фрагменты бабелевских циклов «Одесские рассказы» и «Конармия», в том числе, рассказ «Соль» (из «Конармии»). На диспуте «Леф или блеф?» 23.3.1927 г. В. Маяковский рассказывал: «Бабель три года тому назад приходил к нам в Москве с маленькой книжечкой своих рассказов. Мы знаем, как Бабеля встретили в штыки товарищи, которым он показывал свои литературные работы <…> После этого „Леф“, — потому что „Леф“ не идет по линии трафаретной критики, — напечатал самые лучшие рассказы Бабеля — „Соль“, „Смерть Долгушова“». [752] См. также у П. В. Незнамова: «Отдельные выражения Бабеля долго <…> ходили в быту лефовцев. Маяковский с полной рукой козырей любил говорить партнеру:

— А теперь, папаша, мы будем вас кончать.

И получал в ответ:

— Хладнокровнее, Маня, вы не на работе». [753]

См., например, пародию А. Архангельского «Мой первый сценарий» (1927), напечатанную в сб.: *Архангельский <А.>, Кукрыниксы.* Карикатуры. Пародии. М., 1935. Здесь же см. карикатуру Кукрыниксов на Бабеля 1927 г., на которой писатель изображен в буденновке, шубе и круглых очках. Этими же атрибутами автор «Конармии» наделен на карикатуре Кукрыниксов 1928 г.[754]

659

В № 11 «Летописи» за 1916 г. были опубликованы 2 рассказа И. Бабеля: «Илья Исаакович и Маргарита Прокофьевна» и «Мама, Римма и Алла». 5-я часть поэмы В. Маяковского «Война и мир» была напечатана в №№ 2 и 4 «Летописи» за 1917 г.

Об отношении М. Горького к И. Бабелю в этот период см., например, у В. Б. Шкловского: «Горький очень верил Бабелю, удивлялся его точному мастерству».[755] 22.2.1918 г. Горький писал Ромену Роллану об авторе «Конармии» и «Одесских рассказов»: «Это человек очень крупного и красочного таланта — и человек строгих требований к себе самому».[756]

661

На этих должностях в Одессе И. Бабель служил с января по начало июня 1920 г. Именно с журналистским удостоверением Югроста писатель отправился в Ростов-на-Дону, где присоединился к 1-ой конной армии.

662

Ср. в мемуарах Валентины Ходасевич: «Мне не приходилось видеть его глаза злыми. Они бывали веселые, лукавые, хитрые, добрые, насмешливые. Иногда он казался таинственным, загадочным, малопонятным, отсутствующим и „себе на уме“».[757] К. Чуковский отмечал, что его всегда «очаровывала в Исааке Эммануиловиче смесь простодушия с каким-то лукавством».[758]

663

Ср. в «Траве забвенья» о бабелевских «тонких улыбающихся губах, изогнутых ижицей, как бы готовых каждый миг раскрыться для того, чтобы медлительно произнести ядовитейшее замечание, как он любил выражаться: „Замечание из жизни“».[759]

В «АМВ» И. Бабель предстает литератором-одиночкой, чья поэтика диаметрально противоположна «мовизму» самого К. Поэтому (редкий для «АМВ» случай) в комментируемом фрагменте К. не преувеличил, а преуменьшил оценку Бабелем прозы «южно-русской школы» (если только не предположить, что речь здесь идет исключительно о суждениях Бабеля 1920-х гг.). Автор «АМВ» не мог не читать впервые опубликованную в 1964 г. стенограмму одного из выступлений Бабеля, которое состоялось 28.9.1937 г. Отвечая на вопросы аудитории о лучших современных писателях, автор «Конармии» тогда сказал: «Высоко я очень ставлю Валентина Катаева, который, считаю, будет писать все лучше и лучше, который проделал очень правильную эволюцию, который, делаясь старше, делается серьезнее, и книгу которого „Белеет парус одинокий“ я считаю необыкновенно полезной для советской литературы <…> У нас почти не умеют показать вещь, а о ней очень многословно рассказывают, причем техника ужасающая. Я лично считаю, что Валентин Катаев на подъеме и будет писать все лучше и лучше. Это одна из больших надежд <…> Мое мнение о Юрии Олеше очень высокое. Я его считаю одним из самых оригинальных и талантливых советских писателей».[760] Ср. также со свидетельством И. Л. Лившица: «Из всех одесситов Бабель больше всех ценил В. Катаева».[761]

665

В 1925 г. И. Бабель характеризовал поэзию Э. Багрицкого следующим образом: «…плотояднейший из фламандцев. Он пахнет, как скумбрия, только что изжаренная на подсолнечном масле. Он пахнет, как уха из бычков, которую на прибрежном ароматическом песке варят малофонтанские рыбаки в двенадцатом часу июльского неудержимого дня. Багрицкий полон пурпурной влаги, как арбуз, который когда-то в юности мы разбивали с ним о тумбы (причалы) в Практической гавани у пароходов, поставленных на близкую Александрийскую линию». [762]

К. подразумевает бабелевский цикл «Одесские рассказы», открывавшийся рассказом «Король», написанным в 1921 г.

Ср. в мемуарах Ю. Анненкова об оценке самим И. Бабелем творчества М. Зощенко: «Однажды, в одну из наших парижских бесед на литературные темы, я спросил Бабеля, кого из современных советских писателей он считает наиболее интересным? Бабель вдруг расхохотался и произнес:

— Зощенку.

Затем, совершенно серьезно и даже — с оттенком раскаяния добавил:

— Я совсем не потому засмеялся, что назвал имя Зощенки, а потому, что в моей памяти сразу всплыли некоторые вещицы Зощенки: это они вызвали мой смех».[763] Одобрительно цитировал Бабель один из юмористических рассказов Зощенко в своей речи на I съезде советских писателей в 1934 г.[764] Критики ставили в один ряд имена Зощенко и Бабеля, анализируя популярный в то время сказ. Ср., например, в статье В. Б. Шкловского «О Зощенко и большой литературе»: «Бабеля определили как революционного писателя, взяв „Соль“ и „Письмо“ в первом плане. Зощенко определен как писатель „обывательский“, но не потому, что секретари не добрались до второго. Добрался читатель. <…> Широко пользуются сказом современные писатели для введения в свои произведения технических выражений и словесных штампов, помещенных вне своего контекста. На игре со словесными клише построена „Соль“ И. Бабеля, которая составлена из газетных, жаргонных и песенных (иногда „сказочных“) клише <…> Так же употребляет Бабель в своей книге „Конармия“ военные термины <…> Сказ должен быть рассмотрен в плане работ над поэтическим языком, а не в связи с ролью героя или маски. Более сложную работу проделывает иногда Зощенко».[765]

Ср., например, у И. Г. Эренбурга: «Он любил прятаться, не говорил, куда идет; его дни напоминали ходы крота»[766] и у К. И. Чуковского (со слов К. Г. Паустовского): «Всем врал даже по мелочам. Окружал себя таинственностью. Уезжая в Питер, говорил (даже 10-летней дочери соседей): еду в Калугу».[767]

669

См.: Горький и советские писатели. Неизданная переписка. Литературное наследство. Т. 70. М., 1963. С. 43–44.

Ср. у В. Б. Шкловского: «У Маяковского на Водопьяном переулке Бабеля встретили восторженно».[768]

671

Вновь передержка. Ср. с ответом И. Бабеля на вопросы читательской аудитории о его отношении к К. Паустовскому и Ю. Олеше: «Это все земляки, это так называемая одесская, южнорусская школа, которую я очень ценю».[769] См. также следующую записку К., адресованную И. Бабелю: «Милый Бабель, мне необходимо с Вами поговорить по весьма важному делу, касающемуся Лефа. Я очень занят и не имею времени Вас разыскивать. Приходите ко мне (Мыльников 4 кв 2) завтра или послезавтра до 11 утра или в районе 5 часов вечера. Куда Вы пропали? Ваш Валентинкатаев. 28 октября 1923 г. Чист<ые> пруды.»[770]

Ср., например, у В. Г. Финка: «У Бабеля всюду были „корешки“ по Первой Конной. Один командовал кавалерийским полком, другой был директором конзавода, третий объезжал лошадей в Средней Азии».[771] Впрочем, скорее всего, К., в данном случае, намекает на других друзей И. Бабеля: подразумеваются тесные приятельские связи писателя с верхушкой ОГПУ. В декабре 1924 г. Бабель говорил Д. Фурманову: «…чекисты, которых знаю, ну… ну, просто святые люди».[772] В дальнейшем, однако, отношение автора «Конармии» к карательным советским органам усложнилось, вплоть до ужаса и брезгливого неприятия в конце жизни. Подробнее см., например,;[773] .[774]

Писательская медлительность И. Бабеля, вытекавшая от его повышенной требовательности к себе — общее место мемуарной и исследовательской литературы об авторе «Одесских рассказов». Ср., например, у И. Г. Эренбурга: «Работал он медленно, мучительно; всегда был недоволен собой <…> Одной из излюбленных тем критиков стало „молчание Бабеля“. На Первом съезде советских писателей я выступил против такого рода нападок и сказал, что слониха вынашивает детей дольше, чем крольчиха; с крольчихой я сравнил себя, со слонихой — Бабеля».[775] См. также высказывание самого Бабеля: «Я могу переписывать (терпение у меня в этом отношении большое) несчетное количество раз».[776]

Ср. с подлинным высказыванием И. Бабеля: «Мое отношение к прилагательным — это история моей жизни <…> В молодости я думал, что пышность выражается пышностью. Оказывается, нет. Оказывается, что очень часто надо идти от обратного».[777]

675

И. А. Бунин о молодом Горьком: «Он <…> ступал своими длинными ногами с носка, с какой-то, пусть простят мне это слово, — воровской щеголеватостью, мягкостью, леностью, — я не мало видал таких походок в одесском порту».[778]

В течение 7-ми лет Г. Флобер давал суровые уроки литературного мастерства юному Г. Мопассану. 1-ым мопассановским рассказом, который Флобер безоговорочно принял — была «Пышка». Параллель между И. Бабелем и Флобером еще в 1924 г. провел В. Б. Шкловский: произведения Бабеля «сравнивают с Мопассаном, потому что чувствуют французское влияние, и торопятся назвать достаточно похвальное имя. Я предлагаю другое имя — Флобер. И Флобер из „Саламбо“». [779] Развитие этой параллели см., например, в работе:. [780]

Ср., однако, с подлинным высказыванием И. Бабеля о так называемом «литературном мастерстве»: «Как работать над коротким рассказом? Я совершенно не верю ни в рецепты, ни в учебники, и, между прочим, стыдно признаться, может быть, это реакционное чувство, но я литвуза очень побаиваюсь».[781]

С прозой Н. С. Лескова прозу И. Бабеля сравнил еще Н. С. Степанов.[782]

679

Произведение Оноре де Бальзака (1799–1850), состоящее из 90 романов и рассказов.

Ср. в статье В. Б. Шкловского 1924 г.: «Иностранец из Парижа, одного Парижа без Лондона, Бабель увидел Россию так, как мог ее увидеть француз-писатель, прикомандированный к армии Наполеона».[783] Ср. также, например, у А. М. Нюренберга: «У Бабеля был свой Париж, как была и своя Одесса. Он любил блуждать по этому удивительному городу и жадно наблюдать его неповторимую жизнь. Он хорошо чувствовал живописные переливы голубовато-серого в облике этого города, великолепно разбирался в грустной романтике его уличных песенок, которые мог слушать часами. Был знаком с жизнью нищих, проституток, студентов, художников <…> Он хорошо знал французский язык, парижский жаргон, галльский юмор. Мы часто прибегали к его лингвистической помощи».[784] Во Франции И. Бабель жил с конца июля 1927 г. по май 1928 г.; затем — с февраля по август 1933 г.; и затем, по специальному разрешению ЦК — автор «Гюи де Мопассана» на короткий период выехал из Москвы в Париж для участия в международном Конгрессе писателей в защиту культуры в конце июня 1935 г.

681

Собственную квартиру И. Бабель получил в 1932 г. См. ее изображение у Валентины Ходасевич: «Дом двухэтажный, деревянный. Звоню. Мне открывает дверь старушка, повязанная платком. Попадаю в переднюю. Из передней ведет деревянная, ступенек на двадцать, нешироκая, внутриквартирная лестница <…> Одно окно в узкой стене длинного помещения дает мало света. Вдоль перил, огораживающих лестничный проем, стоят сундуки. Один — с горбатой крышкой, другой — с плоской. И корзина. Один из сундуков обит медью, — вероятно, старинный. У противоположной стены шкаф. Неуютно. Тут же, между шкафом и сундуками, — небольшой стол, не больше разложенного ломберного».[785] На Антонине Николаевне Пирожковой Бабель женился в 1934 г.

682

Судя по мемуарам Н. Я. Мандельштам, в середине 1920-х гг. В. Нарбут предлагал О. Мандельштаму организовать новую акмеистическую группу «в союзе с одесситами» — «новый акмеизм без Ахматовой, но с Бабелем и Багрицким».[786] Мандельштам от подобного союза отказался.

Ср. с «бородатым» анекдотом о старом еврее, который, умирая, открывает своей семье секрет приготовления хорошего чая: «Евреи, не жалейте заварки». Ср. также у Валентины Ходасевич: «Не буду описывать подробно, как заваривался и настаивался чай, — очень сложно! Одно хорошо запомнила — это поразившее меня количество чая на одну чашку: три или четыре ложки с верхом. А пить надо, чуть не обжигаясь, — иначе аромат улетучится».[787]

Возможный источник этой истории — мемуары хорошей знакомой И. Бабеля, Т. Стах, описывающие Одессу 1924 г.: «Однажды раздался звонок. Я отворила дверь, и грузчики втащили огромнейший буфет… Оказалось, что Исаак Эммануилович, производя некоторую расчистку у себя дома, презентовал нам свой, как он сказал, „похожий на синагогу“, „фамильный“ буфет. Это было громоздкое черное сооружение с резными украшениями, где невероятно прочно оседала пыль… Буфет с трудом втиснулся в нашу квартиру и занял подобающее ему место в столовой».[788]

685

Ср. в воспоминаниях А. Н. Пирожковой: «Двухлетняя дочь Валентина Петровича Катаева, вбежав утром к отцу в комнату и увидев, что за окнами все побелело от первого снега, в изумлении спросила: „Папа, что это? Именины?!“ Бабель, узнав об этом пришел в восторг».[789]

686

Эту фразу, согласно преданию, будущий король Франции Генрих IV произнес, когда ему, чтобы получить французский престол, пришлось перейти из протестантства в католичество. Конная статуя Генриха IV украшает парижский Новый мост.

Людовику XVI и Марии Антуанетте, которые были обезглавлены по постановлению Конвента, в 1793 г. Все перечисляемые далее К. вожди Великой французской революции, свергнувшей Людовика с престола, были казнены в 1794 г.

688

Прозрачный намек на трагический финал биографии И. Бабеля: писатель был арестован 15 мая 1939 г., после вечера, который он провел вместе с К. и его семьей в Переделкино (См.: МК). Будучи арестованным, под нажимом следствия Бабель дал показания, согласно которым он входил в троцкистскую террористическую группу вместе с Вс. Ивановым, К., Ю. Олешей, Л. Утесовым, И. Эренбургом и др.[790]

И. Бабель о Мопассане: «Двадцати пяти лет он испытал первое нападение наследственного сифилиса. Плодородие и веселье, заключенные в нем, сопротивлялись болезни. Вначале он страдал головными болями и припадками ипохондрии. Потом призрак слепоты стал перед ним. Зрение его слабело. В нем развилась мания подозрительности, нелюдимость и сутяжничество. Он боролся яростно, метался на яхте по Средиземному морю, бежал в Тунис, в Марокко, в Центральную Африку — и писал непрестанно».[791]

690

Точная цитата из рассказа Ю. Олеши «Любовь» 1929 г.[792]

691

В комментируемом фрагменте К. намекает на сотрудничество М. Булгакова с Большим театром, начавшееся 10.10.1936 г. Булгаковский уход из МХАТа 15.09.1936 г. воспринимался некоторыми его приятелями чуть ли не как уход автора «Дней Турбиных» из литературы. См., например, запись в дневнике Е. С. Булгаковой от 23.08.1938 г.: «…встретили в Лаврушинском Валентина Катаева. <…> И немедленно начал Катаев разговор. М. А. должен написать небольшой рассказ, представить. Вообще, вернуться в „писательское лоно“ с новой вещью. „Ссора затянулась“. И так далее. <…> Все — известное. Все чрезвычайно понятное. Все скучное».[793] Подробнее о работе Булгакова в Большом театре см.:.[794]

692

На Елене Сергеевне Шиловской (1893–1970) М. Булгаков женился 4.10.1932 г., а в феврале 1934 г. они переехали в писательский дом № 3 в Нащокинском переулке, где поселились в кв. № 44. В письме к В. В. Вересаеву от 6.03.1934 г. Булгаков с восторгом, но и с обычной своей иронией рассказывал о новой квартире: «Замечательный дом, клянусь! Писатели живут и сверху, и снизу, и сзади, и спереди, и сбоку. <…> Я счастлив, что убрался из сырой Пироговской ямы. <…> Правда, у нас прохладно, в уборной что-то не ладится и течет на пол из бака <…> но все же я счастлив».[795]

693

Ср. с описанием одной из последних встреч М. Булгакова с К. из дневника Е. С. Булгаковой (запись от 25.3.1939 г.): «Вчера пошли вечером в Клуб актера на Тверской <…> Все было хорошо, за исключением финала. Пьяный Катаев сел, никем не прошенный к столу, Пете сказал, что он написал барахло, а не декорации, Грише Конскому — что он плохой актер, хотя никогда его не видел на сцене и, может быть, даже в жизни. Наконец все так обозлились на него, что у всех явилось желание ударить его, но вдруг Миша тихо и серьезно ему сказал: вы бездарный драматург, от этого всем завидуете и злитесь. — „Валя, вы жопа“. Катаев ушел мрачный, не прощаясь».[796] В сентябре 1939 г. Булгакову был поставлен страшный диагноз — гипертонический нефросклероз. В заключении врачебного консилиума от 12.11.1939 г. было сказано: «Гражданин Булгаков М. А. страдает начальной стадией артериосклероза почек при явлениях артериальной гипертонии».[797] Врач Булгаков знал о том, что его болезнь неизлечима. 10.10.1939 г. он составил завещание в пользу Е. С. Булгаковой.

В дневнике Е. С. Булгаковой нет никаких намеков на стесненное денежное положение семьи Булгаковых в последние годы жизни Михаила Афанасьевича. Напротив, здесь много говорится об ужинах в писательском ресторане, о том, как из театрального буфета Булгаковым присылали икру, сыр, конфеты, яблоки и т. п.[798]

695

Мемуаристы отмечали, что в последние месяцы своей жизни М. Булгаков держался мужественно, но иногда с тоской говорил о том, что умирает. 10.11.1939 г., «проснувшись в 4 часа ночи, он сказал жене: „Чувствую, что умру сегодня“».[799] Ср. также в воспоминаниях А. М. Файко о последнем разговоре с Булгаковым: «„Я умираю, понимаешь?“ Я поднял руки, пытаясь сказать что-то. „Молчи. Не говори трюизмов и пошлостей. Я умираю. Так должно быть — это нормально“»[800] и в письме Булгакова к А. П. Гдешинскому от 28.12.1939 г.: «Если откровенно и по секрету тебе сказать, сосет меня мысль, что вернулся я [из „Барвихи“ — *Коммент.*] умирать».[801] Ср., однако, в письме О. С. Бокшанской к своей матери от 28.12.1939 г.: «…Мака-то ничего, держится оживленно, но Люся [Е. С. Булгакова — *Коммент.*] страшно изменилась: <…> в глазах такой трепет, такая грусть».[802]

Булгаков умер 10.03.1940 г. Тело его было кремировано. Е. И. Габрилович вспоминал «вынос тела по стертым, узким, надстроечным ступенькам».[803] См. также в мемуарах С. А. Ермолинского, который свидетельствовал, что перед похоронами Булгакова «много народу перебывало в квартире. Меньше всего было литераторов <…> в те траурные дни заходили попрощаться к нему не только его близкие знакомые, но и неведомо кто, и было тесно в доме. <…> А когда его гроб перевезли в Союз писателей, оказалось, народу совсем немного. <…> К вечеру собралось людей побольше. Было тихо. Музыки не было. Он просил, чтобы ее не было».[804] Подробное описание похорон Булгакова можно найти в письмах О. С. Бокшанской своей матери А. А. Нюренберг, но и в них нет упоминаемого К. эпизода.[805] О драматурге Борисе Сергеевиче Ромашове (1895–1958) подробнее см., например, в одной из записей Ю. Олеши.[806]

То есть — штопора, похожего на тирбушон (прядь волос, завитую в локон).

В том же году, когда состоялась первая публикация «АМВ», в Вене было напечатано обширное исследование: *Ziegler R.* Aleksej Krucenych als Sprachkritiker // Wiener Slavistisches Jahrbuch. Wien, 1978. S. 286–310.

699

Ольгу Всеволодовну Ивинскую (1912–1995).

700

Из поэмы В. Маяковского «Про это» (1923), которую К., как и другие стихи Маяковского, цитирует в «АМВ» на удивление точно.

701

Аллюзия на следующие строки из ст-ния О. Мандельштама «Жизнь упала, как зарница…» (1924): «Есть за куколем дворцовым // И за кипенем садовым // Зарасничная страна — // Там ты будешь мне жена. // Выбрав валенки сухие // И тулупы золотые, // Взявшись за руки, вдвоем // Той же улицей пойдем».

702

Неточно цитируется ст-ние О. Мандельштама «Есть иволги в лесах, и гласных долгота…» (1914).

703

Отсылка к следующему фрагменту мандельштамовского эссе «Слово и культура» (1921): «Разве вещь хозяин слова? Слово — Психея. Живое слово не обозначает предметы, а свободно выбирает, как бы для жилья, ту или иную предметную значимость, вещность, милое тело».[807]

704

Из финала мандельштамовского стих. «Декабрист»: «Все перепуталось, и некому сказать, // Что, постепенно холодея, // Все перепуталось, и сладко повторять: Россия, Лета, Лорелея». Лорелея — дева-сирена Рейна, чаровавшая рыбаков своим пением, а затем губившая их.

705

Морис Шевалье (1888–1972) — знаменитый французский шансонье, выступавший в шляпе канотье. Одна из самых известных его песен называлась «Твист соломенной шляпы».

Превращение живого К. в памятник в финале своего произведения будет выглядеть вполне закономерно — и В. Казин, и Л. Славин в момент написания «АМВ» были еще живы.

Ср. в ст-нии О. Мандельштама «Медлительнее снежный улей…» (1910): «И если в ледяных алмазах // Струится вечности мороз».

notes

Примечания

1

Уварова И. П., Рогов К. Ю. Семидесятые: хроника культурной жизни // Россия/Russia. Семидесятые как предмет истории русской культуры. М. — Венеция, 1998. Вып. 1(9). С. 71.

2

См.: *Липкин С. И.* Катаев и Одесса // Знамя. 1997. № 1. С. 217.

3

Литературная газета. 2003. 22–28 января. С. 14.

4

Литературная газета. 1997. 29 января. С. 12

Знамя. 2003. № 5. С. 169.

Дружба народов. 1979. № 9. С. 238.

Там же. С. 249.

Вопросы литературы. 1978. № 10. С. 75.

Вопросы литературы. 1978. № 12. С. 158.

Литературная газета. 1978. 26 июля. С. 4.

Октябрь. 1979. № 4. С. 220.

Ленинский путь. 1980. 1 марта. С. 4.

Знамя. 1980. № 1. С. 236.

14

А. Хворощан. Звенья памяти. Заметки критика // Правда. 1980. 27 января. С. 3.

Лавров В. Человек. Время. Литература. Концепция личности в многонациональной советской литературе. Л., 1981. С. 91.

Звезда. 1986. № 6. С. 198.

17

См.: *Новиков Вл.* Заскок. М., 1997. С. 170.

18

Вечерняя Одесса. 1978. 13 октября. С. 4; позже эта пародия вошла в сб.: *Лившин С.* «Ариведерчи!» значит «чао!». Пародии. (Библиотека «Крокодила»). М., 1986.

Шевченко И. Повести В. Катаева 60-х-70-х гг. и проблема совр. лирической прозы: АКД. Одесса, 1983. С. 14.

Синтаксис., 1979. № 3. С. 106.

Октябрь. 1995. № 3. С. 190.

22

Архив общества «Мемориал». Материалы самиздата. Вып. № 34/81. 11 сентября 1981 г. С. 12.

23

Цит. по: *Лакшин В.* Мовизма осень золотая // «Сумма» — за свободную мысль. СПб., 2002. С. 304.

См.: *Szarycz J.* Poetics of V. Kataev's Prose of the 1960-s and 1970-s. New York, 1989. Ch. 3.

Земскова Т. С. Писатель в нашем доме. Заметки тележурналиста. М., 1985. С. 231.

Литературная газета. 1984. 7 ноября. С. 4.

Кузнецов А. М. Единство в многообразии (Творчество Валентина Катаева) // Катаев В. П. Собр. соч.: в 10-ти тт. Т. 1. М., 1983. С. 23–24.

28

См.: *Лотман Ю. М.* К проблеме работы с недостоверными источниками // Временник Пушкинской комиссии, 1975. Л., 1979. С. 93–98.

29

Новый мир. 1997. № 1. С. 222; о проблемах, связанных с комментированием поздних катаевских текстов см.: *Фельдман Давид.* Проблема реального комментария: почти правда, почти вся, далее — по тексту… // Новый мир. 2000. № 5.

30

Устинов Андрей. Нескромное предложение: «малые голландцы» русской поэзии и умозрительность литературной истории // Новое литературное обозрение. № 59. <2003>. С. 441.

31

См.: Литература факта. Первый сборник материалов работников ЛЕФа. М., 2000. С. 130.

«Голубой фонарь вечной весны» // Советская культура. 1978. 4 августа. С. 4.

Иванов Вс. Дневники. М., 2001. С. 26.

34

ИМЛИ. Ф. 107. Оп. 1. Ед. хр. 19.

35

«Несвятой Валентин. Катаев нахамил Сталину и остался жив» // Московский комсомолец. 2002. 18 февраля. С. 5.

Олеша Ю. К. Три толстяка // Олеша 1956. С. 212.

Славин Л. И. // Воспоминания о Юрии Олеше. М., 1975. С. 11.

Чудаков А. П. Спрашиваю Шкловского // Литературное обозрение. 1990. № 6. С. 96.

39

Галанов Б. Е. В. Катаев. Размышления о мастере и диалоги с ним. М., 1989. С. 210–211.

40

ОР РГБ. Ф. 831. Карт. 3. Ед. хр. 64.

41

Попов Е. А. Подлинная история «Зеленых музыкантов». М., 1999. С. 270.

Огнев В. Ф. Амнистия таланту. Блики памяти. М., 2001. С. 263.

Марков П. // Воспоминания о Юрии Олеше. М., 1975. С. 106.

Хелемский Яков. Пан Малярж // Вопросы литературы. 2001. Май-Июнь. С. 290.

Сарнов Б. М. Величие и падение «мовизма» // Октябрь. 1995. № 3. С. 188.

Независимая газета. 2001. 3 марта. С. 8.

47

Цит. по: *Гудкова В. В.* Примечания // *Олеша Ю. К.* Книга прощания. М., 2001. С. 463.

Кичанова-Лившиц И. // Воспоминания о Михаиле Зощенко. СПб., 1995. С. 445.

Там же. С. 445.

Боярский И. Литературные коллажи // http://www.pereplet.ru/text/boyarskiy.html.

51

Ямпольский Б. Да здравствует мир без меня // Дружба народов. 1989. № 2. С. 157–158.

52

Гофф И. На белом фоне. Рассказы. Воспоминания. М., 1993. С. 18.

См.: Литература и жизнь. 1962. 7 июня. С. 2.

Известия. 1983. 8 октября. С. 3.

Олеша Ю. К. Книга прощания. М., 2001. С. 288.

Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: в 10-ти тт. Т. 10. Л., 1979. С. 146.

Олеша Ю. К. Книга прощания. М., 2001. С. 435–437.

Огнев В. Ф. // Воспоминания о Юрии Олеше. М., 1975. С. 262.

Олеша Ю. К. Книга прощания. М., 2001. С. 171, 199.

Цит. по: *Гудкова В. В.* Примечания // *Олеша Ю. К.* Книга прощания. М., 2001. С. 443.

61

РГАЛИ. Ф. 358. Оп. 2. Ед. хр.386. Л. 4. об.

Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 48. М., 1970. С. 295.

63

См.: «Голубой фонарь вечной весны» // Советская культура. 1978. 4 августа. С. 4.

См.: *Олеша Ю. К.* Книга прощания. М., 2001. С. 210.

Там же. С. 440.

Катаев В. П. Собр. соч.: в 10-ти тт. Т. 8. М., 1985. С. 338.

Рейн Евгений. «Не судьба» // Арион. 2002. № 4. С. 72.

См.: *Карпенко Ю. А.* Ономастические загадки В. П. Катаева // Русская речь. 1984. № 4. С. 10.

Ильф И., Петров Е. Двенадцать стульев. Первый полный вариант романа с комм. М. Одесского и Д. Фельдмана. М., 1997. С. 305.

Цит. по: *Азадовский Константин.* Александр Биск и одесская «Литературка» // Диаспора. Новые материалы. I. Париж—СПб., 2001. С. 123.

71

Цит. по: Сто альбомов (Коллекция А. Е. Крученых). Сообщ. Н. Г. Королевой // Встречи с прошлым. Вып. 3. М., 1980. С. 300.

Кушлина О. Б. Уж не пародия ли он? // Русская литература XX века в зеркале пародии: Антология. М., 1993. С. 117–118.

Лившиц Б. К. Полутороглазый стрелец. Стихотворения. Переводы. Воспоминания. Л., 1989. С. 457.

См.: Молодой журнал. Одесса. 1913. № 1. С. 44–46.

Там же. С. 51.

Цит. по: *Лущик С.* У истоков южно-русской литературной школы // Дерибасовская-Ришельевская. Одесский альманах. 2002. № 10. Одесса, С. 195.

См.: *Катаев В. П.* // Эдуард Багрицкий. Альманах. М., 1936.

Гехт С. // Эдуард Багрицкий. Альманах. М., 1936. С. 239.

Спивак М. Л. Посмертная диагностика гениальности. Э. Багрицкий, Андрей Белый, В. Маяковский в коллекции Института мозга (материалы из архива Г. И. Полякова). М., 2001. С. 140.

80

См.: *Паустовский К. Г.* // Эдуард Багрицкий. Воспоминания современников. М., 1973. С. 47.

Олеша Ю. К. Книга прощания. М., 2001. С. 115.

Сообщено С. З. Лущиком.

83

См.: *Шишова З. К.* // Эдуард Багрицкий. Альманах. М., 1936. С. 198.

Сообщено С. З. Лущиком.

Ронен О. «Инженеры человеческих душ»: к истории изречения // Лотмановский сборник. 2. М., 1997. С. 393.

Емельянова И. Легенды Потаповского переулка. М., 1997. С. 27.

Катаев Валентин. Трава забвенья. М., 2000.

88

Лиля Брик — Эльза Триоле. Неизданная переписка. (1921–1970). М., 2000. С. 510.

Литературная газета. 1929. № 11.

Маяковский В. В. Полн. собр. соч.: в 13-ти тт. Т. 12. М., 1959. С. 426.

91

ИМЛИ. Ф. 107. Оп. 1. Ед. хр. 22.

92

Гофф И. На белом фоне. Рассказы. Воспоминания. М., 1993. С. 21.

93

См.: *Мандельштам О. Э.* Шум времени. М., 2002. С. 166.

Мандельштам Н. Я. Воспоминания. Нью-Йорк, 1970. С. 298.

95

ОР РГБ. Ф. 831. Карт. 3. Ед. хр. 64.

Осип и Надежда Мандельштамы в рассказах современников. М., 2002. С. 108.

97

Цит. по: *Поляновский Э.* Гибель Осипа Мандельштама. СПб. — Париж, 1993. С. 126.

Катаев Валентин. Трава забвенья. М., 2000. С. 360.

Мунблит Г. Н. Рассказы о писателях. М., 1989. С. 31.

100

См.: *Багрицкий Э.* Стихотворения и поэмы. СПб., 2000. С. 229.

101

Скуратов Б. // Эдуард Багрицкий. Воспоминания современников. М., 1973. С. 47.

102

Катаев В. П. // Эдуард Багрицкий. Альманах. М., 1936. С. 177.

103

Шишова З. К. // Эдуард Багрицкий. Воспоминания современников. М., 1973. С. 67.

Штейнберг А. К верховьям. М., 1997. С. 303.

105

Ершов П. Одесская «Зеленая лампа». Из воспоминаний // Новое русское слово. Нью-Йорк. 1951. 21 января. С. 3.

Липкин С. И. Страничка автобиографии // Липкин С. И. Декада. М., 1990. С. 7.

107

Цит. по: *Азадовский Константин.* Александр Биск и одесская «Литературка» // Диаспора. Новые материалы. I. Париж—СПб., 2001. С. 122.

Адалис А. // Эдуард Багрицкий. Воспоминания современников. М., 1973. С. 256.

109

Катаев Валентин. Бездельник Эдуард. М.—Л., 1925. С. 17.

Олеша Ю. К. Книга прощания. М., 2001. С. 170.

111

Спивак М. Л. Посмертная диагностика гениальности. Э. Багрицкий, Андрей Белый, В. Маяковский в коллекции Института мозга (материалы из архива Г. И. Полякова). М., 2001. С. 91.

112

Бобович Б. Эдуард Багрицкий. К 75-летию со дня рождения // Книжное обозрение. 1970. № 44. С. 10.

113

Скуратов Б. Б. // Эдуард Багрицкий. Воспоминания современников. М., 1973. С. 49.

«Несвятой Валентин. Катаев нахамил Сталину и остался жив» // Московский комсомолец. 2002. 18 февраля. С. 5.

115

Катаев В. П. Собр. соч.: в 10-ти тт. Т. 8. М., 1985. С. 82–83.

Шкловский В. Б. Гамбургский счет. Статьи. Воспоминания. Эссе (1914–1933). М., 1990. С. 471, 472.

117

Паустовский К. Г. Золотая роза // Паустовский К. Г. Повести. М., 1980. С. 647–648.

Литературная газета. 1997. 12 февраля. С. 13.

119

Шкловский В. Б. // Эдуард Багрицкий. Альманах. М., 1936. С. 295.

Рахтанов И. Рассказы по памяти. М., 1966. С. 112–113.

121

РГАЛИ. Ф. 358. Оп. 2. Ед. хр. 20. Л. 69.

122

РГАЛИ. Ф. 358. Оп. 2. Ед. хр. 390. Л. 24.

123

Олеша Ю. К. Книга прощания. М., 2001. С. 172–175.

Гинзбург Л. Я. О старом и новом. Л., 1982. С. 337.

125

Цит. по: *Кошечкин С. П., Юсов Н. Г.* Комментарий // Есенин С. А. Полн. собр. соч.: в 7-ми тт. Т. 4. М., 1996. С. 469.

«Голубой фонарь вечной весны» // Советская культура. 1978. 4 августа. С. 4.

Березарк И. Штрихи и встречи. Л., 1982. С. 36.

128

Янгфельдт Б. Любовь это сердце всего. В. В. Маяковский и Л. Ю. Брик. Переписка. 1915–1930. М., 1991. С. 179.

Райт-Ковалева Р. Я. // В. Маяковский в воспоминаниях современников. М., 1963. С. 274.

130

Москва у гроба любимого Сергея Мироновича // Правда. 1934. 5 декабря. С. 2.

131

Цит. по: *Янгфельдт Б.* Любовь это сердце всего. В. В. Маяковский и Л. Ю. Брик. Переписка. 1915–1930. М., 1991. С. 21.

Незнамов П. В. // В. Маяковский в воспоминаниях современников. М., 1963. С. 361.

133

Асеева К. М. // Воспоминания о Н. Асееве. М., 1980. С. 25.

134

Ильф И., Петров Е. Двенадцать стульев. Первый полный вариант романа с комм. М. Одесского и Д. Фельдмана. М., 1997. С. 34–35.

Незнамов П. В. // В. Маяковский в воспоминаниях современников. М., 1963. С. 367.

136

Маяковский В. В. Полн. собр. соч.: в 13-ти тт. Т. 1. М., 1956. С. 22.

137

Цит. по: *Парнис А. Е.* Из новых материалов о Вл. Маяковском // De visu. 1993. № 11. С. 15.

Катаев Валентин. Трава забвенья. М., 2000. С. 393.

139

ОР РГБ. Ф. 831. Карт. 3. Ед. хр. 64.

140

Пастернак Б. Л. Собр. соч.: в 5-ти тт. Т. 5. М., 1992. С. 563.

141

См.: Диалог писателей. Из истории русско-французских культурных связей XX века. 1920–1970. М., 2002. С. 544.

Там же. С. 544.

143

Существованья ткань сквозная: Б. Пастернак: Переписка с Е. Пастернак. М., 1998. С. 164.

Крымова Н. Не святой колодец // Дружба народов. 1979. № 9. С. 237.

145

Галанов Б. Е. В. Катаев. Размышления о мастере и диалоги с ним. М., 1989. С. 205.

146

РГАЛИ. Ф. 1334. Оп. 1. Ед. хр. 1091. Л. 10.

Олеша Ю. К. Книга прощания. М., 2001. С. 112.

Ее личное дело см.: РГАЛИ. Ф. 681. Оп. 1. Ед. хр. 2641.

149

Маяковский В. В. В. В. Хлебников // Маяковский В. В. Полн. собр. соч.: в 13-ти тт. Т. 12. М., 1959. С. 27.

150

Райт Р. Я. Все лучшие воспоминания // Труды по русской и славянской филологии. Т. IX. / Ученые записки Тартуского университета. Вып. 184. Тарту, 1966. С. 266–267.

151

Суждение авторов обобщающей работы о русском футуризме: *Баран Х., Гурьянова Н. А.* Футуризм // Русская литература рубежа веков. (1890-е—начала 1920-х гг.). Кн. 2. М., 2001. С. 529.

Лившиц Б. К. Полутораглазый стрелец. Стихотворения. Переводы. Воспоминания. Л., 1989. С. 411.

153

Горнунг Л. В. Встреча за встречей // Литературное обозрение. 1990. № 5. С. 105.

Синякова М. «…Это человек, ищущий трагедии» // Вопросы литературы. 1990. Апрель. С. 267.

155

ИМЛИ. Ф. 411. Оп. 1.

Бурлюк М. Н. Первые книги и лекции футуристов (1909–1913) // Бурлюк Д. Д. Фрагменты из воспоминаний футуриста. Письма. Стихотворения. СПб., 1994. С. 284.

157

Цит. по: *Мандельштам О. Э.* Соч.: в 2-х тт. Т. 2. М., 1990. С. 276.

Железнов П. // Воспоминания о Н. Асееве. М., 1980. С. 95.

Асеев Н. Н. Родословная поэзии. Статьи. Воспоминания. Письма. М., 1990. С. 411.

Встречи с прошлым. Вып. 6. М., 1988. С. 297.

161

Пастернак Б. Л. Воздушные пути. Проза разных лет. М., 1982. С. 453.

Литературная газета. 1946. 7 сентября. С. 3.

Катаев Валентин. Трава забвенья. М., 2000. С. 383.

Малкин Б. Ф. // В. Маяковский в воспоминаниях современников. М., 1963. С. 151.

165

См.: *Чарный М. Б.* Последний вечер у Луначарского // Чарный М. Б. Время и его герои. Встречи с писателями и книгами. М., 1973.

Эрлих А. Нас учила жизнь. М., 1960. С. 57.

167

Олеша Ю. К. // Воспоминания об Илье Ильфе и Евгении Петрове. М., 1963. С. 27.

168

См.: У гроба // Литературная газета. 1937. 15 апреля. С. 1.

169

Правда. 1937. 14 апреля. С. 6.

170

Гофф И. На белом фоне. Рассказы. Воспоминания. М., 1993. С. 20.

171

См.: *Горький М.* Собр. соч.: в 30-ти тт. Т. 17. М., 1952. С. 39–40.

172

Горький М. Неизданная переписка. М., 1976. С. 422.

173

Летопись жизни и творчества А. М. Горького. Вып. 3. 1917–1929. М., 1959. С. 617–618.

Раскольников Ф. Ф. О времени и о себе. Л., 1989. С. 461.

Ильинский И. В. // В. Маяковский в воспоминаниях современников. М., 1963. С. 293.

Есенин С. А. Сергей Есенин // Есенин С. А. Собр. соч.: в 5-ти тт. Т. 5. М., 1962. С. 14.

177

Шнейдер И. Встречи с Есениным. Воспоминания. М., 1965. С. 38–39.

Катаев Валентин. Трава забвенья. М., 2000. С. 351.

179

РО ГЛМ. Ф. 139. Оп. 1. Д. 20. Л. 15.

180

Шнейдер И. Встречи с Есениным. Воспоминания. М., 1965. С. 7.

181

Горький М. // С. А. Есенин в воспоминаниях современников: в 2-х тт. М., 1986. Т. 2. С. 6.

Крандиевская-Толстая Н. // Там же. С. 14.

Крандиевская-Толстая Н. // Там же. С. 16.

Есенин С. А. Собр. соч.: в 5-ти тт. Т.5. С. 176.

185

Цит. по: *Богомолов Н. А.* Андрей Белый и советские писатели. К истории творческих связей // Андрей Белый. Проблемы творчества. Статьи. Воспоминания. Публикации. М., 1988. С. 319.

Минувшее. Исторический альманах. 15. М. — СПб., 1994. С. 329.

187

См. ее воспроизведение, например, *Есенин С. А.* Собр. соч.: в 5-ти тт. Т. 3. Между С. 112 и 113.

Изряднова А. Р. // С. А. Есенин в воспоминаниях современников: в 2-х тт. М., 1986. Т. 1. С. 144.

Катаев В. П. Автобиография // Советские писатели. Автобиографии: в 2-х тт. Т. 1. М., 1959. С. 538.

190

Бунин И. А. Окаянные дни. Воспоминания. Статьи. М., 1990. С. 121.

191

Карпов П. Пламень. Русский ковчег. Из глубины. М., 1991. С. 323.

Пастернак Б. Л. Люди и положения // Воздушные пути. Проза разных лет. М., 1982. С. 455–456.

Свиридов Г. Музыка как судьба. М., 2002. С. 308.

Тэсс Т. Друзья моей души. М., 1982. С. 229.

195

Тарасов-Родионов А. И. Последняя встреча с Есениным / Публ. С. В. Шумихина // Минувшее. Исторический альманах. 11. М. — СПб., 1992. С. 367.

196

«Я родился при царе и десять лет жизни прожил в нормальных условиях». Вспоминает поэт Семен Липкин // Независимая газета. 2001. 15 сентября. С. 11.

197

Там же.

См.: *Липкин С. И.* Катаев и Одесса // Знамя. 1997. № 1. С. 212.

199

Антокольский П. Мир поэта // Литературная газета. 1939. 15 февраля. С. 2.

Миндлин Э. Необыкновенные собеседники. Литературные воспоминания. М., 1968. С. 130.

201

Катаев Валентин. Бездельник Эдуард. М.—Л., 1925. С. 12

Там же. С. 37.

Олеша Ю. К. Книга прощания. М., 2001. С. 170.

Катаев Валентин. Бездельник Эдуард. М.—Л., 1925. С. 37.

205

Липкин С. И. Страничка автобиографии // Липкин С. И. Декада. М., 1990. С. 6–7.

Данилов Н. // Эдуард Багрицкий. Воспоминания современников. М., 1973. С. 79.

Шишова З. К. // Воспоминания о Юрии Олеше. М., 1975. С. 37–38.

208

Ершов П. Одесская «Зеленая лампа». Из воспоминаний // Новое русское слово. Нью-Йорк. 1951. 21 января. С. 3.

209

Катаев Валентин. Бездельник Эдуард. М.—Л., 1925. С. 14.

210

Спивак М. Л. Посмертная диагностика гениальности. Э. Багрицкий, Андрей Белый, В. Маяковский в коллекции Института мозга (материалы из архива Г. И. Полякова). М., 2001. С. 129.

Там же. С. 186.

212

По книге: *Шишова З.* Пенаты. Стихи. Одесса, 1919. С. 18.

213

«Я родился при царе и десять лет жизни прожил в нормальных условиях». Вспоминает поэт Семен Липкин // Независимая газета. 2001. 15 сентября. С. 11.

Спивак М. Л. Посмертная диагностика гениальности. Э. Багрицкий, Андрей Белый, В. Маяковский в коллекции Института мозга (материалы из архива Г. И. Полякова). М., 2001. С. 136.

215

Там же. С. 119.

216

Бобович Б. Юность // Литературная газета. 1939. 15 февраля. С. 2.

217

Левин Ф. // Эдуард Багрицкий. Альманах. М., 1936. С. 375–376.

218

Спивак М. Л. Посмертная диагностика гениальности. Э. Багрицкий, Андрей Белый, В. Маяковский в коллекции Института мозга (материалы из архива Г. И. Полякова). М., 2001. С. 96.

219

См.: *Плетнева Е. //* Эдуард Багрицкий. Воспоминания современников. М., 1973. С. 165.

Грузинов И. В. // С. А. Есенин в воспоминаниях современников: в 2-х тт. М., 1986. Т. 1. С. 371.

221

Мариенгоф А. Б. Роман без вранья. Циники. Мой век, моя молодость… М., 1988. С. 17, 18.

Тарасов-Родионов А. И. Последняя встреча с Есениным / Публ. С. В. Шумихина // Минувшее. Исторический альманах. 11. М. — СПб., 1992. С. 371.

223

Гехт С. // И. Бабель. Воспоминания современников. М., 1972. С. 66.

Михаил и Елена Булгаковы. Дневник Мастера и Маргариты. М., 2001. С. 27.

225

Миндлин Э. Необыкновенные собеседники. Литературные воспоминания. М., 1968. С. 138.

226

РГАЛИ. Ф. 1723. Оп. 3. Ед. хр. 1. Л. 95–96.

227

Там же.

Миндлин Э. Необыкновенные собеседники. Литературные воспоминания. М., 1968. С. 129

229

Там же. С. 145.

Там же. С. 145.

231

Подробнее о сотрудничестве Булгакова с «Накануне» см.: *Миндлин Э. Л.* // Воспоминания о Михаиле Булгакове. М., 1988. С. 145–157, Чудакова 1988. С. 158–245.

Михаил и Елена Булгаковы. Дневник Мастера и Маргариты. М., 2001. С. 35.

233

Цит. по: *Чудакова М. О.* Жизнеописание Михаила Булгакова. М., 1988. С. 184.

Там же. С. 185.

235

РГАЛИ, Ф. 1723. Оп. 3. Ед. хр. 1. Л. 27.

236

Эту фотографию без катаевских «пояснений» см.: *Чудакова М. О.* Жизнеописание Михаила Булгакова. М., 1988. С. 154.

237

Опубл.: *Чудакова М. О.* Жизнеописание Михаила Булгакова. М., 1988. С. 250; цит. по: ОР РГБ. Ф. 5462. Карт. 1. Ед. хр. 4.

Булгаков М. А. Собр. соч.: В 5-ти тт. Т. 2. / Подгот. текста и коммент. В. Гудковой и Л. Фиалковой. М., 1989. С. 72.

239

ОР РГБ. Ф. 5462. Карт. 1. Ед. хр. 5.

Чудакова М. О. // Воспоминания о Михаиле Булгакове. М., 1988. С. 495.

241

Там же.

См.: *Чудакова М. О.* Жизнеописание Михаила Булгакова. М., 1988. С. 197.

Михаил и Елена Булгаковы. Дневник Мастера и Маргариты. М., 2001. С. 27, 28, 50, 56.

244

См. коммент. В. Гудковой и Л. Фиалковой в изд.: *Булгаков М. А.* Собр. соч.: В 5-ти тт. Т. 2. / Подгот. текста и коммент. В. Гудковой и Л. Фиалковой. М., 1989. С. 709–710.

Катаев В. П. // Воспоминания о Михаиле Булгакове. М., 1988. С. 123.

См. об этом: *Булгаков М. А.* Собр. соч.: В 5-ти тт. Т. 2. / Подгот. текста и коммент. В. Гудковой и Л. Фиалковой. М., 1989. С. 733.

Чудакова М. О. Жизнеописание Михаила Булгакова. М., 1988. С. 214.

Письма: Жизнеописание в документах / Михаил Афанасьевич Булгаков; Сост.: В. И. Лосев и В. В. Петелин. М., 1989. С. 77.

249

Михаил и Елена Булгаковы. Дневник Мастера и Маргариты. М., 2001. С. 35.

Катаев Валентин. Бездельник Эдуард. М.—Л., 1925. С. 48.

251

Катаев В. П. // Воспоминания о Михаиле Булгакове. М., 1988. С. 124.

Миндлин Э. Необыкновенные собеседники. Литературные воспоминания. М., 1968. С. 149.

253

Цит. по: Письма: Жизнеописание в документах / Михаил Афанасьевич Булгаков; Сост.: В. И. Лосев и В. В. Петелин. М., 1989. С. 85.

Катаев В. П. // Воспоминания о Михаиле Булгакове. М., 1988. С. 123.

Там же. С. 493–494.

Олеша Ю. К. Книга прощания. М., 2001. С. 25.

Булгаков М. А. Собр. соч.: В 5-ти тт. Т. 2. / Подгот. текста и коммент. В. Гудковой и Л. Фиалковой. М., 1989. С. 76.

См.: *Чудакова М. О.* Жизнеописание Михаила Булгакова. М., 1988. С. 289.

Ходасевич В. М. Портреты словами. Очерки. М., 1987. С. 89.

Булгаков М. А. Собр. соч.: В 5-ти тт. Т. 2. / Подгот. текста и коммент. В. Гудковой и Л. Фиалковой. М., 1989. С. 259.

261

Белозерская Л. Е. // Воспоминания о Михаиле Булгакове. М., 1988. С. 222–223.

Там же. С. 269–270.

263

Там же. С. 439.

Там же. С. 126.

Чудакова М. О. Жизнеописание Михаила Булгакова. М., 1988. С. 239.

Там же. С. 212.

267

См.: *Белозерская Л. Е.* // Воспоминания о Михаиле Булгакове. М., 1988. С. 193–194.

Чудакова М. О. Жизнеописание Михаила Булгакова. М., 1988. С. 239.

Лакшин В. Я. О прозе Михаила Булгакова и о нем самом // Булгаков М. А. Избранная проза. М., 1966. С. 8.

Звезда. 1924. № 3. С. 311.

Цит. по: *Булгаков М. А.* Собр. соч.: В 5-ти тт. Т. 2. / Подгот. текста и коммент. В. Гудковой и Л. Фиалковой. М., 1989. С. 664.

Миндлин Э. Необыкновенные собеседники. Литературные воспоминания. М., 1968. С. 151–152.

См.: *Чудакова М. О.* Жизнеописание Михаила Булгакова. М., 1988. С. 214.

См. ее воспроизведение: Там же. С. 269.

Эрлих А. Нас учила жизнь. М., 1960. С. 74–76.

Чудакова М. О. Жизнеописание Михаила Булгакова. М., 1988. С. 214.

277

Ильф И., Петров Е. Двенадцать стульев. Первый полный вариант романа с комм. М. Одесского и Д. Фельдмана. М., 1997. С. 142.

См.: Письма: Жизнеописание в документах / Михаил Афанасьевич Булгаков; Сост.: В. И. Лосев и В. В. Петелин. М., 1989. С. 97.

279

См.: *Чудакова М. О.* Жизнеописание Михаила Булгакова. М., 1988. С. 240–241.

Там же. С. 250.

281

См.: Письма: Жизнеописание в документах / Михаил Афанасьевич Булгаков; Сост.: В. И. Лосев и В. В. Петелин. М., 1989. С. 133, 134, 180.

Земская Е. А. // Воспоминания о Михаиле Булгакове. М., 1988. С. 57.

283

Там же. С. 458.

Письма: Жизнеописание в документах / Михаил Афанасьевич Булгаков; Сост.: В. И. Лосев и В. В. Петелин. М., 1989. С. 262.

285

Печать и революция. 1925. № 5–6. С. 521–522.

Симонов К. О трех романах Михаила Булгакова // Булгаков М. А. Белая гвардия. Театральный роман. Мастер и Маргарита. М., 1973. С. 9.

Булгакова Е. С. // Воспоминания о Михаиле Булгакове. М., 1988. С. 382.

Там же. С. 96.

Паустовский К. Г. // Там же. С. 106.

Ермолинский С. // Там же. С. 434.

291

РГАЛИ. Ф. 358. Оп. 1. Ед. хр. 21. Л. 14.

См.: *Чудакова М. О.* Жизнеописание Михаила Булгакова. М., 1988. С. 123.

293

Корабль. 1923. Январь. С. 51.

См.: Огонек. 1954. № 4.

295

Положение о Главном Политическом Просветительном Комитете Республики (Главполитпросвет) // Отчет о работе политпросвета Наркомпроса. М., 1920. С. 23.

См.: *Янгиров Р.* М. А. Булгаков — секретарь Лито Главполитпросвета // М. А. Булгаков-драматург и художественная культура его времени. С. 225, 241–242.

Катаев В. П. Уже написан Вертер / Реальный коммент. к повести С. З. Лущика. Одесса, 1999. С. 219.

См.: Там же. С. 110.

299

См.: Главполитпросвет РСФср. № 30. По революционному! По деловому! (Все на борьбу с голодом). М., 1922. С. 3, 10.

300

См.: РГАЛИ. Ф. 600. Оп. 3. Ед. хр. 19. Л. 4.

301

См.: «Счастье литературы». Государство и писатели. 1925–1938. Документы / Сост. Д. Л. Бабиченко. М., 1997. С. 298.

См.: Блюм А. В. Советская цензура в эпоху тотального террора. 1929–1953. СПб., 2000. С. 47.

303

См. «Рупор» № 4. С. 14; № 5. С. 16.

«Рупор» № 2. С. 10–12.

305

«Рупор» № 4. С. 6–7.

Катаев Валентин. Трава забвенья. М., 2000. С. 340.

Миндлин Э. Необыкновенные собеседники. Литературные воспоминания. М., 1968. С. 147–148.

См.: *Чудакова М. О.* // Воспоминания о Михаиле Булгакове. М., 1988. С. 492.

309

Там же. С. 492.

Катаев В. П. // Воспоминания о Михаиле Булгакове. М., 1988. С. 124.

311

Там же. С. 21.

312

Письма: Жизнеописание в документах / Михаил Афанасьевич Булгаков; Сост.: В. И. Лосев и В. В. Петелин. М., 1989. С. 60.

Михаил и Елена Булгаковы. Дневник Мастера и Маргариты. М., 2001. С. 21.

314

Там же.

315

Там же.

316

См.: *Светлаева В. М.* Леля Булгакова (Елена Афанасьевна Светлаева) // Новое литературное обозрение. № 56. 2002. С. 221, 223.

Белозерская Л. Е. // Воспоминания о Михаиле Булгакове. М., 1988. С. 220.

Катаев Валентин. Бездельник Эдуард. М.—Л., 1925. С. 48.

319

Явич А. // Воспоминания о Михаиле Булгакове. М., 1988. С. 158.

Белозерская Л. Е. // Там же. С. 221.

Яншин М. // Там же. С. 271.

322

Цит. по: *Чудакова М. О.* Жизнеописание Михаила Булгакова. М., 1988. С. 149.

Там же. С. 187–188.

Там же. С. 219.

325

Катаев Валентин. Бездельник Эдуард. М.—Л., 1925. С. 66.

Лакшин В. Я. // Воспоминания о Михаиле Булгакове. М., 1988. С. 19.

Там же. С. 53.

Там же. С. 111.

329

Цит. по: Письма: Жизнеописание в документах / Михаил Афанасьевич Булгаков; Сост.: В. И. Лосев и В. В. Петелин. М., 1989. С. 93.

Катаев Валентин. Бездельник Эдуард. М.—Л., 1925. С. 53.

331

Цит. по: *Чудакова М. О.* Жизнеописание Михаила Булгакова. М., 1988. С. 149.

Катаев Валентин. Бездельник Эдуард. М.—Л., 1925. С. 55.

Чудакова М. О. Жизнеописание Михаила Булгакова. М., 1988. С. 214.

Мандельштам Н. Я. Воспоминания. Нью-Йорк, 1970. С. 296.

Катаев Валентин. Бездельник Эдуард. М.—Л., 1925. С. 49.

Цит. по: Катаев В. П. Собр. соч.: В10-ти тт. Т. 10. М., 1986. С. 649.

Катаев Валентин. Бездельник Эдуард. М.—Л., 1925. С. 46.

Цит. по: *Панкин Б.* На грани стихий // Новый мир. 1986. № 8. С. 250.

339

Милашевский В. А. Мандельштам / Публ. В. Д. Добромирова // Филологические записки. Вестник литературоведения и языкознания. Воронеж, 1994. Вып. 2. С. 94.

Мандельштам Н. Я. Воспоминания. Нью-Йорк, 1970. С. 299.

341

Блок А. А. Дневник. М., 1989. С. 304.

Мандельштам Н. Я. Вторая книга. М., 1990. С. 164, 388.

343

Катаев Валентин. Бездельник Эдуард. М.—Л., 1925. С. 41, 44.

Цит. по: *Катаев В. П.* Собр. соч.: В 10-ти тт. Т. 10. С. 645.

345

Катаев Валентин. Бездельник Эдуард. М.—Л., 1925. С. 47.

Светлаева В. М. Леля Булгакова (Елена Афанасьевна Светлаева) // Новое литературное обозрение. № 56. 2002. С. 223.

347

Цит. по: *Катаев В. П.* Собр. соч.: В10-ти тт. Т. 10. С. 646.

Катаев Валентин. Бездельник Эдуард. М.—Л., 1925. С. 60.

349

Цит. по: *Катаев В. П.* Собр. соч.: В10-и тт. Т. 10. М., 1986. С. 646.

См.: *Светлаева В. М.* Леля Булгакова (Елена Афанасьевна Светлаева) // Новое литературное обозрение. № 56. 2002. С. 221.

351

Там же. С. 226.

352

Валентин Катаев, Л. Никулин. Крупская на трибуне // Известия. 1934. 8 марта. С. 3.

353

Липкин С. И. Угль, пылающий огнем // Литературное обозрение. 1987. № 12. С. 99.

Геритейн Э. Г. Мемуары. СПб., 1998. С. 10.

355

Литературные шушу(т)ки. Литературные секреты. М., 1928. С. 8.

См., например, *Мандельштам О. Э.* Полн. собр. стихотв. СПб., 1995. С. 372.

Коммунист. Харьков, 1921. 2 августа. С. 4.

Яськов Вл. Хлебников. Косарев. Харьков // Волга. 1999. № 11. С. 119.

Эрлих А. Нас учила жизнь. М., 1960. С. 187.

Мандельштам Н. Я. Воспоминания. Нью-Йорк, 1970. С. 298.

361

ОР РНБ. Ф. 260. Ед. хр. 2. Л. 26.

Миндлин Э. Необыкновенные собеседники. Литературные воспоминания. М., 1968. С. 159.

363

Там же. С. 160–161.

364

Спивак М. Л. Посмертная диагностика гениальности. Э. Багрицкий, Андрей Белый, В. Маяковский в коллекции Института мозга (материалы из архива Г. И. Полякова). М., 2001. С. 98.

Там же. С. 182.

Катаев В. П. Уже написан Вертер / Реальный коммент. к повести С. З. Лущика. Одесса, 1999. С. 19.

Берберова Н. Н. Курсив мой. Автобиография. М., 2001. С. 154.

Воспоминания о Юрии Олеше. М., 1975. С. 169.

Олеша Ю. К. Книга прощания. М., 2001. С. 66–68, 70.

Там же. С. 80.

Гудкова В. В. Примечания // *Олеша Ю. К.* Книга прощания. М., 2001. С. 448.

Гладков А. К. // Воспоминания о Юрии Олеше. М., 1975. С. 275.

Новый мир. 2000. № 5. С. 120.

Олеша Ю. К. Книга прощания. М., 2001. С. 243.

Там же. С. 191.

Олеша Ю. К. Избранные сочинения. М., 1956. С. 144.

Бобович Б. // Воспоминания о Юрии Олеше. М., 1975. С. 24.

Блок А. А. Собр. соч.: в 8-ми тт. Т. 8. М.—Л., 1963. С. 284.

Бобович Б. // Воспоминания о Юрии Олеше. М., 1975. С. 23.

Шишова З. К. // Там же. С. 29.

Старостин А. // Там же. С. 57–58.

Олеша Ю. К. Книга прощания. М., 2001. С. 55.

Славин Л. И. // Воспоминания о Юрии Олеше. М., 1975. С. 11.

Шкловский В. Б. // Там же. С. 299.

385

Цит. по: *Катаев В. П.* Собр. соч.: в 10-ти тт. Т. 10. М., 1986. С. 542.

386

См.: Лиля Брик — Эльза Триоле. Неизданная переписка. (1921–1970). М., 2000. С. 509.

387

Гофф И. На белом фоне. Рассказы. Воспоминания. М., 1993. С. 11.

Катаев Валентин. Бездельник Эдуард. М.—Л., 1925. С. 10.

Олеша Ю. К. Книга прощания. М., 2001. С. 369.

390

РО ГЛМ. Ф. 139. Оп. 1. Д. 1а. Л. 6–8.

391

Олеша Ю. К. Книга прощания. М., 2001. С. 381–383.

Там же. С. 344, 371.

Брик Л. Ю. // В. Маяковский в воспоминаниях современников. М., 1963. С. 347.

Олеша Ю. К. Книга прощания. М., 2001. С. 330.

Там же. С. 371–374.

Маяковский В. В. Полн. собр. соч.: в 13-ти тт. Т. 11. М., 1958. С. 280.

Славин Л. И. // Воспоминания о Юрии Олеше. М., 1975. С. 13–14.

Олеша Ю. К. Книга прощания. М., 2001. С. 294–297.

399

См.: Знамя коммунизма. 1965. 11 августа. С. 3; см. также: *Олеша Юрий.* Облака: Стихи. Одесса, 1999. С. 11.

400

РГАЛИ. Ф. 358. Оп. 2. Ед. хр. 38. Л. 10.

401

РГАЛИ. Ф. 358. Оп. 1. Ед. хр. 21. Л. 4.

См.: РГАЛИ. Ф. 358. Оп. 2. Ед. хр. 386. Л. 8.

Бобович Б. // Воспоминания о Юрии Олеше. М., 1975. С. 24.

Ершов П. Одесская литературная колыбель (Отрывки из воспоминаний) // Опыты. Нью-Йорк. 1957. № 8. С. 97.

405

ОР РНБ. Ф. 260. Ед. хр. 11. Л. 3–4.

Чарный М. Б. Время и его герои. Встречи с писателями и книгами. М., 1973. С. 335.

407

«Я родился при царе и десять лет жизни прожил в нормальных условиях». Вспоминает поэт Семен Липкин // Независимая газета. 2001. 15 сентября. С. 11.

См.: ОР РНБ. Ф. 260. Ед. Хр. 24. Л. 2–Л. 2 об.

Чудакова М. О. Литература советского прошлого. М., 2001. С. 77.

410

Цит. по: *Гудкова В.* Ю. Олеша и В. Мейерхольд в работе над спектаклем «Список благодеяний». М., 2002. С. 137.

411

Катаев Валентин. Бездельник Эдуард. М.—Л., 1925. С. 11, 12.

Там же. С. 13.

Огнев В. Ф. Амнистия таланту. Блики памяти. М., 2001. С. 259.

Там же. С. 252.

415

РГАЛИ. Ф. 1723. Оп. 3. Ед. хр. 1. Л. 97.

Катаев Валентин. Бездельник Эдуард. М.—Л., 1925. С. 63.

417

Цит. по: *Мандельштам О. Э.* Соч.: в 2-х тт. Т. 2. М., 1990. С. 41.

См.: *Катаев В. П.* Уже написан Вертер / Реальный коммент. к повести С. З. Лущика. Одесса, 1999. С. 82.

419

Толстой Л. Н. Анна Каренина // Толстой Л. Н. Полн. собр. соч.: в 90 тт. Т. 19. М., 1935. С. 166.

Славин Л. И. // Воспоминания о Юрии Олеше. М., 1975. С. 11.

421

Паустовский К. Г. Повесть о жизни. Время больших ожиданий. Бросок на юг. Книга скитаний. М., 2002. С. 141.

422

Спивак М. Л. Посмертная диагностика гениальности. Э. Багрицкий, Андрей Белый, В. Маяковский в коллекции Института мозга (материалы из архива Г. И. Полякова). М., 2001. С. 179–180.

Там же. С. 180–182.

См. это фото, например, в издании: *Нарбут В. И.* Стихотворения. М., 1990. Иллюстрации между страницами 382 и 403.

425

Тименчик Р. Д. Нарбут Владимир Иванович // Русские писатели. Биографический словарь. Т. 4. М.—П. М., 1999. С. 229.

Чертков Л. Судьба Владимира Нарбута // Нарбут В. И. Избранные стихи. Paris, 1983. С. 21.

427

Бялосинская Н., Панченко Н. Косой дождь // Нарбут В. И. Стихотворения. М., 1990. С. 7.

Нарбут Т. Р., Устиновский В. Н. Владимир Нарбут // Ново-Басманная, 19. М., 1990. С. 320.

Катаев В. П. Уже написан Вертер / Реальный коммент. к повести С. З. Лущика. Одесса, 1999. С. 22.

См.: *Скорино Л.* Писатель и его время. М., 1965. С. 162.

Подробнее см.: *Берловская Л. В.* Владимир Нарбут в Одессе // Русская литература. 1982. № 3.

См.: *Яськов Вл.* Хлебников. Косарев. Харьков. С. 119.

Олеша Ю. К. Избранные сочинения. М., 1956. С. 26.

Катаев Валентин. Бездельник Эдуард. М.—Л., 1925. С. 26.

435

Владимир Нарбут. Стихи и письма / Публ. и коммент. Л. Пустильник // Арион. 1995. № 3. С. 50.

Цит. по: *Бялосинская Н., Панченко Н.* Косой дождь // Нарбут В. И. Стихотворения. М., 1990. С. 27.

Там же.

Катаев В. П. Автобиография // Советские писатели. Автобиографии: в 2-х тт. Т. 1. М., 1959. С. 540.

439

Катаев Валентин. Бездельник Эдуард. М.—Л., 1925. С. 74.

Частное собрание.

441

См.: *Толстой Л. Н.* Полн. собр. соч.: в 90 тт. Т. 34. М.—Л., 1950. С. 346.

См.: *Бондарин С.* Парус плаваний и воспоминаний. М., 1971. С. 127.

Лица. Биографический альманах. 5. М. — СПб., 1994. С. 377.

Литературная газета. 1940. 15 сентября. С. 2.

Гаспаров М. Л. Русские стихи 1890-х–1925-го годов в комментариях. М., 1993. С. 90.

446

Владимир Нарбут. Стихи и письма / Публ. и коммент. Л. Пустильник // Арион. 1995. № 3. С. 48, 47.

447

Паустовский К. Г. Повесть о жизни. Время больших ожиданий. Бросок на юг. Книга скитаний. С. 141.

Тименчик Р. Д. Нарбут Владимир Иванович // Русские писатели. Биографический словарь. Т. 4. М.—П. М., 1999. С. 228.

Нарбут Т. Р., Устиновский В. Н. Владимир Нарбут // Ново-Басманная, 19. М., 1990. С. 320.

450

См.: Правда. 1928. 3 октября.

451

ЦА ФСБ РФ. Ф. 3. Оп. 3. Д. 121. Л. 61.

Цветаева М. И. Собр. соч.: в 7-ми тт. Т. 4. М., 1994. С. 212.

Пастернак Б. Л. Люди и положения // Пастернак. С. 457.

454

Сергей Есенин в стихах и жизни. Письма. Документы. М., 1995. С. 391.

Гладков А. К. Встречи с Пастернаком. М., 2002. С. 227–228.

Пастернак Б. Л. Воздушные пути. Проза разных лет. М., 1982. С. 457.

Брик Л. Ю. // В. Маяковский в воспоминаниях современников. М., 1963. С. 352.

Янгфельдт Б. Любовь это сердце всего. В. В. Маяковский и Л. Ю. Брик. Переписка. 1915–1930. М., 1991. С. 184.

Асеева К. М. // Воспоминания о Н. Асееве. М., 1980. С. 12.

Там же. С. 53.

Литературная газета. 1929. 26 августа. С. 3.

Петровская О. // Воспоминания о Н. Асееве. М., 1980. С. 58.

Грузинов И. В. // С. А. Есенин в воспоминаниях современников: в 2-х тт. М., 1986. Т. 1. С. 368.

Асеев Н. Н. // Сергей Александрович Есенин. Воспоминания. М.—Л., 1926. С. 192.

Эрлих В. // С. А. Есенин в воспоминаниях современников: в 2-х тт. М., 1986. Т. 2. С. 341.

Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. Т. 6. Л., 1951. С. 60.

Гоголь Н. В. Вий // Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. Т. 2. Л., 1937. С. 186.

Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. Т. 6. С. 125.

С. Д. Спасский // С. А. Есенин. Материалы к биографии. М., 1992. С. 201.

Асеев Н. Н. Три встречи с Есениным // Сергей Александрович Есенин. Воспоминания. М.—Л., 1926. С. 184.

Там же. С. 186.

Там же. С. 189–190.

Там же. С. 190.

Там же. С. 191.

Асеев Н. Н. Родословная поэзии. Статьи. Воспоминания. Письма. М., 1990. С. 341.

Незнамов П. В. // В. Маяковский в воспоминаниях современников. М., 1963. С. 358.

Олеша Ю. К. Книга прощания. М., 2001. С. 192.

Спасский С. Д. // С. А. Есенин. Материалы к биографии. М., 1992. С. 203.

479

Мариенгоф А. Б. Роман без вранья. Циники. Мой век, моя молодость… М., 1988. С. 49.

Мариенгоф А. Б. Роман без вранья. Циники. Мой век, моя молодость… М., 1988. С. 28.

Старцев И. // С. А. Есенин в воспоминаниях современников: в 2-х тт. М., 1986. Т. 1. С. 415.

Олеша Ю. Памяти Ильфа // Вопросы литературы. 1962. № 6. С. 179.

Олеша Ю. К. Книга прощания. М., 2001. С. 119.

Старцев И. // С. А. Есенин в воспоминаниях современников: в 2-х тт. М., 1986. Т. 1. С. 417.

С. А. Есенин. Материалы к биографии. М., 1992. С. 372.

Ходасевич В. Ф. Есенин // Ходасевич В. Ф. «Некрополь» и другие воспоминания. М., 1992. С. 168.

Якобсон Р. О. Новые строки Маяковского // Русский литературный архив. Нью-Йорк,1956. С. 191.

Спивак М. Л. Посмертная диагностика гениальности. Э. Багрицкий, Андрей Белый, В. Маяковский в коллекции Института мозга (материалы из архива Г. И. Полякова). М., 2001. С. 87.

Мандельштам Н. Я. Вторая книга. М., 1990. С. 52.

Там же. С. 51.

491

Чуковский К. И. Дневник. 1930–1969. М., 1994. С. 288.

Шостакович Д. Д. // В. Маяковский в воспоминаниях современников. М., 1963. С. 315.

Саянов В. М. // Там же. С. 513.

Сейфуллина Л. Н. // Там же. С. 487.

495

Катаев Валентин, Олеша Юрий. Друг. К десятой годовщине со дня смерти И. Ильфа // Литературная газета. 1947. 12 апреля. С. 4.

Геритейн Э. Г. Мемуары. СПб., 1998. С. 43.

Там же. С. 43.

См.: Нарбут В. И. Стихотворения. М., 1990. С. 379.

499

Там же. С. 373.

Олеша Ю. К. Книга прощания. М., 2001. С. 316–317.

501

Цветаева А. И. Воспоминания. М., 1995. С. 22.

Зорин М. // Воспоминания о Юрии Олеше. М., 1975. С. 93–94.

503

Зелинский К. Критические письма. Кн. вторая. М., 1934. С. 210.

Овчинников И. // Воспоминания о Юрии Олеше. М., 1975. С. 44–45.

505

Там же. С. 50.

Олеша Ю. К. Книга прощания. М., 2001. С. 199.

Новое время. 2002. № 35. (1 сентября). С. 27.

Литература и жизнь. 1958. 7 декабря. С. 4.

509

Овчинников И. // Воспоминания о Юрии Олеше. М., 1975. С. 46.

Славин Л. И. // Воспоминания об Илье Ильфе и Евгении Петрове. М., 1963. С. 41.

511

Там же. С. 28.

512

Окс Е. Из воспоминаний // *Петров Е.* Мой друг Ильф. М., 2001. С. 256.

513

Катаев Валентин, Олеша Юрий. Друг. К десятой годовщине со дня смерти И. Ильфа // Литературная газета. 1947. 12 апреля. С. 4.

Олеша Ю. К. // Воспоминания об Илье Ильфе и Евгении Петрове. М., 1963. С. 28.

Бондарин С. // Там же. С. 60.

Лишина Т. // Там же. С. 74.

Славин Л. И. // Там же. С. 43.

Славин Л. И. // Там же. С. 41–42.

519

Окс Е. Из воспоминаний // *Петров Е.* Мой друг Ильф. М., 2001. С. 260.

Лишина Т. // Воспоминания об Илье Ильфе и Евгении Петрове. М., 1963. С. 74.

521

Бондарин С. // Эдуард Багрицкий. Воспоминания современников. М., 1973. С. 229.

Воспоминания об Илье Ильфе и Евгении Петрове. М., 1963. С. 28.

523

Там же. С. 43.

См.: *Окс Е.* Из воспоминаний // *Петров Е.* Мой друг Ильф. М., 2001. С. 260.

525

Гехт С. // Воспоминания об Илье Ильфе и Евгении Петрове. М., 1963. С. 118.

Штих М. // Там же. С. 102.

Там же. С. 103.

Эрлих А. И. // Там же. С. 125.

529

Там же.

530

ИМЛИ. Ф. 107. Оп. 1. Ед. хр. 20.

Олеша Ю. К. Книга прощания. М., 2001. С. 398.

Олеша Ю. К. Избранные сочинения. М., 1956. С. 271.

См.: *Олеша Ю. К.* Избранные сочинения. М., 1956. С. 44.

Березарк И. Штрихи и встречи. Л., 1982. С. 77.

Катаев Валентин. Трава забвенья. М., 2000. С. 312.

Катаев В. П. Собр. соч.: в 10-ти тт. Т. 8. М., 1985. С. 287.

537

Ильф И. А. Записные книжки. Первое полное издание. М., 2000. С. 566.

538

Окс Е. Из воспоминаний // *Петров Е.* Мой друг Ильф. М., 2001. С. 257.

Славин Л. И. // Воспоминания об Илье Ильфе и Евгении Петрове. М., 1963. С. 68.

Окс Е. Из воспоминаний // *Петров Е.* Мой друг Ильф. М., 2001. С. 264.

541

РГАЛИ. Ф. 1821. Оп. 1. Ед. хр. 7. Л. 3.

Цит. по: *Петров Е.* Мой друг Ильф. М., 2001. С. 96.

543

Ардов В. Е. Ильф и Петров (Воспоминания и мысли) // Знамя. 1945. № 7. С. 131.

РГАЛИ. Ф. 1821. Оп. 1. Ед. хр. 7. Л. 4.

Там же. Л. 4.

Эрлих А. Нас учила жизнь. М., 1960. С. 59.

Цит. по: *Петров Е.* Мой друг Ильф. М., 2001. С. 198.

Чукоккала. Рукописный альманах К. Чуковского. М., 1979. С. 356.

549

Там же.

Олеша Ю. К. Книга прощания. М., 2001. С. 327.

Добужинский М. В. Письма. СПб, 2001. С. 214.

См.: Там же. С. 22, 382.

553

РГАЛИ. Ф. 358. Оп. 1. Ед. хр. 20. Л. 39.

Там же.

Российская газета. 2002. 14 декабря. С. 6.

556

Ардов В. Е. Ильф и Петров (Воспоминания и мысли) // Знамя. 1945. № 7. С. 135.

557

Ефимов Б. Е. Десять десятилетий. О том, что видел, пережил, запомнил. М., 2000. С. 67.

Катаев В. П. Собр. соч.: В 10-ти тт. Т. 4. М., 1984. С. 160, 268.

Иванов Вс. Дневники. М., 2001. С. 153.

560

РГБ. Ф. 831. Карт. 3. Ед. хр. 64.

561

ОР РГБ. Ф. 831. Карт. 3. Ед. хр. 64.

Катаев Валентин. Трава забвенья. М., 2000. С. 270–272.

Петров Е. Мой друг Ильф. М., 2001. С. 139.

См., например, *Козачинский А.* Зеленый фургон. М., 1940.

Петров Е. Мой друг Ильф. М., 2001. С. 138–139.

Там же. С. 132.

Там же. С. 127.

568

Ардов В. Е. Ильф и Петров (Воспоминания и мысли) // Знамя. 1945. № 7. С. 117.

Петров Е. Мой друг Ильф. М., 2001. С. 93.

Там же. С. 132–133.

571

Мандельштам Н. Я. Воспоминания. Нью-Йорк, 1970. С. 298.

Миндлин Э. Необыкновенные собеседники. Литературные воспоминания. М., 1968. С. 122.

Ардов В. Е. Ильф и Петров (Воспоминания и мысли) // Знамя. 1945. № 7. С. 117.

Петров Е. Мой друг Ильф. М., 2001. С. 140.

Миндлин Э. Необыкновенные собеседники. Литературные воспоминания. М., 1968. С. 130.

См. об этом: Там же. С. 131.

Петров Е. Мой друг Ильф. М., 2001. С. 140.

Ардов В. Е. Ильф и Петров (Воспоминания и мысли) // Знамя. 1945. № 7. С. 117.

Катаев Валентин. Трава забвенья. М., 2000. С. 378–79.

Цит. по: *Моруа А.* Три Дюма. М.,1965. С. 162.

581

Петров Е. // Воспоминания об Илье Ильфе и Евгении Петрове. М., 1963. С. 16–17.

Шкловский В. Б. Гамбургский счет. Статьи. Воспоминания. Эссе (1914–1933). М., 1990. С. 473.

583

См.: Переписка Л. Н. Лунца с М. Горьким / Предисл., публ. и примечания А. Л. Евстигнеевой // Лица: Биографический альманах. 5. М., СПб.,1994. С. 360.

Шкловский В. Б. Гамбургский счет. Статьи. Воспоминания. Эссе (1914–1933). М., 1990. С. 370.

Каверин В. А. Эпилог. М., 1989. С. 358.

586

См.: *Ильф И., Петров Е.* Двенадцать стульев. Первый полный вариант романа с комм. М. Одесского и Д. Фельдмана. М., 1997. С. 5–6.

Там же. С. 8.

Там же.

См. об этом: *Ильф И. А.* Записные книжки. С. 53–114.

Петров Е. // Воспоминания об Илье Ильфе и Евгении Петрове. М., 1963. С. 17.

591

РГАЛИ. Ф. 1723. Оп. 3. Ед. хр. 1. Л. 13.

592

См.: Беседа с автором // Современный театр. 1928. № 39. С. 614.

30 дней. 1928. № 10. С. 80–81.

594

РО ГЛМ. Ф. 139. Оп. 1., Д. 20. Л. 7.

Петров Е. // Воспоминания об Илье Ильфе и Евгении Петрове. М., 1963. С. 20.

Там же.

Петров Е. Мой друг Ильф. М., 2001. С. 24.

Шкловский В. Б. Гамбургский счет. Статьи. Воспоминания. Эссе (1914–1933). М., 1990. С. 473.

599

Петров Е. // Воспоминания об Илье Ильфе и Евгении Петрове. М., 1963. С. 20–21.

Ильф И., Петров Е. Золотой теленок. М., 1995. С. 323.

601

Ильф И., Петров Е. Двенадцать стульев. Первый полный вариант романа с комм. М. Одесского и Д. Фельдмана. М., 1997. С. 402.

Бондарин С. Парус плаваний и воспоминаний. М., 1971. С. 126.

603

Пчхеидзе А. Авантюристы, писатели, прототипы // Collegium. <Киев>, 1993. № 2. С. 161–163.

См.: *Катаев Валентин.* Трава забвенья. М., 2000. С. 250.

605

Ильф И., Петров Е. Двенадцать стульев. Первый полный вариант романа с комм. М. Одесского и Д. Фельдмана. М., 1997. С. 189.

606

Рассказ О. Шора цит. по заметке: *Александров Р., Голубовский Е.* Поэт Анатолий Фиолетов // Альманах библиофила. Вып. IX. М., 1980. С. 238.

607

Ершов П. Одесская «Зеленая лампа». Из воспоминаний // Новое русское слово. Нью-Йорк. 1951. 21 января. С. 3.

608

РО ГЛМ. Ф. 139. Оп. 1. Д. 20. Л. 5.

Шишова З. К. // Эдуард Багрицкий. Воспоминания современников. М., 1973. С. 61.

610

По альбому Г. И. Долинова; ОР РНБ. Ф. 260. Ед. хр. 2. Л. 10.

611

РО ГЛМ. Ф. 349. Оп. 1. Д. 1152. Л. 2, Л. 3, Л. 6–8.

612

См.: *Арензон Е. Р.* Свобода, богиня, весна… (Стихотворение «Свобода приходит нагая…» в контексте основных творческих идей В. Хлебникова // Хлебниковские чтения. Материалы конференции 27–29 ноября 1990 г. СПб., 1991.

613

См.: *Янгфельдт Б.* Якобсон-будетлянин. Сб. материалов. Stockholm, 1992. С. 45.

614

Собр. произвед. Велимира Хлебникова: в 5-ти тт. Т. 5. Л., 1933. С. 325.

615

Из письма В. В. Хлебникова к М. В. Матюшину // *Хлебников Велимир.* Неизданные произведения. М., 1940. С. 364.

Маяковский В. В. В. В. Хлебников // Маяковский В. В. Полн. собр. соч.: в 13-ти тт. Т. 12. М., 1959. С. 28.

617

Лившиц Б. К. Полутораглазый стрелец. Стихотворения. Переводы. Воспоминания. Л., 1989. С. 412.

Андрей Белый. Начало века. М., 1990. С. 165.

Шкловский В. Б. // В. Маяковский в воспоминаниях современников. М., 1963. С. 191.

Чуковский К. И. Дневник. 1930–1969. М., 1994. С. 356.

621

Мандельштам Н. Я. Вторая книга. М., 1990. С. 82–83.

Мандельштам О. Э. Соч.: в 2-х тт. Т. 2. М., 1990. С. 275.

Олеша Ю. К. Книга прощания. М., 2001. С. 412.

624

См.: «Счастье литературы». Государство и писатели. 1925–1938. Документы / Сост. Д. Л. Бабиченко. М., 1997. С. 281.

625

Митурич П. Последние дни Хлебникова / Вст. слово, публикация и коммент. М. Митурича-Хлебникова // Арион. 1994. № 4. С. 107.

Там же. С. 110.

627

Там же.

Гиляровский В. А. Москва и москвичи. М., 1981. С. 336.

629

Наседкин В. Ф. // С. А. Есенин в воспоминаниях современников: в 2-х тт. М., 1986. Т. 2. С. 306.

Никитин Н. // Там же. С. 128.

631

Шершеневич В. Г. Великолепный очевидец // «Мой век, мои друзья и подруги»: Воспоминания Мариенгофа, Шершеневича, Грузинова. М., 1990. С. 627.

Либединский Ю. Н. // С. А. Есенин в воспоминаниях современников: в 2-х тт. М., 1986. Т. 2. С. 155.

633

Тихонов Н. С. Перекресток утопий. Стихотворения. Эссе. 1913–1929. М., 2002. С. 5–6.

Литературная газета. 1946. 20 июня. С. 2.

635

Цветаева А. И. Воспоминания о Павлике Антокольском // Воспоминания о П. Антокольском. Сборник. М., 1987. С. 35.

636

См.: *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: в 10-ти тт. Т. 10. С. 507.

637

Тихонов Н. С. Перекресток утопий. Стихотворения. Эссе. 1913–1929. М., 2002. С. 7, 9.

Каверин В. А. Эпилог. М., 1989. С. 267.

639

Тынянов Ю. Н. Промежуток (1924) // Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино. М., 1977.

Тихонов Н. С. Перекресток утопий. Стихотворения. Эссе. 1913–1929. М., 2002. С. 321–331.

Балуашвили В. Тихонов и Грузия // Творчество Николая Тихонова. Л., 1973.

642

Пастернак Б. Л. Воздушные пути. Проза разных лет. М., 1982. С. 455.

Вильмонт Н. Н. О Борисе Пастернаке: Воспоминания и мысли. М., 1989. С. 38–39.

Данин Д. С. Это пребудет с нами: Из «Книги без жанра» // Русская речь. 1990. № 1. С. 38.

645

Багрицкий Э. Г. Из статьи «Как я пишу» // *Багрицкий Э.* Стихотворения и поэмы. СПб., 2000. С. 233.

Гинзбург Л. Я. О старом и новом. Л., 1982. С. 354.

Тихонов Н. С. Перекресток утопий. Стихотворения. Эссе. 1913–1929. М., 2002. С. 331.

Подробнее см., например, *Гаспаров М. Л.* Метр и смысл. Об одном из механизмов культурной памяти. М., 1999.

Гинзбург Л. Я. О старом и новом. Л., 1982. С. 355.

Флейшман Л. С. Борис Пастернак в двадцатые годы. СПб., 2003. С. 145–184.

651

Цветаева А. И. Воспоминания о Павлике Антокольском // Воспоминания о П. Антокольском. Сборник. М., 1987. С. 36.

Чуковский К. И. Дневник. 1930–1969. М., 1994. С. 233.

Тарловский М. Багрицкий и животный мир // Багрицкий 1973.

Олеша Ю. К. Избранные сочинения. М., 1956. С. 26, 101.

655

Литературная газета. 1933. 17 мая. С. 4.

Олеша Ю. К. Книга прощания. М., 2001. С. 33.

657

Там же.

Литературная газета. 1933. 29 мая. С. 4.

659

Литературная газета. 1933. 5 июня. С. 2.

Герасимов С. А. // Воспоминания о Юрии Олеше. М., 1975. С. 101.

Никулин Л. // Там же. С. 67.

Эрлих А. Нас учила жизнь. М., 1960. С. 78.

663

Никулин Л. // Воспоминания о Юрии Олеше. М., 1975. С. 67.

Олеша Ю. К. Книга прощания. М., 2001. С. 312.

Никулин Л. // Воспоминания о Юрии Олеше. М., 1975. С. 67.

666

Юрий Олеша. Беседа с читателями // Литературный критик. 1935. № 12. С. 159.

Чудакова М. О. Литература советского прошлого. М., 2001. С. 13–73.

668

Цит. по: *Пастернак Б. Л.* Воздушные пути. Проза разных лет. М., 1982. С. 247.

669

Олеша Ю. К. Книга прощания. М., 2001. С. 25.

Ямпольский Б. Да здравствует мир без меня // Дружба народов. 1989. № 2. С. 147.

Катаев Валентин. Трава забвенья. М., 2000. С. 262.

Овчинников И. // Воспоминания о Юрии Олеше. М., 1975. С. 52.

Олеша Ю. К. Книга прощания. М., 2001. С. 124.

См.: *Ги де Мопассан.* Полн. собр. соч.: в 12-ти тт. Т. 12. М., 1958. С. 253.

675

Литературная газета. 1946. 7 сентября. С. 3.

676

РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 15. Ед. хр. 782. Л. 123.

677

См.: Доклад т. Жданова о журналах «Звезда» и «Ленинград» // Звезда. 1946. — 7–8. С. 8, 9.

Там же. С. 10, 11.

Правда. 1947. 27 июня. С. 2.

Каверин В. А. Эпилог. М., 1989. С. 61–62.

681

Чуковский К. И. Дневник. 1930–1969. М., 1994. С. 366.

Чуковский К. И. Собр. соч.: В 15 т. Т. 5. М., 2001. С. 412.

683

Там же.

Слонимский Мих. // Воспоминания о Михаиле Зощенко. СПб., 1995. С. 93.

685

См.: *Сидельникова Т.* Валентин Катаев. Очерк жизни и творчества. М., 1957. С. 56.

См.: *Томашевский Ю. В.* Хронологическая канва жизни и творчества Михаила Зощенко // Лицо и маска Михаила Зощенко. М., 1994. С. 346–347.

Иванов Вс. Дневники. М., 2001. С. 23.

688

Михаил Зощенко и Юрий Олеша. Весна 1930 года / Предисл. и публ. Т. М. Вахитовой // Михаил Зощенко. Материалы к творческой биографии. Кн. 3. СПб., 2002. С. 197.

689

РГАЛИ. Ф. 1723. Оп. 3. Ед. хр. 1. Л. 29.

Ардов В. // Воспоминания о Михаиле Зощенко. СПб., 1995. С. 301.

691

РГАЛИ. Ф. 601. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 79.

692

Лев Лунц и «Серапионовы братья» / Публ. и коммент. Г. Керна // Новый журнал. Нью-Йорк, 1966. Кн. 82. С. 164.

693

См., например, *Зощенко М. М.* Уважаемые граждане / Подг. М. З. Долинский. М., 1991. С. 581, 594.

Петров Е. Мой друг Ильф. М., 2001. С. 227.

695

РГАЛИ. Ф. 519. Оп. 1. Ед. хр. 28. Л. 1. об.

Там же. Л. 3.

Катаев Валентин. Трава забвенья. М., 2000. С. 234–236.

Катаев В. П. Уже написан Вертер / Реальный коммент. к повести С. З. Лущика. Одесса, 1999. С. 140–186.

699

Каверин В. // Воспоминания о Михаиле Зощенко. СПб., 1995. С. 121.

Мунблит Г. // Там же. С. 231.

Эвентов И. // Там же. С. 361.

Хин Евгения // Там же. С. 192.

703

Олеша Ю. К. Книга прощания. М., 2001. С. 199.

См., например, *Зощенко М. М.* Уважаемые граждане / Подг. М. З. Долинский. М., 1991. С. 594.

705

Запевалов В. Н. Документальные материалы М. М. Зощенко в Пушкинском Доме // Михаил Зощенко. Материалы к творческой биографии. Кн. 1. СПб., 1997. С. 9.

Носкович-Лекаренко Н. // Вспоминая Михаила Зощенко. СПб., 1995. С. 302.

Личность М. Зощенко по воспоминаниям его жены (1916–1929) / Публ. Г. В. Филиппова // Михаил Зощенко. Материалы к творческой биографии. Кн. 1. СПб., 1997. С. 69.

Чудакова М. О. Поэтика Михаила Зощенко // Чудакова. С. 101–105.

Кадаш Т. Гоголь в творческой рефлексии Зощенко // Лицо и маска. С. 279–291.

См.: Лицо и маска Михаила Зощенко. М., 1994. С. 348.

711

См.: *Слонимский М. Л.* Завтра. Проза. Воспоминания. Л., 1987. С. 551.

Чудакова М. О. Литература советского прошлого. М., 2001.

713

См.: Горький и советские писатели. Неизданная переписка. Литературное наследство. Т. 70. М., 1963. С. 375–376.

Чуковский К. И. Собр. соч.: В 15 т. Т. 5. М., 2001. С. 412–413.

Кондратович А. Новомирский дневник. М., 1991. С. 170.

Чалова Л. // Воспоминания о Михаиле Зощенко. СПб., 1995. С. 351.

717

Анненков Ю. П. Михаил Зощенко // Анненков Ю. П. Дневник моих встреч. М., 2001. С. 244.

Каверин В. А. Эпилог. М., 1989. С. 62.

719

Слонимская И. // Воспоминания о Михаиле Зощенко. СПб., 1995. С. 143.

720

РГАЛИ. Ф. 358. Оп. 2. Ед. хр. 730. Л. 1–2.

721

Михаил Зощенко и Юрий Олеша. Весна 1930 года. / Предисловие и публикация Т. М. Вахитовой // Михаил Зощенко. Материалы к творческой биографии. Кн. 3. Спб., 2002. С. 112–122.

Даугава. 1988. № 3. С. 116.

723

Вахитова Т. М. «Русский денди» в эпоху социализма: Валентин Стенич // Михаил Зощенко. Материалы к творческой биографии. Кн. 2. СПб., 2001. С. 169–202.

Достоевский Ф. М. Собр. соч.: В 15 т. Т. 5. Л., 1989. С. 485.

Гитович С. // Воспоминания о Михаиле Зощенко. СПб., 1995. С. 284.

Левитин М. // Там же. С. 299.

Иванов Вяч. Вс. Голубой зверь (Воспоминания) // Звезда. 1995. № 1. С. 187.

Иванов Вс. Дневники. М., 2001. С. 389.

729

См.: *Шугуров Л. М.* Автомобили России и СССр. Ч. 1. М., 1993. С. 172.

Ермилов В. Новый роман Валентина Катаева // Литературная газета. 1949. 8 октября. С. 2.

731

Бубеннов М. О новом романе В. Катаева «За власть Советов» // Правда. 1950. 17 января. С. 4.

Рыбаков А. Н. Роман-воспоминание. М., 1997. С. 221.

733

Литературная газета. 1950. 31 декабря. С. 1.

734

Большая Советская энциклопедия. Т. 20. М., 1953. С. 347.

735

Зощенко М. М. Уважаемые граждане / Подг. М. З. Долинский. М., 1991. С. 594.

736

См.: *Запевалов В. Н.* Документальные материалы М. М. Зощенко в Пушкинском Доме // Михаил Зощенко. Материалы к творческой биографии. Кн. 1. СПб., 1997. С. 11.

Там же. С. 12.

Минчковский Арк. // Воспоминания о Михаиле Зощенко. СПб., 1995. С. 407.

739

Литературные шушу(т)ки. Литературные секреты. М., 1928. С. 7.

Пастернак З. Н. Воспоминания. М., 1993. С. 357.

Масленикова З. А. Борис Пастернак: Встречи. М., 2001. С. 76.

См.: Существованья ткань сквозная: Б. Пастернак: Переписка с Е. Пастернак. М., 1998. С. 157.

743

Чуковский К. И. Дневник. 1930–1969. М., 1994. С. 288.

Масленикова З. А. Борис Пастернак: Встречи. М., 2001. С. 148.

Там же. С. 152.

Существованья ткань сквозная: Б. Пастернак: Переписка с Е. Пастернак. М., 1998. С. 541.

Подробнее об этом см., например: Русская речь. 1990. № 1. С. 12, 15.

Пастернак Б. Л. Воздушные пути. Проза разных лет. М., 1982. С. 481.

749

Бабина Б. А. Февраль 1922 / Публ. В. Захарова // Минувшее. Исторический альманах. 2. М., 1990. С. 25.

750

РГАЛИ. Ф. 1723. Оп. 1. Ед. хр. 7. Л. 125.

Буденный С. М. Бабизм Бабеля из «Красной нови» // Октябрь. 1924. № 3. С. 196.

752

Новое о Маяковском. Литературное наследство. Т. 55. М., 1958. С. 51–52.

Незнамов П. В. // В. Маяковский в воспоминаниях современников. М., 1963. С. 370.

См.: Читатель и писатель. 1928. 18 февраля.

Шкловский В. Б. // И. Бабель. Воспоминания современников. М., 1972. С. 272.

756

Цит. по: Горький и советские писатели. Неизданная переписка. Литературное наследство. Т. 70. М., 1963. С. 38.

Ходасевич В. Портреты словами. Очерки. М., 1987. С. 253.

758

Чукоккала. Рукописный альманах К. Чуковского. М., 1979. С. 335.

759

Катаев Валентин. Трава забвенья. М., 2000. С. 389–390.

760

И. Бабель. О творческом пути писателя / Публ. Вяч. Нечаева // Наш современник. 1964. № 4. С. 98, 99.

Вопросы литературы. 2001. Март—Апрель. С. 205.

762

Цит. по: *Багрицкий Э.* Стихотворения и поэмы. СПб., 2000. С. 262.

763

Анненков Ю. П. Михаил Зощенко // Анненков Ю. П. Дневник моих встреч. М., 2001. С. 243.

764

См.: *Бабель И.* Пошлость — вот наш враг // Правда. 1934. 25 августа. С. 4.

765

Шкловский В. Б. Гамбургский счет. Статьи. Воспоминания. Эссе (1914–1933). М., 1990. С. 414–415, 416–417.

Эренбург И. Г. // И. Бабель. Воспоминания современников. М., 1972. С. 60.

Чуковский К. И. Дневник. 1930–1969. М., 1994. С. 333.

Шкловский В. Б. // И. Бабель. Воспоминания современников. М., 1972. С. 275.

769

И. Бабель. О творческом пути писателя / Публ. Вяч. Нечаева // Наш современник. 1964. С. 99.

770

РГАЛИ. Ф. 1723. Оп. 1. Ед. хр. 7. Л. 125.

771

Финк В. // И. Бабель. Воспоминания современников. М., 1972. С. 149.

Фурманов Д. Из дневника писателя. М., 1934. С. 83.

Поварцов С. Исаак Бабель: портрет на фоне Лубянки // Вопросы литературы. 1994. Вып. 3

Флейшман Л. С. Об одном нераскрытом «преступлении» Бабеля // Поэтика. История литературы. Лингвистика. Сборник к 70-летию Вяч. Вс. Иванова. М., 1999.

775

Эренбург И. Г. // И. Бабель. Воспоминания современников. М., 1972. С. 61.

776

И. Бабель. О творческом пути писателя / Публ. Вяч. Нечаева // Наш современник. 1964. С. 97.

Там же. С. 100.

Бунин И. А. Горький (1936) // Бунин И. А. Окаянные дни. Воспоминания. Статьи. М., 1990. С. 239–240.

779

Шкловский В. Б. Бабель. Критический романс (1924) // Шкловский. С. 367.

Жолковский А. К. Как сделан Мопассан Бабеля // Новое литературное обозрение. № 4 (1993). С. 223–224.

781

И. Бабель. О творческом пути писателя / Публ. Вяч. Нечаева // Наш современник. 1964. № 4. С. 100.

См.: *Степанов Ник.* Новелла Бабеля // И. Э. Бабель. Статьи и материалы. Л., 1928. С. 27.

783

Шкловский В. Б. Гамбургский счет. Статьи. Воспоминания. Эссе (1914–1933). М., 1990. С. 367.

Нюренберг А. // И. Бабель. Воспоминания современников. М., 1972. С. 196.

Ходасевич В. // И. Бабель. Воспоминания современников. М., 1972. С. 95.

Мандельштам Н. Я. Вторая книга. М., 1990. С. 52, 104.

Ходасевич В. М. // И. Бабель. Воспоминания современников. М., 1972. С. 96–97.

Стах Т. // Там же. С. 212–213.

Пирожкова А. Н. // Там же. С. 362.

См.: *Ваксберг А.* Процессы // Литературная газета. 1988. 4 мая. С. 12.

Бабель И. Э. Гюи де Мопассан // Бабель И. Э. Конармия. Рассказы. Дневники. Публицистика. М., 1990. С. 427.

См.: *Олеша Ю. К.* Избранные сочинения. М., 1956. С. 275.

793

Михаил и Елена Булгаковы. Дневник Мастера и Маргариты. М., 2001. С. 364.

Чудакова М. О. Жизнеописание Михаила Булгакова. М., 1988. С. 427–461.

795

Письма: Жизнеописание в документах / Михаил Афанасьевич Булгаков; Сост.: В. И. Лосев и В. В. Петелин. М., 1989. С. 278–279.

Михаил и Елена Булгаковы. Дневник Мастера и Маргариты. М., 2001. С. 417.

Там же. С. 551.

Там же. С. 460–461.

Чудакова М. О. Жизнеописание Михаила Булгакова. М., 1988. С. 472.

800

Файко А. // Воспоминания о Михаиле Булгакове. М., 1988. С. 352.

801

Цит. по: *Михаил и Елена Булгаковы.* Дневник Мастера и Маргариты. М., 2001. С. 458.

802

Цит. по: *Чудакова М. О.* Жизнеописание Михаила Булгакова. М., 1988. С. 477.

803

Габрилович Е. // Воспоминания о Михаиле Булгакове. М., 1988. С. 346.

Ермолинский С. // Там же. С. 482.

805

Письма: Жизнеописание в документах / Михаил Афанасьевич Булгаков; Сост.: В. И. Лосев и В. В. Петелин. М., 1989. С. 493–496.

Олеша Ю. К. Книга прощания. М., 2001. С. 232.

807

Цит. по: *Мандельштам О. Э.* Соч.: в 2-х тт. Т. 2. М., 1990. С. 171.